

Историческая библиотека

ЛЕВ
ГУМИЛЕВ

ОТКРЫТИЕ
ХАЗАРЫ

«Открытие Хазарии» - известная книга Льва Николаевича Гумилева, в которой исследуется история зарождения, расцвета и загадочного исчезновения с карты Евразии могущественного соседа и соперника Древней Руси - Хазарского каганата.

В приложениях представлены: эссе «Зигзаг истории» (1987), а также статьи «Сказание о хазарской дани» (1974) и «Трагедия на Каспии в X веке» и «Повесть временных лет» (1988), близкие по тематике к исследуемой проблеме.

Лев Николаевич Гумилев

Открытие Хазарии (историко-географический этюд)

Мысли и чувства автора, возникшие во время пятилетнего путешествия по Хазарии, как в пространстве, так и во времени, или биография научной идеи. Написана в 1965 г. н. э., или в 1000 г. от падения Хазарского каганата, и посвящена моему дорогому учителю и другу Михаилу Илларионовичу Артамонову.

Введение

Читатель, исторически образованный, знает, что хазары были могучим народом, жившим в низовьях Волги, исповедовавшим иудейскую веру и в 965 г. побежденным киевским князем Святославом Игоревичем. Читатель – историк или археолог – ставит множество вопросов: каково было происхождение хазар, на каком языке они говорили, почему не уцелели их потомки, каким образом они могли исповедовать иудейство, когда оно было религией, обращение в которую запрещалось ее же собственными канонами, и, самое главное, как соотносились между собой собственно хазарский народ, страна, им населенная, и огромное Хазарское царство, охватывавшее почти всю Юго-Восточную Европу и населенное многими народами?

В числе подданных хазарского царя были камские болгары, бургасы, сувары, мордва-эрзя, черемисы, вятичи, северяне и славяне-поляне. На востоке это царство граничило с Хорезмом, т. е. владело Мангышлаком и Устюртом, а значит, и всеми степями Южного Приуралья.

На юге пограничным городом был Дербент, знаменитая стена которого отделяла Закавказье от хазарских владений. На западе весь Северный Кавказ, Степной Крым и причерноморские степи до Днестра и Карпат подчинялись хазарскому царю, хотя их населяли отнюдь не хазары, а аланы, касоги (черкесы), печенеги и венгры, еще не перебравшиеся на свою теперешнюю территорию.

Но границы государства почти никогда не совпадают с границами расселения того народа, который это государство создал. Они бывают то уже, то шире, в зависимости от военных успехов или неудач. Очерченная нами территория была границей царства, а где жил сам хазарский народ – письменные источники не указывают.

Больше того, раскопанная профессором М. И. Артамоновым крепость на Дону, которую он отождествил с Саркелом, одной из хазарских крепостей, упомянутой и в русских летописях, и в византийских хрониках, не имеет археологических остатков, которые бы можно было отнести непосредственно к хазарам [6, с. 27 и след.]. В дохазарское время здесь было аланское поселение, после хазар – русский город Белая Вежа, а во время расцвета хазарского могущества – крепость, гарнизон которой состоял из трехсот наемных воинов, сменявшихся ежегодно [51, с. 20]. Могилы вокруг крепости принадлежат кочевникам – гузам или печенегам, очевидно служившим в хазарском войске [65, с. 153 и след.]. И в других местах, где побывали археологи, памятники хазарского времени относятся к подданным хазарского царя, а не к самим хазарам. Поэтому все, что известно историкам, касается хазарского государства в целом, но территория, где жил хазарский народ, отнюдь не совпадает с границами всей империи хазарского кагана^[1].

Название «хазары» было известно уже первому русскому летописцу, автору «Повести временных лет», и с тех пор оно упоминалось в русской исторической литературе неоднократно. Однако кто такие хазары и что такое Хазария – никто толком не знал, потому что, в отличие от прочих народов, имевших предков и потомков, у хазар ни тех, ни других не было обнаружено. Больше того, народность, в течение почти целого тысячелетия обитавшая в такой хорошо изученной местности, как междуречье Волги, Дона и Терека, где, согласно всем летописным источникам, помещался Хазарский каганат, почему-то не оставила после себя никаких археологических памятников. Хазары, как и все прочие люди, ели и пили и, конечно, били посуду, а где же черепки – материал, всегда являющийся первой находкой археологов? У хазар было два крупных города: Итиль на Волге и Семендер на Тереке – а где их остатки? Хазары умирали – куда девались их могилы? Хазары размножались – с кем слились их потомки? И наконец – где располагались поселения хазар, те самые «села и нивы», которые киевский князь

Олег, по словам А. С. Пушкина, «обрек мечам и пожарам». Это все долго оставалось неизвестным!

Обычно территорию, на которой обитал когда-то какой-либо народ, подлежащий изучению, находят без труда. Иногда бывают споры об определении границ области расселения и времени заселения тех или иных местностей, но это детали все той же проблемы. Зато восстановление истории народа встречается с разнообразными и не всегда преодолимыми трудностями. При разрешении хазарского вопроса все получилось как раз наоборот.

Соседние народы оставили о хазарах огромное количество сведений, иногда совпадающих, а иногда исключаящих друг друга. Византийские греки заключали с хазарами союзы и посылали к ним православных миссионеров; персы и арабы воевали с хазарами, но мусульманские купцы имели в хазарских столицах собственные кварталы; русские из Киева и Чернигова платили хазарам дань обоюдоострыми мечами, а собравшись с силами, в 965 г. прошли насквозь Хазарию, рубя такими же мечами хазарские головы.

Писали о хазарах армяне и грузины, испытывавшие бедствия от их вторжений. Но, пожалуй, документом, дающим самые исчерпывающие сведения о хазарском народе, было письмо хазарского царя Иосифа в Испанию к сановнику халифа Абдрахмана III, Хасдаи ибн Шафруту, написанное в середине X в.

На основе этих многочисленных документов мой учитель и друг, профессор Михаил Илларионович Артамонов написал капитальную работу «История хазар», но география этой страны по-прежнему оставалась в первобытном состоянии. Таким образом, усугубилась странная диспропорция: мы легко можем прочесть, какие победы одерживали хазары и какие поражения они терпели, но, как было уже сказано, о том, где они жили, каковы были их быт и культура, представления не имеем.

Один из русских просветителей XVIII в., Н. И. Болтин, писал: «При всяком... шаге историка, не имеющего в руках географии, встречается протыкание», и «неоспоримо есть, что история и география взаимное друг другу делают пособие, то есть одна другой неясности и недостатки уясняет и пополняет» [цит. по: 89, с. 274—275]. Для политической истории это аксиома! Для того чтобы уяснить ход той или иной битвы, в ряде случаев следует учитывать такие, на первый взгляд второстепенные, подробности, как, например, рельеф местности и время года (так как известны случаи, когда невылазная грязь задерживала атакующий строй); отсутствие источников воды, заставлявшее менять позиции; наличие холмов или оврагов, препятствующих построению войск. Еще важнее представлять себе всю область, через которую наступают или отступают войска. Знания карты местности слишком мало. Если это пустыня или залитая водой речная долина, то по карте не определишь ее истинного характера, а на местности, рассматриваемой под определенным, интересующим нас углом зрения, все детали бросаются в глаза.

Затем, ландшафт всегда определяет вид и способы хозяйства. Длинный спор о том, были ли хазары кочевниками или земледельцами, решил бы, если бы стало известно, где располагались их поселки: в сухих степях, окружающих нижнее течение Волги, или в речных долинах? Но при разрешении этого вопроса следовало учитывать и то, что на протяжении двух тысячелетий ландшафт не оставался неизменным. Причин этого явления существует такое же множество, как и попыток их определения. Одно ясно – менялся характер увлажнения, а следовательно, передвигалась береговая линия Северного Каспия, где суша плавно переходит в мелкое море.

Равным образом степи в периоды засух превращались в песчаные пустыни с высокими барханами и глубокими котловинами выдувания, а во влажные периоды они зарастали степными травами и зарослями тамариска, превращаясь в рай для пастухов и их овец. Соотношение сил между степняками и жителями речных долин менялось и чувствительно отражалось на истории Нижнего Поволжья.

И еще – известно по описаниям путешественников, что Хазария активно торговала с Персией, Хорезмом и Византийской империей на юге, с Русью, Великой Болгарией и Великой Пермью (Биармией скандинавских саг) на севере. Но как проходили с юга на север персидские купцы, менявшие серебро на драгоценные меха? Шли ли они через бесплодные пустыни Приаралья или плыли через бурные каспийские воды, с тем чтобы подняться вверх по Волге? В обоих случаях есть «за» и «против», да и неясно, не менялись ли маршруты за долгие годы существования Хазарского каганата: в годы его величия и в годы глубокого разложения? А где располагались перевалочные пункты, цветущие города Итиль и Семендер, в которых купцы и путешественники отдыхали в зеленых садах и запасались пищей для второй половины нелегкого пути?

Наконец, почему мужественные русы на своих легких ладьях до начала X в. не трогали Хазарию и не бороздили зеленые волны Каспийского моря? Ведь в Черном, Северном и Средиземном морях они появились на сто лет раньше. И как случилось, что в XIII в., когда хазар еще видел итальянский монах Плато Карпини, страна Хазария стала никому не известной землей? И... но пока довольно! Мы очертили круг вопросов, на которые история самостоятельно ответить не может, уступая свое поприще исторической географии.

Хотя источники по хазарской истории были известны давно и изучались весьма тщательно, мнения ученых об их культуре, языке, территории, образе жизни не были единодушны. Крайние точки зрения были сформулированы знаменитым ориенталистом середины XIX в. В. В. Григорьевым и нашим современником – академиком Б. А. Рыбаковым. Первая концепция, высказанная в 1834 г., исходя из сведений арабских источников VIII – X вв., только что попавших в исторический обиход, идеализирует Хазарский каганат: «Необыкновенным явлением в средние века был народ хазарский. Окруженный племенами дикими и кочующими, он имел все преимущества стран образованных: устроенное правление, обширную, цветущую торговлю и постоянное войско.

Когда величайшее безначалие, фанатизм и глубокое невежество оспаривали друг у друга владычество над Западной Европой, держава хазарская славилась правосудием и веротерпимостью, и гонимые за веру стекались в нее отовсюду. Как светлый метеор, ярко блистала она на мрачном горизонте Европы и погасла, не оставив никаких следов своего существования» [69, с. 66]. Отсутствие «следов существования» действительно заставляет усомниться в выводе В. В. Григорьева.

Последний раз хазары упомянуты в XIII в. среди народов, покорившихся хану Батью [67, с. 46, 57, 72]. Эта эпоха уже хорошо известна. Не только арабские купцы и русские летописцы, но и итальянские монахи-миссионеры, наблюдательные и образованные, описывали с разных точек зрения природу и население прикаспийских степей, в том числе и хазар. Но они всегда как-то обходили вопрос о хазарской территории, на которой должны были сохраниться памятники материальной культуры. Мало этого, культурное развитие всегда связано с письменностью, у всех соседей хазар – греков, армян, персов, арабов, русских – существовала развитая литература, а от хазар остались лишь три эпистолы, написанные на еврейском языке [\[50\]](#). И так ли уже хорошо было устроено у хазар правление, если одного похода русского князя оказалось достаточно для полного разгрома великой державы? И куда мог исчезнуть народ, пользовавшийся благами торговли и содержавший постоянное войско? Нет, тут что-то не так.

Диаметрально противоположна точка зрения Б. А. Рыбакова. Он называет Хазарию «небольшим полукочевническим государством» «паразитарного характера», жившим за счет транзитной торговли, «хищнически пользуясь выгодами своего положения». Он помещает центр Хазарии в калмыцкой степи и указывает, совершенно правильно, что там нет «археологических следов хазарских городов» [72, с. 131]. Там их действительно нет.

Самое интересное, что скепсис Б. А. Рыбакова базируется на тех же самых источниках, что и восторженность В. В. Григорьева. Это отнюдь не свидетельствует о неумении ученых пользоваться сведениями древних авторов, но нельзя не признать, что поскольку возможны столь различные заключения, то, значит, имеющихся источников недостаточно.

С Б. А. Рыбаковым согласиться невозможно, ибо еще до того, как торговля пошла по волжскому пути, хазары уже имели сильное и отнюдь не наемное войско, спасшее в 627—628 гг. императора Ираклия от разгрома. «Паразитарно» процветать могла только правящая верхушка, а кроме нее был народ, живший за счет собственного хозяйства и продолжавший существовать после 965 г., т. е. после уничтожения каганата. Наконец, отсутствие археологических памятников в степях говорит только о том, что их надо искать в другом месте.

В отличие от В. В. Григорьева и Б. А. Рыбакова М. И. Артамонов рассматривает историю хазар в динамическом становлении. Он тщательно выделяет «городской» период, когда правящая верхушка Хазарии, чуждая народу по крови и религии, богатели за счет торговли, опираясь на наемных гвардейцев-туркмен. Равным образом он констатирует, что кочевой быт, описанный в «Хазарско-еврейской переписке», был связан с обычаями ханского рода, принадлежавшего к тюркской династии Ашина, не оставившей своих традиций. Этот автор оставляет открытыми все неясные уже перечисленные нами вопросы о хазарском народе, так как имевшийся в его распоряжении материал не давал ему оснований для категорических суждений. Поэтому М. И. Артамонов отмечает: «До сих пор точно не установлено местонахождение главнейших городов Хазарии – Итиля и Семендера, неизвестны их вещественные остатки. Не обнаружены не только могилы хазарских каганов, но, вообще, неизвестны собственно хазарские погребения» [7, с. 412].

Иными словами, до сих пор не была открыта территория, на которой жил собственно хазарский народ, хотя довольно точно были известны границы Хазарского каганата.

Этими тремя концепциями, по существу, исчерпаны варианты решений хазарской проблемы. Несмотря на обширную литературу вопроса, все прочие мнения либо могут быть сведены к одной из трех изложенных концепций, либо лежат в промежутках между ними. Большая же часть сочинений посвящена частным вопросам хазарско-византийских, хазарско-русских, хазарско-арабских отношений или уточнению отдельных хронологических деталей и не имеет каких-либо концепционных обобщений.

Поэтому разбор этих работ мы не приводим, отсылая читателя к книге М. И. Артамонова [7, с. 7—37].

А как разобраться в этом читателю-неспециалисту, если он вдруг захочет узнать не о большой и долговременной научной полемике, а о самих хазарах? Если даже в массе книг и статей среди многих точек зрения есть одна верная, то неподготовленный читатель не сможет отличить ее от других, ложных. Единственный способ помочь ему – это провести его, как Вергилий вел Данте, за руку по всем дебрям мнений и сомнений, неудач, заставляющих ученого бросать проторенные пути исследований и успехов, окрыляющих и толкающих вперед, дав таким образом читателю возможность составить собственное мнение.

Так и построена эта книга. Она – биография научного открытия. Поэтому в ней равное место уделено описанию предмета и способа исследования, археологическим находкам и встречам с коллегами, кропотливому изучению истории и мыслям, возникшим на первый взгляд случайно, «но оказавшимся плодотворными», детальным отчетам о маршрутах и впечатлениях от красот природы.

Все это смешивается и сливается в едином процессе исторического синтеза, и никогда нельзя сказать, что оказалось наиболее важным для постижения истины: изучение ли источников в подлинниках или переводах, чтение ли исторических работ современных ученых,

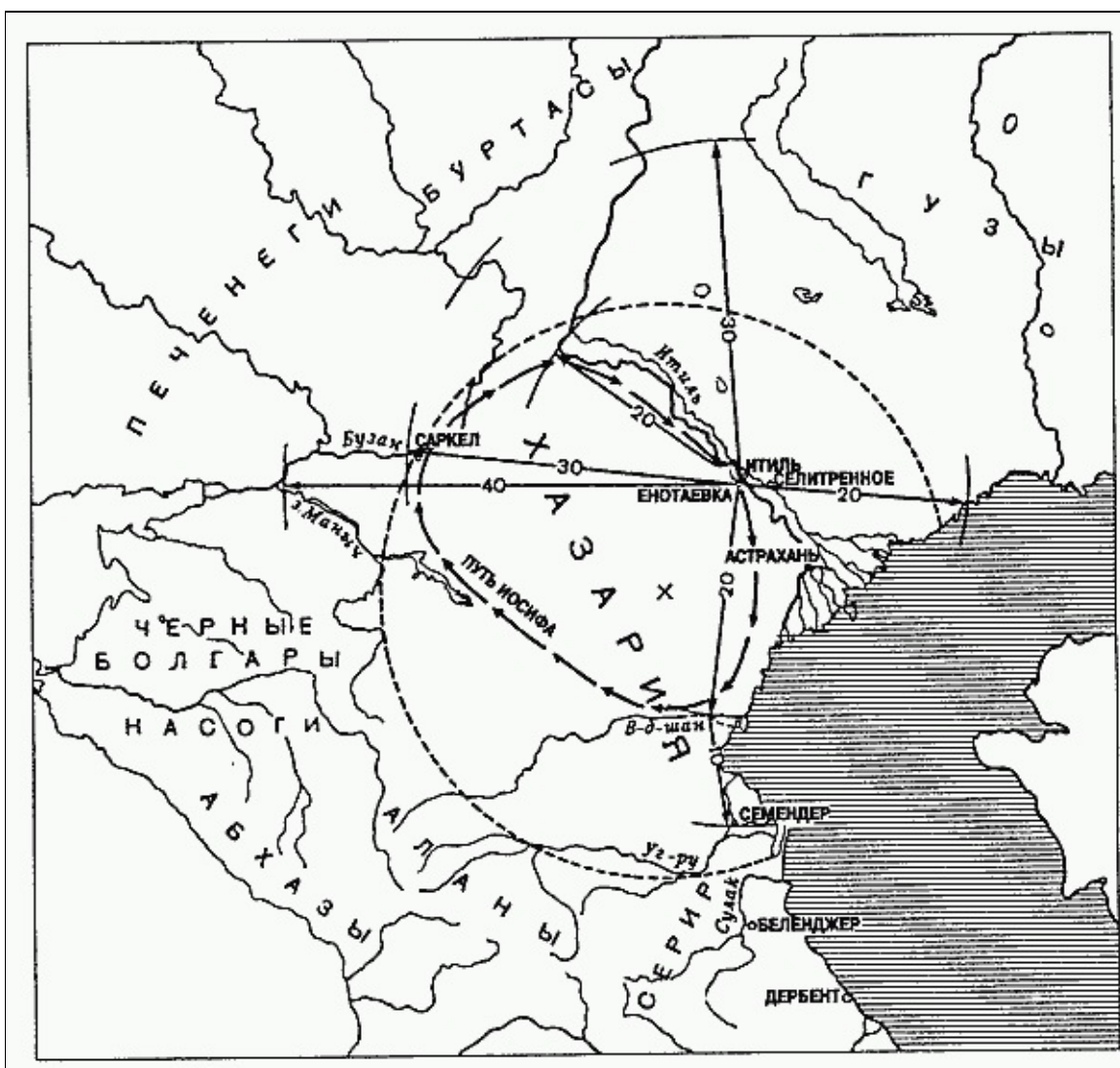
описание ли черепков и бус с древних городищ как под горячим южным солнцем, так и в тишине кабинета, а может быть, это беседа с ученым другом, специалистом в другой области, делившимся своими знаниями, или собственная ассоциация, родившаяся из долгого размышления наедине с собой.

Да не посетует на меня читатель, что в этой книге будет рассказано не только о хазарах и их стране, но также и о маршрутах и прочитанных книгах, о моих спутниках и собеседниках, о спорах и их решениях и даже обо мне самом.

Разговор первый (с М. И. Артамоновым)

В один из весенних дней 1959 г. я вошел в читальный зал библиотеки Эрмитажа и увидел профессора М. И. Артамонова, рассматривающего карту калмыцких степей. «Сколько километров в фарсах?» – мрачно спросил он меня. Я припомнил общепринятую величину – 5,5 км, но профессор буркнул: «Не выходит» – и пригласил меня к карте. Дело заключалось в следующем. Хазарский царь Иосиф в письме к Хасдаи ибн Шафруту описал ежегодную летнюю перекочевку своего двора. Весной он выезжал из своей столицы Итиль, расположенной на берегу Волги, и двигался на юг к реке В-д-шан. Затем он перекочевывал на север, очевидно избегая летней жары в засушливых прикаспийских районах, но двигался не домой, а к реке Бузан, отождествляемой с Доном, и оттуда возвращался к себе в Итиль, находившийся в 20 фарсах от Бузана [50, с. 103]^[21]. Тут же царь Иосиф сообщает расстояния от своей столицы до границ своего царства: на восток до Гирканского, т. е. Каспийского, моря – 20 фарсахов, на юг до реки Уг-ру – 30 фарсахов и на север до уже упомянутой реки Бузан и «до склона нашей реки к морю Гирканскому», т. е. до сближения излучин Дона и Волги в современном месте Волго-Донского канала, – 20 фарсахов. Таким образом, все расстояния исчисляются от столицы Итиля. Следовательно, для того чтобы найти место столицы, М. И. Артамонов построил на карте треугольник, упирившийся вершинами в реки Дон (Бузан), Волгу (Итиль) и Терек (Уг-ру), с длиной сторон, пропорциональной заданным расстояниям.

Однако установленная длина фарсаха – 5,5 км противоречила его построению. Если принять эту длину за основу и опереть вершины треугольника на Дон и пусть даже не на Терек, а на Куму и Маныч, то столица Хазарского каганата должна оказаться в степи Северной Калмыкии, около Сарпинских озер. Это одно противоречило источникам, помещавшим Итиль на берегу Волги, а кроме того, пропадала большая река В-д-шан, находившаяся на 10 фарсахов севернее пограничной реки Уг-ру [72, с. 141—145. Ср.: 7, с. 385—390]. Задача казалась неразрешимой, и именно это заставило моего учителя задуматься.

Хазария в X в. (по данным письма царя Иосифа)

И тут у меня внезапно вспыхнула далекая ассоциация. В молодости, еще в 1932 г., мне довелось работать в Таджикистане малярийным разведчиком. Работа заключалась в том, что я находил болотца, где выводились комары, наносил их на план и затем отравлял воду «парижской зеленью». Количество комаров при этом несколько уменьшалось, но уцелевших вполне хватало для того, чтобы заразить малярией не только меня, но и все население района. Однако я извлек из этой работы максимальную пользу, потому что освоил глазомерную съемку и разговорный таджикский язык. Так как при определении расстояний мне неоднократно приходилось обращаться к местным жителям, то я волей-неволей усвоил среднеазиатскую меру длины – чакрым. Определить длину чакрыма в метрах было невозможно: он был то длинный, то короткий, но в вариациях наблюдалась строгая закономерность. Если идти в гору или по болоту – чакрым короткий, если с горы или по хорошей дороге – длинный, а все прочие величины располагались между этими лимитами. Собственно говоря, чакрым был мерой не длины, а усилий, которые человек должен был затратить, чтобы достигнуть цели. Нельзя не признать, что такая система отсчета была очень удобна для местных жителей, хотя совершенно непригодна для картирования. И тут мне пришла в голову мысль, что таджикский «чакрым» не что иное, как персидский «фарсанг» (арабизированная форма – фарсах), и тогда следует учитывать не абстрактную длину, а проходимость путей-перекочевков. Длина фарсаха высчитана европейцами в условиях пересеченного рельефа Иранского плоскогорья, а в прикаспийских степях, гладких как стол, она должна быть куда больше. Мы тут же прикинули расстояния, построили треугольник, и оказалось, что при длине хазарского фарсаха 10 км река Уг-ру – Терек, река

Бузан – Дон, В-д-шан – Кума, а Итиль должен находиться на одном из берегов Волги между селами Енотаевкой и Селитренным.

Оставалось последнее: доказать, что фарсах действительно не определенная мера длины, а приблизительная, зависящая от рельефа и состояния дорог. В европейской литературе указаний на это нет, но дело было спасено персидским романом XIX в. «Путешествие Ибрагим-бека», написанным Зейн аль-Абидина Маргаи. Там описываются впечатления европеизированного перса-патриота, жившего в Александрии и посетившего родину своих предков. Он описывает Персию весьма мрачными красками, но среди прочего есть сентенция, что, мол, персидские арбакешы такие дикари, что даже расстояний мерить не умеют: и длинная и короткая дорога у них составляет «один фарсанг» [см. 57, с. 194]. Это соображение помогло решить вопрос, и вскоре М. И. Артамонов предложил мне ехать на берег Волги и отыскивать там столицу Хазарии, место которой он рассчитал с достаточной точностью. Я с восторгом согласился, и экспедиция была намечена на сентябрь 1959 г.

Согласно описаниям арабских и персидских географов [сводку сведений об Итиле см.: 88, с. 255—261] и письму царя Иосифа [50, с. 84—86, 102], Итиль был большим городом, располагавшимся на длинном, узком острове и обоих берегах Волги. С правым берегом остров был соединен мостом, а на левый нужно было переправляться на лодке. Размеры города у разных авторов разные и довольно неопределенные. Однако все подчеркивают, что город был обширным и многолюдным, хотя кирпичных зданий, за исключением ханского дворца, не было. Указано, что в городе было много деревьев, а стену, окружавшую город, сравнивали даже со стеной Ургенча [7, с. 394—397]. С одной стороны, количество признаков и авторитетных свидетельств как будто вполне достаточно, но с другой – непонятно, как мог такой памятник остаться незамеченным, когда даже остатки деревень не могут укрыться от острого глаза археолога.

Берега Волги населены густо, и если бы город располагался там, то, вероятно, был бы давно найден. И все-таки соображения М. И. Артамонова были столь убедительны, что для проверки их поехать на место, казалось, необходимо.

Путешествие 1959 г. Первая неудача

В начале сентября 1959 г. из Ленинграда выехала Астраханская археологическая экспедиция в составе: Лев Николаевич Гумилев – начальник экспедиции, Иштван Эрдеи и Василий Дмитриевич Белецкий – сотрудники экспедиции. В Москве к экспедиции примкнул студент-дипломник исторического факультета МГУ Андрей Николаевич Зелинский. Мы приняли его на должность рабочего и были потом очень рады, так как он оказался дельным работником и хорошим товарищем.

Как истые «полевики», мы начали вести свои первые наблюдения еще из окон астраханского поезда. Ранняя северная осень со слякотью и морозящими дождями осталась позади, как только мы переехали Волгу. Яркая голубизна неба как-то особенно гармонировала с палевой желтизной иссохших трав, припудренных тонкой пылью. Странно, но ни блеклость трав, ни пыль не казались ни скучными, ни безрадостными. Все было насквозь пропитано солнцем: и трава, и пыль, и меланхолические верблюды, и ветлы – мощные ивы с бледно-зелеными узкими листьями, трепетавшими под слабым дуновением ветерка. Степные травы намного калорийнее и питательнее свежей зелени северных болотистых лугов, и для прокорма стад домашних и диких животных их хватало. Тут я стал учиться «читать ландшафт» – искусство, определившее дальнейшую судьбу экспедиции.

В Астрахани мы задержались только до парохода, утром 8 сентября высадившего нас на пристани села Енотаевки, на правом берегу Волги.

Необходимо отметить, что Волга, текущая до Волгограда единым могучим потоком, после того как она поворачивает на юго-восток, растекается на два русла: западное – собственно Волга и восточное – Ахтуба. Между обоими руслами лежит длинная полоса суши, заливаемая при весенних половодьях. Этот зеленый остров, покрытый лугами и купаи ив, резко дисгармонирует с сухой степью правого берега Волги, где на растрескавшейся коричневой, суглинистой почве торчат только редкие кусты чахлой растительности. И все-таки все деревни расположены на высоком берегу Волги, потому что весенние паводки уничтожили бы любое строение, воздвигнутое в пойме. Поэтому мы не обратили внимания на чарующую зелень противоположного берега и направили маршруты на север, юг и запад, надеясь обнаружить остатки крепостных валов Итиля или по крайней мере черепки посуды, разбитой хазарскими женщинами.

Но мы не нашли ничего! Даже особенностей рельефа, отвечавшего описанию арабских географов. За три дня работ стало ясно, что на правом берегу Волги хазарской столицы не было^[3].

Но это еще не было неудачей! Для дальнейших поисков надо было перебраться на другую сторону, но переезд по прямому направлению был невозможен. Ширина поймы в этом месте – 18 км, а дорог через пойму нет. Пришлось спуститься на автобусе до села Сероглазка, переправиться на лодке через два протока: Волгу и Кирпичный ручей и добраться до автомобильной дороги на левом берегу Ахтубы.

Здесь мы попали словно в совершенно другую страну. Песчаная пустыня простиралась на восток; высокие барханы подступали к берегу реки и высились, как горы, недалеко от обнаженных склонов и обрывов прибрежных холмов, омываемых рекой. Здесь не было девственной пустоты Калмыцкой степи, наоборот – безлюдье дышало древностью. Это чувство, знакомое каждому опытному археологу, невозможно описать или передать. Присутствие находок ощущается всей поверхностью кожи, но это не всегда те находки, ради которых археолог отправился в путь. Нам попадались в изобилии красные, хорошо прожженные черепки

сосудов, сделанных на гончарном круге, иногда лазоревой или зеленой поливой. Это были следы татарских поселений XIII – XV вв.– окраины роскошной столицы ханов Золотой Орды – Сарая Бату-хана^[4].

Этот город – одна из столиц Восточной Европы – был огромен. Остатки домов встречаются на 5 км вглубь от реки и почти на 7 км вдоль берега Ахтубы. Большая часть зданий была разобрана еще в XVI в., и кирпичи пошли на постройку Астраханского кремля. Ныне сохранились только фундаменты, развалины да огромные сосуды типа амфор, вкопанные в землю и служившие хранилищами зерна. Мы тщательно обследовали весь берег Ахтубы, но следов хазарской или хотя бы дотатарской, грубой, лепной, плохо прожженной керамики тюрков VII – X вв. не нашли. Однако той уверенности, которую мы обрели на правом берегу Волги, тоже не появилось. Пески, перевеваемые ветрами, не могут удержать на поверхности осколки керамики. Она неизбежно проседает до твердого грунта и покоится под барханами. Иногда ветер раздувает глубокую котловину, и там можно найти просевшие черепки; но это дело случая. Может быть, рядом, метрах в пяти или десяти, есть скопление черепков, которые пролили бы свет на наши вопросы, а может быть, и там ничего не лежит – ведь под горой песка ничего не видно. Поэтому нельзя было сделать даже отрицательного заключения, т. е. вообще никакого, а это хуже всего. И тогда, в отчаянии от неудачи поисков, я сел на берегу реки и задумался. Мне показалось нелепым, что люди без большой нужды будут жить на высоком берегу, куда было так тяжело таскать из реки воду. Ведь гораздо удобнее жить около воды, на другом берегу Ахтубы, где в широкой пойме на зеленом лугу росли невысокие удивительно живописные ивы. Неужели вся пойма затопляется во время весенних половодий? Разве нет там высоких мест, пригодных для жизни? А всегда ли река так высоко поднималась, как теперь? И тут я принял решение, совершенно несообразное с точки зрения нормальной археологической разведки, – начать поиск города в пойме, где за последние 200 лет никто не построил ни одного дома, потому что каждую весну через эти великолепные луга прокатываются бушующие волны Волги.

Председатель сельсовета любезно разрешил экспедиции воспользоваться его рыбацкой лодкой, и мы, преодолевая неожиданно быстрое и мощное течение, переправились на левый берег Ахтубы и пошли вверх по течению, тщательно исследуя каждый метр земли.

Первое, на что мы наткнулись, был довольно высокий песчаный холм, на вершине которого стоял домик – птицеферма. Дом был в хорошем состоянии, и, значит, половодья ему не вредили. Самое интересное было все же не это, а то, что холм был эолового происхождения. Песок, образовавший его, был перенесен ветром из-за Ахтубы и почему-то выпал на одном только месте. Это могло быть лишь в том случае, если некогда на месте холма стояла стена или другая преграда, за которой образовывалось воздушное завихрение, куда опускался песок, во всех других случаях уносимый ветром дальше на запад. Отметив это, мы двинулись вверх по течению Ахтубы.

На наше счастье, в 1959 г. водой наполнялось Волгоградское море и уровень Ахтубы был ниже обычного. Поэтому ниже невысокого яра обнажилась широкая (около 20 м) полоса и сам яр просматривался, как на геологическом разрезе. Наверху, над яром, были найдены только обычные татарские черепки, но на обсохшей полосе начали попадаться лепные, грубые, плохо обожженные черепки IX – XI вв. Не было никакой возможности определить, как они там оказались: были ли перетащены водой? Осели ли они вместе с берегом? И вдруг – находка: черепок IX – XI вв. торчал из подмытого берега, точно датируя слой, в котором он лежал. А над ним 2,3 м речных наносов, образовавшихся, следовательно, за последнюю тысячу лет, потому что просесть через плотную аллювиальную глину маленький черепок не мог. А если так, то все наши поиски на поверхности бесплодны, ибо интересующий нас горизонт находится на глубине

2,3 м. Нам оставалось только одно – обследовать рельеф этого участка и определить, соответствует ли его конфигурация средневековым описаниям местности, где лежала столица Хазарии.

Напомню древнее описание: длинный остров с дворцом кагана, протока на западе настолько узкая, что через нее можно перекинуть мост, и широкая река на востоке. А что мы видим в исследуемом нами участке? Вдоль правого берега Ахтубы тянется высокая гряда, на нижнем конце которой описанный нами песчаный холм – птицеферма, а на верхнем – урочище «Мартышкин лес», незаливаемое даже при высоких паводках. Ширина гряды ныне около 70 м, но в прошлом она была шире, так как Ахтуба ежегодно ее подмывает. Эта гряда ограничена ныне с запада сухим руслом неширокой (около 50 м) древней реки. Когда река текла, перекинуть через нее мост можно было и средствами VIII в. Ахтуба, ограничивающая гряду с востока, широка, и переезжать ее можно только на лодках. Песчаный холм возник на месте разрушенного каменного строения, а прочие постройки из дерева и войлока в нынешней пойме были уничтожены волнами реки при поднятии ее уровня, о чем свидетельствует 2—3-метровый слой аллювиальной глины.

Если город был тут, то он уничтожен без остатка, и даже находка черепка в слое берегового обреза – счастливая случайность. Вместе с тем нигде по течению Ахтубы, вплоть до дельты, другой подходящей или даже похожей конфигурации рельефа нет. Это было установлено нами в следующем, 1960 г., когда сам характер и методика поисков радикально изменились. Итак, мы нашли место, где некогда стоял Итиль, но где не осталось даже его развалин.

И все-таки ни один археолог не считал бы экспедицию удачной. Полагается возвращаться не с соображениями или выводами, а с вещами, скелетами и планами городищ. А тут ценной находкой был только один черепок, вынутый из слоя. По этой ниточке надлежало либо распутать сложный узел хазарской проблемы, либо признать свою неудачу и больше не ездить в низовья Волги.

Разговор второй (с В. Н. Абросовым)

По возвращении из экспедиции я познакомился с огромной хазароведческой литературой, сплетением несовместимых точек зрения и более или менее необоснованных выводов^[5].

Ясно было одно – хазарских памятников никто не находил, и где их надо искать – неизвестно.

Но наука развивается не только в тиши кабинета и в суматохе экспедиций. Там научные идеи только проверяются и наносятся на бумагу. Самое важное – это научное общение ученых разных специальностей, беседа, во время которой между собеседниками вспыхивают искры взаимопонимания, от которых загораются костры плодотворных исследований. Такая искорка вспыхнула в глазах гидробиолога и лимнолога В. Н. Абросова, когда он услышал о датировке нижневолжского аллювия керамикой X в. «Ты сам не понял значения твоей находки!» – воскликнул он и поведал мне свою концепцию, которой для полноты воплощения не хватало только одного – твердой хронологии. Заключалась она в следующем^[1].

Теплый и влажный воздух приносится к нам циклонами с Атлантического океана. Он течет по ложбине низкого атмосферного давления между двумя барометрическими максимумами: полярным и тропическим. Над Северным полюсом висит тяжелая шапка холодного воздуха. Она ограничивает с севера путь циклонов, стремящихся на восток. Над Сахарой также высится атмосферная башня, образовавшаяся за счет вращения Земли, но, в отличие от полярной, она подвижна. Соответственно степени активности солнечной радиации тропический максимум расширяется к северу и сдвигает ложбину низкого давления, по которой движутся на восток циклоны, причем смещение циклонических путей выражается многими сотнями и даже тысячами километров^[17].

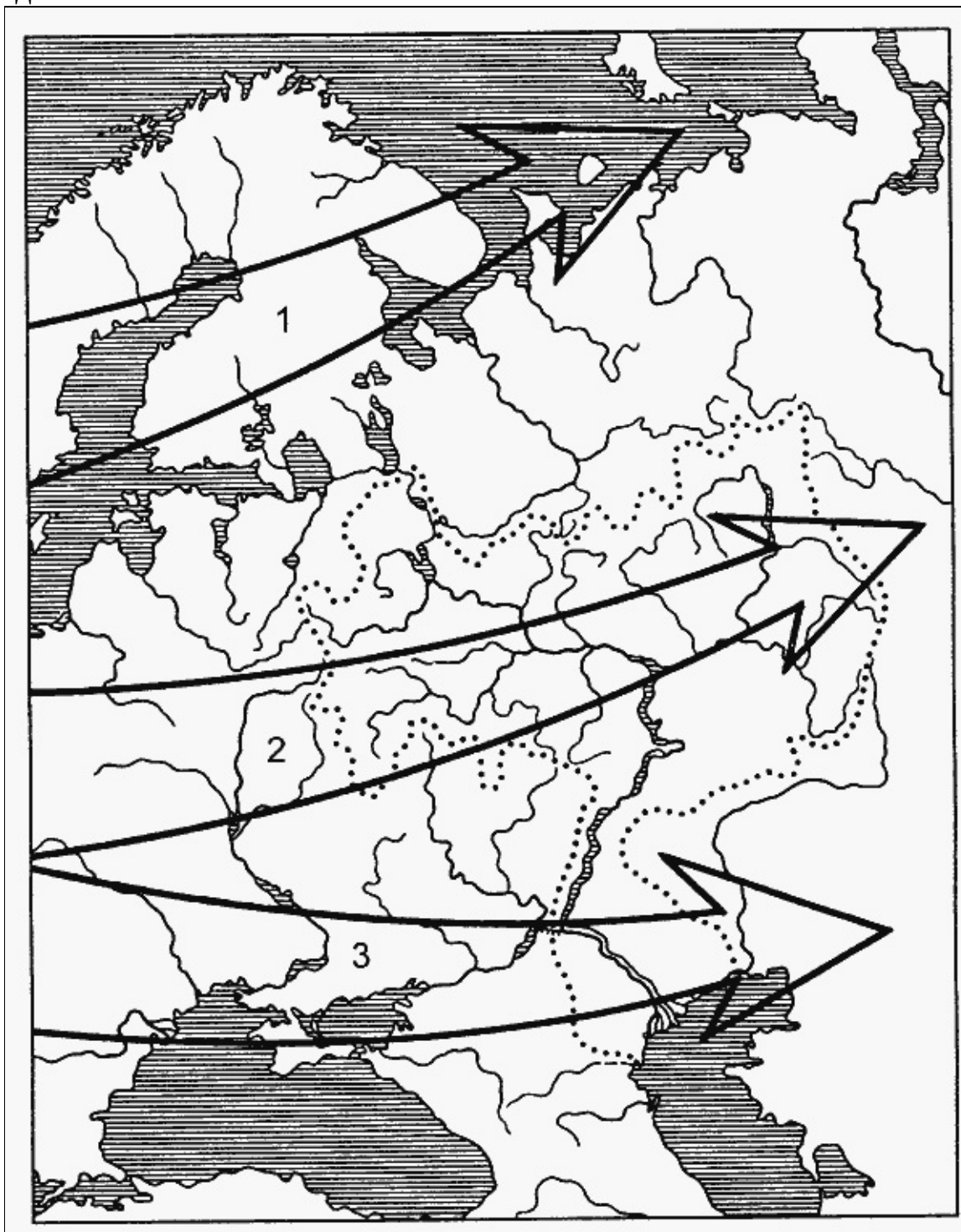
Возможны три комбинации увлажнения.

1. При относительно малой солнечной активности циклоны проносятся над Средиземным и Черным морями, над Северным Кавказом и Казахстаном и задерживаются горными вершинами Алтая и Тянь-Шаня, где влага выпадает в виде дождей. В этом случае орошаются и зеленеют степи, зарастают травой пустыни, наполняются водой Балхаш и Аральское море, питаемые степными реками, и сохнет Каспийское море, питаемое на 81% водами Волги. В лесной полосе мелеют реки, болота зарастают травой и превращаются в поляны; стоят крепкие, малоснежные зимы, а летом царит зной. На севере накрепко замерзают Белое и Баренцево моря, укрепляется вечная мерзлота, поднимая уровень тундровых озер, и солнечные лучи, проникая сквозь холодный воздух, раскаляют летом поверхность земли. (Раз нет облаков – инсоляция огромна.) Это, пожалуй, оптимальное положение для развития производительных сил во всех зонах Евразийского континента.

2. Но вот солнечная деятельность усилилась, ложбина циклонов сдвинулась к северу и проходит над Францией, Германией, Средней Россией и Сибирью. Тогда сохнут степи, мелеют Балхаш и Арал, набухает Каспийское море, Волга превращается в мутный, бурный поток. В Волго-Окском междуречье заболачиваются леса, зимой выпадают обильные снега и часты оттепели; летом постоянно сеет мелкий дождик, несущий неурожай и болезни.

3. Солнечная активность еще более возросла – и вот циклоны несутся уже через Шотландию, Скандинавию к Белому и Карскому морям. Степь превращается в пустыню, и только остатки полузасыпанных песком городов наводят на мысль, что здесь некогда цвела культура. Суховеи из сухой степи врываются в лесную зону и заносят ее южную окраину пылью. Снова мелеет Волга, и Каспийское море входит в свои берега, оставляя на обсыхающем дне слой черной липкой грязи. На севере тают льды Белого, Баренцева и даже Карского морей; от них

поднимаются испарения, заслоняющие солнце от земли, на которой становится холодно, сыро и неуютно. Отступает в глубь земли вечная мерзлота, и вслед за нею впитывается в оттаявшую землю вода из тундровых озер. Озера мелеют, рыба в них гибнет, и в тундру, как и в степь, приходит голод.

Местоположение циклонического центра действия атмосферы в Европе : 1 – северное; 2 – среднее; 3 – южное.

Пунктиром обозначены границы бассейна Волги.

Какова продолжительность этих периодов смен наибольшего увлажнения – вот вопрос, на который следовало ответить. Для этого нужно было найти ту среду, которая бы, во-первых, чутко реагировала на изменение погоды, а во-вторых, имела бы точные хронологические даты. Первому условию удовлетворяет биосфера. При увлажнении пустыни наступают на степи, а склоны гор превращаются в выжженные солнцем пространства. Эти явления хорошо выражены на стыках ландшафтных зон: на границах степи и пустыни, тайги и степи, тундры и тайги.

Установить их наличие было легко, последовательность – возможно, но точных дат взять было неоткуда.

И тут я предложил моему другу рассмотреть с этой точки зрения историю кочевых народов. Они живут исключительно натуральным хозяйством, за счет природы. Овцы и кони питаются травой, количество которой зависит от выпадающей влаги.

Поскольку численность стад определяет богатство и могущество кочевников, а даты расцвета кочевых держав известны за две тысячи лет, то мы можем обратным ходом мысли восстановить природные условия минувших эпох.

Всю ночь просидели мы над составлением хронологических таблиц, на которые наносили эпохи расцвета и упадка кочевых держав Великой степи, а к утру получили первый вариант смены климатических условий с точностью, при которой допуск равнялся примерно пятидесяти годам. Оказалось, что продолжительность климатических периодов исчисляется двумя – пятью веками.

Но какое значение имела эта климатологическая концепция для чисто исторической задачи – поисков древней Хазарии? Решающее! Ведь если черепок хазарского времени перекрыт наносами, то, значит, бурное увеличение водосбора Волги, а следовательно, и поднятие уровня Каспийского моря произошли позже гибели Хазарского каганата. Значит, ландшафт низовий Волги был иным и хазарские памятники следует искать не на высоких берегах, а в пойме и дельте Волги. Там никто еще хазар не искал, потому что считалось, что на низких местах, подверженных половодьям при высоком уровне Каспия, жизнь людей была невозможна. А историки исходили из того, что уровень Каспия падает неуклонно и, следовательно, в VI в. был гораздо выше, чем в XX [72, с. 141]. В. Н. Абросов посоветовал мне всеми силами добиваться поездки в дельту, потому что там есть так называемые бэровские бугры (они названы в честь впервые их описавшего крупного русского естествоиспытателя Карла Бэра), которые не покрывались водой при любом поднятии Каспия в послеледниковое время. Что это за возвышенности, я еще тогда не знал, но, вняв совету, отправился в Географическое общество на доклад о генезисе бэровских бугров и познакомился там с докладчиком, геологом А. А. Алексиным. Эта встреча определила судьбу хазарской проблемы.

Разговор третий (с А. А. Алексиным)

Александр Александрович Алексин двадцать лет был горным инженером-практиком и все эти годы мечтал о научной работе. Наконец он стал начальником отряда Южной геологической экспедиции Академии наук, исследовал неотектонику нефтеносных районов прикаспийских степей и был совершенно счастлив. Научные открытия сделались его страстью, а природная наблюдательность и опыт полевой работы обеспечивали успех его исследований. Но ему тоже, как и В. Н. Абросову, не хватало точных хронологических дат для определения скорости геологических процессов, поэтому он ухватился за возможность найти их с помощью археологии. Минувшим летом он объездил большую часть дельты Волги и степи вокруг Каспийского побережья. Он рассказал мне о курганах на берегу дельтовых протоков, об огнях, горящих над могилами, заброшенными в пустой степи^[6], о находках скелетов в береговых обрезах и черепках битой древней посуды, которые он не счел достойными внимания, но которые интересовали меня больше всего.

Мы условились совершить совместный маршрут, вернее, мне было предложено попутешествовать на машине геологов, попутно делая наблюдения и сборы, а работу мы условились написать совместно, когда результаты исследований окажутся в наших руках. А. А. Алексин в этом не сомневался, а я робко надеялся, не желая искушать судьбу.

Надо было еще уговорить начальство, а это было не просто, так как экспедиция минувшего года рассматривалась как неудача. Но М. И. Артамонов, выслушав мои соображения^[7], покачал седой головой и дал мне двухмесячную командировку в Астраханскую область.

Глава вторая
Путешествие в широком пространстве

Цель и средства

Чем шире цель, тем легче в нее попасть, но что делать, если нужно попасть в определенную точку? Моя задача заключалась не только в том, чтобы побывать в Хазарии, но и в том, чтобы доказать, что это действительно Хазария; иными словами, я должен был найти памятники, достаточно убедительные для моих полных скепсиса коллег. Еще не умея полностью отрешиться от классической методики археологической разведки, я предполагал, что наткнусь на место, где окажутся хазарские погребения или поселения. Как выяснилось через два месяца, я был прав и не прав.

18 августа 1960 г. А. А. Алексин приветливо встретил меня в Астрахани, и новая экспедиция началась.

На этот раз полевое оборудование было просто великолепно. В нашем распоряжении оказались нивелир и карты, палатка и спальные мешки с раскладушками, машина с шофером Федотычем и примус со стряпухой Клавой. А для передвижения по протокам дельты у нас была прекрасная моторная лодка. Капитан ее – Михаил Александрович Шуварин, до конца принимавший участие в работах экспедиции, заслужил нашу искреннюю благодарность за четкость, находчивость и исполнительность, а также за сочувствие нашей работе. Его знанию лабиринта протоков дельты экспедиция в значительной мере обязана своими успехами.

А. А. Алексин предложил вместо детальных поисков в одном месте провести широкую рекогносцировку всей области, где могли быть хазарские памятники. В этом плане был элемент риска. Если бы и на этот раз экспедиция вернулась без находок, а только с наблюдениями, то на третью поездку не пришлось бы рассчитывать. И тем не менее мы рискнули, наметив четыре маршрута: на юг, в дельту до моря; на север, вдоль берега Волги до Саратова; на запад, в калмыцкие степи, и на восток, в Рын-пески, с тем чтобы попутно обследовать площадь, обсохшую в последние годы из-за отступления и обмеления Каспийского моря. Оставалось надеяться, что на этой широкой площади удастся найти хазарские памятники.

Первое чувство, которое испытывает путник, попавший из сухих степей Астраханской области в любой из многочисленных протоков дельты Волги, – удивление. Трудно даже представить себе, как не похожи эти географические районы друг на друга.

Когда спускаешься от Астрахани, то сначала по обеим сторонам протока расстилаются зеленые луга, но вскоре на берегах появляются цепочки зарослей ивы, нежно шуршащие серебристыми листьями. Ниже они сменяются стенами высокого камыша^[8] или зарослями ча?кана, похожего на древние мечи, с остриями, поднятыми к небу. А вечером солнце тонет в прозрачной глади протоков, и кажется, что вся толща воды пронизана багряными лучами заката.

Ландшафт живет. То и дело плещется крупная рыба. На мелководье у берегов стоят внимательные цапли. В затонах плавают стаи уток. Иногда в камышах слышен шелест – это пробирается кабан, единственный зверь, для которого заросли – не препятствие. А над всем этим очарованием вздымаются продолговатые бэровские бугры, на сухих вершинах которых расположились островки настоящей полупустыни с колючими кустами перекати-поле.

На склонах бугров и возвышенностях стоят поселки русских и казахов. Оба эти народа давно живут совместно, уважают друг друга, вместе ездят на рыбную ловлю и пасут на заливных лугах стада коров и конские табуны. Невольно напрашивается вопрос – не так ли жили в древности хазары? Ведь в этих местах другого способа жизни просто не придумаешь. Но нам нужны были находки.

Курганные насыпи на протоке Бушме действительно напоминали древний могильник, но, как оказалось при выяснении путем шурфовки, это были просто выкиды со дна реки при углублении фарватера. На Сизом бугре^[9], недалеко от поселка Зеленги, мы наткнулись на казахское кладбище. Глубокие могильные ямы были не засыпаны, а прикрыты досками и соломой и обнесены глинобитной оградой. Но этот факт был бы интересен этнографу, а не археологу. Надписи на памятниках, сделанные арабским шрифтом исключительно четким почерком, давали точные даты погребений, а именно – XX в. н. э.

Мы выехали в море через Беленский банк, и нашим глазам открылись плоские острова и водная гладь, глубиной по колено. Птицы купались то в прогретой пресной воде, то в лучах ослепительного солнца. Рыбы оставляли среди водорослей серебристые, мгновенно исчезающие следы. Мы ходили по древней земле Хазарии на 28—29 м ниже уровня Мирового океана^[10], но находок не было, а где их искать – было неизвестно.

На обратном пути мы подъехали к крохотной деревушке, приютившейся на склоне бугра Степана Разина. Навстречу нам вышел приветливый казах и с улыбкой пригласил гостей в дом. Мы выпили чаю, переночевали и утром пошли осмотреть вершину бугра, украшенного высоким триангуляционным пунктом. И тут мы были вознаграждены за все волнения, комариные укусы и бесплодные маршруты по пустым буграм. Под восточным склоном бугра был построен маленький кирпичный завод. Глину добывали, стесывая оконечность бугра, так что к нашему приезду образовался отвесный обрыв высотой 20 м. Заглянув вниз, я увидел, что из обреза торчат остатки человеческих костей. Археологический нож был при мне, и я немедленно начал расчистку. Мой спутник А. А. Алексин и наши любезные хозяева принесли лопату, быстро сделали веник и, уже не помню через какое время (я его не замечал и не считал), мы увидели скелет мужчины, лежавший на спине. У правого бедра был небольшой железный нож, на месте левого уха – серьга – бронзовое колечко, а в изголовье великолепный сосуд с рифлением и лощением, не похожий ни на какие известные до сих пор. Ноги были срезаны обрывом.

Грани времени захоронения были точны: железный нож исключал даже эпоху бронзового

века, не говоря уже о неолите; татарский обряд погребения хорошо известен и совсем иной, нежели обнаруженный нами; значит, верхней датой будет XIII в. Остается первое тысячелетие н. э., а в дельте Волги в это время жили именно хазары. Сосуд по характеру изготовления следовало датировать VII – IX вв., а скорее, просто VIII в., ибо относящиеся к тому же роду, хотя и отличающиеся в деталях сосуда неоднократно находили на Дону [\[11\]](#) и датировка их не подвергается сомнениям. Итак, в наших руках оказался хазарский череп, и места для сомнений не оставалось.

Остальную часть пути до Астрахани я провел как бы в тумане. Что бы ни сулила и как бы ни обманула оставшая часть отпущенного нам времени, о неудаче теперь не могло быть и речи. Хазарин был найден.

Закончив маршрут в дельте, мы пересели на машину и двинулись в степи. Нам предстояли три дороги. Первая шла на север, вдоль правого берега Волги; этот маршрут был, собственно говоря, вызван требованиями геологии, но мы хотели попутно установить если не наличие, то хотя бы заведомое отсутствие хазарских памятников на территории, вне всякого сомнения, входившей в Хазарский каганат. Второй маршрут – юго-западный – проходил через калмыцкие степи и Черные земли до самого берега Каспийского моря. Третий маршрут был намечен на восток, в полупустыни и сыпучие пески Заволжья.

Для того чтобы выполнить такую большую программу за единственный месяц – сентябрь, оставшийся в нашем распоряжении, следовало ездить быстро, но при быстром движении снижаются возможности наблюдения. Ведь целью поисков были крохотные осколки глиняной посуды, которые уже тысячу лет пылились и почти сливались с почвой. Обычно археолог идет пешком и смотрит себе под ноги, а тут нужно было угадывать место поисков из кузова быстро мчащейся машины. Несомненно, что много находок было не замечено, но зато мы нащупали новый метод поисков, впоследствии ставший наиболее эффективным способом исследования. По мелким, еле уловимым признакам мы научились угадывать места, где когда-то до нас останавливались хазары и их современники. Бывало, машина пробивается через желтый горячий песок, по бокам песчаные кочки высотой до полуметра, покрытые колючками. Никакого желания остановить машину и сойти на землю нет. Вдруг дорога становится ровной, и по краям ее расстилаются ровные площадки глиняного наплыва такыра, покрытого узором из трещин. Шофер готов дать газ, но я почти интуитивно останавливаю машину, спрыгиваю и иду, наклонив голову. Да, есть черепок, потом другой и скоро – целая горсть остатков Средневековья.

Снова мы едем дальше, и долго-долго нет желания опять ходить, уткнувшись носом в землю.

Теперь я знаю, почему там была сделана находка.

Ровная глиняная площадка, растрескавшаяся от жары, – древнее дно озера или мелкой речки. Там, где была пресная вода, останавливались на отдых и караваны, и пастухи. Там они разбивали по неосторожности горшки и бросали черепки, которые я так старательно искал. Кажется просто, но тогда я этого не соображал, я это только ощущал.

Таких примеров можно было бы привести множество, но принцип остается один. Чтение ландшафта – почти осязаемого географического явления ^[44] – оказалось самым верным путем археологического поиска. Но научились мы этому делу только в долгой дороге, к описанию которой пора вернуться.

Итак, мы двинулись на север, и через несколько часов после того, как Астрахань осталась позади, заговорил ландшафт. До Енотаевки шла уже знакомая нам суглинистая степь, обрывающаяся почти отвесно к голубой поверхности Волги, подмывавшей берег.

На другом берегу зеленела пойма, и я невольно вспомнил слова из письма хазарского царя Иосифа: «Страна (наша) не получает много дождей. В ней имеется много рек, в которых выращивается много рыбы. Есть (также) в ней у нас много источников. Страна плодородна и тучна, состоит из полей, садов и парков. Все они орошаются из рек... Я живу внутри острова. Мои поля, виноградники, сады и парки находятся внутри острова» [50, с. 87]. До чего точно было сделано описание! Зеленая пойма, по ландшафту подобная дельте, остров не только потому, что он омывается двумя мощными протоками – Волгой и Ахтубой, но и потому, что это кусочек плодородной земли среди бескрайности степей, пригодных только для кочевников. А в арабской средневековой литературе слово «остров» применялось также к рощам среди степей

(как мы говорим – «островки леса») и для всякого ограниченного пространства. Царь Иосиф мог употребить это слово и в том и в другом смысле.

Севернее Волгограда местность стала меняться, Волга текла единым мощным потоком, гладкая степь взбугрилась пологими холмами и прорезалась глубокими, поросшими лесом оврагами. Изменился даже воздух: он сделался влажным и резким; в синем куполе неба поплыли рваные тучи. Не было сомнения, что мы попали в другую страну. И верно. В хазарское время здесь бродили загадочные буртасы и воинственные угры, предки венгров, заклятые враги хазар. Можно поверить, что хазарские ханы и цари грозной силой своих наемных войск держали эту местность в относительной покорности, но людям, привыкшим к мягкой, даже несколько пряной природе дельты, эта холмистая, сравнительно холодная страна должна была казаться чужбиной. На каждой стоянке, останавливаясь специально у ручьев, в долинах, на перевалах через холмы, я тщательно искал хазарскую керамику, но не встретил ни одного черепка. Дальше ехать было незачем. От Саратова мы повернули на юго-запад и вернулись в Калмыцкую степь к берегам Сарпинских озер.

Этот путь был выбран не случайно. В запале научной полемики с М. И. Артамоновым академик Б. А. Рыбаков высказал предположение, что именно здесь помещалась столица хазар, «полудикого, хищного, степного, племени» [72, с. 131]. На карте этот тезис выглядел убедительно, но достаточно было приехать на место, чтобы пропали все сомнения – хазарской столицы здесь не было и быть не могло. Ныне Сарпинские озера – мелкие лужи, поросшие камышом, но даже когда климат был более влажным и озера были шире и глубже – они оставались залитыми водой низинами, без твердых берегов, контуры которых менялись от весны к осени. Немногочисленное население еще могло прокормиться в этой местности, но строить здесь город никто бы не стал. И действительно, в низкой зелени лугов между озерами не только городских валов, но даже осколков посуды мы не нашли, несмотря на длительную остановку перед дальнейшим путем на юг.

К берегам Каспийского моря ведут три автомобильные дороги: западная идет по высокой части Калмыкии, через местность с абсолютными отметками выше уровня океана. Там высятся цепочки высоких курганов бронзового века, не имеющих отношения к хазарам; восточная тянется близко от берега Волги, и если бы там было что-нибудь интересное, то оно было бы обнаружено астраханскими археологами. Мы выбрали среднюю, самую прямую дорогу, северный конец которой упирается в берег Волги около села Владимирского, 25 км южнее Енотаевки. Мне казалось логичным, что автомобильная дорога скорее всего пойдет по линии древнего караванного пути, а ведь именно с этого пункта правого берега Волги каждой весной выходил караван хазарского хана, сопровождая его в южные зеленые луга на берегах реки Уг-ру. Если это предположение верно, то, думал я, по обочинам дороги мы найдем следы керамики хазарского времени. Пусть их будет мало, старая и новая дороги не могут совпадать на всем протяжении, но в бескрайней степи это хоть какой-то ориентир. И действительно, через день пути к югу от Сарпинских озер мы нашли первую россыпь фрагментов средневековой дотатарской керамики. Черепки были мелкие, плохонькие, «невыразительные», как говорят археологи; но ведь до сих пор не было ничего.

С этого момента дорога для нас ожила. Она змеилась по песку, поросшему сухими колючками, среди пологих возвышенностей, которые нельзя было назвать даже холмами. Южнее начали попадаться продолговатые лужи соленой воды, обрамленные жидкой, соленой, удивительно едкой грязью. Это началась «область подстепных ильменей» – следы отступления Каспийского моря.

Давно, на заре человеческой культуры, около 15 тыс. лет до н. э., когда воды последнего таявшего ледника стекали через русло Волги, Каспийское море вместило их. Уровень его

поднялся до абсолютной отметки плюс метр или около того, т. е. на 29—30 м выше своего теперешнего уровня. Но когда наступила сухая ксеротермическая эпоха, началось отступление моря. Зеркало испарения было огромно, глубины на залитой территории ничтожны, и вода под палящим солнцем превращалась в пар. Море уходило, задерживаясь в лощинах, становившихся солеными озерами. Так возникла «область подстепных ильменей», освоенная человеком в эпоху верхнего палеолита.

На берегу одного из этих соленых озер мы обнаружили находку, оставившую равнодушным меня, но весьма заинтересовавшую моего спутника. Там лежали кремневые отщепы, раздробленные кости и несколько плиток сланца толщиной около 0,5 см, неправильной формы.

Это была типичная палеолитическая стоянка, ничем не замечательная, кроме того что сланцевые плитки были, согласно геологическому определению А. А. Алексина, принесены с Кавказского хребта.

Картина была ясна. Люди шли за отступавшим морем, находя в мелких озерах пищу: рыбу, моллюсков, раков и яйца водоплавающих птиц. Найденный нами материал был столь маловыразителен, что уточнить дату отступления моря было невозможно, но важно было то, что так высоко воды Каспия стояли только в эпоху палеолита, а отнюдь не в интересующий нас исторический период. Аналогичные находки были сделаны нами еще два раза, но они ничего не прибавили к первому выводу, важному лишь для геолога-четвертичника, а отнюдь не для историка средних веков.

Южнее «области подстепных ильменей» расстилается широкая равнина, так называемые Черные земли. Это дно Каспийского моря, обсохшее в доисторический период. С запада его ограничивают отроги Калмыцкой степи, с востока оно плавно переходит в Каспий. Даже береговую линию трудно определить, так как она зависит от направления ветра. Западный ветер отгоняет воду, обнажая дно, восточный пригоняет огромные массы воды, затопляя побережье иногда на добрый десяток километров.

Название «Черные земли» дано этой мрачной равнине из-за того, что зимой здесь выпадает очень мало снега, который смешивается с тонкой пылью и песком.

Однако именно в зимнее время сюда пригоняют на пастбища овец из Дагестана и Калмыкии. Житник и белая полынь, произрастающие в этой волнистой степи, лучший корм для овец, а малое количество снега не препятствует пастьбе. В это время равнина оживает, но ненадолго. Летнее солнце выжигает не съеденную овцами траву, и местность превращается в пустыню, затем, осенью, проходят дожди, затопляющие низины и превращающие дороги в грязевые потоки. После дождей степь оживает, и в сентябре овцы снова нагуливают жир, необходимый для того, чтобы перенести нелегкую зиму.

Без Черных земель и примыкающих к ним ногайских степей трудно было бы представить себе экономику прикаспийского скотовода в любую эпоху, но отсутствие источников пресной воды обусловило здесь отсутствие поселений, а тем самым и могильников, потому что близких людей хоронили около своих домов, а не на чужбине, хотя бы и освоенной для скотоводства. С точки зрения археолога, Черные земли были пустыней, очень полезной, но для постоянного пребывания людей непригодной.

Мы ехали ранней осенью и остро ощущали абсолютное безлюдье, полное отсутствие жизни. Только около дороги две находки керамики хазарского времени показали, что и тысячу лет назад через эту равнину проходили люди. Но то, что они не жили в этих местах, было очевидно.

Дальше искать было нечего. Добраться до Терека мы не могли и повернули назад, в Астрахань, теперь уже твердо зная, что если даже хазары владели равнинами Северо-Западного Прикаспия, то жили они в других местах, более приветливых и удобных.

Прохладным, но ясным сентябрьским утром наша машина быстро проехала через мосты волжских протоков и некоторое время мчалась по уже знакомому нам берегу Ахтубы. Затем она повернула на восток, и мы оказались среди широкой равнины восточной дельты. Как она не похожа на центральную дельту! Уменьшение количества воды, несомой Волгой, за последние полтора века превратило эту местность в сухую степь. Орошается она последним непересохшим протоком – Кигачем – мощной рекой, окаймленной ивами и зарослями камыша. Около Кигача еще есть зеленые пятна лугов, но большая часть равнины суха. Между пологими бэровскими буграми, ограничивающими эту равнину с севера, врезаны продолговатые озера, остатки бывших протоков Волги, превратившихся в старицы. Эти озера, которые здесь называют «ильмени», солоноваты, так как давно уже перестали быть проточными. Но они были такими, и в доказательство этому мы обнаружили на вершине одного из бэровских бугров большое скопление керамики. Значит, люди, жившие здесь, имели пресную воду. Керамика оказалась принадлежащей двум периодам. Одна часть имела архаические черты и, возможно, относилась к бронзовому веку, а вторая была хорошо знакомая, грубая, лепная керамика из черного теста с дресвой, плохо обожженная, так что прокалились и побурели только поверхности стенок сосуда, а в середине глина осталась черной. Когда рассматриваешь эту керамику в изломе, то она кажется трехслойной, с внутренней черной прокладкой. Таким получается сосуд, обожженный на костре. Такая керамика встречается в Прибайкалье, Казахстане, Туркмении и даже была найдена на Дону при раскопках хазарской крепости Саркел. Она четко датируется VII – X вв., а широкое ее распространение указывает на культурную близость многочисленных тюркских племен, кочевавших в это время по степям Евразийского континента. В VII – X вв. в заволжских степях обитали гузы, и поэтому не было никаких сомнений, что мы нашли их стоянку.

По существу, эта находка была первой, достаточно выразительной и датирующейся за пределами дельты Волги. За ней пошли другие. В полупустыне, прилегающей к дельтовой равнине, около грязевых сопок урочища Азау, гузская керамика стала встречаться часто. На этом плоскогорье навеванный песок неглубок, и ветер легко раздувает его до темно-бурой материковой почвы, образуя так называемые котловины выдувания. Почти в каждом выдуве мы находили иногда несколько черепков гузских горшков, а иногда целое скопление их. Видимо, в VII – X вв. эта местность была населенной, а это значит, что вода была неподалеку. Единственным источником могла быть та самая старица, которая сейчас суха, за исключением нескольких солоноватых луж в ее наиболее глубоких местах. Вывод напрашивается сам: в древности, точнее, в хазарское время, протоки Волги были не те, которые мы наблюдаем теперь. Археология подвела нас к проблеме периодов образования ландшафтов, к установлению их абсолютных физико-географических датировок, недостижимому никаким иным путем.

Но задерживаться на полученном выводе мы не могли и не хотели. Осень наступала, а мы еще не осмотрели знаменитые Рын-пески. День прошел в движении на восток по гладкой, укатанной дороге с сумасшедшей скоростью. Мелькнули и скрылись русские села и казахские аулы, в этих местах похожие друг на друга. Очевидно, наличие единого материала для построек и климат, создающий одинаковые для русских и для казахов условия жизни, заставили местных жителей выработать сходный архитектурный стиль. Я отметил это для будущих работ, потому что трудно размышлять, когда холодный встречный ветер сечет лицо, пронизывает насквозь и некуда спрятаться, сидя в открытой машине.

Мы спешили, потому что в людной местности вдоль тракта ждать находок не приходилось, а времени оставалось так мало! Наконец, после ночевки в холодной палатке, машина повернула

на север от села Ганюшкина, и в дымке рассвета мы увидели высокие песчаные гряды, увенчанные аллеями причудливых кустов тамариска.

Ветер стих, и песок лежал спокойно, переливаясь в косых солнечных лучах мерцанием желтого и пепельного жемчуга. То тут, то там над песком возвышались кустики сухой травы – пустыня жила и дышала. Рядом с нашей широкой автомобильной колеёй извивалась караванная тропа. Она обходила даже небольшие бугорки, ибо люди, ходившие по ней, берегли силы своих вьючных животных. Хотелось знать – кто проложил и поддерживал эту тропу, и на этот вопрос немедленно был получен ответ. Неожиданно среди двух гряд высоких барханов по левой стороне дороги открылась широкая (около 100 м) и длинная (около 200 м) котловина выдувания.

В глубине ее был колодец – яма с обвалившимися краями; вероятно, уже давно никто не пытался достать оттуда воду. Но вокруг колодца и по всей котловине в огромном количестве валялись черепки. Здесь были уже знакомые нам полосатые в изломе «гузы», красные звонкие «татары», серые лощеные «сарматы», нежные тонкостенные черепки из великолепно отмученной глины – эпоха бронзы – и даже стеклянные осколки водочных штофов XVIII в. Тропинка уверенно подводила к колодцу, и теперь стало несомненно, что люди ходили по ней еще в глубокой древности. Дальше дорога шла на север, через казахский поселок Сазды, где был второй колодец, но там такого изобилия находок не было. Встречались отдельные черепки, а остальные, по-видимому, были втоптаны в землю стадами скота.

Перед нами встала новая загадка: почему люди на протяжении тысячелетий предпочитали тащиться от пустого берега Каспийского моря, в этом месте особо мелкого и несудоходного, вместо того чтобы подниматься или спускаться по прекрасной Волге, где и дорога лучше, и воды в досталь, и где можно двигаться и по реке и по берегу? Найденная нами караванная тропа, очевидно, вела из стран ближневосточной культуры – Ирана, Хорезма – в Великую Пермь (Биармию). За биармийских вождей скандинавские конунги выдавали своих дочерей, да еще считали это за честь. Персидские шахи получали оттуда меха и платили за них великолепными серебряными блюдами, ничтожная часть которых уцелела от губительного времени и хранится в Отделе Востока Государственного Эрмитажа [63, 75, 76, 84]. Путь через страну гузов описывал путешественник X в. Ахмед ибн-Фадлан [49, 66]. Дорога, по которой мы ехали, была или та самая, или одна из нескольких, соединявших север с югом. Но почему она пролегла в таком, казалось бы, неудобном месте – вот еще одна проблема, которую мы должны были решить.

Самое простое решение, немедленно принятое нами, было повернуть машину на юг и проследить дорогу по широкой равнине обсохшего каспийского берега, с тем чтобы найти там остатки порта, от которого этот путь начинался. Через несколько часов обратного пути мы выехали из Рын-песков, пересекли неширокую полосу автомобильного тракта и прилегающих к нему полей. Вскоре перед нами замелькали зелень луговин и заросли камыша, вдвое выше человеческого роста. Эта равнина еще 30 лет тому назад была покрыта водой, но уровень моря упал на 3 м, обнажив дно. Тут начались новые неожиданности!

На дне морском

Конечно, не могло быть и речи, чтобы дорога, уцелевшая в малопосещаемых песках, была столь же заметна в местности проезжей и обрабатываемой. Мы считали, что поиски будут трудными, и собирались ориентироваться на находки подъемного материала, т. е. на ту же самую керамику, лежащую на поверхности земли.

Но, спустившись на равнину, мы не нашли ни одного черепка. Напрасно машина металась то на запад, то на восток, напрасно я бродил часами, опустив глаза в землю. Мы осмотрели огромную площадь и не нашли ничего. Возникла новая загадка (не много ли?): почему кочевники били свою посуду только на высоких местах? Такая постановка проблемы была абсурдна, и мы перестроили ее так: почему мы находим керамику до X в. только на высоте?.. К счастью, мы отмечали нивелирным ходом, привязываясь к ближайшим отметкам по карте, все сделанные нами находки не ниже минус 18 м абсолютной высоты. Ответ на это мог быть двоякий: либо уровень Каспийского моря в первом тысячелетии был так высок, либо после X в. произошла трансгрессия – наступление моря на сушу, – сменившаяся позже регрессией – отступлением моря. Против первой гипотезы говорили факты. В 1234 г. около Баку был сооружен бастион, фундамент которого находился на абсолютной отметке минус 32 м ^[3]. Позднее он был затоплен и только теперь поднимается из воды. Но ведь строили-то его на сухом месте! Значит, колебания уровня Каспия, отмеченные географами, происходили в историческое время и не могли не влиять на судьбу прикаспийских народов. Не здесь ли разгадка «хазарской тайны»?

Но ход наших мыслей и работ был прерван внезапным приключением, которое совсем не нужно путешественникам; я так радовался, что мы до сих пор обходились без приключений!

В то время, когда А. А. Алексин и я, остановившись в километре от моря глубиной 2 м перед густой стеной камыша, наносили на карту полученные данные, вычерчивали разрезы выкопанного нами шурфа и надеялись, что наш шофер Федотыч, ушедший в камыши с дробовиком, принесет на обед несколько уток, пол в палатке стал сырым. Мы вышли и увидели, что камыш слегка колышется от южного ветра – моряны, а всюду из земли выступает вода. Буквально на глазах еле заметные впадины превращались в широкие лужи. Сквозь камыши бежали струйки воды, нагоняемой ветром. А шофер Федотыч где-то увлекся охотой, и уходить, бросив его, мы не могли.

Нам стало не по себе. Мы знали, что сильный ветер с моря нагоняет воду на высоту до 2 м. Эти «ветровые нагоны» часто бывают причиной гибели охотников или зазевавшихся пастухов. К счастью, ветер на этот раз был не сильным, и мы успели свернуть палатку, нагрузить машину и дожидаться Федотыча, который, когда вода залила его пятки, сообразил, что ради спасения собственной и нашей жизни надо пощадить уток. Он явился тогда, когда луговина вокруг машины покрылась зеркальной гладью воды, и, не теряя ни минуты, вскочил в кабину. Вода была нам не страшна, но хуже всего было то, что размокшая земля превращалась в грязь и машина могла в любой момент увязнуть, а тогда наши шансы на опубликование результатов экспедиции уменьшались до минимума. Федотыч проявил мастерство, доходившее до виртуозности. Машина ковыляла через лужи, почти фантастически обходила глубокие места, выкарабкивалась из топей и даже форсировала широкую ложбину, не замеченную нами, когда мы ехали к морю посуху, но за эти несколько часов ставшую водным барьером. Наконец, мы обогнали воду и машина поехала на обычной скорости. У меня было достаточно оснований для того, чтобы убедиться в мужестве и выдержке моих спутников.

Но одновременно появилась мысль – а как спасались от нагонов воды хазары, у которых не

было автомобилей-вездеходов? Конечно, на лошади уехать от воды легче, чем на машине, потому что лошадь пройдет там, где автомобиль увязнет, но овцам это трудно, да и жить под вечной угрозой затопления как-то неуютно. Не значит ли это, что на плоских берегах бесполезно искать оседлые поселения, а следовательно, и тот порт, ради остатков которого мы заехали на морское дно. Очевидно, что в средние века люди как-то устраивались, но как? Да и как не похоже это обсохшее побережье на цветущие луга и заросли дельты! Если хазары обитали вокруг бугра Степана Разина, то восточная равнина была для них столь же неприглядна, как и западные степи.

Полный подобных мыслей, я прибыл в Астрахань и простился с моим новым другом А. А. Алексиным, условившись, что статью о Хазарии мы напишем совместно. Он оставался еще на месяц на залитых солнцем берегах Волги, а я стремился под дождь, морозящий над Невой, чтобы за зиму совершить новое путешествие, на этот раз не в пространстве, а во времени.

Глава третья

Доклад в географическом обществе

Теперь уже не было речи о неудаче. Наоборот, количество находок стало вызывать сомнения среди моих коллег. Злые языки стали называть найденного хазарина татаринном, но сосуд, прошедший реставрацию, и фотографии погребения *in situ* (на месте) исключали все сомнения. Деньги на новую экспедицию были ассигнованы без ограничений.

Одно только огорчало меня: археологи совершенно не заинтересовались тем, что мне казалось наиболее ценным, – ландшафтными наблюдениями. Это казалось им просто географической беллетристикой, а мысли насчет изменений климата в историческое время – научно-популярной фантастикой. Поэтому мы с А. А. Алексиным поставили совместный доклад на Отделении этнографии Географического общества, где аудитория состоит из представителей разных специальностей.

Название доклада определяет характер аудитории. В Общество люди приходят не по служебной обязанности, а после напряженного рабочего дня и только тогда, когда считают тему действительно интересной и важной. Поэтому выбор названия – дело крайне ответственное, и можно потерпеть крушение перед пристанью, что всегда особенно досадно. После долгих сомнений мы решили назвать наш доклад так: «Палеогеография Волжской Хазарии и изменения климата за исторический период» – и достигли успеха.

В зале Совета Общества в назначенное время мы увидели многих ученых^[12]. Сначала мы дали сводку наблюдений, сделанных в полевой сезон, а затем поставили проблему возможности восстановить колебания увлажнения степной полосы Евразийского континента за две тысячи лет и даже несколько больше. Для этой цели было необходимо соединить уже описанный принцип гетерохронности увлажнения полярной, лесной и степной зон и исторические сведения о передвижении народов, живших на территории Советского Союза и Монгольской Народной Республики, с привлечением данных истории соседних стран. Такой широкий охват мог быть осуществлен только на базе синхронистического метода. При этом изменения уровня Каспийского моря можно было использовать как своеобразный барометр, указывающий на тенденцию климата степи к увлажнению или усыханию.

Мы исходили из следующего положения: зеленая степь, пересеченная лесистыми горными хребтами, кормит огромные стада животных. Могучие кочевые народы – хунны, тюрки и монголы, – которые довели скотоводческое хозяйство до совершенства и стали известны всему миру, жили именно в этой степи. Сила и слава кочевников были прямо пропорциональны количеству их скота, которое определялось пастбищной площадью и запасами кормов, а последние зависели от дождей, выпадавших в степи. Уменьшение осадков вело к наступлению пустыни на север, увеличение – влекло тайгу на юг, и, кроме того, глубокие снега мешали животным добывать зимой подножный корм, что вело к массовой гибели скота (джуты). Трудно сказать, что было для кочевников хуже.

Неоднократно делались попытки объяснить завоевательные походы Аттилы и Чингисхана ухудшением природных условий в степи. Но эти попытки не дали результатов, и не случайно. Успешные войны кочевников и вторжения в Китай, Иран, Европу совершали не скопища голодных людей, искавших пристанища, а дисциплинированные, обученные отряды, опиравшиеся на богатый тыл.

Поэтому эти события, как правило, совпадали с улучшением климата в степи. Ухудшение же было причиной выселения кочевников мелкими группами, обычно оседавшими на степных

окраинах. Такие неэффективные передвижения выпадали из поля зрения историков и географов, обращавших внимание на события мирового значения, и отсюда возникла путаница, при которой сопоставление исторических событий и явлений природы казалось бессмысленным. На самом же деле, установив два типа передвижений кочевых народов, мы можем сопоставить их с увлажненностью степной зоны без каких бы то ни было натяжек. Тем самым, но обратным ходом мысли, можно восстановить изменения климата за те три тысячи лет, история которых известна по письменным источникам. Этот новый подход к фактам основан на синтезе нескольких наук: географии, климатологии, истории, археологии и этнографии. Он не имеет ничего общего с «географическим детерминизмом» Ш. Монтескье и Л. Мечникова, которые сводили объяснение исторических событий и «духа народов» к географическим факторам.

Мы устанавливаем только эластичность границ ландшафтных зон в зависимости от климатических колебаний и рассматриваем этническую среду как показатель, чутко реагирующий на изменение внешней среды, т. е. природы.

Благодаря такому подходу удалось установить, что пространство степей, служивших экономической базой для кочевого хозяйства, то сокращалось, то снова увеличивалось, и причина этого лежит в атмосферных явлениях, зависящих от степени активности солнечной радиации.

Затем мы произвели реконструкцию изменений климата и колебаний уровней во внутренних бассейнах Каспия, Арала и Балхаша и получили стройную картину, первую часть которой я привожу здесь, поскольку она имеет прямое отношение к хазарской проблеме. Это, конечно, не текст доклада, потому что многое за истекшие пять лет удалось уточнить и прояснить, но принцип подхода выдержал испытание временем и критикой коллег, так же как и форма изложения, избранная нами.

Историко-географическая панорама

В теплый и сухой суббореальный период в Южной Сибири развились палеометаллические культуры [38, с. 53]. Они развивались на границе тайги и степи в доисторический период, но наступление холодного периода и продвижение леса на юг подорвало их экономические возможности, и культура их стала клониться к упадку. Зато для обитателей монгольской степи увлажнение и появление лесных островков явилось благом, и степное хозяйство, как скотоводческое, так и охотничье, в середине первого тысячелетия н. э. вступает в период расцвета [там же, с. 118]. Но во втором тысячелетии н. э. это увлажнение в южных районах Центральной Азии прекратилось. Степи иссохли, источники исчезли, реки превратились в сухие русла, а речные пески, отложившиеся на их дне, стали достоянием ветра и превратились в барханы.

Однако археологические находки показывают, что там, где теперь бесплодная пустыня, еще тысячу лет назад были цветущие поселения, например Хара-Хото и более древняя Шаньшань, расположенная на сухом русле Кончедарьи недалеко от Лобнора. Реки Синьцзяна ныне теряются в песках, но русла их доходят до реки Тарим, что указывает на их бывшее многоводье, а остатки селений по берегам этих сухих русел дают возможность датировать это усыхание историческим периодом [22, 26]. Очевидно, усыханию предшествовало не менее интенсивное увлажнение, также в относительно недавнее время, в первые века до н. э., когда центральноазиатские степи населяли хунны. Нет ничего более неверного, чем обывательское, весьма распространенное мнение, что хунны были диким племенем, жившим за счет ограбления мирных, трудолюбивых окрестных народов. Как всякий народ, прошедший сквозь века, хунны пережили сложную эволюцию, в течение которой были и периоды мирного расцвета культуры, и эпохи войн, чаще оборонительных, а иногда и наступательных. Самыми тяжелыми были войны с империей Хань, стремившейся распространить свое господство над всей Азией. Соотношение сил было не в пользу хуннов, но они 300 лет отбивали натиск противника [26]. Значит, было что-то такое, что уравновешивало силы, и известный историк I в. до н. э. Сыма Цянь полагал, что это кочевой быт [14, т. I, с. 93—96].

Кочевничество сложилось в Центральной Азии в начале первого тысячелетия до н. э. [70, с. 195], и в хуннское время (III в. до н. э. – V в. н. э.) оно находилось на подъеме. Технический прогресс наблюдался во всем. Первоначальная телега на обрубках древесных стволов, которую могла сдвинуть только запряжка волов, заменилась телегой на колесах. Вместо шалашей из древесной коры (чатров, откуда возникло русское слово – шатер) появилась войлочная юрта, теплая в холод, прохладная в жару, просторная и портативная. Была улучшена порода лошадей, и наряду с маленькой, выносливой сибирской лошадью хунны развели высоких, резвых коней, очень похожих на арабских. Хуннская одежда – кафтан и широкие штаны – перенималась китайцами и римлянами, а в V в. хуннские прически стали в Константинополе последним криком моды. Хуннское хозяйство было связано с использованием лесостепного ландшафта. Им были равно необходимы сухие степи, на которых скот мог добывать себе пищу в зимнее время, и покрытые лесом горы. Из дерева они изготавливали телеги и остовы юрт, а также древки стрел. Кроме того, в горных лесах гнездились степные орлы, перья которых шли на опушку стрел. Перелески служили укрытием для скота во время буранов и доставляли пастухам дрова, в то время когда кизяк был присыпан снегом. Именно наличие в Монголии горных хребтов – Хангая, Хэнтэя, Монгольского Алтая – повлияло на характер хуннского хозяйства, а тем самым и на своеобразие хуннской культуры.

Но описанное сочетание ландшафтов зависит не только от рельефа, но и от степени

увлажнения. При долговременных засухах площадь горных лесов сокращается, равно как и площадь степей, зато разрастаются каменистые пустыни, где жизнь исчезает. Тогда сокращается население и падает могущество кочевых держав. Именно это явление можно наблюдать, проследив историю хуннов. В IV – I вв. до н. э. хунны обитали на склонах Иньшаня и очень ценили этот район, так как «сии горы привольны лесом и травой, изобилуют птицею и зверем» [14, т. I, с. 94]. Так описывает эту область географ I в. Потеряв Иньшань, хунны плакали, проходя мимо него. В XX в. Иньшань уже изменился: «местность эта в общем равнинная, пустынная, встречаются холмы и ущелья; на севере большую площадь занимают развеваемые пески. Северная часть плато представляет собой каменистую пустыню, среди которой встречаются невысокие горные хребты, лишенные травянистого покрова» [62, с. 159—160]. Такое же различие мы находим в описаниях Хэси – степи между Алашанем и Наньшанем.

В этих описаниях можно было бы усомниться, если бы их не корректировали цифры отбитого у хуннов скота. Этим цифрам приходится верить, так как китайские полководцы сдавали добычу чиновникам по счету и могли только утаить часть добычи, а никак не завысить цифру ее. При неудачных набегах на хуннов, когда те успевали отойти, добыча исчислялась тысячами голов скота, например двумя, семью, а при удачных – сотнями тысяч [14, т. I, с. 81—82]. И это в той местности, которая сейчас представляет пустыню.

Очевидно, две тысячи лет назад площадь пастбищных угодий, а следовательно, и ландшафт были иными, чем сейчас. Но мало этого, усыхание степи имело место уже во II – III вв. н. э. и сильно отразилось на обществе хуннов; хуннская держава ослабела и погибла. Конечно, для крушения кочевой империи было сколько угодно других, внешнеполитических, причин, но их было не больше, чем всегда, а до 90 г. хунны удерживали гегемонию в степи, говоря: «Мы не оскудели в отважных воинах» и «сражаться на коне есть наше господство» [там же, с. 88]. Когда же стали сохнуть степи, дохнуть овцы, тощать кони – господство хуннов кончилось.

Но посмотрим, совпадают ли другие объективные физико-географические показатели с нашими наблюдениями? Нет ли тут противоречий? Выберем для этой цели Каспийское море, непосредственно граничившее с интересующей нас страной – Хазарией.

В IV – II вв. до н. э. уровень Каспийского моря был весьма низок. Попытки путем истолкования греческих мифов и сведений античных авторов обосновать высокий уровень Каспийского моря в первом тысячелетии до н. э., достигавший будто бы абсолютной отметки плюс 1,33 м [см.: 4, с. 211—213], подвергнуты справедливой критике Л. С. Бергом [13, с. 208—212]. Наши полевые исследования в 1960 г. показали, что на территории Калмыкии, которая при положительной отметке моря была бы покрыта водой, на поверхности земли лежат палеолитические отщепы. Это позволяет заключить, что за последние 15 тысяч лет уровень Каспия так высоко не поднимался.

Первые научные исследования в районе Каспийского моря были проведены соратниками Александра Македонского – историком Аристобулом и мореплавателем Патроклом. Они установили, что уровень Каспия был в то время очень низок, несмотря на то что воды Амударьи протекали в Каспийское море через Узбой. Это видно из того, что при впадении Амударьи в Каспий были водопады [8, с. 11—15], следовательно, абсолютная отметка моря была намного ниже, чем в наше время.

То же самое, без тени сомнения, утверждает историк VI в. Иордан, автор знаменитой истории гетов [43, с. 74]. Он сообщает, что есть другой Танаис (Дон – аланское слово, обозначающее реку), который, «возникая в Хриннских горах (на Памире [97, р. 102—103; 99, р. 84—85]), впадает в Каспийское море». Иордан был человеком образованным, хорошо знакомым с географической литературой, которая не вся сохранилась до нашего времени, и потому его высказывания заслуживают доверия, за одним исключением: его данные для VI в. могли уже

быть устаревшими. Почерпнутые из сочинений I – II вв., они скорее всего отражают положение, бывшее именно в эти века, но это-то для нас и ценно. Приток воды в Каспий через Узбой мог быть очень незначительным и непостоянным. Воды Амударьи могли попасть в Узбой только через Сарыкамьшскую впадину. Площадь Сарыкамьшской впадины вместе с впадиной Асаке-Аудан настолько велика, что испарение там должно быть громадным. Это объясняет нам, почему русло Узбоя по своим габаритам было способно пропустить не более 100 куб. м в секунду. Этого количества воды явно недостаточно, чтобы поднять уровень Каспия.

На карте Эратосфена, составленной во II в. до н. э., четко и, по-видимому, довольно точно показаны контуры Каспийского моря [82]. Северный берег его расположен южнее параллели 45° 30'. Эта широта проходит примерно через Керченский полуостров. Такие контуры Каспийского моря соответствуют береговой террасе (ныне находящейся под водой) на абсолютной отметке минус 36 м (имеется в виду отметка тылового шва террасы, выше которого поднимается уступ более высокой террасы). Действительно, Узбой в это время впадал в Каспийское море, так как его продолжение – русло Актам – ныне заметно и прослеживается по дну моря на абсолютной отметке минус 32 м. Если бы это русло было более древним, то оно не могло бы так хорошо сохраниться, а было бы занесено эоловыми и морскими отложениями. В более позднее время Каспийское море столь низко не опускалось и условий для эрозии и меандрирования не было.

Итак, мы можем констатировать, что при относительном многоводье Амударьи уровень Каспийского моря в IV – II вв. до н. э. стоял на отметке не выше минус 36 м. Это значит, что по принятой нами климатической схеме в данную эпоху шло интенсивное увлажнение аридной зоны. История подтверждает наши соображения. Во II в. до н. э. хунны занимают в Джунгарии земледелием [26]. В это же время китайские военные репортажи говорят об огромных стадах, которые хунны пасли в пределах Монгольского Алтая, а усунь – в Семиречье. Царство Кангюй, расположенное в восточной части Казахстана от Тарбагатай до среднего течения Сырдарьи, также представляется в то время богатым скотоводческим государством, способным выставить 200 тыс. всадников. Река Чу на карте того времени показана вытекающей из Иссык-Куля и впадающей в широкое озеро; ныне же Иссык-Куль не сообщается с рекой Чу; последняя же теряется в песках и солончаках. Все это говорит о повышенной увлажненности и относительно густой населенности этих районов в то время.

Но дни этой богатой культуры были сочтены. Во II в. до н. э. путь прохождения циклонов смещается к северу. В это время альпийские перевалы становятся труднопроходимыми из-за роста альпийских ледников [85, с. 278]. Племена кимвров и тевтонов, жившие до этого в низовьях Рейна, были вынуждены покинуть свою страну вследствие наводнений и обрели геройскую смерть под мечами легионеров Марии. К началу I в. н. э. хуннское земледелие погибло, а скотоводство сократилось и могущество хуннов оказалось сломленным.

Не будем касаться перипетий трагической борьбы народа, окруженного врагами. Лучше обратим внимание на то, как расселились потомки степных богатырей. Хуннский народ распался на четыре ветви. Одна из них поселилась на берегах Хуанхэ и в предгорьях Алашаня – там вода была в изобилии. Другая осталась на берегах Селенги и в Забайкалье, на границе таежной зоны. Третья укрылась на склонах Тарбагатай и Джунгарского Алатау, около ручьев, питаемых горными ключами, а четвертая отступила на берега Урала и Волги, где, смешавшись с уграми, превратилась в «гуннов» [26, с. 278]. Эти последние перебрались через степи современного Казахстана, также подвергшиеся иссушению, не в поисках травы и воды, а спасаясь от жестокого врага – сяньбийцев (древних монголов). Все их передвижение от Тарбагатай до Волги заняло немного больше трех лет, и поэтому они не оставили на своем пути археологических остатков [27]. По сути дела, это была отступавшая армия, терявшая обозы, раненых и ослабевших. «Ослабевшие» скрылись на время в горах Алтая и впоследствии

неоднократно удивляли Азию своей доблестью. Те же «неукротимые», которые, дойдя до Волги, оторвались от противника, положили начало новому большому народу, который в V в. завоевал пол-Европы, – гуннам.

А что же было в это время в степях современной Монголии? Какие племена и народы заселили покинутые хуннами склоны Хэнтэя и Монгольского Алтая? В источниках сведений так мало, что можно с уверенностью сказать – эта страна запустела. Но мало констатировать факт, надо его объяснить, и для этой цели на помощь историку приходит физическая география. Палеонтологические исследования в Центральной Азии установили, что процесс усыхания степей был прерван периодом увлажнения в сравнительно недавнее время [61, с. 189]. Историческая наука не только подтверждает этот вывод, но и позволяет уточнить дату указанного увлажнения.

Путешественниками отмечено, что монгольская степь заселена предельно густо. Это надо понимать в том смысле, что наличие пресной воды лимитирует развитие скотоводства, т. е. скота там столько, сколько можно напоить из имеющихся родников. Где только есть лужа воды – там стоит юрта и пасутся овцы. Если источник иссяк – скотовод должен либо умереть, либо покинуть родную страну, ибо в те времена переход на искусственное орошение степей был технически неосуществим.

Следовательно, эпохе усыхания должно соответствовать переселение кочевников из середины степи к ее окраинам.

Это явление наблюдается во II – III вв. н. э. Хунны не вернулись на родину; тоба с берегов Керулена перекочевали на берега Хуанхэ; оазисы «Западного края» захирели; сяньбийцы, овладев степью до Тарбагатай, не заселяли ее, а распространялись по южной окраине Гоби до Тянь-Шаня. Можно подыскать объяснения для каждого из этих фактов в отдельности, но не для их совокупности, хронологического совпадения и неповторимости ситуации. Если даже все это случайности, то сумма их уже закономерность.

Л. С. Берг, отмечая, что Балхаш имеет соленость значительно меньшую, чем должно было иметь бессточное среднеазиатское озеро, предположил, что «Балхаш некогда высохал, а в дальнейшем опять наполнился водой. С тех пор он еще не успел осолониться» [11, с. 68—69]. Наши данные позволяют датировать высыхание большей части Балхаша в III в. н. э. На китайской карте эпохи Троецарствия (220—280 гг.) на месте Балхаша показано небольшое озеро, соответствующее его наиболее глубокому месту. Уровень Иссык-Куля был также понижен [10, с. 403].

В эту эпоху население степей значительно сокращается, усунь уходят в горный Тянь-Шань; сменившие их юебань – потомки хуннов – населяют склоны Тарбагатай, а некогда богатый Кангюй сходит на нет. Не было никаких внешнеполитических причин, которые бы могли вызвать ослабление этих народов, и это дает основание предположить, что главную роль здесь играл физико-географический процесс аридизации климата. В это же время, по сведениям, сообщаемым Аммианом Марцеллином, Аральское море превратилось в «болото Оксийское», т. е. весьма обмелело [85, с. 269].

Но уже с середины IV в. на север переселяются теле (предки уйгуров), находят себе место для жизни жужани, немного позже туда же отступают тюрки Ашина, и им отнюдь не тесно. Идет борьба за власть, а не за землю, т. е. сам характер борьбы, определившийся к концу V в., указывает на рост населения, хозяйства, богатства и т. д.

Процесс первоначального переселения беглецов (жужани) и разобщенных племен (теле) стал возможен лишь тогда, когда появились свободные, незанятые пастбища. В противном случае аборигены оказали бы пришельцам такое сопротивление, которое не могло быть не замечено в Китае и, следовательно, должно было быть отмечено в хрониках. Но там сообщается

о переселении и ни слова о военных столкновениях, значит, их не было, т. е. жужани и теле заняли пустые земли. А при отмеченной тенденции кочевников к полному использованию пастбищ необходимо допустить, что появились новые луга, т. е. произошло увлажнение.

Согласно нашей концепции, усыханию аридной зоны в III в. н. э. должно было соответствовать столь же резкое увлажнение зоны гумидной. К сожалению, состояние науки в III в., как и всего общества в то время, было далеко не блестящим, и поэтому прямых географических сведений о северных странах не сохранилось. Однако один факт подтверждает нашу точку зрения. В III в. н. э. готы выселились из Южной Скандинавии на южный берег Балтийского моря, к устью Вислы, и потом перешли в район среднего течения Днепра, Припяти и распространились в восточноевропейской лесостепи, одновременно подчинив себе степные территории вплоть до Черного моря. Исходя из того, что готское натуральное хозяйство было тесно связано с условиями гумидного северного ландшафта, мы можем допустить, что в III в. ландшафт мест, заселенных готами, был тоже достаточно влажным и не так уж сильно отличался от скандинавского.

И действительно, в это время из Восточной Европы, через греческие порты Ольвию, Херсонес и другие вывозилось огромное количество хлеба, потреблявшегося Восточной Римской империей. Следовательно, путь циклонов проходил через центральную часть Восточной Европы, что должно было вызвать увлажнение бассейна Волги и повышение уровня Каспийского моря. Если так, то, значит, лесная зона перед этим переживала период усыхания и Волга была мелководна. Поэтому бо́льшая часть нынешней дельты представляла собой холмистую степь, населенную такими же кочевниками, как и вокруг нее. Основным протоком Волги были Ахтуба и ее продолжение Бузан. Возможно, эта река впадала в уральскую западину, соединяющуюся с Каспийским морем узким протоком.

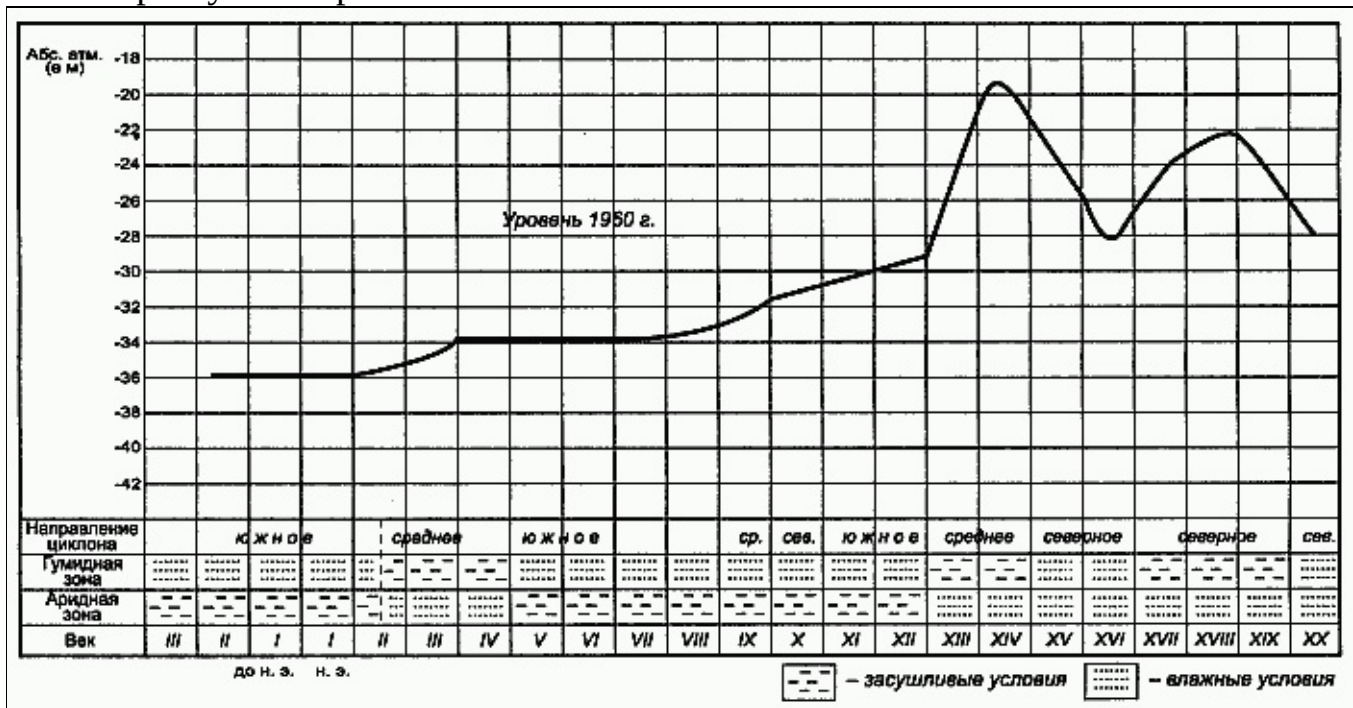

График колебаний уровня Каспийского моря в связи с изменениями климатических условий на Евразийском континенте

Во II в. началось усыхание степей, достигшее максимума в III в., и соответственно повысилось увлажнение в лесной зоне. За этот период Каспийское море поднялось до отметки минус 32—33 м. Волга понесла такое количество воды, которое тогдашнее русло вместить не могло и образовало дельту современного типа. Сухие степи превратились в луга, поросшие ивами, камышом и чаканом. На юге дельта простиралась почти до полуострова Бузачи (севернее Мангышлака), от которого ее отделял узкий проток из уральской западины. Сарматы с берегов Волги в III в. н. э. были вытеснены гуннами, также не задержавшимися на территории Волжской дельты. Начиная с V в. здесь появляются болгары, победители и наследники гуннов, но они захватывают степи, оставив без внимания дельту. Увлажнение степей, начавшееся в IV в., также повлияло на расстановку политических сил, как и прошедшая эпоха усыхания. На месте хуннской родовой империи создан Великий Тюркский каганат. Тюркюты (мы будем так называть этот тюркский народ, чтобы избежать путаницы в названиях) создали державу гораздо более обширную и сильную, чем хуннская. С 550 по 580 г. они подчинили себе степи от Великой китайской стены до Дона и присоединили к своей державе согдийские города до берегов Амударьи. Они вошли в соприкосновение не только с Китаем, но и с Ираном и Византией. Собственно говоря, с VI в. началась эпоха мировой политики.

Такая огромная страна с разноплеменным населением нуждалась в исключительно гибкой и крепкой государственной системе. Тюркютская система, называвшаяся «эль», предполагала соединение военно-демократической формы организации – орды с племенными союзами [29]. Некоторое время единство державы удавалось сохранять, но с 603 г. она распалась на Восточный и Западный каганаты, из которых нам интересен последний.

В Западном каганате собственно тюркюты были в абсолютном меньшинстве. Кроме ханского рода, к этому племени принадлежало небольшое количество дружинников и их семьи. Эта кучка должна была господствовать над могучими храбрыми многочисленными племенами и богатыми культурными согдийскими городами. Среди подданных тюркютского хана были вольнолюбивые телеские племена Джунгарии, кангары Приаральских степей, позже получившие широкую известность под именем печенегов, болгарские племена степей Северного Кавказа, барсилы, жившие между Тереком и Волгой, и хазары. Как ни странно, все перечисленные народы поддерживали династию, благодаря чему она просуществовала до 659 г. Очевидно, наличие слабого правительства их устраивало больше, чем постоянные межплеменные войны, которые в ином случае были бы неизбежны. Но двойной удар извне оказался роковым: арабы вторглись в Согдиану, китайцы захватили бассейн Тарима и Джунгарию, последний хан был взят в плен, а члены его рода перебрались в Хазарию, и с этого времени возник Хазарский каганат.

Из этого краткого рассказа видно, что в VI – VIII вв. степи обеспечивали жизнь кочевников. Но не только эти косвенные соображения позволяют считать тюркютское время эпохой повышенного увлажнения. Контуры озера Балхаш на китайской карте IX в. напоминают впадину бассейна, вмещающего и озеро Алаколь [14, т. III. Ср.: 56, с. 129]. На той же карте показано, что реки Сарысу и Чу, ныне теряющиеся в песках и солончаках, образовывали обширные озера, соответствующие современным сухим углублениям. А если так, то не только дельта Волги, но и долина Дона превратились в райские сады, и подъем культуры населявших их народов имел прочную базу в оптимальных природных условиях.

Именно в это время и в этих условиях сложились два могучих народа: болгары и хазары. По культуре у них было много общих черт, но болгары оставались степняками, скотоводами, охотниками на волков и лисиц, а хазары – обитателями речных долин, земледельцами, рыболовами, напоминая по быту гребенских казаков и астраханских татар.

Дальше в нашей гипотезе был пробел. Каковы были изменения между VII и XIII вв., мы не

знали и оставили эту эпоху под вопросом. Но с конца XIII в. подъем уровня Каспийского моря был отмечен многими современниками. Итальянский географ Марино Сануто в 1320 г. писал: «Море каждый год прибывает на одну ладонь, и уже многие хорошие города уничтожены» [12, с. 220]. Действительно, персидский порт Абаскун был залит морем в 1304 г. [39, с. 8]. Персидские авторы XIV в. объясняли небывалый подъем Каспийского моря тем, что Амударья, изменив свое течение, стала впадать в Каспий и «по необходимости вода затопила часть материка для уравнения прихода и расхода» [9, с. 7]. Как мы уже знаем, изменение уровня происходило совсем по другим причинам, и поэтому можем представить себе климатические условия в начале XIV в. Низовья Волги сторали от жары, а в верховьях Волги лили дожди; татарский скот погибал от бескормицы, русские хлеба гнили на корню; степи превращались в пустыни, леса – в болота. Даже последнее пристанище людей – дельта и пойма Волги были залиты водой и только бэровские бугры поднимались над поверхностью мелкого моря, словно архипелаг маленьких бесплодных островов. Вода дошла до отметки минус 19 м. Подобно тому как ракушки *cardium edule* показывают уровень подъема воды со стороны моря, так керамика VI – X вв., находимая нами в прикаспийских степях, отмечает береговую линию со стороны суши. Различие лишь в том, что керамика указывает не только высоту, но и дату подъема уровня моря, чего нельзя добыть никаким другим путем.

Начиная с середины XVI в. уровень Каспия мог быть установлен обычным путем промеров и привязок. Это было сделано академиком Л. С. Бергом [12, с. 266—267] и уточнено Б. А. Аполловым [4], не внесшим, впрочем, принципиальных изменений. Но мы продолжили анализ, чтобы проверить правильность нашей концепции гетерохронности увлажнения, и получили следующие результаты. В 1556 г. русские построили Астрахань на правом берегу Волги на 13 км ниже старой, татарской. По высоте валов, окружавших город, Л. С. Берг установил, что уровень моря стоял на абсолютной отметке минус 26,5 м [12, с. 225—227], т. е. снизился за 200 лет на 7,5 м. Это значит, что верховья Волги находились в стадии усыхания, но и степи в это время усыхали весьма интенсивно. Именно в эту эпоху население оставляло города в низовьях рек, стекавших с Куньлуны и Наньшаня. Кочевники целыми племенами покидали родные степи, но они уходили не ради завоеваний, не в грабительские походы, а в поисках водоемов и пастбищ. Китайские географы XVII в. писали: «Вся Монголия пришла в движение, а монгольские роды и племена рассеялись в поисках за водой и хорошими пастбищами, так что войска их уже не составляют единого целого» [цит. по: 22, с. 437]. Действительно, в это время ослабели все степные народы, кроме ойратов, использовавших горные долины Алтая, Тянь-Шаня и Тарбагатая, где были и ледниковые и подпочвенные воды.

Но если усыхание захватило и леса и степи, то, значит, увлажнялась Арктика. В самом деле, Ченслер в 1553 г. без труда добрался до устьев Северной Двины. В течение XV – XVII вв. весь Север был освоен русскими поселенцами, селившимися по берегам рек и потому не испытывавшими неудобств от заболачивания тундры. Поморы ходили на Шпицберген и Новую Землю, казаки основали Мангазею. Центр тяжести хозяйственной деятельности незаметно, но неуклонно смещался к северу.

Обратный процесс начался во второй четверти XVIII в. Каспийское море снова начало подниматься и к 1804 г. достигло отметки минус 22,3 м. Это означало, что максимум дождей стал выпадать в бассейне Верхней Волги, хотя и не столь интенсивно, как в XIII – XIV вв. Теперь самыми удобными землями сделались степи Северной Украины, Верхнего Дона, Средней Волги. За короткое время они покрылись деревьями и станицами. С начала XIX в. уровень Каспия медленно падает, а льды Арктики постепенно тают. Северный морской путь был освоен тогда, когда высох нынешний залив Комсомольца. Напрашивался сам собой вопрос: как пойдет изменение климата дальше? Но мы не могли дать прогноза. Ведь все изложенное было пока что

гипотезой, правда, не встречавшей противоречий, но не проверенной до конца. На этом мы закончили наше сообщение.

* * *

Читая доклад в ученом собрании, никогда нельзя быть уверенным в успехе. Самое страшное – если докладчик не сумеет изложить свою идею настолько ясно, чтобы быть полностью понятым. Плохо, когда слушатели скучают и им кажется, что доклад – повторение давно известного. Есть риск показаться парадоксалистом, стремящимся к оригинальности и только ради этого пренебрегающим привычными нормами научного исследования. Наконец, бывает, что аргументация представляется недостаточной и вывод повисает в воздухе.

Поэтому, выступая со своей концепцией, построенной на разнообразном материале, в присутствии ученых разных специальностей, мы могли ждать любых несогласий или сомнений. Вопросы по докладу возникло множество, но, вопреки нашим опасениям, возражений против принципа и методики не было вовсе. Отдельные поправки касались частных деталей и не затрагивали руководящей идеи. Главное сомнение вызвала наша гипотеза о слишком поздней дате трансгрессии Каспия. Обычно ее датировали послеледниковым периодом или, переводя на язык археологии, эпохой верхнего палеолита. Этот тезис в самом деле требовал дополнительных доказательств, но на успехе доклада наличие нерешенных проблем не отразилось. Нас похвалили уже за то, что мы их поставили.

Доклад был рекомендован к печати, продолжение работ в этой области было одобрено. Хазаро-каспийская проблема получила права гражданства.

Перед началом полевых работ полагается их обосновать. Я выдвинул три вопроса. Первый – раскопки хазарского могильника на бугре Степана Разина. Тут доказывать и убеждать не пришлось; все понимали, что в случае успеха будет открыта новая археологическая культура, важность которой для истории несомненна. Второй вопрос – изменение уровня Каспия за исторический период, казалось, выходил за пределы археологии, но гипотеза о влиянии изменения природных условий на древние народы, в частности на хазар, представилась плодотворной, и я получил разрешение заниматься ею попутно, тем более что эта тема не требовала дополнительных расходов. Если начальник экспедиции хочет в свободное время что-нибудь записать в дневник, то благо ему и науке.

Но я хотел большего! Геологами установлено, что на берегах Каспийского моря есть ряд так называемых береговых террас – площадок, выбитых прибоем. Эти террасы показывают древние стояния уровня моря, причем часть их ныне покрыта водой. Так, самая низкая терраса находится на абсолютной отметке минус 36 м, вторая – минус 32—33 м и современная – минус 28 м. Более высокие меня пока не интересовали. Я поставил третий вопрос, решил установить дату стояния Каспия на этих отметках и изобрел следующий метод.

Город Дербент защищен с севера огромной стеной. Западный конец этой стены уходит в труднодоступные Кавказские горы, а восточный спускается в море. Ныне восточный конец разрушен, но в тихую погоду сквозь прозрачную воду видны плиты крепостной стены.

Самое ценное было то, что дата постройки известна точно. Стена была сооружена по приказанию персидского шаха Хосроя Ануширвана в 562—571 гг. Северокавказские кочевники легко проходили в Закавказье по долине между склонами Кавказского хребта и берегом Каспийского моря и грабили оседлое население северо-западной окраины Персидского царства. Для их отражения приходилось содержать большое войско, что было дорого и не всегда давало хорошие результаты, потому что быстрые степняки часто успевали уйти с добычей от тяжеловооруженной персидской конницы. По этим причинам персидский царь решил перегородить долину стеной, неприступной для степных всадников, не умевших брать крепости. Действительно, после того как стена длиной 40 км была сооружена и при ней построена крепость для гарнизона, нападения мелких отрядов кочевников прекратились, а крупные войны и в то время возникали нечасто^[13].

Но меня заинтересовал именно подводный конец Дербентской стены, описанный только тремя арабскими географами X в.: Абуль Фараджем Кудамай, посетившим Дербент в 948 г., Истахри, описание которого датируется 930 г., и Масуди, автором книги «Золотые луга», самого капитального географического сочинения X в. Пребывание Масуди в Дербенте приурочивается к 943—947 гг., и, таким образом, мы имеем три примерно одновременных описания.

Как обычно бывает, сведения источников противоречат друг другу. Кудама пишет, что Ануширван построил мол из каменных глыб и свинца^[14], а на нем продолжил стену, которая вдавалась в море на три арабских мили, т. е. около 5 км^[45].

Масуди определяет длину морского отрезка стены только в одну милю и технику постройки описывает иначе. По его словам, камнями загружались бурдюки и опускались на дно, после чего водолазы прорезали бурдюки ножами и извлекали обратно, чтобы снова пустить в дело. При этом совершенно непонятно, как можно было употребить разрезанный бурдюк и для чего было загружать его камнями, когда проще было опустить камень на место [78, 79].

Истахри пишет, что «между морем и рейдом выстроены две стены параллельно морю; проход между ними тесен и узок, и вход в порт сделан извилистым. При входе в порт протянута

цепь, так что судно не может войти в порт и выйти из него без разрешения» [\[77\]](#) . Что это за стены? На плане Дербента показаны две стены, ограничивающие древний город с севера и с юга. Но они идут перпендикулярно к морю и отстоят одна от другой почти на полкилометра.

Короче говоря, все описания настолько неудовлетворительны, что базировать на них какие-либо соображения нельзя. Надо было исследовать стену самому и определить, какие глубины были вокруг нее в момент ее сооружения. Я уповал на то, что мне это удастся, и просил М. И. Артамонова выделить дополнительную сумму на подводную археологию. А для работы на раскопе он прикомандировал к экспедиции кандидата исторических наук З. А. Львову.

Так была организована экспедиция, от которой можно было ждать либо огромного успеха, либо столь же огромного провала. Но о том, что произошло в Дербенте и дельте Волги, будет рассказано далее, не в хронологическом порядке, а в отдельных главах.

Глава четвертая
Дни в Дербенте

Подготовка к экспедиции в Дербент

Итак, перед новой экспедицией стояли две задачи: раскопать могильник на бугре Степана Разина и исследовать подводный конец Дербентской стены. Если первая сводилась к обычным археологическим работам (я еще не представлял, с какими трудностями придется нам столкнуться), то вторая требовала особой подготовки, и прежде всего овладения техникой ныряния с аквалангом.

Акваланг – изобретение поистине гениальное. Не стесняя человека в свободе движения, он дает возможность двигаться под водой легче, чем мы плаваем по ее поверхности. Но навыки, требующиеся аквалангисту, отличаются от тех, которые имеет обычный пловец. Кроме того, работа без напарника запрещается правилами техники безопасности. Следовательно, необходимо минимум два аквалангиста и два акваланга.

Не стоит описывать трудности проникновения в плавательный бассейн, где обучали подводному спорту, потому что они лежат за пределами темы, хотя и имеют к ней отношение. Гораздо важнее для успеха работ были качества моего напарника, студента исторического факультета Гелиана Михайловича Прохорова.

Он был студент, в дальнейшем именуемый просто Геля, в 1960 г. поступил на первый курс после того, как прошел военную службу и имел трудовой стаж. Плавал он лучше меня, и мы прошли курс обучения подводному спорту.

Инструктор страшно удивился, когда Геля отказался тренироваться для участия в соревнованиях, но тем не менее гонял нас обоих так, что мы научились как следует нырять и плавать.

Первый день в Дербенте (суббота, 5 августа 1961 г.)

Мы с Гелей и Андреем Зелинским приехали в Астрахань, где встретили А. А. Алексина, и прямо направились в Дербент. Там нам оказала теплое гостеприимство водоспасательная станция и ее глава Василий Васильевич. Он поселил нас в одной из комнат домика, находившегося на окраине дербентского пляжа, разрешил использовать для работ экспедиции одну из спасательных лодок. Обосновавшись, мы вышли, как принято говорить в экспедициях, на объект.

Каспийское море предстало перед нами совсем иным, чем в устьях Волги. Здесь не было ни минуты покоя. Огромные зеленые валы накатывались на скалистое дно, завихрялись и падали на песчаный берег. Теперь, когда море стояло на отметке минус 28 м, понижение берега было плавным, но уже в 100 м от него глубина превышала человеческий рост. День был безветренный, что крайне редко на Дербентском побережье, и мы с Гелей, надев акваланги, отправились исследовать южную стену, развалины которой доходили до уреза воды.

Тут мы столкнулись с первым затруднением в освоении методики подводной разведки. Когда мы погрузились в воду, то сразу потеряли друг друга из виду. Я то и дело высовывал голову, но не видел Гелиной головы; он, как выяснилось по возвращении, поступал точно так же. Так и проплавали мы отдельно. Хорошо, что погода была тихая и никаких опасностей не возникло, но на будущее следовало учесть возможность потеряться в воде, где видимость, несмотря на маску, ограничена.

Результат первого заплыва был негативный. Развалины южной стены кончались на суше, не доходя до берегового обреза, т.е. на абсолютной отметке около минус 26—25 м. Это давало повод заключить, что южная стена вообще никогда в море не вдавалась, так как если бы ее нижний конец существовал, то мы бы увидели развал камней на скальной основе дна.

Надо сказать, что сохранность южной стены и в наземной части очень плохая. Большая часть ее была уничтожена при постройке нижнего города у моря. Этот город не вмещался в древние границы и расширялся к югу [5, с. 122]. Но разрушение не могло коснуться морского дна, а если так, то в отсутствии остатков южной стены под водой люди не повинны. Приходилось сделать неизбежно вытекавший из наблюдений вывод, что южная стена была построена не одновременно с северной стеной, а тогда, когда уровень Каспия поднялся до отметки минус 25 м или выше и защищать море не было надобности. Но тогда рейд, защищенный цепью, никак не мог быть ограничен с юга продолжением южной стены, не имевшей к нему никакого отношения. Да и никакая цепь не могла тянуться полкилометра без мощных каменных опор, а таковых на южной стороне укрепления не было. Очевидно, описания арабских географов относились только к северной стене. Поэтому мы пересели в лодку и двинулись к ней вдоль берега. Нижняя часть ее около железной дороги была разобрана, но обрез сохранившейся части шириною 4 м выделялся среди темной южной зелени деревьев ярким серым пятном. Поравнявшись со стеной, мы устремили глаза вниз и сквозь зеленую воду увидели огромные сасанидские плиты, лежащие на боку. Расстояние до берега было около 200 м, глубина, как показал самодельный лот, – 3,5 м. Надев акваланги, мы опустились на дно и ощупали руками скользкие камни, к которым больше тысячи лет не прикасалась человеческая рука. Ширина развала плит, из которых стена была сложена, достигала 70 м, а по обе стороны, к югу и северу, тянулась гладкая гранитная площадка, прикрытая слоем мелкого песка. Она плавно понижалась к востоку до расстояния около 350 м от берега. Дальше глубины начали возрастать очень быстро, следовательно, окончилась береговая терраса, показывавшая на продолжительное стояние уровня моря в эпоху, которую нам предстояло определить.

На этом пришлось закончить наши работы в первый день, так как поднялся северо-восточный ветер, море замутилось, и мы поспешили на берег. Дербентский рейд славится своим постоянным волнением, из-за чего к нему избегают приближаться даже современные корабли. Насколько это правильно, мы вскоре убедились воочию.

Второй день в Дербенте (воскресенье, 6 августа)

Первой нашей задачей было разработать методику съемки на воде. Будь у нас достаточно людей и инструментов – это было бы довольно просто, но когда у четырех человек есть только горный компас с визиром, дело осложнялось. Однако А. А. Алексин нашел выход. За серым пятном среза стены виднелась башня, бывший минарет, примыкавший к сухой части стены. Таким образом, имелись два ориентира, совмещая которые мы визировали створ стены. Несколько южнее стены высилась водонапорная башня. Если установить лодку в створе стены и ориентировать компас, визируя одновременно водонапорную башню, то мы получали угол между этими двумя линиями. А. А. Алексин быстро высчитал соответствие углов с расстояниями от берега и составил таблицу, которой мы и пользовались остальное время. Допуск или величина ошибки при таких измерениях была около 10 м, но при наличии постоянного волнения большая точность была недостижима. Да она была и не нужна нам, потому что нашей задачей было установление абсолютной отметки конца стены, а на расстоянии 10 м глубина менялась всего на несколько сантиметров, что не имело никакого значения.

В измерениях и расчетах прошло тихое утро, а к полудню снова поднялся ветер и заставил нас вернуться на берег. Стоянка лодки была в километре от места работ, и нам приходилось при каждом возвращении усиленно работать веслами на тяжелой морской лодке. Однако еще труднее была высадка на берег. Дно дербентского пляжа очень полого и усеяно большими камнями. Уже в 20 м от берега лодка начинает задевать килем камни. Тогда надо спрыгивать и по пояс в воде подталкивать ее. Спрыгивают люди поодиночке, чтобы до конца использовать силу волны, набегающей на берег. Последние метры уже все держатся за борта лодки и тянут ее с камней на песок. А потом наступает самое трудное – надо вытащить лодку на сухое место, чтобы при волнении ее не смыло обратно в море. Тут кто-нибудь созывает всех желающих помочь, ибо для четырех человек – это задача непосильная, и под крики «раз-два – взяли» и «еще раз – взяли» лодка водворяется на место.

Если же, а это бывало все дни, вытаскиванию лодки предшествовали два-три часа под палящим солнцем и 40—60 минут в воде и под водой, то даже мои крепкие и выносливые сотрудники, войдя в отведенную нам комнату, ложились и лежали 5—6 часов, не будучи в силах добраться до столовой в городе и пообедать.

Зато, когда наступал вечер и пляж пустел, мы выносили наши тюфяки наружу, стелили их у моря и, перед тем как заснуть, смотрели на яркие южные звезды, слушая непрекращающийся гул волн. В эти часы мои товарищи забывали все невзгоды и то, что вместо легкой работы на раскопках я заставил их нырять и плавать, и то, что я кричал при малейшей задержке в работе, и то, о чем будет рассказано в описании следующих дней. Да! Несмотря ни на что, дербентская эпопея – это одно из самых любимых наших воспоминаний.

Третий день в Дербенте (понедельник, 7 августа)

С утра, прежде чем мы успели позавтракать, поднялся ветер. В этот день мы установили, что надо выходить в море не позже 5 часов утра, потому что уже к 8—9 часам волнение загонит нас на берег. А тут мы задержались и в половине седьмого вынуждены были констатировать, что пробиться через волны прибоя нам не под силу. Делать нечего, пришлось ограничиться прогулкой по берегу, но она оказалась тоже весьма полезной. На самом урезе воды, в нескольких метрах южнее створа северной стены, мы увидели большой развал диковинных плит, совершенно не похожих на сасанидские, тянувшийся вдоль берега перпендикулярно стене. Вытесанные из серого известняка, длиной 1,9 м, шириной 0,4 м, толщиной 0,2 м, они были украшены полуцилиндрами, представлявшими вместе с плитой монолит. Длина полуцилиндров колебалась от 1,2 до 1,7 м, а высота – от 0,3 до 0,5 м. Было их довольно много, и они были перемешаны с обломками сасанидских плит. Установить, что они собой представляли и как сюда попали, не было никакой возможности.

Волнение на море усиливалось, и мы решили подняться к крепости, чтобы не терять времени даром. Мы прошли сначала через русский город, раскинувшийся около железной дороги, шумный, веселый, деятельный; затем поднялись по широкой улице, полной магазинов, где смуглые еврейские дети выбегали из всех переулков; потом мы оказались в районе базара и удивились молчанию и покою, царившим в таком, казалось бы, оживленном месте. Горцы-мусульмане сидели группами в тени земляных стен, курили и молчали. Женщины и дети находились где-то за стенами и не нарушали тишины. Здесь кончился живой город Дербент и начиналась лестница в город-музей, цитадель дербентской крепости. Я не в силах передать впечатление от величия сасанидских стен, огромные плиты которых стоят века без капли известкового раствора; сквозь бойницы видны и море и горы; в глубоких каменных подвалах мерцает вода, а кусты и деревья силой жизни, заключенной в их крохотных семенах, высятся на культурном слое VI – XII вв.

Нет, бессильны слова! Идем из крепости на горный склон, на котором видны могилы «богатырей», живших и похороненных еще до Мухаммеда, как объяснили нам сотрудники местного музея.

Мы подошли к надгробиям и узнали в них те самые плиты, которые в беспорядке валялись на морском берегу. Очевидно, когда-то потребовался материал для ремонта конца стены и кто-то бесцеремонно воспользовался готовыми плитами. Тут невольно вспомнился эпизод, происшедший здесь в 1587 г. Шедший однажды с севера караван остановился у стены на ночлег, чтобы утром, когда откроют ворота, идти дальше через город. Однако утром привратники убедились, что каравана нет – верблюды обошли стену в воде. После этого шах Аббас I приказал соорудить в море, «там, где глубины достаточны, чтобы их не могли пройти верблюды, большую башню и соединить ее с берегом стеной» [цит. по: 3, с. 138]. Самое простое для строителей было взять плиты уже неохранных могил и перетащить их на место работ. Таким образом, мы истолковали совпадение наших утренней и вечерней находок, заодно отметив абсолютную отметку башни Аббаса – минус 28,5 м.

Четвертый день в Дербенте (вторник, 8 августа)

Будто назло нам, буря усиливалась. О том, чтобы выйти в море, не могло быть и речи. Поэтому мы поставили опыт наблюдения с водонапорной башни. С вершины этого неуклюжего деревянного сооружения берег просматривался на расстояние, значительно превышавшее то, которое нас интересовало. Зеленые волны в глубоких местах казались рябью, но, сталкиваясь с прибрежными скалами, находившимися на глубине 2—3 м, они вспенивались и превращались в белых барашков. И вот мы ясно увидели, что на прямой линии в створе стены образуются точно такие же барашки, как у берега. Значит, волны нижними концами задевали о препятствие, которым могли быть только камни стены. Применяв наши нехитрые измерительные приборы, мы отметили точки наибольших волнений, т. е. наибольшие скопления строительных остатков. Самая далекая находилась в 300 м от берега и самая близкая – в 100—150 м. Между ними был небольшой перерыв, где море было чуть спокойнее. Таким образом, мы определили пункты, на которые следовало обратить наибольшее внимание. Для их первичного исследования требовалось всего два-три дня тихой погоды, а ее не было. Наш хозяин, Василий Васильевич, лукаво улыбаясь, говорил нам: «Море не хочет выдавать свои тайны», и в тот момент мы были готовы поверить, что он прав. Но я помнил, что небольшой циклон проходит в течение трех дней, а в том, что это был именно циклон, легко было убедиться по направлению ветра. Поэтому мы не теряли уверенности, что завтра выйдем в море. Время, освободившееся по вине погоды, мы использовали на осмотр северной стены. Было просто удивительно, как точно и четко чувствовали иранские архитекторы VI в. размежевание ландшафтных зон. На север, насколько хватало глаз, простирается знойная, выгоревшая степь. Это вариант уже знакомого нам ландшафта, вытянувшегося языком между отрогами Кавказского хребта и берегом Каспийского моря. Он доходит до подножия Дербентской стены и кончается. К югу лежат склоны холмов, перемешанные с зарослями орешника и какими-то причудливыми кустами. Здесь даже воздух другой, такой же горячий, но пряный и немного терпкий. Здесь другая жизнь и другие культурные традиции ощущаются не только в каждом здании, а даже в каждом камне или обломке сосуда. Это место, где люди жили оседло и обороняли свою землю от северных кочевников.

Хотя стена описана безукоризненно, мы все-таки наткнулись на один факт, которому сначала не придали значения. То тут, то там южнее самой стены в землю были вкопаны огромные глиняные амфоры. Сейчас многие из них разбиты, но остались ямы и черепки. Несомненно, это были сосуды для воды, необходимой защитникам стены. В жаркое время под прямыми лучами солнца без воды долго не продержишься, и персидские строители, учитывая трудность постоянного водоснабжения в условиях осады, подготовили водохранилища, в которых вода сохраняла прохладу и долго не портилась. Но мы еще не осознали важность этого наблюдения и связанных с ним выводов. Наши мысли стремились к морю.

Пятый день в Дербенте (среда, 9 августа)

Утро было тихим. Зеленая гладь моря казалась пронизанной пунцовыми лучами восходящего солнца. В 5 часов утра мы столкнули лодку в воду и в половине шестого были уже в створе стены. Розовые лучи сменились оранжевыми – солнце оторвалось от линии горизонта.

Первая точка опускания находилась в 100 м от берега. Она нас задержала ненадолго. Мы установили контур развала плит: он тянулся на 30 м к северу и на 40 м к югу при глубине 2 м. Не задерживаясь, мы двинулись на следующую точку и тут сделали тактическую ошибку.

Вместо того чтобы пройти 100 м и продолжать опускание, мы вздумали сразу подсечь конец стены со стороны моря. Собственно говоря, это было целесообразно при условии, что погода не изменится, а о последнем мы в увлечении работой не подумали.

Итак, в 7 часов мы оказались на расстоянии 600 м от берега и установили, что там, на глубине 5,5 м, только ровное песчаное дно, без следов человеческой деятельности. Продвинулись на 100 м мористее – глубина 7,3 м и то же самое. Значит, здесь, на абсолютной отметке минус 36 м (самая низкая береговая терраса), в VI в. было глубокое море.

Мы вернулись на точку в 300 м от берега и обнаружили конец стены. Это нас очень обрадовало, так как подводные наблюдения подтвердили наблюдения с водонапорной башни. Мористее был найден в створе стены только один большой камень со следами обработки, очевидно, оброненный там случайно. Техника съемки в этот день была далеко не совершенна. Сначала я плавал в тихой воде и через стекло маски рассматривал дно, устанавливая объект и задачу. Затем я влезал в лодку и брался за компас и дневник, а Геля (Прохоров) опускался на дно и дополнял визуальные наблюдения, ощупывая камни. Затем он выныривал и сообщал полученные данные, не отплывая с места подъема. Все тут же фиксировалось, после чего мы переходили на следующую точку. Основным недостатком этой методики была трудоемкость и, следовательно, относительная медленность работы. За это мы заплатились тут же. Около 9 часов с моря потянул ветерок, началось волнение, со дна поднялся песок, видимость под водой снизилась и пришлось заканчивать рабочий день. Пока мы совещались, принимали решение и садились на весла, ветер усилился настолько, что нас буквально понесло на юг. На берег мы выбрались уже с большим трудом, но результатами работ остались довольны. Самое главное, мы установили отсутствие насыпи или мола. Стены строились непосредственно на скальном основании дна. Следовательно, сведения арабских географов являются домыслами людей, пытавшихся объяснить непонятное явление – длинную стену, вдававшуюся в море. А если так, то с VI по X в. произошло поднятие уровня, потому что на глубине 5 м ни тогда, ни позже люди строить стены не могли. В принципе решение проблемы было достигнуто, но подводную съемку следовало завершить.

Шестой день в Дербенте (четверг, 10 августа)

На рассвете нас покинул А. А. Алексин. Бурная погода съела те дни, которые он мог выделить для совместной работы, а теперь его ждали заволжские степи. Нам было тяжело лишиться его помощи и советов, но наш хозяин, глава водоспасательной станции Василий Васильевич, согласился выйти с нами в море и помочь нам, а то бы втроем нам не управиться.

В это утро мы направились прямо к месту окончания стены. На меня произвела тяжелое впечатление внезапная рассеянность Гели. Он делал все, что было нужно, но автоматически, словно его мысли были далеко. Но я отбросил сомнения, потому что надо было грести, становиться в створ, брать азимут: короче, мне было некогда обращать внимание на психологию. В это утро ветер поднялся раньше обычного. Однако отступать мы не собирались. Первая попытка установить лодку на месте окончилась неудачно – якорь вырвался из песка, и нас понесло назад, на юг. Мы вернулись и снова стали на якорь в створе стены. На этот раз якорь зацепился прочно, но канат был натянут как струна. При возвращении мы уклонились несколько мористее, чем было нужно. Глубина была 6 м вместо пяти или пяти с половиной. Я предложил Геле и Василию Васильевичу опуститься, осмотреть дно и сразу же вернуться, для того чтобы переместить лодку ближе к развалинам. Мне казалось, что я отдал приказание предельно точно, да так оно и было. Геля с рассеянным видом надел акваланг и исчез под водой. За ним последовал Василий Васильевич, а мы с Андреем начали брать азимут и устанавливали свое место на плане. Прошло 10 минут, потом 20; из воды никто не показывался. Ветер усиливался, и белые барашки забегали вокруг лодки. Наше недоумение перешло в беспокойство. Что случилось? Волны уже раскачивали лодку, как качели.

Вдруг из воды показалась Гелина голова; он махнул рукой и что-то крикнул, но ветер отнес слова на юго-запад. Мы жестами позвали его назад, и он погрузился снова. Еще раз он вынырнул, но немного дальше. Я понял, что его сносило волнами, потому что море было здесь взбаламучено до самого дна. Геля махал нам ручками, и было ясно, что он выбился из сил. Андрей бросился к якорю, чтобы пойти к Геле навстречу, но я, не отдавая себе отчета, почему я так делаю, оттолкнул его от якорного каната. Тогда Геля с искаженным от напряжения лицом вывернул плечо из лямки акваланга, сбросил тяжелый прибор и, словно на экзамене в бассейне, по всем правилам, поплыл к лодке. Ни на войне, ни в заполярной тайге, ни в припамирских ущельях я не испытывал такого напряжения и ужаса. Но Геля выплыл сквозь волны, и мы с Андреем втянули его в лодку. Почти в тот же момент вернулся Василий Васильевич, и мы были снова все вместе.

Оказалось, Геля в своей задумчивости пропустил мимо ушей мою инструкцию. Вместо того чтобы вернуться, не увидев камней, он отправился разыскивать стену и удалился от места стоянки. О своих переживаниях под водой он рассказал так: «Когда я опустился на дно, то сразу понял, что мы бросили якорь слишком далеко от берега. Подо мной был голый грунт и камней видно не было. Мне подумалось, что край стены все же должен быть близко, и я поплыл над самым дном по направлению к берегу. Я плыл и плыл, с силой работая ластами, и удивлялся тому, что плиты все не показываются. По ширине развала 70 м уклониться настолько, чтобы плыть параллельно стене, было нереально. Так грубо ошибиться в выборе места стоянки нашей шлюпки мы тоже, казалось, не могли. Загадка заинтриговала меня. Мой манометр показывал, что воздух в баллонах использован лишь на одну треть, и я решил плыть вперед, пока не увижу камней и не пойму, в чем тут дело. Наверху крепчал ветер и усиливалось волнение – это было видно по тому, что вода все больше и больше мутнела. Но стена-то должна быть где-то рядом! Камни показали неожиданно близко и с неожиданной стороны: не спереди, а слева. Довольно

ровная линия обреза стены приближалась ко мне слева и сзади и уходила в муть вперед и направо. Удивление мое возросло оттого, что мне показалось, что линия эта – не прямая, а дуга, пологая дуга. Я вынырнул на секунду на бурлящую поверхность – проверить, не ошибся ли я в направлении. Ошибки нет: край стены шел не под прямым углом к берегу. Проплыв некоторое расстояние вдоль этого края, я убедился, что стена изгибалась: ее обрез теперь стал параллелен берегу и дальше вправо он снова плавно изгибался в сторону глубины. Я находился внутри огромной башни, имеющей со стороны моря проем, „ворота“, в которые я и проплыл. Этим все объяснилось. Сделав это открытие, я всплыл и помахал рукой сидящим в лодке, чтобы они завизировали точку моего нахождения. К моему удивлению, лодка оказалась гораздо дальше от меня, чем я предполагал. Небольшой щепочкой прыгала она на волнах, и я не знал, заметили ли меня Лев Николаевич или Андрей.

Стрелка манометра приблизилась к 30 атмосферам, это означало, что я должен немедленно возвращаться. Погрузившись, я быстро поплыл к лодке. Скоро, однако, на половине вдоха прекратилась подача воздуха из баллонов. Стрелка манометра по-прежнему стояла около цифры 30. Несколько раз я пробовал высосать причитающийся мне воздух, но тщетно. От бесплодных вдохов только пережгло спазмой бронхи. Я всплыл, сделал судорожный вздох, причем гребешок волны залил мне рот, и в раздумье погрузился. Акваланг меня притапливал – так удобней при работе на дне, но теперь, при волнующемся море и когда предательски кончился воздух, этот небольшой лишний вес отнимал много сил. Несколько раз я всплывал, махал рукой сидящим в лодке – до нее было метров 40, и я видел, что они меня заметили, – чтобы они подплыли ко мне. Некоторое время я погружался и всплывал, пока не заметил, что ветром и волнами меня сносит на юг, а они и не собираются поднимать якорь. Тогда я сорвал маску, отстегнул и сбросил тяжелый акваланг, манометр которого по-прежнему показывал «30», и, ругаясь, поплыл к лодке сам». (Вот когда зимние тренировки в бассейне спасли жизнь человека и научные результаты экспедиции.)

Какое счастье, что я не дал Андрею поднять якорь! Вдвоем мы не успели бы направить лодку к тонущему товарищу. Нас пронесло бы мимо него со скоростью поезда, а о том, чтобы вернуться против ветра, не могло быть и речи. До берега было не меньше 300 м, и усталому человеку проплыть это расстояние было бы не по силам. Погибли бы оба аквалангиста, и вряд ли бы выбрались и мы.

Но теперь, когда на руле сидел опытный Василий Васильевич и мы выгребали при попутном ветре, опасность, казалось, миновала.

Зеленые валы легко перебрасывали лодку через прибрежные подводные камни и только у самого берега, когда киль начал тереться о дно, я соскочил в мелкую воду и хотел подтолкнуть лодку. В это мгновение теплая волна мягко подняла меня и положила боком на скалистое дно, а тяжелая лодка с тремя гребцами с такой же легкостью обрушилась на меня. Если бы лодка не села килем на камни, от моих ног осталась бы кровавая каша. Но она не дошла до них сантиметров на десять. Удар был так силен, что гребцы попадали, а фотоаппарат Андрея ударился о борт и разбился.

Однако это было на сегодня последнее испытание. С берега подбежали спасатели, подхватили лодку и вытащили ее на сухой песок. В этот день мы больше не работали. А шторм разыгрался так, что даже купание у берега было запрещено.

Седьмой день в Дербенте (пятница, 11 августа)

Циклон продолжал свирепствовать, но на следующий день должен был уняться. Мы снова пошли в крепость, откуда просматривались стена и море. На этот раз мы увидели их новыми глазами.

Арабские географы X в. не то чтобы ошиблись, а слишком много домыслили. По-видимому, им не приходилось нырять в море в штормовую погоду, а тихие дни на дербентском рейде – исключение из обычного состояния. Персидским инженерам совершенно незачем было строить башню, замыкавшую стену на большой глубине.

Для целей обороны было достаточно, если вокруг нее была глубина 1—1,2 м. Ведь на башне были стрелки, которые не позволили бы противнику пробираться под самыми стенами башни. Затем, тюркский всадник на неподкованном коне был бы сразу же сбит с ног прибоем и имел больше шансов утонуть, чем мы в предыдущий день.

Поэтому стало понятно, почему в 627 г. тюрко-хазарское войско предпочло штурм Дербентских стен обходу с моря. Современник взятия Дербента, описание которого сохранилось в сочинении армянского историка Моисея Каланкатуйского, несомненно, был очевидцем штурма.

Из его описания не вытекает, что пала крепость, расположенная на холме, где находился персидский гарнизон из ста стрелков [83, с. 283], но город и стена, обороняемые ополчением из местного населения, не смогли остановить тюркютов и хазар.

Гайшах (персидский наместник из местных князей) «видел, что произошло с защитниками великого города Чора (армянское название Дербента.– Л. Г.) и с войсками, находящимися на дивных стенах, для построения которых цари персидские изнурили страну нашу, собирая архитекторов и изыскивая разные материалы для построения великого здания, которое соорудили между горой Кавказом и великим морем восточным... Видя страшную опасность со стороны безобразной, гнусной, широколицей, безресничной толпы, которая в образе женщин с распущенными власами (описание антропологического типа и прически тюркютов.– Л. Г.) устремилась на них, содрогание овладело жителями, особенно при виде метких и сильных стрелков, которые как бы сильным градом обложили их и как хищные волки, потерявшие стыд, бросились на них и беспощадно перерезали их на улицах и площадях города. Глаз их не щадил ни прекрасных, ни милых, ни молодых из мужчин и женщин, не оставляя в покое даже негодных, безвредных, изувеченных и старых; они не жалобились, и сердце их не сжималось при виде мальчиков, обнимавших зарезанных матерей; напротив, они доили из грудей их кровь, как молоко. Как огонь проникает в горящий тростник, так входили они в одни двери и выходили в другие, оставив там деяния хищных птиц и зверей» [60, с. 105].

Здесь описан классический случай приступа, когда стрелки парализовали сопротивление оборонявшихся, а ударники почти без сопротивления перелезали стену, помогая друг другу.

Очевидец, по-видимому, наблюдал трагедию родного города из цитадели, и если бы враги использовали обход со стороны моря, он не мог упустить этого в своем описании, тем более что из цитадели море видно как на ладони.

Мы проверили наши впечатления, поднявшись от крепости вверх на крутые холмы. Там сплошной стены не было, но вместо нее тянулась система валов и стен, сложенных из бута на известковом растворе, облицовка которых расхищена. Относительная слабость оборонительных сооружений компенсируется исключительно удачным использованием рельефа местности. Холмы предгорий, спускающиеся полого к югу и востоку, с северной стороны ограничены почти отвесным обрывом. Они и сейчас, когда стена обрыва оплыла, почти неприступны, а если они

были подтесаны под отвес, то нападения можно было не опасаться.

Мы добрались до небольшого форта, построенного из плит сасанидского времени. Очевидно, здесь был один из наблюдательных пунктов, так как с обрыва местность просматривалась на огромное расстояние. Да, тюркюты и хазары были правы, предприняв лобовую атаку стены. Любой другой маневр был бы сложнее.

Поздно вечером мы вернулись на пляж. Ветер стих, но волны еще бушевали.

Восьмой день в Дербенте (суббота, 12 августа)

Утром, хотя море еще не совсем успокоилось, мы вышли на объект и, не теряя ни минуты, спустили аквалангистов Гелю и Василия Васильевича с буйками. Я делал засечки, Андрей фотографировал вторым, уцелевшим, фотоаппаратом. Меньше чем за час мы произвели глазомерную съемку, которую никак не могли сделать за неделю. Вот что значит опыт и слаженность в работе. Когда же опять потянуло ветром и белые гребешки заплясали на зеленых волнах, наши аквалангисты поднялись в лодку и Геля вручил мне роскошный подарок: черепок амфоры, найденный им среди развала камней на глубине 4 м или на абсолютной отметке – минус 32 м. Ошибиться было невозможно. Это был фрагмент точно такого же сосуда, которые мы находили вкопанными в землю вдоль стены, где они служили водохранилищами. Значит, в VI в. в воде нуждались на том месте, где теперь плещется море, а если так, мы нашли то, что искали, – уровень моря VI в. Заснятый нами план развалин «башни» позволил нам понять сообщение Истахри о цепи, запиравшей вход в дербентский порт. Очевидно, «башня» служила закрытой гаванью, где глубина была немного больше метра, потому что абсолютная отметка дна внутри «башни» – минус 33,5 м. Для судов с мелкой осадкой этого было достаточно. В башню, видимо, вел проход, запиравшийся цепью, а внутри этого закрытого пространства, в тихой воде, производить выгрузку и погрузку было несложно. Стена подходила к «башне» вплотную и соединялась с ней торцом. По гребню стены проходили люди, чтобы сесть на корабли или спуститься с них. Все наконец стало понятно и просто.

Нашей работой заинтересовался даже один молодой тюлень. Он все время выныривал неподалеку от лодки и с интересом смотрел на нас. Его добродушная усатая мордочка среди бело-зеленых волн очень нам запомнилась. Но надо было спешить на берег, куда нас настойчиво подталкивал северо-восточный ветер.

Мы с Андреем сели на весла, мигом перемахнули через первую гряду камней, и тут море еще раз показало, на что оно способно: весло Андрея, сидевшего вправо от меня, внезапно наткнулось на камень. Так как лодку сдувало в его сторону, то весло, встретив упор, выскочило из уключины, вырвалось из рук Андрея и проскочило в двух сантиметрах от моего лица с силой, способной расколоть череп.

Тут я увидел, насколько моряки суеверны, ибо ничто не могло разубедить Василия Васильевича в том, что море оберегает свои тайны и мстит тем, кто их похищает. Но мы настолько устали, что, выйдя на берег, не могли ввязываться в спор. Мы лежали, смотрели на небо и считали, что, выполнив задуманную работу, счастливо отделались: все трое остались живы.

Девятый день в Дербенте (воскресенье, 13 августа)

Утро было ясным, море тихим. Ах, если бы такая погода началась на неделю раньше! Оставалась только самопроверка. Мы с Андреем опустились по очереди, используя уцелевший акваланг, поплавали над камнями и вернулись вполне удовлетворенные: допуск при наших измерениях не превышал 10 м, что в условиях постоянного волнения было оптимально. Повторные замеры подтвердили прежние в пределах законного допуска. И наконец, стало понятным на первый взгляд фантастичное описание постройки морского отрезка стены у Масуди.

Установка тяжелых сасанидских плит на суше, видимо, производилась при помощи блоков, веревок и большого числа людей. В постоянно волнующемся море это было не только трудно, но просто неосуществимо. Люди, погруженные в воду, скользя по донным камням и борясь с волнами, не имели бы ни упора, для того чтобы тянуть камень, ни собственного веса, потерянного по закону Архимеда. Персидские инженеры VI в. нашли выход в облегчении самих камней. К плитам привязывались бурдюки, игравшие роль поплавков, и тогда плиту во взвешенном состоянии устанавливали на место. После этого ремни отрезали, и бурдюк снова шел в дело. Такую постройку можно было соорудить только на глубине меньше человеческого роста, т. е. не глубже 1,5 м. При больших глубинах был бы неизбежен разброс камней; передвинуть же сасанидскую плиту под водой непосильно для самых искусных водолазов [\[33\]](#).

Таким образом, абсолютная отметка Каспия в конце VI в. была минус 32 м, а в середине X в. вода стояла гораздо выше (минус 29,5—28,5 м), потому что другая крепость, построенная около Баку в 1234 г. (так называемый «караван-сарай», дату постройки удостоверяет сделанная на его стене арабская надпись), находилась на этом уровне. Исследовавший этот памятник океанолог Б. А. Аполлов пишет: «При постройке крепости ученые того времени знали, что уровень моря за известное им прошлое время не поднимался выше холма, иначе они не стали бы на нем строить крепость. Это время, во всяком случае, вероятно 100—200 лет» [3, с. 140].

Учитывая скачкообразный характер колебания уровня Каспийского моря, следует считать, что трансгрессия (наступление) моря на 2,5—3 м произошла в первой половине X в. К моменту посещения арабскими географами Дербента волны еще не успели разрушить стену, хотя затопили ее на протяжении 300 м. Вид стены, омываемой морем, неизбежно вызывал у пытливых арабских географов повышенный интерес к тому, каким образом построена столь мощная стена на такой большой глубине, и они, опросив местных жителей, создали гипотезы, не вполне соответствовавшие действительности, но отражавшие уровень знаний их времени.

Придя к такому выводу, мы сочли свою задачу выполненной и на рассвете следующего дня покинули Дербент.

Теперь у нас появились данные, для того чтобы заполнить «белое пятно» нашей историко-климатической схемы – промежуток между VI и XIII вв. За это время Каспийское море поднималось два раза: в X в. на 3 м и в XIII – XIV – на 10 м. Оба поднятия соответствовали изменению направления движения циклонов и, следовательно, должны были отразиться на судьбах европейских и азиатских народов. Действительно, X век – это расцвет мореплавания викингов. С необычной легкостью, невозможной ни в какие другие эпохи, норманны осваивают Исландию, побережье Гренландии, которую они в 986 г. назвали «Зеленой страной», и Ньюфаундленд ^[96]. А в это самое время, также неорганизованно и стихийно, идет выселение кочевых племен из сухих степей современной территории Казахстана на юг и на запад. Карлуки в середине X в. переселяются из Прибалхашья в Фергану, Кашгар и современный Южный Таджикистан ^[46]. Печенеги покидают берега Аральского моря еще в конце IX в. и уходят в южное Приднепровье [40, с. 132]; за ними следуют торки, или гузы, распространившиеся между Волгой и Уралом. Это выселение не очень большого масштаба, но оно показательным своим совпадением с также небольшим изменением уровня Каспия, что подтверждает правильность принятой нами гипотезы. Но нет оснований связывать эти передвижения с крупными политическими событиями, потому что в то же самое время на территории Восточной Монголии, лежащей за пределами действия атлантических циклонов, история уйгуров имела совсем иной оборот.

Уйгуры – интереснейший народ Центральной Азии. В середине IV в. они распространились из предгорий Наньшаня по всей Великой степи от Орхона до Иртыша. В отличие от жужаней и тюркютов уйгуры и родственные им племена были наиболее склонны к мирному труду скотоводов и к восприятию культуры иных народов. Вместе с тем они постоянно проявляли исключительное мужество, были искусны в стрельбе из лука и неожиданных набегах на соседей. Управлялись они не ханами, а выборными старейшинами, не стеснявшими их свободы. Однако при всех своих блестящих качествах уйгуры долгое время находились в подчинении у древних тюрков, которые «их силами геройствовали в пустынях севера» [14, т. I, с. 301], что не очень нравилось уйгурам. Несколько попыток освободиться, предпринятых уйгурами в VII в., окончились неудачей, но природа и время работали не на тюрков, а на них. Обильное увлажнение степи позволяло расширять площадь пастбищ и, следовательно, количество скота. В то время как тюрки добывали славу в далеких походах, причем часть уйгуров им сопутствовала, уйгуры в целом богатели и множились. Когда же империя Тан со всей силой своей регулярной армии нанесла в 744 г. удар по Тюркскому каганату, уйгуры присоединились к нападавшим и совместно с карлуками разгромили древних тюрков. Этим они обеспечили себе столетнее господство над восточной частью степи.

Период с 745 по 840 г. был наиболее плодотворен для роста центральноазиатской культуры. Уйгуры строили города, занялись земледелием, пригласили из Средней Азии грамотных учителей: несториан и манихеев. Только китайскую культуру они не впитали в себя, предпочитая получать из Китая шелк, а не мировоззрение.

Но воспитанная веками привычка к племенному самоуправлению толкнула уйгуров на путь ограничения центральной власти.

Уйгурские ханы с начала IX в. были марионетками в руках племенных вождей, склонных к распрям и изменам. Одной из междоусобиц воспользовались енисейские кыргызы. В 840 г. они взяли столицу Уйгурии и вынудили большую часть уйгуров искать спасения на южной стороне пустыни Гоби.

А на западе в это самое время усилился народ – до тех пор немногочисленный и слабый – кипчаки. Родиной кипчаков были западные склоны Алтайских гор, и усыхание степи затронуло их хозяйство минимально. Поэтому они заняли пространства, покинутые карлуками, печенегами и гузами, а когда в XI в. степи зацвели снова, то они стали называться в сочинениях персидских авторов «кипчакскими». Этому народу, который венгры называли куманами, а русские – половцами, удалось без большого труда отогнать на запад своих истомленных засухой соседей.

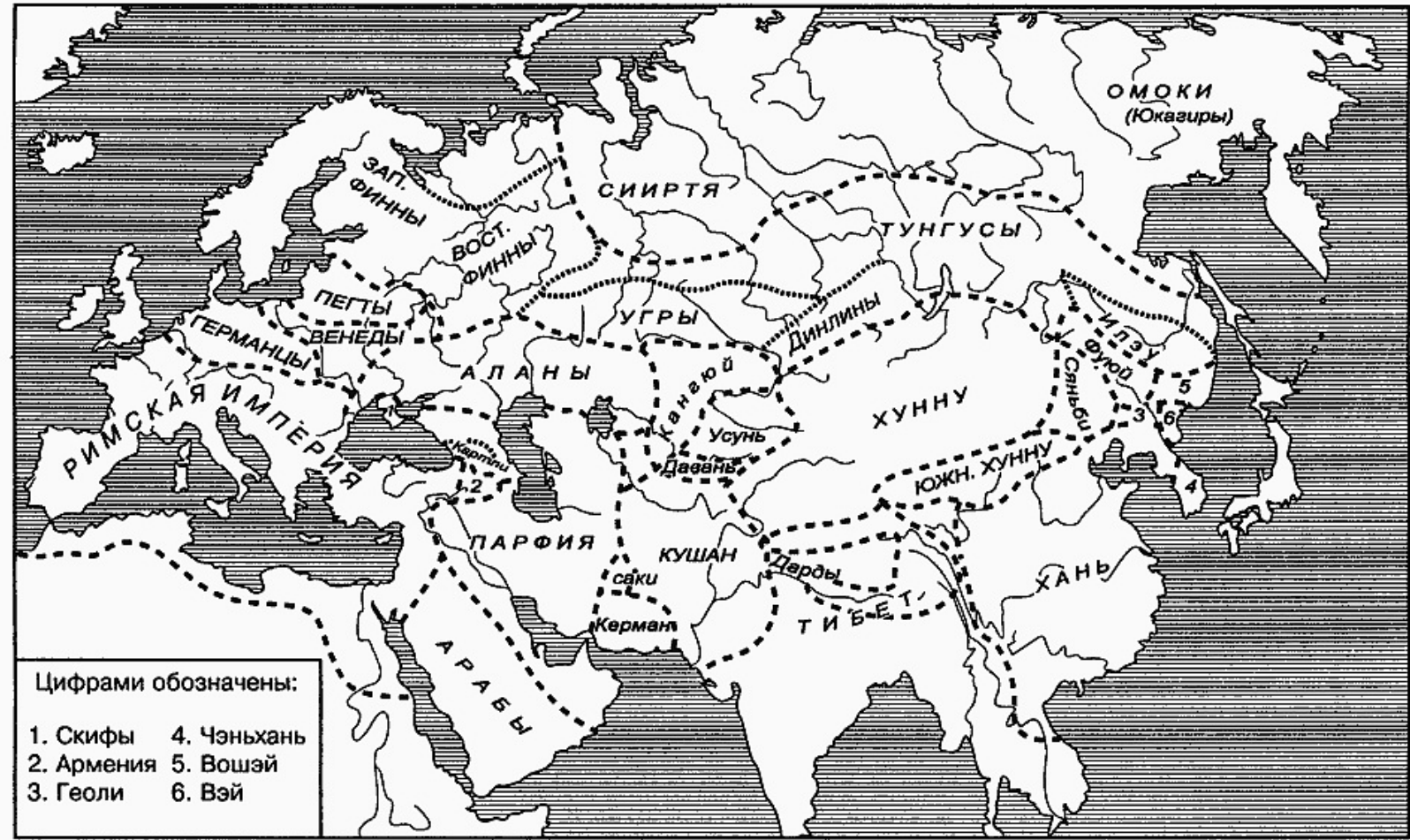
Хазария оказалась в осаде. С севера, по высыхающим степям, двигались кочевники, гонимые голодом и жаждой. Они шли мелкими группами, неуловимыми для латников наемной гвардии хазарских правителей. Их отряды были слишком слабы, для того чтобы брать города или вторгаться в населенную дельту, однако они блокировали хазар и фактически стали господами степей.

С юга неуклонно наступала морская вода. Она медленно заливала плоский берег – «Прикаспийские Нидерланды», – губила посевы и сады, нагонами разрушала деревни.

К середине X в. уже две трети хазарской территории оказалось под водой и жители принуждены были тесниться на склонах бэровских бугров центральной дельты, где они расположены в непосредственной близости друг от друга.

Волга стала многоводной, и русские ладьи с мелкой осадкой начали пробиваться через протоки дельты в Каспийское море. Хазарские правители безуспешно пытались этому воспрепятствовать. Один из русских отрядов был предательски вырезан в 913 г., второй, видимо державшийся настороже, спокойно прошел туда и обратно через сердце Хазарии в 943—944 гг., и, наконец, киевский князь Святослав Игоревич в 965 г. одним походом опрокинул обессиленное государство. Уцелевшие от разгрома хазары обратились за военной помощью в Хорезм и получили ее ценой обращения в ислам, но мощи былой они вернуть не могли, потому что море и засуха продолжали давить их с двух сторон.

Когда же в конце XIII в. уже вся их страна была покрыта морем, остатки народа растворились в этническом многообразии Золотой Орды и превратились в астраханских татар. На этом история Хазарии закончилась.

Евразия около 80 г. н. э.

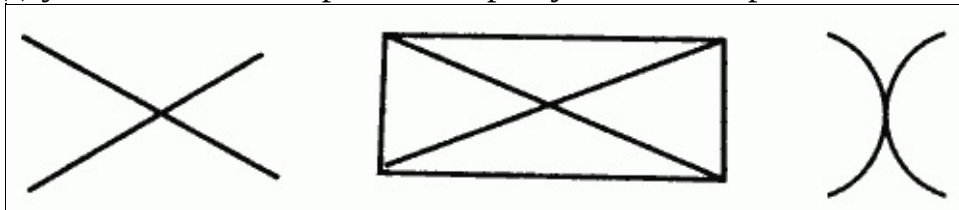
Вот какую картину позволила начертить историческая география. Для того чтобы уловить связь событий, следовало пользоваться методикой интерполяции, которая широко практикуется в геологии и географии, но редко применяется в истории и археологии. Некоторые заключения построены умозраительно [\[15\]](#).

Останавливаться на достигнутом было нельзя. Следовало проверить предположения и расчеты путем археологических разведок и раскопок. Но не будем неблагодарны географии, несмотря на то что она объяснила нам не все. Если бы не эта нить Ариадны, то мы бы не смогли выбраться из лабиринта недоумений и сомнений. Пусть где-то что-то не совсем точно – найдем и уточним, ибо теперь мы знаем, где искать. Двинемся в дельту Волги, хазарскую страну, где нас ждут, мы в этом уверены, хазарские памятники, но сначала проверим наши соображения и предположения тем единственным способом, который в данном случае может быть пригоден.

Глава пятая
Путешествие во времени

Способ самопроверки

Говорят, особенно в наше время, что математику нужно применять всюду, даже в истории. Допустим. Но обыкновенный счет для наших целей ничего не дает, потому что нам считать нечего и незачем. Попробуем применить другое – математическую методику, пусть даже самую элементарную. Например, представим себе, что цель наших поисков – место Хазарии в пространстве и времени – точка, которую нужно нанести на план. Как известно, точка – это место пересечения двух линий или встречи четырех углов. На чертеже это выглядит так:

Нам нужно как минимум два аспекта (угла зрения), чтобы построить две разные закономерности, которые пересекутся и дадут нам приблизительное, предварительное решение, подлежащее проверке путем наблюдений. Так, мы уже проследили взаимосвязь явлений природы и хозяйства на территории Северного Прикаспия. Возьмем теперь мировую торговую политику за тот же период и посмотрим, как складывались международные отношения, движимые алчностью купцов и феодалов. Если мы в обоих случаях не допустили значительной ошибки, то обе линии закономерностей должны совпасть, и мы поймем, как сложился, развивался и погиб хазарский народ.

Историки накопили необозримое количество материалов. Но исходным материалом всегда являются события, объединенные внутренней связью в пространстве и во времени. Собрать факты – первая задача историка, проверить их – вторая, а затем, когда установлено, что события протекали именно так, встают вопросы: «почему» и «что к чему» – анализ и синтез. Только после того как историк предлагает решение всех этих задач, исследование может считаться законченным.

Для наших целей необходимо синхронистическое изучение истории. Интересующая нас страна – Хазария – находилась в самой середине культурного мира того времени. Напомним, что первые сведения о хазарах относятся ко II в. н. э. Скорее всего это неточность историков V – VI вв., переносивших знакомое название на древние племена, жившие на той же территории [7, с. 114—132], но для того, чтобы большой народ образовался и оформился, нужно около трех столетий. Поэтому попытаемся рассмотреть эпоху, когда хазарский народ проходил свой инкубационный период.

Во II и III вв. Рим и Китай представляли собой две мировые империи на западной и восточной окраинах континента. Они разделялись сухими хуннскими степями, горными хребтами – убежищем воинственных племен – и не менее воинственной Парфией. Еще ни один римлянин не был в Китае, равно как и ни один китаец не видел Рима, хотя они слышали друг про друга. Казалось бы, история этих стран должна была протекать независимо, но был один предмет, связавший их судьбы, – шелк. Потребность в шелке в то время была гораздо насущнее, чем сейчас, ибо шелковая одежда была не только предметом роскоши, но и мощным дезинфекционным средством. Римские матроны покупали ткани, изготовленные китайскими крестьянами, за золото, полученное от беспощадного ограбления провинций. По проторенному караванному пути, через Иран и Среднюю Азию, двигались груженные золотом верблюды до Каменной башни (Ташкургана), где происходил обмен товаров с купцами, приходившими с грузом шелка через Алашаньскую пустыню из Лояна [82, с. 428—429; 41, с. 113]. Несмотря на то что римские товары тоже попадали в Китай, римляне ежегодно теряли 20 млн сестерций [15, с. 48; 26, с. 193], и европейское золото перемещалось в сумы китайских чиновников и помещиков, но, разумеется, не крестьян, изготовлявших драгоценную пряжу.

Внешняя торговля предметами роскоши не могла непосредственно влиять на развитие производительных сил обеих империй, но она суммировалась с идущими в них глубинными процессами и создала коллизию, отразившуюся на судьбах Рима и Китая, а также соседних с ними стран, не принимавших в торговле непосредственного участия.

Римская армия состояла из высокооплачиваемых солдат, число которых определялось финансовыми возможностями правительства. Отлив золота из страны [82, с. 418—419]^[16], естественно, влек за собой денежные затруднения, самым простым выходом из которых была неуплата жалованья в срок. Но солдаты ждать не желали и умели поставить на своем – III век стал эпохой солдатских мятежей, при которых в числе жертв всегда оказывались центурионы (сотники), по долгу своей службы поддерживавшие в армии дисциплину. С ними у солдат всегда находились личные счета, которые так удобно было сводить во время бунта. В результате к концу III в. римская армия разложилась и потеряла большую часть былой боеспособности. Войска, разгромившие при Траяне даков, а при Марке Аврелии – маркоманов и квадов (160—180 гг.), через 60 лет позорно бежали перед готами (гибель императора Деция в 251 г.) и сдавались персам (капитуляция императора Валериана в 260 г.). С этого времени Рим перешел к обороне, и успехи императоров второй половины III – IV вв. сводятся к подавлению восстаний да отражению набегов соседей [68, с. 131—138]. Конечно, для падения мощи Римской империи было множество более значительных причин, кроме вывоза валюты, но следует учитывать и эту, особенно интересующую нас, так как Китай от своей выгодной торговли пострадал не менее Рима.

Несмотря на то что императоры династии Младшая Хань в какой-то степени пытались стимулировать развитие мелких крестьянских хозяйств, они не могли совладать со стихийным процессом укрупнения латифундий и ростом богатств купцов, ростовщиков и чиновников [86, с. 96, 100]. Приток римского золота в этом процессе играл роль катализатора. Главы «сильных домов», вельможи-временщики, полководцы и чиновные евнухи приобретали огромные земли, потому что получаемые с них доходы стало легко обращать в золото, которое не пускали в оборот, а хранили как сокровище, иногда изготавливая из него украшения. Пожалуй, для них это было самым надежным способом хранения состояния, потому что постоянные придворные интриги и связанные с ними опалы сопровождались конфискациями, а спрятанные в тайниках

слитки оставались в наследство семьям опальных. За все расплачивались крестьяне, но, не стерпев, они подняли восстание для ниспровержения «Синего неба» – неба насилия, для достижения «Желтого неба» – неба справедливости. Со 184 г. по всему Северному Китаю бушевало крестьянское войско, которое после поражения в 185 г. распалось на ряд партизанских отрядов, побежденных лишь к 205 г. За время войны сформировались отряды аристократов, вступивших в войну с правительственными войсками и между собой. Китай распался на три государства, и когда в 280 г. он воссоединился, то оказалось, что население его сократилось с 50 млн человек до 7,5 млн. Для Китая, как и для Рима, III век был расплатой за расцвет II века.

Груженные шелком караваны не могли миновать Иран и, следовательно, не заплатить пошлину парфянскому царю [20, с. 69]. Парфяне были народ храбрый, но немногочисленный. На трон парфянских царей вознесла волна антимакедонских настроений, но для персидского населения парфяне оставались иноземцами. Основной опорой трона Аршакидов была тяжелая конница – дружины парфянских аристократов, которых насчитывалось 240 семейств. Пока соперниками парфян были слабые Селевкиды, этой армии было вполне достаточно для достижения политического равновесия, но когда на берегах Евфрата появились римляне, то парфянам стало трудно. Красса им удалось разбить, но Антоний и Траян перенесли военные действия на берега Аракса и Тигра, и парфянским царям потребовались конные стрелки-саки, а их нужно было нанимать за деньги. Вот тут-то и выручили пошлины с купцов, везших шелк в Европу, а купцы платили их, не торгуясь, так как, будучи монополистами, они беспрепятственно поднимали цену на товар^[17]. Отсюда ясно, что восстание «Желтых повязок» и последовавшая гражданская война в Китае нанесли бюджету парфянской короны непоправимый урон.

Деньги перестали течь в парфянскую казну, и персидский князь Арташир Папаган, объединив мелкое дворянство Парса (Юго-Западного Ирана) и начертав на знамени лозунг восстановления древнего Ирана и веры Заратуштры^[18], легко добился победы над парфянами (224—226 гг.), потому что без больших средств управлять завоеванной страной, живущей товарным хозяйством и торговлей, нельзя.

Хотя хунны шелком интересовались мало, но описываемое явление задело и их. Стремясь на запад, китайцы оккупировали оазисы бассейна Тарима (86—94 гг.) и лишили северных хуннов тех районов, откуда они получали хлеб. В результате хунны ослабели и были вытеснены из Монголии частью на берега Волги, частью в Семиречье. Зато южные хунны, покоренные Китаем, в 304 г. восстали и, используя бедственное положение империи после гражданской войны III в., завоевали всю долину Хуанхэ, что вызвало эмиграцию китайцев на юг от Янцзыцзяна и ассимиляцию их с местными лесными племенами мань, т. е. образование южнокитайского народа.

Итак, даже в столь древнее время события, происходившие на одном краю ойкумены, отзывались на другом, где о причинах этих событий даже не помышляли.

После распада державы хуннов в 93 г. часть их продолжала войну против Китая и сяньби до 155 г., после чего разбитые хунны отступили на запад^[27]. Они ворвались в Причерноморье, но не удержались там и осели в междуречье Волги и Урала, тогда называвшегося Яик, откуда до 370 г. вели войну с аланами. 200 лет, проведенные небольшой группой хуннов в угорской среде, метисация и отрыв от культурных центров обусловили регресс и упрощение быта. Народ видоизменился настолько, что его лучше называть гуннами, чтобы избежать путаницы [27, 42]. Гунны жили охотой и грабежом соседей, не строили зданий, употребляли для наконечников стрел вместо железа кость, не знали наследственной власти и не имели государственной организации. Они не оставили памятников своей материальной культуры, так как получали все необходимое в виде военной добычи или дани. Только котлы, сходные с древнекитайскими, несомненно, принадлежат гуннам, а все прочие изделия выполнялись для них местными

мастерами. Однако военное дело – тактика изматывания противника – осталось на прежней высоте.

Благодаря этому гунны к 370 г. завоевали аланов, изнузив их «частыми стычками» [43, с. 91], а в 371 г. перешли Дон и разбили готов. Остготы подчинились гуннам, а вестготы отступили во Фракию в 376 г. К 377 г. гунны вторглись в Паннонию и сомкнулись с Римской империей. К этому времени они восстановили у себя скотоводческое хозяйство.

Примитивные способы ведения хозяйства, сочетавшиеся у гуннов с высоким уровнем военного дела, определили их роль для европейских народов: гунны оставляли покоренным своим вождям, ограничиваясь сбором дани и требованием войск для своих грабительских походов. С 377 по 450 г. гунны выступали союзниками Рима против германцев и народных движений. Политика гуннов в Европе в этот период определилась как поддержка рабовладельческих магнатов Западной империи и война против Византии [74]. В 395—397 гг. гунны, прорвавшись через Кавказ, опустошили Сирию, Каппадокию и Месопотамию, а в 408 г. вторглись во Фракию и в 415 г. – в Иллирию. Набеги на Византию повторялись в 441—447 гг. В 445 г. гуннский вождь Атила сосредоточил власть в своих руках, но встретил протест в восточных областях, где акациры (М. И. Артамонов считает их частью гуннского народа [7, с. 56]) оказывали ему сопротивление до 448 г. Упорядочив восточные дела и заключив выгодный мир с Византией, Атила вторгся со всеми подвластными ему племенами в Западную Римскую империю. В 451 г. на Каталаунском поле гунны потерпели поражение, однако в 452 г., ворвавшись в Италию, разгромили Аквилею. Сильное сопротивление жителей и возникшая в гуннской армии эпидемия заставили Аттилу принять мир и дань, предложенные ему через папу Льва I, а в 453 г. Атила внезапно умер. Возникшие между его сыновьями споры за наследство послужили гепидам и другим германским племенам сигналом для восстания. При реке Недао (в Паннонии) гунны были разбиты и отступили в Причерноморье, которое они перед этим из земледельческой страны превратили в пастбище. Гунны пытались там закрепиться, но около 463 г. туда с востока пришли угорские племена сарагуров, урогов и оногуров, вытесненных из Западной Сибири сабирами. Они покорили акациров и потеснили гуннов, вынудив их снова передвинуться на запад. В 469 г. гунны вступили во Фракию, но были разбиты и отброшены византийцами. С этого времени гунны исчезают как народ, хотя имя их употребляется как нарицательное для обозначения многих кочевых племен. Остатки гуннов, оттесненные болгарами на север, стали предками чувашей [91].

Роль гуннов в падении Римской империи была невелика. Она сводилась к тому, что гунны, уничтожив оседлые поселения в Причерноморье, лишили Византию скифского хлеба. Западную Римскую империю погубили внутренние процессы и германцы, большая часть которых двигалась на запад помимо гуннов: франки, бургунды, вандалы, англосаксы. Готы просто приписали гуннам те грехи перед цивилизацией, которые лежали на совести их предков.

Столетнее (с середины IV в. по 463 г.) пребывание гуннов в прикаспийских степях не могло остаться бесследным. За это время шла метисация гуннов с местным сармато-аланским населением, обмен навыками ведения хозяйства, представлениями о мире и, наконец, языковые заимствования. Короче говоря, все условия для создания нового этнического образования были налицо. Основная часть потомков гуннских воинов и сарматских женщин, несомненно, добывала средства к существованию посредством садоводства и оседлого, отгонного скотоводства, потому что выгоду этого вида хозяйства подсказывала сама природа – ландшафт речных долин Терека и Волги. К тому же степи оказались заняты победоносными врагами – древнеболгарскими племенами. Поэтому потомки гунно-сарматов отсиживались в естественных крепостях – камышовых зарослях – и ждали своего часа [7, с. 131—132; 35]. Он наступил в 558 г., когда в прикаспийских степях появился новый народ – древние тюрки или, как их принято

сейчас называть, тюркюты [7, с. 104, прим. X; 30, с. 103—106]. И все переменялось радикально. Чтобы понять происшедшие изменения этнополитической ситуации, обратимся снова к панораме всемирной истории. В то время, когда на северных окраинах Каспийского моря свирепствовали гунны, праболгары и сабиры, к югу от него окрепла и расцвела Персия, вознесенная династией Сасанидов. Шахи Ирана остановили в III в. агрессию римлян на восток, подчинили себе воинственных саков Сеистана и Белуджистана и заключили оборонительно-наступательный союз с индийской империей Гупта против горного народа – эфталитов, захвативших в V в. гегемонию в Средней Азии и Северо-Западной Индии. Союзниками эфталитов стали Византийская империя и Жужаньский каганат, возникший в IV в. в степях Монголии, покинутых хуннами [95, pp. 421—456].

Эта коллизия существовала до середины VI в. В 546 г. заявил о своем существовании новый, до тех пор неизвестный народ – тюркюты, обитавший в горах Алтая и Хангая. В 552 г. тюркюты разгромили жужаней, а в 565—567 гг. загнали эфталитов в горы Припамирья и выступили претендентами на роль гегемона всей степной Евразии. В 567—571 гг. тюркюты покорили Северный Кавказ и вошли в соприкосновение с Византией и Ираном.

* * *

К концу VI в. международные отношения обострились, несмотря на то что прямые связи между Востоком и Западом остались в прежнем положении.

В середине VI в. китайцы сбросили гнет иноземной династии Тоба-Вэй, и в Северном Китае образовались два соперничавших царства: Бэй-Чжоу и Бэй-Ци, а тюркюты объединили степи от Желтого до Черного моря и овладели участком караванного пути от Китая до Ирана, включая согдийские города – опорные пункты караванной торговли. В то же время Византия, только что захватившая Карфаген, Италию и часть Испании, подверглась нападению лангобардов в Италии и авар на Дунае. Для обороны границ ей пришлось вести долгую войну, и, следовательно, она нуждалась в деньгах. Однако в VI в. золота в обороте было мало и византийскому правительству приходилось изыскивать ценности другого рода, за которые можно было нанять варваров для службы в войсках. Поскольку шелк был валютой, имевшей хождение наравне с золотом, средства на плату воинам и подкупы варварских князей Византия обрела в производстве шелковых тканей, которые были лучшим подарком для германского или славянского князя. Шелк-сырец шел только из Китая, но цены, по которым китайцы согласились бы его продать, были непомерно высоки. Добиться понижения цены на шелк сумели только тюркюты. Великий хан брал с Бэй-Чжоу плату за союз, а с Бэй-Ци – за заключение сепаратного мира и, смеясь, говорил: «Только бы на Юге два мальчика были покорны нам, тогда не нужно бояться бедности» [14, т. I, с. 233].

Полученный из Китая шелк тюркюты сами потребить не могли, несмотря на то что увешивали им свои юрты. Избыток шелка забирали у них согдийские купцы, готовые любое количество пряжи переправить в Византию, которая покупала ее по установленной цене и вознаграждала себя на европейском рынке. Но караванный путь шел через Иран, непрестанно воевавший с Византией. Персы охотно приостановили бы торговлю шелком вообще, но на доходы от пошлин существовало их войско. Поэтому они пропускали к своим врагам минимальное количество шелка по ценам, которые они сами назначали [64, с. 187]. В интересах Ирана было уменьшение оборота и повышение цен, чтобы выкачать от своих врагов возможно больше золота и тем самым уменьшить число воинов, нанимаемых в Европе для борьбы с Ираном. Но персидская политика противоречила интересам тюркютских ханов и согдийских

купцов, которые не могли вывезти и продать свой товар. Посольства тюркютов в Иран были бесплодны из-за непреклонности персидского царя; путь через степи вокруг Каспийского моря – труден и опасен, потому что дикие угры и воинственные болгары, номинально покоренные тюркютами, имели возможность подстеречь и разграбить любой купеческий караван. Вот тут-то и обнаружили свое существование хазары. Исходя из принципа «враги наших врагов – наши друзья», они поддержали немногочисленные тюркютские отряды и обеспечили им господство в прикаспийских и северокавказских степях. В VI в. уже не хазары скрываются от степняков, а болгарское племя барсиллов прячется от хазар где-то «на острове», в огромной тогда дельте Волги [7, с. 132], а хазары совместно с тюркютами вступают в борьбу с Ираном, чтобы сломать барьер между Средней и Передней Азией.

В 579 г. греки и тюркюты обменялись посольствами и, установив, что их интересы совпадают, заключили военный союз, направленный против Ирана. С 579 г. в Иране правил шах Хормизд, враг аристократии, опиравшийся на регулярное войско. Двенадцать полков конных стрелков были укомплектованы профессиональными воинами, получавшими от шаха плату за службу [92, р. 362]. Хормизд пытался уменьшить влияние аристократии, но казни лишили его популярности, и этот момент выбрали греки и тюркюты, чтобы нанести решающий удар и раскрыть ворота с востока на запад.

Осенью 589 г. началось комбинированное наступление и, как говорит арабский историк Табари, «враги окружили Персию, как тетива – концы лука». Однако персы разбили тюркютов при Герате, отбросили хазар и грузин, купили у арабских шейхов отступление и, стеснив византийское войско, заставили его отступить за границу [281].

Современники событий единодушно расценивали победу при Герате как спасение Ирана от полного разгрома. Советник шаха Хормизда говорил: «Если бы Савэ-шах (тюркютский предводитель.– Л. Г.) прошел до Рума, то от Ирана остался бы комочек воска». Этот оборот войны оказался спасительным для Китая. Как только ослабел тюркютский нажим на линию Великой китайской стены, объединившийся в 589 г. Китай перешел к наступлению на северные степи, стремясь подчинить Тюркютский каганат.

История величия и падения каганата – яркий пример диалектического закона отрицания отрицания. Сила тюркютов обернулась для них слабостью. Завоевав огромную территорию, населенную многочисленными и храбрыми народами, тюркютские ханы оказались в зависимости от лояльности своих подданных. Особенно это проявилось на западе, где тюркюты были в ничтожном количестве, а населявшие Джунгарию племена теле отделяли их от собственно тюркютских кочевий, расположенных на берегах Орхона и Толы (в Монголии). Искусная китайская дипломатия вызвала в 603 г. восстание телеских племен против тюркютского хана, который погиб, после чего тюркютская держава распалась на два отдельных каганата: Восточный и Западный [31, 37]. Восточный и Западный тюркютские каганаты были непримиримыми врагами. Империя Тан граничила с Восточным каганатом, следовательно, она стала естественным союзником Западного. Западный каганат черпал средства из Согдианы, которая богатела за счет транзитной торговли и тем самым была враждебна Ирану и дружественна Византии. Аварский каганат, воюя с Византией, заключил с Ираном военный союз, а поскольку авары граничили с франками, то те ориентировались на Византию. Лангобарды, защищенные от авар Альпами, воевали с византийцами и опасались с полным основанием франков, равно как и испанские вестготы. Вне коалиций остались только Британия на западе да Япония на востоке, хотя последняя уже начала дипломатическую подготовку интервенции в Корею.

До 630 г. война, которую можно назвать мировой, бушевала по всему континенту, но перипетии ее объяснимы только путем сопоставления самых отдаленных по месту и

совпадающих по времени событий. Константинополь был спасен тем, что китайский император остановил на берегу реки Вей орду восточнотюркютского хана в 626 г. и на три года вывел Восточный каганат из игры. Тогда западнотюркютский хан, союзник Китая и враг Ирана, успокоившись за свою восточную границу, прорвался сквозь дербентские укрепления и выручил армию византийского императора Ираклия, изнемогавшую от чрезмерного количества врагов. Ираклий прорвался к Ктезифону, беззащитная Персия лежала перед ним, но, так как восточные тюркюты снова начали войну, он поспешил заключить мир, прежде чем его успели покинуть его союзники – западные тюркюты. Отступничество Ираклия стоило западнотюркютскому хану жизни. Хан был убит заговорщиками, и внутренняя война, начавшаяся в 630 г., обессилила Западный каганат. Но распыление сил не прошло даром восточным тюркютам, которых в 630 г. победили китайские войска. Аварский каганат также после этой войны потерял своих болгарских подданных, которые подняли восстание, а будучи разбиты, бежали в Италию и Баварию. Аварский каганат превратился в малую державу, чем было предопределено усиление Франкского королевства. Иран ослабел настолько, что уже в 636 г. потерпел полный разгром в битве при Кадеше от арабов, которых до тех пор не считал за серьезного противника. И действительно, победы халифа Омара объяснимы не столько фанатизмом новообращенных мусульман, сколько тем, что лучшие персидские войска легли в боях с византийцами и тюркюто-хазарами. Прекращение регулярной караванной торговли в разгар войны лишило персидскую корону доходов от пошлин и не позволило быстро восстановить утраченную боеспособность, а последствием битвы при Нехавенде, где в 642 г. наскоро собранная персидская армия снова была уничтожена войсками халифа Омара, было образование новой мировой державы – Арабского халифата.

Хазария до последней минуты оставалась верна тюркютским ханам. Когда же в очередной распри (650 г.) законный хан Западного каганата был убит, хазары приняли к себе его наследников и оставили за тюркютской династией престол [7, с. 170—171]. Распавшийся на части Западный каганат поделили соседи: бассейн Тарима захватила империя Тан, Согдиану покорили арабы, Семиречье и Джунгария достались тюргешам, Алтай – карлукам, Приаральские степи – гузам и печенегам. Все эти народы вступили друг с другом в жестокую войну, и торговля между Дальним Востоком и крайним Западом на время прекратилась. Несмотря на это, к началу VIII в. Хазария превратилась в мощную державу, остановившую натиск арабов и объединившую всю Юго-Восточную Европу. По существу, хазарские ханы тюркютской династии продолжали на берегах Волги дело, которое их предки осуществляли на берегах озера Балхаш, – установление мира между разноплеменным населением степей на основе политического равновесия и совместной борьбы против внешнего врага, в данном случае мусульманской угрозы. Так продолжалось до начала IX в., т. е. до того времени, когда власть в Хазарии попала в руки иудейской общины. Порядок, наведенный хазарами на всем пространстве степей от Черного моря до Аральского, естественно, способствовал развитию караванной торговли. Караваны с восточными товарами шли через Хорезм, Мангышлак и, переправившись через узкий проток между уральской западиной и Каспийским морем, двигались либо на север, по дороге, описанной нами выше, либо на запад, через богатый город Итиль. Транзитная торговля в те времена была наиболее выгодной, так как купцы-посредники были монополистами, и, естественно, они старались обеспечить свое положение политическими мероприятиями. В начале IX в. один из беков, Обадия, совершил государственный переворот. Он лишил кагана фактической власти, оставив его формальным главой государства, и, сохранив себе титул «бек» лишь для внутреннего употребления, в сношениях с иностранцами именовался царем (малик) [там же, с. 280—281].

На защиту старого порядка выступили племенные вожди хазар, беки и тарханы, и жестокая

гражданская война с религиозным оттенком долгое время полыхала в степях между Волгой и Доном [там же, с. 324—325]. Победил тот, у кого были деньги, т. е. сторонники нового порядка. Сначала хазарские цари подкупали себе союзников среди кочевых племен: мадьяр, гузов и печенегов, натравливая их друг на друга, а потом, в X в., перешли к использованию наемников: русов и славян для войны против мусульман и арсиев, горцев из Дейлема и Мазандерана, выговоривших себе право не сражаться против единоверцев, для подавления язычников и христиан [там же, с. 406—407]. Так создалось правительство, не отражавшее интересов народа, а рассматривавшее его как один из источников дохода. Мы не знаем ни подробностей переворота, ни перипетии гражданской войны начала IX в., так как имеющиеся источники освещают эту проблему слишком скудно.

Прошло сто лет. В этот период сильной угрозой для хазарского правительства сделалась растущая сила Руси. Торговый путь «из варяг в греки» успешно соперничал с волжским путем «из варяг в хазары». Славянские города Новгород, Смоленск, Киев темпами роста опережали Париж и догоняли Кордову и Багдад. О храбрости «русов» арабский автор X в. пишет так: «Хорошо, что русы ездят только на ладьях, а если бы они умели ездить на конях, то завоевали бы весь мир» ^[87]. До тех пор пока славянские племена были раздроблены, хазарские цари могли брать с них дань по белке с дыма, но объединение племен вокруг Киева, достигнутое князьями Олегом и Игорем, создало на границе Хазарии государство столь мощное, что, для того чтобы ему противостоять, требовалось объединение всех сил степи. А это было для правительства хазарских царей смерти подобно. Народ и окрестные племена почитали не еврейского царя-узурпатора, а лишённого власти тюркского кагана, содержавшегося под стражей и выпускавшегося к народу по большим праздникам. Для народа этот царственный пленник был символом величия, а за хитрых купцов, набивавших золотом седельные сумы, жители степей и речных долин складывать головы не собирались. От Хазарии отложились камские болгары, заключили союз с князем Игорем печенеги, сделались врагами хазарского правительства гузы, и только горцы Мазендерана, честно отрабатывавшие плату за службу, охраняли казну хазарского царя.

Результаты господства купцов и их ставленников сказались в 965 г. Киевский князь Святослав Игоревич разбил наемную армию хазарского царя и взял все крупные хазарские города. Союзники русского князя, гузы, прошли через Хазарию и подавили последнее сопротивление хазар, которое вряд ли было ожесточенным. Торговый центр – Итиль – пал перед доблестью молодых народов, находившихся на заре своего подъема.

Хазарская держава была разгромлена, но народ остался. Дальнейшая судьба хазар (а не их правителей) остается неизвестной историкам, но может быть прослежена археологами, и, таким образом, мы смыкаем второй ход нашего анализа с первым – исторической географией, изменениями климата и ландшафта. Поднявшиеся волны моря затопили безопасную дорогу между Мангышлаком и восточной окраиной дельты, а высохшие степи снова стали преградой для караванной торговли.

Теперь, обратившись к исторической географии дельты Волги, мы знаем, какие памятники мы можем там встретить, кого и где нам надлежит искать и как понимать то, что мы сумеем найти.

Бугор Степана Разина

Астраханская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа прибыла на бугор Степана Разина 18 июля 1961 г., с одной стороны, своевременно, с другой – несколько поздно. Опоздали мы этак лет на 80.

Под восточным склоном бугра построен небольшой кирпичный завод, и вместе с глиной в печь уходили кости из погребений. Местное население неоднократно пыталось искать на бугре клады и уничтожило при этом много погребений. Затем кости пытались сдавать в утиль, но там довольно быстро отказались их принимать из-за полной обезжиренности. Большая часть могильника к нашему приезду оказалась уничтоженной, и это затруднило первоначальные поиски.

Бугор Степана Разина возвышается над окружающей его дельтовой равниной, достигая абсолютной отметки минус 4,6 м. Подножие бугра находится на отметке минус 20 м, и, следовательно, в эпоху наивысшего подъема Каспия в XIV в. морские волны только омывали бугор, ставший на некоторое время островом. В эту пору глубины в окрестностях нашего бугра достигали 4—5 м, и поэтому на нем нет следов пребывания татар или ногайцев, деливших между собою власть над берегами Нижней Волги. Когда же уровень моря понизился, в дельте возникли русские рыбацьи поселки, а в недавнее время здесь поселились казахи Букеевской орды, перешедшие на оседлость.

При нашем подходе к поискам и археологической разведке характер ландшафта заслуживал максимального внимания. В XX в. луга, окружавшие бугор, большей частью заболочены и покрыты зарослями камыша или чакана. Берега речки Подразинской густо поросли ивами и тальником. Количество обитающих там комаров не поддается описанию.

Но представим себе эпоху, когда уровень моря стоял на 4 м ниже. Тогда речки текли под уклон, не заболочивая окрестных низин, на которых расстилались роскошные луга с великолепными кормовыми травами.

Обитавшим здесь хазарам должно было житься привольно, и потому мы предполагали, что многочисленное население оставило такое число могил, что его хватит и для науки. Полные надежд, мы начали раскопки шурфами и траншеями, но долгое время копались в пустой глине. Прошла неделя, прежде чем мы установили, что пологие склоны бугра не что иное, как оползни, и если в них и были погребения, то они просели в мягкую супесь.

Часто бывает, что могилы отмечены неровностями почвы, но на вершине бугра не было гумусного слоя, и ветер так сгладил поверхность, что никаких внешних признаков могилы не имели. Вместе с тем на бугре было много кочек высотой 0,5 м или меньше, но они были образованы многолетними растениями, корни которых укрепляют почву и противостоят развеиванию. Прочая поверхность бугра была покрыта запекшейся корочкой из той же самой супеси. Эта корочка предохраняла бугор от уничтожения, но все, что под ней было, недоступно как простому глазу, так и нивелиру.

И все-таки находки пошли! В один и тот же день открылись погребения трех совершенно разных обрядов. На восточной окраине обнаружили трупосожжения, на западной – сидячее погребение и на южной – скелет, лежащий на спине с горшком в изголовье. Вскоре количество найденных погребений умножилось и к ним добавились одно погребение в подбое и одно – с конем. Кроме того, мы наткнулись на погребения казахов XIX в., незаметные потому, что наземные части могил были уничтожены во время строительства триангуляционного пункта. Первое из них повергло нас в недоумение, но затем мы разобрались и снова присыпали землей раскопанные скелеты. Что же касается древних погребений, то они дали повод для многих

размышлений и выводов^[19] . Но прежде чем говорить о результатах раскопок, расскажем о других буграх дельты, исследованных нами в 1962 г., для того чтобы картина была более полной.

Казенный бугор

С вершины бугра Степана Разина открывалась великолепная перспектива. На юг расстилалась гладкая равнина, плавно уходившая под воду Каспийского моря; на востоке стояла стена камыша, колеблемая по вечерам легким ветром; на западе, за речкой Подразинской, были настоящие джунгли – прибежище цапель и диких кабанов; на севере высились другие, бэровские, бугры, и они-то привлекли мое внимание.

Было бы странно, если бы только один бугор служил кладбищем. Нет ли погребений на других буграх? – думал я и, взяв в спутники Гелю, отправился на хозяйской лодке вверх по реке.

В первый маршрут мы двинулись, не отдав себе отчета в трудностях пути. Просто в голову не приходило, какое сильное течение может быть в тихих протоках дельты! Мы ехали, как древние хазары, орудуя рулевым веслом и шестом. Этот способ передвижения безотказен. Мы действительно добрались до намеченной цели – Казенного бугра, но только за 8 часов непрерывного движения. Все это время мы не могли нигде выйти на берег отдохнуть, потому что по берегам стояли густые стены камыша, пробиться через которые мог бы только дикий кабан. Речка извивалась в зеленом коридоре, и было очевидно, что это тихое место всегда было естественной крепостью, более надежной, чем Кавказские горы. Любая конница, попытавшаяся проникнуть в Хазарию, не смогла бы быстро форсировать широкие протоки, окруженные зарослями. Она лишилась бы своего главного преимущества – маневренности, тогда как местные жители, умеющие ездить на лодках и ориентироваться в лабиринте протоков, были всегда практически неуловимы, а сами могли наносить любые неожиданные удары утомленным бесплодными передвижениями врагам.

Но может быть, зимой было иначе? Вряд ли! Лед на быстрых речках тонок и только в очень холодные зимы может выдержать коня и латника. А в хазарское время зимы были мягкие и снежные. Затем, провалиться зимой под лед, даже на мелком месте, означало быть тут же выведенным из строя, потому что на ветру всадник сразу бы обмерз. Ему следовало, прежде чем продолжать движение, развести костер и обсушиться, а за это время преследуемый противник всегда сумел бы оторваться и скрыться. В средние века ни у одного народа не было армии, способной завоевать Хазарию, и во время движения лодки стало ясно, почему Святослав, стоявший во главе победоносной дружины, ограничился разгромом легкодоступного Итиля и оставил без внимания сердце побежденной, но непокоренной страны. Он поберег свое войско и был прав. Сильные в своей стране хазары не могли тягаться с русскими воинами на твердой земле степей. Достаточно было сокрушить наемников хазарского царя, и опасность с востока для Руси исчезла, а то, что в камышах оставались свободные хазары, не имело для Киевского княжества никакого значения. Пусть там и сидят!

Но вот миновала последняя излучина, и справа от лодки открылась луговина, посреди которой на ярко-синем фоне неба высились два продолговатых бэровских бугра. Между ними приютился казахский поселок, казавшийся пустым, потому что жители попрятались в дома от зноя.

Но мы не чувствовали в тот момент ни жары, ни усталости. Перегоняя друг друга, мы взбежали на бугор и принялись за поиски. Наметанным глазом мы быстро различали крохотные фрагменты керамики среди колючих кустов и выгоревшей травы. Вскоре на гребне бугра мы отыскали погребение по хазарскому обряду. К сожалению, оно было в очень дурном состоянии, так как казахи гоняли через бугор стада овец. Однако не это было в данном случае важно. Второе хазарское кладбище было отыскано, и любопытно, что оно находилось, как и первое, там, где в XX в. живут люди. Очевидно, современные и древние поселения располагались на

одних и тех же удобных, сухих местах.

Долго задерживаться на Казенном бугре в тот день мы не могли. После первого подъема начала сказываться усталость от дороги, да и опасность теплового шока была чересчур реальна. Зачистив и зарисовав погребение, вернее его жалкие остатки, мы сбежали вниз и бросились в прохладную воду.

Вечерело, жара стала медленно спадать, и мы поспешили назад, чтобы успеть добраться домой до заката, потому что иначе мы подверглись бы еще большей опасности. Комары, прячущиеся днем в зарослях, могут закусать до полусмерти путника, плывущего по реке ночью. А мы не рассчитывали, что поездка затянется, и не захватили ни диметилфталата, ни накомарников, так же как в свое время и воины Святослава. По течению двигаться было легче, и маршрут закончился благополучно. Однако для продолжения работ в этом направлении я тут же договорился с нашим хозяином о подвесном моторе, чтобы Геля, которому я поручил разведку на окрестных буграх, тратил силы только на разведку, а не на упражнение в управлении лодкой с помощью шеста.

Путешествие на запад дельты

Удача первого маршрута дала повод к тому, чтобы попытаться обследовать дельту целиком и составить карту распространения хазарских могильников. Разумеется, разведку надо было провести на высоком уровне, т. е. обеспечить быстроту передвижения, достать опытного проводника, чтобы не заблудиться в протоках и иметь место для ночного отдыха. Последнее было особенно важно, ибо при разведке основное – это повышенное внимание к различным мелочам. Усталый наблюдатель волей-неволей будет пропускать детали ландшафта, и результаты работы сведутся на нет.

Короче говоря, был нужен наш старый знакомый Михаил Александрович Шуварин с моторной лодкой и один толковый, старательный помощник. Последним выразил желание стать молодой историк, работавший в Ленинградском университете, Е. П. Сидоренко. Он был молод, здоров, тренирован и трудностей не боялся. Я взял его для участия в разведке 1962 г.

Были намечены три маршрута: в западную дельту, в восточную дельту и в южную часть центральной дельты. Учитывая, что каждый маршрут потребует полной отдачи сил, работа планировалась с перерывами, которые можно было провести в более спокойной обстановке на раскопках бугра Степана Разина, тем более что и этот объект не следовало выпускать из виду. План работ был, пожалуй, чрезмерно напряженным, но сулил успех и потому был принят к исполнению.

23 июля 1962 г., когда основной отряд проводил исследование бугра Степана Разина, я выехал на моторной лодке в маршрут по западной части дельты Волги. Нашей задачей было выяснение, где еще располагаются хазарские памятники и какие народы, кроме хазар, оставили следы своего пребывания в дельте Волги? Мелькнули вдали и скрылись за спиной купола Астраханского кремля. Нас подхватило и повлекло быстрое течение Большой Волги. Кругом расстилалась широкая аллювиальная равнина, гладкая, как поверхность тихого моря. Выходить на берег не имело смысла, потому что если в древности здесь и жили люди, то трансгрессия Каспия погребла их останки под донными отложениями. Поэтому, добравшись до села Икрыного, мы свернули в проток Хурдун, вытекающий из Большой Волги на запад и снова впадающий в нее на 30 км ниже.

Ландшафт резко изменился. Хурдун извивался между продолговатыми бэровскими буграми, покрытыми выжженной травой. Но самое тщательное обследование показало, что в средние века эта местность была необитаема. На одном бугре мы нашли два крохотных фрагмента гузской керамики, на других – много обломков человеческих костей. Да, тут воевали, но не жили и не хоронили дорогих покойников. Чем дальше углублялись мы к западу, тем более становился Хурдун похож не на дельтовый проток, а на обыкновенную степную речку. Ландшафт вокруг нас примыкал к «области подстепных ильменей» и, собственно говоря, явился ее продолжением. Наконец наш Хурдун растекся в широкое, мелкое озеро, густо заросшее водорослями. Дальше стало ехать трудно и незачем, и мы вернулись обратно, на берег самого большого, судоходного протока Волги – Бахтемира.

Отражения ив, наклонившихся над берегом, плавно качались в струях мощной реки, пронизанной лучами восходящего солнца. Ивы стояли, как шеренга солдат, охраняющая берег от размыва, а за ними тянулась равнина, поросшая камышом вдвое выше человеческого роста. Над ровной гладью колеблющегося камыша виднелись круглые абрисы бэровских бугров. В этом месте абсолютная отметка долины минус 25,6 м, а бугра, стоявшего напротив нас, минус 9,9 м. В эпоху поднятия уровня Каспия этот бугор был островом.

Пока мы любовались пейзажем, заботливый М. А. Шуварин успел расспросить прохожего, и

тот рассказал, что этот бугор называется «Чертово городище», потому что на нем валяются осколки кирпичей и костей. Сообщение заслуживало проверки, и мы, напившись чаю, чтобы выдержать день под солнцем, двинулись на запад по тропинкам, ведущим через камыш к бугру, находившемуся на расстоянии около 5 км от берега Бахтемира.

«Чертово городище»

Бугор, к которому мы подошли, действительно был необычен. Это было видно еще со стороны. Обычные бугры имеют совершенно гладкие бока, более или менее оплывшие, а этот был изрыт водой, оставившей на его теле сухие русла глубиной до 2 м. Откуда могли взяться ручьи, было ясно: это остатки дождевых потоков, но ведь на других буграх их не было. Да и не могло быть, потому что дождевая вода сразу впитывается мягкой супесью, из которой сложены бэровские бугры, и ручейков не образует. Если же ручеек появился, то, значит, вода накапливалась где-то наверху и потом стекала вниз.

Как только мы поднялись и осмотрелись, все сделалось ясно. На широкой вершине бугра были отчетливо видны следы земляных полов из плотноубитой глины. Русла ручьев начинались непосредственно от них. Некогда здесь стояли дома. Тогда вода стекала с крыш на мягкую супесь поверхности бугра и не производила разрушения. Гибель зданий повлекла за собой образование луж на тех местах, где люди утоптали землю, а из луж вытекли ручьи, деформировавшие склоны бугра. Заметив это, я сделал вывод, что в дальнейшем будет легко издали отличать бугры, на которых в древности располагались поселки, от бугров незаселенных. Этот способ обещал стать крайне полезным при наблюдениях с лодки. Бок бугра мог рассматриваться как вывеска с приглашением археологу либо начать поиски, либо не тратить зря силы и плыть дальше. В самом деле, впоследствии это наблюдение подтвердилось и сэкономило нам много времени и сил.

На этом бугре недостатка в находках не было. Четырехугольные пятна полов усеяны черепками, маленькими кусочками перержавевшего железа, угольками и костями убитых людей. Керамика точно датирует городище – XIV век. На ней голубая полива с темно-синим узором, точь-в-точь как на развалинах великого города Сарая. Покопавшись, мы нашли две монеты: серебряную – диргем хана Джанибека (1340—1357), и медную со стершейся надписью, которую потом в Эрмитаже определили как пул шестидесятых годов XIV в.

Не могло возникнуть никакого сомнения, что это была татарская крепость. И так искусно ее укрепили! Бока бугра на западе и севере были срезаны, образуя отвес высотой 11 м. Стены по краям обрыва были построены из татарского кирпича (22 x 30 x 4), розового, трещиноватого, прекрасно обожженного. Кирпич приготавливался вручную, и на фрагментах его поверхностей видны следы пальцев рабочих, заглаживавших глину перед обжигом. Сейчас стен уже нет. Они растасканы местным населением для построек, и сохранились только обломки да случайно забытый один целый кирпич, который мы подобрали, чтобы увезти в Эрмитаж. А ведь еще в XVII в. это городище было заметно и даже отмечено в «Книге Большому Чертежу» в объяснительной записке к карте русских земель, составленной при Борисе Годунове [48, с. 145. Ср.: 33, с. 93]. Грустно, когда гибнут города, но для этого всегда бывают исторические причины. А вот когда уничтожают памятники прошлого, то это еще обиднее. Ведь они никому не мешают!

Выкопав несколько шурфов, мы убедились, что культурный слой на городище достигает всего 4 см. Это значит, что жизнь поселения была недолгой. Хазарских остатков не было вовсе, значит, крепость построили сами золотоордынские татары на пустом месте, и тут возникает вопрос: зачем? Ведь, как уже было сказано, бугор «Чертово городище» в XIV в. был островом и глубины вокруг него достигали 6 м. Добраться сюда можно было только на лодке, а в ветреную погоду – не без риска. Так кому же хотелось или, может быть, было нужно тут жить? Эта загадка неразрешима без географии.

В первом тысячелетии бо́льшая часть волжской воды протекала через Ахтубу, а западная часть современной дельты была сухой степью. Когда же в XIII в. вода в Волге поднялась, то она

стала интенсивно подмывать правый берег и, наконец, прорыла свое современное русло. Тогда же Ахтубу занесло песком, восточные протоки обмелели и перестали быть водными путями, важными для торговли [\[33\]](#) . Корабли из русской земли двинулись в Персию по западному протоку – Бахтемиру, а навстречу им поплыли корабли персидских купцов.

Торговля обогащала ханов Золотой Орды, но не кочевников соседней степи, примыкавшей к Волге с запада. Чтобы охранять торговый путь, давать купцам безопасный приют, наблюдать за порядком на широкой реке и поддерживать на ее берегах власть золотоордынского хана, была сооружена крепость на острове. Пока бугор омывали волны моря, крепость была неприступна.

Как проходит мирская слава

Стоял в Золотой Орде престол хана Джанибека, и спокойно было в дельте Волги. Закачался престол под рукой Мамаю, зашатался под пятой Тохтамыша и свалился под ноги Тимура. В апреле 1395 г. в кровавой сече на берегу Терека ветераны Тимура опрокинули ополчение, собранное Тохтамышем, и вторглись в южнорусские степи, где уже не встретили сопротивления. Тохтамыш бежал в Болгар, покинув свою страну на разграбление победителю. Василий Дмитриевич Московский, собрав войско, преградил переправы через Оку и оберег землю русскую. Дагестанские князья Кули и Таус укрылись в горных замках, но замки были взяты и князья убиты. Зимой 1395 г. Тимур подошел к Волге и осадил город Хаджи-Тархан (ныне район Астрахани на правом берегу Волги). Город сдался, но это его не спасло; он был отдан на разграбление и сожжен. Та же судьба постигла столицу Золотой Орды – Сарай Берке-хана. Следы пожара вскрыты раскопками [21, с. 372].

Зима 1395 г. была исключительно сурова. Много скота в степях померзло, и цены на мясо возросли. А если так, то, значит, и море «вокруг крепости Чертово городище» замерзло, а воины Тимура, возвращаясь домой через Дербентский проход, т. е. по берегу Каспийского моря, не могли пройти мимо низовий Волги. Что было дальше – легко вообразить, и если даже что-нибудь случайное окажется неточным, то вся картина восстанавливается как неумолимая закономерность. Декабрь кончается. Сухой снег скрипит под копытами коней, степной ветер сечет лица воинов. Они победили и идут домой, но они устали, голодны, замерзли, а впереди длинная дорога по пустыням, и пищу приходится покупать у купцов-маркитантов по 250 кебекских динаров за барана. Да тут никакой добычи на прокорм не хватит! [Там же.]

Чу, впереди поселение, дома, пища, женщины. Посреди ледяного поля стоит небольшая крепость. Ее так легко взять... да и надо взять, ведь там засел противник. Конечно, этот противник не опасен, и если пройти мимо, то можно никогда в жизни о нем не вспомнить. Но в крепости добыча, возможность накормить воинов, достать фураж для коней, а взять эту крепость проще простого. Так мог, так должен был думать командир чагатайского отряда в 1395 г. Если же он все-таки думал о своих женах в садах Бухары или вспоминал суру из Корана, то ему эти мысли не могли не подсказать его тавачии, сотники и даже ординарец, перед тем перекинувшийся словом с простыми всадниками. В тимуровской армии была жестокая дисциплина, заключавшаяся в том, что воины слушались эмира, а эмир прислушивался к воинам.

Можно думать, что приступ был коротким и пожар довершил остальное. Все обломки железных орудий или оружия были оплавлены в большом огне. Не было ни одного погребения, но обломки человеческих костей валялись всюду. Развалины стен и домов лежали на бугре долго, но жителей среди них не было. Город превратился в городище за несколько часов...

Когда мы закончили описание, жара уже спадала. Прежде чем покинуть это место, мне захотелось обойти бугор по подножию, чтобы рассмотреть его снизу. На западной стороне, неподалеку от искусственного обреза, я заметил куст тамариска. Было странно, что этот куст прибрежных пустынь и береговых валов оказался здесь, окруженный ивами, камышом и зелеными луговинами. Приглядевшись, я понял: тамариск рос на обвале культурного слоя. Видимо, когда море уходило, кусты тамариска росли на намытых волнами песках, но это было давно и другие растения успели вытеснить их. Этот же куст удержался, потому что он вырос не на естественной, а на исторической почве; он был таким же остатком прошлого, как обломки кирпичей или черепки битой посуды, валявшиеся вокруг него. Черепки показывали то, что может сделать человек; тамариск – как жестоко обходится со своими творениями природа: он здесь одинок, а его родичей задавили камыши да ивы.

И тут, прощаясь с «Чертовым городищем», я произнес стихи Омара Хайяма в своем, довольно приблизительном, скорее смысловом, переводе:

Видел птицу я, что села на руины Туса,
Положила пред собою череп Каи-Коуса
И сказала: «Горе, горе! Череп, видишь сам...
Где знамена? где литавры? где гарем? где храм?»
Слава мира сего проходит именно так.

Тутинский бугор

Мы быстро спускались вниз по течению реки Бахтемир. Кругом расстилалась ровная поверхность морского дна, обнажившегося за последние сто лет. Встречались и бугры, но они были пусты. Очевидно, до подъема Каспия люди предпочитали жить у воды, а во время подъема на этих островах вообще нечего было делать.

Когда река расширилась настолько, что начала постепенно переходить в залив, мы повернули на север по другому протоку – Старой Волге. Рельеф местности был тот же, но как изменился ландшафт. Огромный камыш рос прямо из воды; в протоках, отходящих к востоку, над поверхностью тихой воды поднимались лотосы; воздух стал густым, насыщенным запахами растений и испарениями воды. Это была совсем другая страна.

Путешествие показало нам уже немало. Мы установили, что ни на протоках, граничащих со степью, ни в заболоченных низовьях хазарских памятников нет. Теперь мы стремились найти ту землю, которая была для хазар родной настолько, что они погребали в ней своих близких.

По аналогии с находками, сделанными раньше, можно было представить себе ее внешний облик. Там должны были быть невысокие бугры, расположенные близко друг от друга, тихие реки с чистой водой, без изобилия водорослей, и между ними луга, а не болота. И когда после шести дней мотания по дельте я увидел местность, похожую на ту, которую я ясно себе представил, мы сделали остановку и пошли обследовать Тутинский бугор, возвышавшийся между протоками Табола и Камызяк. И там мы снова натолкнулись на погребения, ничем не отличавшиеся по характеру захоронения от хазарских могил на бугре Степана Разина. Это означало, что мы нашли западную границу Хазарии.

Сохранность погребений Тутинского бугра была крайне скверной, не то что в восточной дельте. Скелеты лежали прямо на поверхности, потому что это место ветреное, и супесчаная пыль, которой их присыпали, не залеживалась. Кости были сцементированы в затвердевшую поверхность бугра, и мы стерли ладони до мозолей, расковыривая землю вокруг скелетов и сосудов. Но это было не важно, гораздо существеннее казалось нам то, что подтвердилась исходная точка зрения: расселение народа и ландшафт точно соответствовали друг другу. По этому признаку мы могли очертить границы области, где жили хазары, а потом сделать выводы о том, как менялись физико-географические условия за две тысячи лет. Ради такой перспективы можно было не жалеть ни о стертых руках, ни об изъеденных комарами лицах и ни об усталости, набрякшей во всем теле свинцовой тяжестью.

От Тутинского бугра мы повернули на север, к Астрахани. Местность приобрела цивилизованный облик: поля были возделаны, протоки обсажены аллеями ив, по асфальтовым дорогам шныряли автобусы. Но бугры по-прежнему привлекали наше внимание, и, наконец, на берегу реки Царев, на бугре Муллин, где помещалось татарское кладбище, мы набрали еще горсточку битой посуды, но не хазарской, а гузской. Итак, хазары жили не в окрестностях Астрахани, а южнее ее. Вот почему попытки найти Итиль на месте Хаджи-Тархана терпели полную неудачу. Там, где сухая степь, хазарских поселков и кладбищ нет.

Путешествие по центральной дельте

От Тутинского бугра до широкой реки Бузан ландшафт не менялся, а находки встречались почти на каждом бугре. Особенно замечательным оказался бугор Бараний на протоке Болде. Он лежит в километре от берега реки, и там мы собрали коллекцию сосудов и черепков более богатую, чем даже на бугре Степана Разина. Но наши попытки выйти через дельтовые протоки к морю и обследовать снова те острова, на которых я побывал с А. А. Алексиним в 1960 г., кончились неудачей. Большая часть протоков в устье мелела, и выход в море был закрыт густыми джунглями из кустов и камыша. Это были тупики. Когда же мы все-таки пробрались на простор через банк – проход для кораблей, где фарватер был углублен, – то оказалось, что все острова за три года покрылись такой густой растительностью, что сойти на берег было невозможно. Деревья стояли густой живой изгородью, через которую надо было бы прорубать просеку топором. Разумеется, найти что-либо в такой чаще было невозможно, и мы повернули назад, к бугру Степана Разина.

Работы на бугре подходили к концу. Удалось выяснить, что под кладбище использовалась только южная часть бугра. Это наблюдение мы проверили неоднократно, и оно везде подтвердилось. Вот еще одна загадка хазарской идеологии: почему они пренебрегали северными склонами? Разрешение этой загадки не далось нам в руки.

Разведочный отряд добился больших успехов. Геля нашел на Малом Казенном бугре три хазарских погребения неплохой сохранности, на многих других окрестных буграх – остатки разрушенных погребений и собрал большую коллекцию керамики. Теперь стало очевидно, что эта страна в хазарское время была населена очень густо. Ведь большая часть наземных погребений гибнет от безжалостного времени. По инструкции, которую я дал применительно к местным условиям, места находок привязывались нивелиром к топографическим знакам. Подтвердилось наблюдение, сделанное еще в 1960 г.: не было ни одной находки ниже абсолютной отметки минус 18 м. Значит, море в XIII в. похозяйничало в этих местах.

По возвращении из западного маршрута я присоединился к Геле, и мы вместе набрали на интересное явление – хазарские жилища. Возможно, они встречались нам и раньше, но мы обратили внимание и поняли находку только после посещения «Чертова городища». На одном из бугров (Шикэ) мы наткнулись на пятна от полов жилища, в которых увязли мелкие фрагменты железных орудий и керамики. Последняя дала нам датировку – она была хазарская. Видимо, на некоторых буграх во время трансгрессии Каспия ютились хазары, не хотевшие покинуть родную землю. Вода прибывала медленно, и, очевидно, какие-нибудь старики надеялись, что они доживут свой век и прокормятся на высоких местах, поэтому они и построили хижину на бугре. Позже, во время наших странствований по дельте, мы не раз встречали подобные пятна овальной формы, но края пятен были всегда столь расплывчаты и деформированы, что составить представление о хазарской архитектуре трудно. Ясно лишь, что это были жилища, подобные тем, в которых теперь живут казахи.

Путешествие на восток дельты

16 августа 1962 г. мы с Гелей и неизменным Михаилом Александровичем Шувариным выехали на восток. Через протоки, которые стали для нас привычным пейзажем, мы выбрались в Бузан и Сумницу. Эти широкие реки четко разграничивают холмистую область центральной дельты, т. е. Хазарию, и аллювиальную равнину, расстилающуюся на восток. Мы спустились по Сумнице к протокам ее низовий, где течение становится просто бешеным, несмотря на пологий рельеф. Чтобы хоть несколько часов отдохнуть от жужжания комаров и оводов и тяжелых испарений тростниковых джунглей, окаймляющих узкие протоки, мы вышли в Иголкинский банк, где землечерпалка прорыла канал для углубления фарватера.

Вода в канале неслась как сумасшедшая, но кругом было море по колено (буквально), и мы с Гелей вышли на круглые островки, образованные выкидом землечерпалки. Вдруг... кость, очень древняя и разбитая человеком, затем черепок, окатанный водой! Мы бросились искать и собрали целую коллекцию фрагментов больших сосудов из черной, плохо отмученной глины с вмятинами от пальцев древних мастеров. Кроме этих, нашли еще черепки сероглиняных, тонкостенных сосудов меньших размеров. И те и другие были знакомы нам, так как аналогичные сосуды мы уже встречали в хазарских погребениях. Что означала эта находка?

Землечерпалка прошла культурный слой хазарского поселения и выкинула черепки VI в. со дна морского. Абсолютная отметка дна канала – минус 29,6 м. Так как ветровые нагоны в этой части Каспия достигают 2 м, то во время существования поселения уровень моря должен был быть минимум на 3 м ниже, т. е. море стояло на отметке минус 32,5 м. Такую же цифру мы получили при исследовании Дербентской стены, значит, все наши расчеты подтвердились.

Итак, наконец-то мы попали на самую древнюю хазарскую землю. Мы стояли по колено в воде, а между нашими ступнями и слоями, содержащими хазарские памятники, было еще полтора метра донных отложений. Да, Хазария – это в полном смысле русская Атлантида, а область бэровских бугров только ее северная окраина. Гипотеза претворилась в реальность. Факты, подтвердившие мысль, лежали на моих ладонях.

Однако возвращаться домой было рано. Надо было очертить Хазарию с северо-востока, так же как мы очертили ее с запада.

Мы поднялись по широкой реке Кигачу, текущей в низких степных берегах, на которых мы находили только татарскую керамику XIV в. Здесь была сухая трава на склонах, легкий, колючий воздух, так не похожий на густую атмосферу дельты, и у излучины реки мы увидели форпост пустыни – огромные барханы. Здесь не было следов хазарской керамики, но зато снова начали попадаться обломки гузских черепков. Граница Хазарии замкнулась. Мы вышли в Ахтубу и поднялись по ней, насколько позволил ее фарватер. Есть места, где песок намыт настолько, что эту могучую реку можно легко перейти вброд. На левом берегу Ахтубы количество гузских черепков местами очень велико. Очевидно, кочевники пригоняли сюда стада на зимовку, чтобы весной отойти обратно в Рын-пески. Хазарских черепков здесь нет.

Теперь, очертив границу Хазарии, мы можем и должны дать ответ на вопрос: были ли хазары кочевниками? Территория, на которой есть хазарские памятники, меньше всего пригодна для кочевого скотоводства. Летом пышные луга дают возможность прокормить большие стада, зимой здесь есть укрытия в приречных лесах и возможности подкорма, если запасено сено. Возможно, что хазары весной выгоняли скот на близлежащие пастбища, но даже это предположение – лишь гипотеза, которую невозможно ни доказать, ни обосновать. Рыболовам и садоводам кочевой быт всегда чужд, а жители дельты Волги были именно таковыми. Скорее всего традиции кочевого быта сохранились у потомков тюркютов, поселившихся в Хазарии, и

это дало повод многим исследователям считать хазар кочевым народом.

Впрочем, оседлость не мешает ни совершать далекие походы, ни завоевывать чужие земли, ни жить за счет побежденных соседей. Все это хазары делали успешно и не вопреки тому, что у них были «села и нивы», как сказал поэт, а благодаря этому. И в те отдаленные времена для войны были нужны деньги и еще раз деньги, а интенсивное земледелие приносит больше прибавочного продукта, чем экстенсивное кочевое скотоводство.

Маршруты, которые мы делали уже в 1963 г., позволили уточнить много деталей, но не дали ничего принципиально нового. Историческая география, сказав свое слово, уступила место археологии, науке о памятниках: погребениях и вещах, в них найденных. Первые рассказывают о смерти, вторые – о былой жизни. Для исследователя то и другое одинаково важно.

Глава седьмая
Могилы и размышления

Люди, принадлежащие к разным народам, разнятся между собою не столько по образу жизни, сколько по отношению к смерти. На первый взгляд – это парадокс. Принято считать, что смерть равняет все и всех. Но так ли это? Подумаем и разберемся.

В жизни человек минувших эпох хотел иметь пищу и женщину, кров над головой и детей – продолжателей его рода, своеобразное ощущение бессмертия в потомстве. Чтобы осуществить эти скромные чаяния, ему были нужны орудия и оружие, предпочтительно наилучшие из тех, какие в его время на тогдашнем уровне техники существовали. Если он их и не изобрел сам, то воспроизводил все, что видел у соседей, а если и это оказывалось сложно, то выменивал или отнимал нужную вещь. Этим объясняется, что ареалы распространения тех или иных типов орудий (ножей, керамики и т. п.) всегда шире ареалов распространения племен. Археологическая культура и этническое единство совпадают редко.

Зато обряд погребения мертвых почти всегда имеет особенности, отличающие его от всех других обрядов. Похороны близкого, дорогого человека – дело настолько интимное, что подражание чужеземцам казалось примитивному сознанию неуместным. Хотя теоретически количество способов похоронить покойников очень невелико (ну, можно труп закопать, положить на землю или на дерево, сжечь, бросить в воду; больше, пожалуй, ничего не придумаешь), но детали в каждом случае разнятся настолько, что определить, кто погребен в той или этой могиле, по большей части возможно. Изменение обряда погребения бывает лишь при смене религии, но это явление редкое и связанное с коренной ломкой этнического бытия и сознания. Племя, сменившее веру отцов, по сути дела иное племя.

Могильник на бугре Степана Разина оказался археологическим музеем. Там были остатки древних сарматских погребений и сарматской керамики. Сарматские могилы были нарушены могилами хазарского времени, и тут выявилось неожиданное многообразие. Обычно разные типы погребений на одном кладбище показывают смену эпох и народов, но здесь пять типов относятся к одному времени. Они сосуществовали! Могилы воинов тюркютского хана и могилы хазарских женщин и детей расположены на тесном кладбище вперемежку, в одном слое, но с четкими интервалами между могилами – не менее 1,5 м. Очевидно, когда здесь хоронили, могилы имели внешние признаки, которые стерли время, дожди и ветры.

Первыми нам попались погребения самих тюркютов, потом их союзников – теле, силами которых тюркюты «геройствовали в пустынях севера» [14, т. I, с. 301]. Затем открылся старичок-печенег и под конец раскопок 1961 г. мы нашли барсила. Больше нигде такого разнообразия не встречалось, зато хазарские погребения были разбросаны по всей дельте. Поэтому описание хазарских могил мы дадим в конце главы. Как видно, степняки-кочевники и хазары умирали и жили в близости и согласии, вместе ходили громить персов и вместе отражали натиск арабов. Хазар, барсил, тюркютов, телесцев связывала не общность быта, нравов, культуры или языка, а общность исторической судьбы. Они были различны, но они были друзьями. И с этой точки зрения понятно, почему лишенная престола и гонимая на родине западная ветвь династии Ашина нашла убежище в Хазарии и правила там до начала IX в., когда власть от тюркских ханов перешла в руки еврейских царей. Вот первое, что рассказали о былой жизни могилы, будучи нанесены на план. Посмотрим, что смогут добавить они, взятые по отдельности.

Тюркюты. Покойников сжигали, а пепел прикрывали землей [там же, с. 228—230]. На Алтае, где грунт очень тверд, они закидывали прах мертвецов камнями из соседних древних могил. Благодаря этому удалось установить, что площадки, куда складывали пепел, были четырехугольными [24]. Вот такие же площадки были встречены нами на бугре Степана Разина,

с той лишь разницей, что прах был засыпан супесью, спекшейся в корочку, прикрывавшую остатки обожженных костей и обломки железных ножей [35] .

Трупосожжение – обычай воинственных народов. Потомки завоевателей Индии – ариев – индусы сжигали покойников и бросали пепел в воду. Но так как сжечь человеческое тело нелегко, то с течением времени стали бросать в реку на съедение крокодилам полубоженные трупы. Норманны клали умершего на ладью, поджигали и отталкивали от берега. В море плыл факел, погружавшийся потом в бездну. Сжигали трупы и римляне, причем со свойственной им точностью они дали объяснение возникновения обычая: «сожжение трупа не было у римлян древним установлением; умерших хоронили в земле, а сожжение было установлено, когда, ведя войну в далеких краях, узнали, что трупы вырывают из земли» (PI. VII, 187) [цит. по: 73, с. 214]. Надо полагать, что тюркюты, такие же воины, какими были древние индусы, римляне и норманны, также боялись, что враг осквернит или оскорбит прах их богатыря, при жизни наводившего на него ужас. Судьба трупа в то время интересовала не только родных и друзей, но и врагов. Все степные и сибирские народы верили в загробную жизнь. Тело казалось им своего рода одеждой, которую можно при случае сменить, но жалко, потому что она красивая, удобная и привычная. Поэтому в тюркских надгробных надписях часто упоминается слово «отделился» от стад, жен, друзей. Иногда его подменяет слово «не насладился» тем же самым. Но все-таки покойник продолжал говорить от своего лица. Иначе говоря, памятник для тюркютов по значению и смыслу был противоположен надгробию нашего времени; ведь у нас родные и друзья обращаются к покойнику, а у тех было наоборот.

Вера в посмертное существование была настолько сильна и отчетлива, что в 649 г. Ашина Шоно (Волк), один из самых видных кавалерийских генералов империи Тан, на похоронах императора Ли Шиминя, бывшего его личным другом, хотел заколоться, чтобы не разлучаться с любимым вождем. Китайские вельможи, скептики и циники, не допустили самоубийства [93, с. 178].

Такое отношение к смерти влекло за собою жестокий обычай человеческих жертвоприношений. На похоронах Истеми-хана в 576 г. было убито четыре военнопленных, чтобы сопровождать хана в посмертном существовании (Менандр в книге «Византийские историки» [16, с. 421—422]). Археологической проверке это свидетельство не поддается, потому что огонь не оставляет после себя ничего, но аналогичный обычай был у телеских племен, близких по языку и быту к тюркютам, а их погребения тоже найдены в нашем могильнике.

Телесцы, не менее храбрые и неукротимые, чем тюркюты, были не войнолюбивы, а вольнолюбивы. Их идеалом была не победа над врагом, хотя они одержали их немало, а пастьба скота на приволье степей, песни и сказки у очага в юрте, и поэтому они проявляли огромный интерес к любой чужой культуре, кроме китайской. Их обряд погребения был иным, тоже не похожим ни на какой другой. «Мертвых относят в выкопанную могилу, ставят труп посередине, с натянутым луком, опоясанный мечом, с копьем под мышкою, как будто живой; но могилу не засыпают» [14, т. I, с. 216]. Подобных могил до сих пор в Центральной Азии не найдено, и немудрено, потому что труп растаскивали птицы и волки. Но на бугре Степана Разина могильная яма в легкой супеси заплывала быстро, и нам удалось обнаружить четыре телеских погребения.

Телесца очень трудно не узнать. Вертикальное положение, приданное трупу, сохранялось недолго. Тело гнивало, а кости падали на дно неглубокой могильной ямы. Самое досадное для археолога, что при этом обряде в первую очередь портился череп, наиболее открытый дождю и ветру. Сохранялись тазовые кости, по которым можно установить, что похоронены были мужчины.

Едва мы решили загадку перепутанных костяков на западном конце бугра, как были поражены находкой ценной, но малоприятной. Рядом с остатками телесца лежал скелет женщины, у которой шейные позвонки были смещены. Бедняжке свернули шею. Такая же девица была найдена на восточной половине кладбища. Обе были без вещей, может быть, их отправили на тот свет сопровождать повелителя нагими. А вот лошадиных костей не оказалось. Видимо, в походе лошадь ценилась дороже пленницы. Ведь телесцы были не на родине, а на войне.

Еще интереснее оказалось третье погребение в могиле глубиной 0,75 м, где были перемешаны кости зрелого мужчины с костями коня. Скелета девушки рядом не оказалось, хотя это не было исключено. Возможно, что он был сдан современными предприимчивыми аборигенами в утиль. В этом погребении наибольшую сложность представляло то, что наряду с телеским обрядом были видны следы огня: много золы и кости слегка обожжены. По-видимому, этот воин был особо любим своим командиром и они почтили его огненным очищением, в котором отказывали простым ополченцам из союзных племен. Западные тюркюты умели ценить доблесть и верность своих иноплеменных соратников. Поэтому их династия так долго продержалась на престоле, сначала в Семиречье, а потом на Волге. И в самом деле, система объединения орды, т. е. войска, составленного из богатырей, и родоплеменных союзов, где было не меньше храбрых воинов, нуждавшихся только в организации, была выгодна для обеих сторон. Эта система, носившая название «эль» ^[29], позволяла кочевникам долго отбивать нападения цивилизованных соседей с юга и востока, ибо, как известно, цивилизация не всегда связана с миролюбием и справедливостью. А кочевники имели право жить в родной степи, не подчиняясь захватчикам.

Печенег был почти дома, и потому определить, что найденный нами скелет старика с конем не может быть никем иным, оказалось несложным [65, с. 153—156]. Впрочем, сказать «с конем» – значит, допустить преувеличение. Большая часть старого, пятнадцатилетнего коня была, видимо, съедена на поминках, а в могилу положены только голова с уздечкой да четыре ноги. Это было тоже «сопровождение», но оно кажется более приемлемым, нежели убийство пленных девушек. Пусть лучше в могилу кладут вещи, как, например, этому печенегу положили седло с круглыми стремянами. Сразу стало ясно, что он носил мягкую обувь вроде ичигов, потому что, когда у всадника есть сапоги на твердой подошве, он предпочитает стремяна с прямой подставкой. И седло и стремя подсказывают своими формами, что этот печенег попал на Волгу с востока, из Рын-песков, еще задолго до того, как его потомки пробрались к берегам Днепра и убили там князя Святослава в 972 г. С тех пор у нас держится дурное отношение к печенегам, хотя за тысячу лет можно и пересмотреть проблему. Правда, печенегов не хвалят, кроме русских, еще и греческие хронисты, и весьма скептически о них отзываются арабские и персидские географы, потому что от печенегов всем этим народам досталось изрядно. Но так ли уж они правы? Мне невольно вспомнилось стихотворение Саади, которое я тут же перевел.

Когда-то я в книге какой-то читал,
Что некто во сне Сатану увидал.
Тот был кипариса стройнее на вид,
И свет исходил от прекрасных ланит.
Сказал человек: «О отец суеты!
Пожалуй, красивее ангелов ты,
А в банях украдкой рисуют себя,
Противно и гадко рисуют тебя».
Тут див, испустивши рыданье и вздох,

Ответил: «Ты видишь, не так уж я плох.
Во мне безобразного нет ничего,
Но кисти в руках у врага моего».

Подумать только, сколько исторического хлама несем мы в своем сознании, даже не подозревая об этом. Мы мыслим привычными категориями симпатий и антипатий, совсем забыв о том, как и почему они возникли, даже не думая о том, насколько они справедливы. К примеру сказать: печенегов победил еще Ярослав Мудрый, и зла они наделали Руси куда меньше, чем половцы или ногайские татары. И вряд ли они были действительно более дикими, чем прочие кочевые племена степи или охотники верховий Волги – угры и финны?! Расцвет культуры печенегов падает на период первых веков нашей эры, когда они населяли Восточный и Центральный Казахстан. В то время к их державе, Кангюю, соседи относились с уважением и опасением. Засуха в III в. подорвала их могущество. Только в VIII в. они обрели свободу и отстояли себя от тюргешей и уйгуров, но были вытеснены в бесплодные Приаральские степи. Жилось им там неважно. Соседние племена хватали печенежских детей и продавали их в рабство. Затем половцы и гузы надавили на остатки печенежского народа и вытеснили их на запад. Печенеги держались до последней возможности, пока Алексей Комнин при Лебурне в 1091 г. не нанес им жестокого поражения, подорвавшего силы народа. Тем не менее они попытались еще раз найти место под солнцем для своих детей и стад, но снова были разбиты Иоанном Комнином в 1122 г. После этого уцелевшие от побоища поселились в низовьях Дуная и слились с болгарами. Их потомками считают племя гагаузов, забывших тюркский язык только в начале XX в.

Невольно думается, что печенегам справедливее посочувствовать, а не ненавидеть их. И сколько еще есть в истории средних веков вопросов, которые мы должны пересмотреть и продумать заново, потому что новый накопленный материал уже не лезет в рамки старых, дореволюционных концепций.

Барсилы – одно из праболгарских племен – жили по соседству с хазарами [7, с. 312]. В V в. они враждовали, потом, к X в., слились с хазарами и растворились в них. Однако в VII в., когда перевес хазар уже отчетливо выявился, барсилы еще сохраняли этнические черты, отличавшие их от хазар; в частности, обряд погребения: барсилы хоронили своих покойников в могилах с подбоем [35, с. 130].

На восточной половине бугра мы наткнулись на подбой, сделанный в боку высокой кочки и заполненный мелкой рыхлой землей, что образуется только при медленном осыпании стенок и кровли могильной ямы. Когда землю вычистили, то перед нами предстал скелет воина, в головах которого лежал крестец барана – обычная жертва, пища для отправившегося в потусторонний мир. Коня при покойнике не было, но были железная узда, седло-подушка, обшитое костяными пластинками, круглое стремя, как у печенега, и на поясе железный нож с деревянной ручкой. Весь инвентарь показывал, что и этот человек умер в VII – VIII вв., но в отличие от всех прочих погребений он лежал головой к востоку, а не к западу или северу. Словом, это был человек совсем иных представлений о мире и о смерти, хотя, к сожалению, больше ничего о его культуре сказать нельзя.

Но самое интересное было то, что с правой стороны скелета лежала сабля в деревянных ножнах. Лезвие ее было изогнуто, хотя очень незначительно, но зато была отогнута и рукоять сабли^[20], а ничего более важного представить себе нельзя: сабля свидетельствовала о военной реформе VI в.

Сабля. В доисторические времена, когда отдельные небольшие племена оспаривали друг у друга владение охотничьими угодьями, возникла нужда в оружии. Первоначально в основу техники убийства себе подобных были положены три принципа: оружие метательное – камень, которого мы в этом разделе касаться не будем; колющее – копье и ударное – палица. С течением времени они совершенствовались: облегченное копье превратилось в дротик и стрелу, утяжеленное – в пику; палица с добавлением обработанного камня на конце стала топором, а после изобретения плавких металлов – длинным мечом. Дистанция огромного размера, но принципы были неизменны. Таким оружием воевал весь античный мир.

Конечно, некоторые усовершенствования были введены при освоении закалки железа. Можно было делать меч с острым концом и пользоваться им одновременно как колющим и рубящим оружием. Таков глаудиус римских легионеров. Можно было насаживать топор на пику – получалась алебарда, которой мастерски владели китайские пехотинцы. Но все это были детали и усовершенствования принципов, казавшихся неизменными. Меч на первый взгляд более совершенное оружие, чем копье, но он имеет принципиальный недостаток. Коротким мечом трудно достать уклоняющегося противника, а длинный, двуручный меч тяжел и при продолжительном бое утомляет руку меченосца, в то время как копьем можно действовать долго. Древние воины достигали в этом искусстве таких вершин, что на полном скаку ловили концом копья кольцо, которое инструктор держал в пальцах. Разумеется, для этого была нужна долгая выучка и постоянная тренировка.

Но я уже слышу возражение: «А где же принцип резания, т. е. ножа, без которого ни один человек в наше время не может и часу прожить? Как же обходились без него древние люди?» Да, резали и тогда, но техника камня не позволяла доводить режущие предметы до той степени совершенства, которая необходима во время боя. Каменным ножом можно было перерезать горло связанному врагу или, как ацтекские жрецы, вынуть из груди пленного сердце, но не больше. Бронзовые кинжалы употреблялись как колющее оружие ближнего действия и никак не могли соперничать с копьями или мечами.

Но вот в VI в. или около того алтайские кузнецы, получавшие кричным способом великолепное железо, придумали чуть-чуть искривить меч и отогнуть его рукоять назад. Тогда это лезвие при оттяжке стало не только рубить, но и резать. Эффективность оружия увеличилась во много раз. Сабля (это она и есть) не проламывала головы и не крушила кости; она их разрезала, причем не требовалось большого веса клинка, а только умение при ударе потянуть оружие на себя. В те времена железные панцири были редкостью и больше всего употреблялись кафтаны с нашитыми на них пластинами и бляхами. Найти место для удара было легко, и всадники, вооруженные саблями, оказались решающей силой в рукопашной схватке. Недаром «Повесть временных лет» приводит пример, что поляне платили хазарам дань мечами, а хазары были вооружены саблями. Летописец ретроспективно предсказывает, что обоюдоострый меч в конце концов одолеет саблю с одним острием; но, конечно, как мы уже видели, для поражения хазар русскими было много веских причин и другого характера.

Для того чтобы оценить значение нового оружия, обратимся к тексту, написанному в X в., но описывающему битву VI в. на основании источников, до нас не дошедших. Это сочинение Абулькаси́ма Фирдоуси «Шахнаме», где поэтическая форма отнюдь не мешала описаниям батальных сцен. Конечно, в этом произведении есть, и не может не быть, много моментов, привнесенных личными качествами автора (лиричность) или требованиями вкуса эпохи (дидактика), или его политическими установками (патриотизм), но мы выберем отрывок, где эти особенности будут неощутимы, а сравнительная ценность видов вооружения очевидна. Дальнейшему изложению необходимо предпослать несколько пояснений.

В 590 г. персидский полководец Бахрам Чубин, незадолго перед тем одержавший победу

над тюркютами при Герате ^[28], попал в немилость. Опасаясь казни, он поднял восстание и, захватив власть, короновался шахом Ирана. Законный наследник престола, царевич Хосрой, бежал в Византию и там получил военную помощь, с которой двинулся добывать трон своих предков. Решающая битва византийских интервентов, поддержанных армянами и персидскими эмигрантами-роялистами, с профессиональной армией Бахрама и примкнувшими к нему тюрками произошла у Балярата, одной из речек, впадающих в озеро Урмия, в августе 591 г. [25, с. 240]. Для нас интересен только первый эпизод этой битвы – поединок богатыря Гота-хазара (приравненного по боеспособности к тысяче обычных воинов) и Бахрама, научившегося у тюркютов обращению с новым оружием – саблей.

Лишь подняло солнце чело над горой,
Над толпами поднялся шум боевой.
Как неба вращенье – движенье полков,
И солнце затмилось от блеска клинков.

Дальше идет длинное описание диспозиций обеих армий с указанием имен полководцев – командиров подразделений и много внимания уделяется чувствам молодого царевича Хосроя, вынужденного истреблять свою персидскую армию при помощи своих заклятых врагов – греческих наемных войск. Затем начинается описание первой атаки византийцев.

Когда ж барабаны забили вокруг
И войнолюбивые двинулись вдруг,
Ты скажешь: земля поднялася грядой,
Залитая к небу жестокой враждой.
Тут землю основой^[21] увидел Хосрой,
Утком^[22] – наступающих воинов строй,
Наполнилось мыслями сердце его^[23],
И чащею сделался мир для него^[24].
Вдруг вырвался гот^[25] из воинственных толп
Весь в черном железе, похожий на столп,
И крикнул Хосрою: «Врагов осмотри!
Где раб, пред которым бежали цари.
Его указать мне – вот дело твое.
А дело для сердца мужского – копье!»
Припомнивши битвы минувшие, шах
Стоял молчаливо, с тоскою в очах,
А после ответил: «Что ж, выйди вперед;
Он в поле заметит тебя и найдет.
Попробуй тогда от него не бежать,
Чтоб губы потом от стыда не жевать»^[26].
Тут гот от Хосроя вернулся назад,
Схвативши копье и сражению рад.
Как слон опьяненный, он шел, разъярен,
Иль будто был ветру товарищем он.

Елян Сина^[27] крикнул Бахраму: «Гляди!
Там див пред румийцами встал впереди.
Как слон он, железная пика в руках,
И спрятан аркан далеко в тороках»^[28] .
В руках у Бахрама взметнулся клинок,
Свистящий, как в свежей листве ветерок.
Шах^[29] на? ноги, это увидя, вскочил,
На гота заплаканный взор устремил.
Лишь только рванулся румиец на бой,
Сжал пятками землю сухую Хосрой.
Не сделала пика Бахраму вреда,
Щитом отразил он удар без труда,
Ударил ответно, клинком боевым,
И гот – пополам развалился пред ним.

Гот погиб из-за неосведомленности в новинках военной техники. Он ожидал встретить врага с мечом, а не с саблей. Тогда бы панцирь предохранил его, он получил бы легкую рану и возможность второго удара, который при сближении стал бы для Бахрама последним.

Конечно, тесный строй копьеносцев был по-прежнему неуязвим для всадников с саблями, но те не принимали боя, а расстреливали скученного противника из луков; когда же копьеносцы рассыпались, чтобы не представлять слишком легкую цель для стрел противника, сабельщики вынуждали их к поединкам и имели все шансы на победу.

Битва при Балярате окончилась победой византийцев лишь потому, что они прижали персов к отвесным утесам, лишили свободы маневрирования и задавили численным перевесом – 60 тыс. против 40 тыс. Но в степях всадники, вооруженные саблями и луками, не имели себе равных вплоть до изобретения огнестрельного оружия. Несмотря на то что европейские рыцари во время крестовых походов немало пострадали от турецких и арабских сабель, они не сумели перестроить свою привычную военную выучку и продолжали сражаться мечами, с течением времени превратившимися в кирасирские палаши. Искусство владения саблями требовало совсем иной тренировки и других психофизических качеств бойца и даже лошади. Тяжелые европейские кони, на которых рыцари бросались в сокрушительные, но, как правило, неудачные атаки, не годились для сабленосца, основными качествами которого были поворотливость и быстрота. Только Наполеон попытался переучить своих кавалеристов, взяв за образец тактику египетских мамлюков, но реформа запоздала и не спасла французскую кавалерию от русских гусарских сабель и казацких шашек, лишь немного усовершенствованных сравнительно с той, которая лежала в подбое могилы барсила. Трудно описать нашу радость при находке пращура русского оружия, ныне занимающего почетное место в коллекциях Эрмитажа.

Сарматы населяли приволжские степи в первые века нашей эры, и только гунны в IV в. оттеснили их на запад. Могли ли с ними столкнуться хазары? – вот вопрос, на который можно ответить двояко. Нет, потому что хазары – потомки хуннских воинов и сарматских женщин; да, потому что такой большой народ, как хазары, не мог появиться за одно поколение и должен был некоторое время сосуществовать с «чистыми» сарматами. Оба ответа не могут считаться достаточными, и только археология в состоянии установить: жили ли сарматы в дельте Волги на тех самых местах, где мы нашли хазар, или оба народа сосуществовали в III – IV вв. и разделили между собою прикаспийские земли, причем сарматы взяли степь, а хазары – дельту.

Вспомним, что в I – II вв. Волга была еще маловодна, но в то время, когда гунны теснили

сарматов на запад (III – IV вв.), разлилась широким потоком, а степи превратились в пустыни. До этого времени Волга текла по нескольким руслам среди равнин и бугров, как ныне текут Хурдун и Кигач. Если так, то сарматам незачем было делать выбор между двумя ландшафтами, ибо в их время существовал только один. Следовательно, мы должны были искать сарматские могилы там же, где находили хазарские, только считая их более древними. И наши поиски увенчались успехом. Первая находка была сделана на бугре Степана Разина. На глубине 0,75 м в полуметре от тюркютского захоронения раскрылось горло сероглиного сарматского сосуда. Затем на бугре Билинга нам посчастливилось наткнуться на погребение богатой сарматки. Ее широкая одежда была украшена нашитыми на нее бусами и заколота фигурными бронзовыми фибулами, застежками, сконструированными по принципу французской булавки. На груди у нее лежало бронзовое зеркало. Разумеется, одежда истлела, но бусы и фибулы показывали, насколько она была широка и, вероятно, удобна.

Итак, сарматы населяли дельту в первые века нашей эры. Так мы нашли предков хазар.

Хазария и географический детерминизм

Следя за ходом нашей мысли, подсказанной наблюдениями во время путешествий по пустыням и дебрям, читатель может подумать, что роль географического фактора, оттененная нами, близка к концепции географического детерминизма, наиболее четко сформулированного Монтескье в книге «Дух законов» [98, pp. 290—293]. Но достаточно привести примеры истолкования Монтескье значения явлений природы человеческого общества, чтобы убедиться, насколько разнятся его и наши подходы к теме и выводы.

Монтескье утверждает, что жаркий климат расслабляет душу и тело, а холодный делает человека крепким и энергичным. Южане сильно ощущают боль, а северяне отличаются малой чувствительностью. В восточных странах жаркий климат порождает физическую и умственную лень, вследствие чего нравы, обычаи и законы там не меняются. Народы жарких стран не обладают мужеством и почти всегда бывают поработаны северными, мужественными народами. «Бесплодие почвы делает людей искусными в мастерстве, трезвыми, закаленными в труде, мужественными, способными к войне, так как им надо добывать себе то, в чем им земля отказывает; плодородие страны вместе с зажиточностью дает жителям изнеженность и любовь к сохранению жизни» [98, p. 234]. На равнинах, где трудно защищать свободу, устанавливается деспотическое правление, а горцы могут себя отстоять, потому что вести завоевания на пересеченной местности трудно. К этим и подобным утверждениям сводится теория географического детерминизма, подчиненная рационалистической идее всеобщей закономерности, куда входят и явления общественной жизни [18, с. 99].

Гораздо важнее принципиальная сторона дела. Все сторонники концепции географического детерминизма предполагают наличие прямого влияния природы на психику людей и общественное развитие. С нашей же точки зрения, такого влияния нет. Общественное развитие – форма спонтанного движения по спирали, и тем самым никак не может быть связана с экзогенными явлениями, в том числе изменениями климата и ландшафта. Психика людей – тоже явление особого порядка, зависящее от физиологии, которая во время рождения географического детерминизма была наукой неразвитой, и значение ее не учитывалось. По нашему мнению, роль природы сказывается на этнографических особенностях и ареалах распространения народов, но не непосредственно, а через хозяйство, т. е. основу экономической жизни. Природа не имеет определенного влияния на жизнь людей. Ландшафт не определял род занятий какого-либо народа. Там, где привычные занятия были невозможны, представители этого народа предпочитали не селиться. Поэтому жители лесов редко осваивали полупустыни, а предпочитали речные долины, а степняки, даже овладев лесными массивами, выбирают для жительства открытые места. Угры-самодийцы и тюрки-якуты заселяли тундру и луга в долине Лены, оставив тайгу лесовикам – хантам и эвенкам. Исключений из этого правила немного, и они всегда могут быть объяснены событиями политической истории. Разница между нашим подходом и географическим детерминизмом очевидна. Оба метода исключают один другой.

Нетрудно заметить, что собранный нами материал позволяет отвергнуть все перечисленные утверждения Монтескье, который строил свои соображения на недостаточном количестве сведений. История Северной Азии и Восточной Европы оставалась вне сферы его внимания, так как в середине XVIII в. она была еще неизвестна европейцам. Лето в монгольских и казахских степях более жаркое, нежели в Западной Европе и Передней Азии, но это родина богатырей. Умственная лень и неизменность обычаев на Востоке – миф! Мы видели, насколько напряженной там была экономическая и политическая жизнь в раннем Средневековье, в то время как, наоборот, Запад был почти в состоянии застоя. Говорить об отсутствии у южных

народов мужества нелепо, потому что арабские завоевания VII – VIII вв. были сделаны именно южанами, и аналогичных примеров можно найти сколько угодно. Системы в географической концепции завоеваний нет: побеждают то одни, то другие. Суровость природы отнюдь не способствует закаленности людей. Там, где природные условия действительно тяжелы, например в Сахаре, сибирской тайге, Гренландии, – жители изнуряются в ежедневной борьбе за поддержание существования и никакого развития у них не наблюдается. Равнины также не способствуют образованию деспотизма, так, например, гузы, печенеги, половцы жили свободными родоплеменными союзами, а в горной Грузии или Малой Азии с глубокой древности установилось монархическое правление. Наконец, защищаться в степи, используя стратегический маневр в пространстве, куда легче, чем оборонять горные крепости, откуда нет выхода. Суждения Ш. Монтескье соответствуют уровню науки его времени и в XX в. всерьез приниматься не могут, как и мнения его последователей. Игнорирование основы человеческого общества – способа производства материальных благ – неизбежно завело их в тупик.

Хазары оставили наибольшее число погребений. На бугре Степана Разина их найдено пять, на Казенном бугре – три, на Бараньем бугре, который мы не успели раскопать ^[30], ограничившись предварительным осмотром, – три и на нескольких других буграх встречены сильно разрушенные и маловыразительные, но, несомненно, хазарские костяки. Это дало возможность установить характерные черты хазарского обряда погребения.

Труп клали на землю, головой чаще на запад, но иногда на север. В изголовье ставили два сосуда: один из серой глины, очевидно с кашей, а другой из красной – с вином или каким-нибудь другим напитком. Кроме того, в изголовье клали в жертву мясо, чаще баранину (один раз попался целый скелет ягненка), иногда птицу, а однажды мы были потрясены, потому что на месте, где полагалось быть жертве, оказался скелет младенца. Вещей при скелетах очень мало. Иногда встречаются железные ножи и поясные пряжки, перержавевшие и истлевшие до такой степени, что их трудно перенести с земли на вату; бывает в левом ухе серьга-колечко, и однажды встретилась железная бляха, вернее следы ее, нашитая на одежду. Это бедные погребения небогатых людей, трудом добывавших себе средства к существованию и не позволявших себе роскоши закапывать в песок нужные или ценные вещи. В этих комариных местах жила не хазарская знать, а беззащитный народ.

Наше внимание обратило на себя то, что хазарские сосуды из погребений очень похожи на плохонькие сарматские. Разница, конечно, есть, их не спутаешь, но кое-что в форме, промешанном тесте и даже обжиге роднит их между собой. Что ж, это не случайно и не удивительно. Хазары в какой-то, пусть небольшой, степени потомки сарматов; жили они если не в одинаковых, то похожих условиях, а глина у них была одна и та же, что обусловило сходство теста. Поэтому и сосуды у них похожи. Но сарматы обладали великолепным вкусом и огромнейшими богатствами, награбленными у скифов, побежденных ими во II в. до н. э. У сарматов эпоха первоначального накопления прошла легко, и они могли позволить себе изодраться в художествах. Хазары же долгое время боролись за право на существование, а победив, подпали под власть инородной правящей верхушки. Условий для бурного роста материальной культуры у них не возникло. Впрочем, если бы нам удалось найти остатки хазарских столиц, если даже не Итиля, то хотя бы Семендера, расположенного где-то на Тереке [7, с. 399], то мы наверняка обнаружили бы там предметы искусства и следы роскоши. Те же места, в которых мы работали, были для Хазарии провинцией, деревней, но для нас хазарская деревня была не менее интересна, чем столица, и бедность материала нас отнюдь не смущала, а скорее будила в наших головах и сердцах мысли и чувства, необходимые для продолжения поисков.

Весьма странно было констатировать, что почти все хазарские скелеты носили следы

тяжелых повреждений огромной давности. В большинстве случаев черепа разбиты ударами чекана или дубины в лоб или в висок, а ноги ниже колен обрублены. Часто обрублены пальцы правой руки. Среди костей очень часто находятся зола и угольки от костра, но это не следы трупосожжений, потому что кости не подверглись действию слабого огня, опалившего, по-видимому, лишь кожные покровы и мышцы.

Наши находки оказались иллюстрацией к сообщению армянского автора Моисея Каланкатуйского, который рассказывает о «разрезанных мечом и ножами трупах», «скверной неистовой резне» и «беснующемся плаче» над мертвыми [60, с. 193, 199—200]! И все-таки обезображенные трупы были похоронены тщательно, с соблюдением ритуала. Очевидно, мы столкнулись с древним поверьем – страхом перед мертвым, уверенностью, что покойник может принести вред. Все древние народы боялись злых духов, но не все связывали их с трупами. Например, древнегреческая эмпуза, которой пугали детей, рисовалась как оборотень, тюркские албасты и джезтырнаки – ночные духи и т. д.

Вера в то, что сам труп (а не дух покойника) опасен для живых людей и особенно родственников, очевидно, возникла у древних угорских народов и была занесена в Европу венграми. Не случайно, что легенды и рассказы об упырях, которых на Балканах называли вурдалаками, а в Венгрии вампирами, распространены только в странах, граничивших с Венгерским королевством: Польше, Сербии, Болгарии да еще на Правобережной Украине, где с XI в. осели соседи древних венгров – тюрки-гузы. По единодушному свидетельству восточных авторов, «вера хазар походит на веру тюрок-гузов» [40, с. 146—147] и вряд ли она, по бытовым воззрениям, сильно отличалась от религии древних венгров. Суеверия распространяются быстро и легко перенимаются даже у врагов, а венгры и хазары иногда бывали союзниками. Если принять эту гипотезу, то калечение трупов объяснить легко: чтобы лишить мистического врага возможности двигаться, его опаливали огнем и обрубали конечности. С точки зрения примитивного сознания этого было достаточно.

Бросим взгляд на этнографические параллели. Там, где похороны стали делом религии, т. е. в христианских и мусульманских странах, обряд погребения был строго определен и родственники покойного вынуждены были ему подчиняться. Зато после похорон кто-нибудь из односельчан рассказывал, что покойник гнал за ним ночью или что-либо в этом роде. Тогда труп выкапывали, протыкали грудь мертвеца осиновым колом, а иногда просто сжигали. До XVII в. эти суеверия были весьма распространены, да с ними тогда никто и не боролся. Может быть, у хазар было не это, а сходное представление, но так или иначе, важно, что их представление о смерти весьма отличалось от тюркютского, телеского и печенежского, что опять-таки указывает на известную самостоятельность их культуры.

Теперь мы можем заняться датой, которая на основании всего комплекса находок может быть уточнена. Нижней датой можно с уверенностью считать VI в., так как именно тогда в Поволжье появилась сабля [52, с. 75; 58, с. 160 и след.] и круглые железные стремена [47, с. 518; 23, с. 234]. Последние сменились к IX в. стременами с плоской подножкой [80, с. 137, 148—150], но круглые стремена могли сосуществовать с ними некоторое время, и базировать только на форме стремья верхнюю дату было бы неосторожно. Бесспорной верхней датой является XIII в., потому что татарская керамика резко отличается от той, которая характерна для наших находок. Остаются 700 лет хазарского периода, в которые и совершались похороны покойников на бугре Степана Разина. Формальный метод археологии больше ничего уточнить не может.

Но ведь мы располагаем, кроме археологии, историей и географией; почему бы не использовать их? Отметим, что в могильнике присутствуют тюркюты и их союзники телесцы. Следовательно, вероятнее всего, что они похоронены в то время, когда Хазария входила в состав каганата, т. е. до 650 г. Наличие погребения барсила показывает, что те времена, когда хазары с барсилами враждовали, т. е. начало VI в., миновали. Также легко объяснить появление на хазарском кладбище печенега, если считать, что он был воином тюркютского хана. После падения каганата печенеги с хазарами больше воевали, чем дружили.

Итак, только середина VII в.— эпоха тюркюто-хазарского наступления на Закавказье — обладает всеми теми чертами, при которых мог возникнуть совместный могильник представителей четырех описанных нами народов. Это мнение следует считать пока предварительным и приблизительным; не исключена возможность, что оно будет уточнено, но, как сказал Цицерон: «При отсутствии уверенности правилом мудрого должна быть наибольшая вероятность».

Евреи, как известно, жили в Хазарии, но их было немного [40, с. 164—165]. За пять лет детальных поисков мы не нашли ни одного следа их культуры. Это значит, что мы искали не там. Если бы Итиль не был смыт водами бесновавшейся Волги, если бы Саркел не был просто крепостью с гарнизоном из тюркских наемников, если бы Тмутаракань не находилась в сфере влияния византийской культуры и экономики, то, несомненно, были бы открыты роскошные памятники средневекового иудаизма, которые так красочно описаны Лионом Фейхтвангером в знаменитой «Испанской балладе», а не только несколько еврейских надгробий около Тамани.

Следовательно, надо было перенести острие наших исследований в другое место, а таким мог быть только город Семендер, первая столица Хазарии. По описаниям древних авторов, Семендер по богатству и многолюдью не уступал Итилю, но пал под мечом Святослава Игоревича. По поводу расположения этого города было высказано очень много разных мнений, и наша задача представлялась, с одной стороны, предельно трудной, а с другой — чрезвычайно интересной.

Поиски Семендера стали нашей задачей весной 1963 г., когда экспедиция снова выехала из Ленинграда в Хазарию. На этот раз в программу исследований мы включили, кроме Волги, Терек.

Существуют два способа самоподготовки к исследованию новых мест. Первый – прочесть всю или почти всю литературу, касающуюся территории, подлежащей изучению, и во всеоружии знаний явиться на место, чтобы дополнить и уточнить богатство, накопленное предшественниками. Но есть и другой способ, который мне подсказал в 1948 г. замечательный путешественник и первооткрыватель алтайских древностей С. И. Руденко.

Когда я собрался ехать с ним на Алтай, он рекомендовал не читать никаких специальных сочинений по алтайским древностям, хотя таковых было немало, а ограничиться общими работами по истории интересовавшего меня периода. Таким образом легче сохранить свежесть восприятия и найти то, что было пропущено другими путешественниками, ибо смотреть и видеть – не одно и то же.

Снова, как четыре года назад, я собрался искать хазарский город в новом, неизвестном мне районе, но разница была налицо. Теперь можно было опираться не только на чутье. Богатый опыт работ на Волге создал систему широких ассоциаций; книга о Тюркютском, Тюркском и Уйгурском каганатах «Древние тюрки», написанная мною за это время, позволила мне расширить исторический кругозор и запомнить много таких деталей, которые ускользают от читателя, но врезаются в память писателя; наконец, институт, в который меня пригласили (ГЭНИИ), выделил некоторую сумму на транспорт, и оказалось возможным нанять на неделю грузовую машину.

Базой будущих работ я избрал город Кизляр, находившийся в центре той равнины, на которой, по мнению М. И. Артамонова, стояла первая столица Хазарии – Семендер [7, с. 399].

К нам присоединился В. Н. Куренной, работавший в 1961 г. на бугре Степана Разина и любивший историю. Он мастерски делал топосъемки, и благодаря его помощи нам удалось провести куда больше исследований, нежели мы вначале предполагали.

На автобазе Кизляра мы наняли машину с шофером, который сначала смотрел на нас с недоверием, но вскоре оказался первым нашим другом. Так был сформирован новый отряд, перед которым открылись терские степи, настолько широкие, что, казалось, легче найти иголку в стоге сена, чем в этом просторе скелет хазарского времени.

В любом лабиринте должна быть нить Ариадны. Таковой показался мне Терек, проток которого идет через Кизляр. Коричневая вода с яростью бьется о берега и сваи деревянного моста, но мальчишки весело барахтаются в волнах, не обращая внимания на течение. Глядя на них, мы решили, что рассказы о бурном течении Терека, как часто бывает, преувеличены; ну, река как река.

Мне показалось интересным другое: Терек течет не в углублении, а на возвышении. Отлагая век за веком песчинки, он поднял свое русло над окружающей его равниной, и только мощные дамбы спасают дома Кизляра от терских вод. Но ведь возможен прорыв дамбы, и что тогда? Так оно и случилось в момент нашего приезда. Начальство было в хлопотах – ниже Кизляра вода прорвала дамбу, и все силы были брошены на ее восстановление. Однако жители не казались взволнованными, объяснив нам, что это происходит почти каждый год, а привычная беда – не беда.

Первый маршрут мы предприняли к востоку от Кизляра, вниз по течению Терека. Широкая равнина, раскаленная лучами августовского солнца, изредка пересекалась стенами высокого камыша. Это были следы старых русел Терека, который, как всякая река, текущая в широтном направлении, склонен менять свое русло. Никаких памятников, никаких городищ здесь не было и в помине. Думалось, что на правом, южном берегу Терека мы увидим иную картину, и действительно, добравшись до переправы ниже Кизляра, мы увидели море, да, да, именно море, глубиной до полутора метров.

Прорвав дамбу, Терек затопил низкую часть дельтовой равнины. А что было, когда дамб не было? Ведь тогда там было еще страшнее! И мы повернули назад, потому что стало ясно, что хазар в заливаемой пойме Терека быть не могло.

На следующий день мы снова попытались прорваться на правый берег Терека, на этот раз выше Кизляра. Мы переехали Терек по мосту и углубились в ровную степь, надеясь добраться до возвышенных мест, нанесенных на карту. Мы ведь привыкли искать бугры и думали, что и здесь любое возвышенное место будет носить следы древнего обитания.

Ехать пришлось далеко. На пути нам попала маленькая речка, глубиной по колено, которую наша машина форсировала без труда. Через несколько часов пути мы увидели телеги, нагруженные скарбом, и горских женщин, сидящих на гудах домашних вещей. Они неторопливо ехали на юг, где вдали синели силуэты отрогов Кавказа. «Что случилось?» – спросили мы, и они охотно объяснили, что за ночь Терек прорвал дамбу где-то ниже Грозного и они уходят от наводнения. На лицах их не было и тени беспокойства. Вода разливается по равнине медленнее, чем идет шагом лошадь. Если даже вода их нагонит, они успеют проехать по мелководью до спасительных гор. Но нам стало невесело. Там, где лошадь пройдет без труда, – машина увязнет, а перспектива сидеть неделю на крыше кабины среди моря глубиной в человеческий рост нам отнюдь не улыбалась. Посоветовавшись, мы повернули назад и вовремя. Речка глубиной по колено успела превратиться в широкую реку и ширилась на глазах. Мелкая вода плескалась во всех низинах, незаметных до этого простому глазу. Шофер дал газ и сделал огромный крюк, чтобы выбраться на шоссе. Когда мы переезжали мост обратно, нас предупредил мостовой сторож, что переправу вот-вот закроют, и поздравил с тем, что мы успели выбраться.

Впрочем, нам повезло дважды. Стало наконец понятно, почему древние географы «Каспийскими воротами» называли Дарьяльское ущелье [7, с. 63], а не проход вдоль берега Каспийского моря около Дербента, и почему арабские полководцы для вторжений в Хазарию предпочитали трудный путь через горные перевалы, а не равнину дельты Терека и Сулака,

лежащую между Дербентом и Хазарией [там же, с. 360, 399]. В те времена, когда берега Терека и Сулака не были укреплены и эти мощные реки блуждали по равнине, опасность от наводнений была бесконечно большей, чем в наше относительно сухое время. Разливы были водным барьером, непроходимым даже для конницы. Можно перейти вброд реку, но нельзя двигаться по пояс в воде десятки километров. Люди и лошади устанут и будут валиться и тонуть даже в мелкой воде. Сами хазары для набегов на Дербент могли выбрать сухое время, и, как местные жители, они знали дороги, где вода была не страшна. Но чужеземцам форсировать разливы рек было не по силам, и они вторгались из Закавказья через горы, чтобы разграбить богатый город Семендер, преграждавший им путь в глубь страны.

Но если так, то искать Семендер и окружавшие его хазарские поселения надо не ниже, а выше Кизляра, решили мы, повернули нашу машину к станции Гребенской, лежащей на окраине песчаных дюн, называемых здесь «бурунами», и возобновили поиски.

Цепь песчаных гряд тянется вдоль автомобильного шоссе, соединяющего Кизляр с Грозным. Местами они отделены от шоссе сухой степью, а кое-где подходят к нему почти вплотную. Найдя такое место, мы, остановив машину, подошли к песчаной гряде и остановились в изумлении. Всюду среди сухой травы, окаймлявшей подножие бурунов, и на желтом песке склона лежали черепки лепной посуды. Их было нетрудно узнать: часть их была, несомненно, сарматского времени, часть очень походила на наши хазарские находки в дельте Волги.

Пользуясь хорошей дорогой, мы быстро объехали всю южную окраину бурунов до излучины Терека, западнее которой стоит город Грозный. При этом мы совершали планомерные вылазки через каждые 10—12 км. Мы нашли не только керамику, но и древние погребения в песках, раздутых нашим верным помощником – ветром. Ведь бо́льшая часть тяжелых предметов, оброненных или брошенных на поверхности, с течением времени проседала сквозь мелкий песок, и только ветер, обнажавший то там, то здесь суглинистую почву материка, помогал нам найти следы древней культуры.

Постепенно картина прояснилась. Поселения сарматского и хазарского времени располагались исключительно по южной окраине песков, а глубже попадалась только красная, тонкостенная ногайская керамика, оставленная кочевниками, пригонявшими свои стада с берегов Кумы на весенние пастбища. Но и ее было очень мало, потому что большую часть года эта раскаленная солнцем пустыня была безлюдна. Вставал вопрос: почему на окраине бурунов в первом тысячелетии н. э. было население более густое, чем даже сейчас. С чем это могло быть связано?

Представим себе климатические условия того времени, когда здесь жили оседлые хазары. Ведь это была эпоха повышенного увлажнения степей. Терек метался не только по правому берегу, но заливал те места, где ныне стоят казачьи станицы и хутора переселенцев с Украины. А если так, то, значит, хазарские поселки должны были располагаться выше уровня возможных наводнений. Вот почему мы находим их следы там, где теперь, в относительно засушливую эпоху, не имеет смысла строить дома. Итак, география подтверждает данные археологии, и они, обе вместе, позволяют историку восстановить картину прошлой эпохи – времени хазарского процветания.

Хазары жили в тех же местах, где ныне живут гребенские казаки, оседлое племя, говорящее на русском языке [53, с. 60—61]. По легендам, хранящимся в народной памяти, предки гребенских казаков поселились в этих местах еще задолго до Ивана Грозного (1533—1584) и помогли его воеводам построить крепость Терки на границе с воинственными горцами Дагестана и Чечни, мусульманами и врагами христиан. В XVI в. на Кавказ тянули свою руку энергичные кызылбаши, подчинившие себе изнеженную Персию, но Терек стал границей для притязаний шахов Сефевидов. Вспомним, что за 700 лет перед этим на этом же рубеже хазары остановили натиск арабов при аналогичном соотношении сил. Совпадение обстоятельств не могло быть случайным. Терская Хазария могла лежать только там, где до сих пор стоят станицы гребенских казаков.

Но это только гипотеза! Это ход мысли, подсказанный общими представлениями о соотношении эпох, о взаимодействии природы и людей, о смене влажных и сухих периодов! Нет, для того чтобы мысль была доказана, требуются фактические подтверждения, сказали бы мне коллеги-археологи. Где город Семендер? Где крепость Терки? Пока они не будут найдены, все разговоры о том, что должно или могло быть, не стоят выеденного яйца.

Эти возражения я предвидел; больше того, они представлялись мне столь же явственно, как

если бы я слышал и видел оппонента. Поэтому мы повернули машину и помчались обследовать полосу степи, лежащую между бурунами и прибрежными лесами Терека, а эта полоска тянулась от Грозного до берега Каспийского моря больше 200 км.

Устремившись в степь, примыкавшую к Тереку, мы приняли во внимание то, что ровной она представляется только такому несовершенному инструменту, как наш глаз. То, что мы в первый маршрут видели много сухих русел, показывало, что основная масса воды стекала по ним, а следовательно, должны встречаться хоть невысокие пригорки, не покрывавшиеся водой во время половодий. На них мы рассчитывали найти городища, которые в средние века всегда были окружены земляными валами и потому заметны даже с большого расстояния.

Для начала мы двинулись на восток, к морю, которое, надо думать, недаром называлось в X в. Хазарским.

Долгое время наше внимание и терпение подвергались испытанию. Ни одного бугорка не было заметно по обеим сторонам дороги. Наконец впереди показалась синяя полоска у самого горизонта, повеяло теплой солью морского ветерка и одновременно с левой стороны от дороги выросли знакомые очертания – вал.

Это не было открытием. Мы наткнулись на известное, неоднократно описанное «Трехстенное городище» [13, с. 228—229; 54]. Три вала – южный, западный и восточный с расширениями для башен – образовывали неправильную трапецию, основание которой на севере городища отсутствовало. Было очень странно, почему не воздвигнута последняя стена, тем более что никаких естественных рубежей вроде высохшего русла Терека там не было и в самые древние времена. Керамика, валявшаяся в изобилии около западного вала, была похожа на золотоордынскую керамику Поволжья.

Но самым важным и ценным для датировки крепости было то, что вершины валов были покрыты слоем соленоводных ракушек. Их было так много, неразбитых, лежащих *in situ*, что отпадала версия случайного их появления на валах. Известно, что моллюски лучше всего чувствуют себя на отмелях, где вода прогрета солнцем. Очевидно, и эти размножились здесь в то время, когда волны Каспийского моря чуть-чуть покрывали вершину валов. Абсолютная отметка вершины вала была около минус 19 м, а такого уровня Каспийское море достигало лишь во второй половине XIII в. Значит, «Трехстенное городище» было сооружено во второй четверти XIII в., между образованием Золотой Орды и максимальным подъемом Каспийского моря [34].

В это время монгольская империя наследников Чингисхана раскололась и отдельные улусы Чингисидов вступили между собою в ожесточенную войну. В Монголии Арик-буга, ставленник западных монголов, сражался в 1260—1264 гг. со своим братом Хубилаем, опиравшимся на армию, составленную из ветеранов, победивших Китай. После поражения и гибели Арик-буги его дело продолжил Хайду, которого поддержал князь Наян, выступивший против Хубилая под знаменем креста. В числе ханов, отказавших Хубилаю в покорности, выразившейся в уплате доли из собранных налогов, оказался Берке – хан Золотой Орды. Ему пришлось сразу же столкнуться с братом Хубилая, ильханом Ирана – Хулагу, и потоки крови полились по долинам Азербайджана и Дагестана.

До тех пор пока Каспийское море не вышло из берегов, Берке-хан и его наследники имели все основания опасаться внезапного удара с юга. Поэтому они постарались создать в низовьях Терека крепость для своего сторожевого отряда. Но не успели они построить четвертый вал, как море затопило степи вокруг крепости и само стало преградой для конницы противника, куда более мощной, чем любая крепость. Потому и осталось недостроенным укрепление, на валах которого лежали соленоводные ракушки. Мы могли только констатировать, что к хазарам оно не имело никакого отношения.

Вечером того же дня мы нашли еще одно городище, на этот раз на берегу старицы у

излучины Терека. Но даже на первый взгляд стало ясно, что это такое. Вал в плане был восьмиконечной звездой с широкими площадками на концах лучей. Площадки были раскатами для орудий XVII – XVIII вв., когда отдачу при выстреле не умели амортизировать, а изломанная линия крепостной стены показывала знакомство строителей с фортификацией французского инженера Вобана. Это был тоже сторожевой форт, но русский. Он мог вместить от силы роту солдат, но, по-видимому, этого было достаточно для наведения порядка в низовьях Терека, после того как Петр Великий в 1724 г. покорил западный и южный берега Каспийского моря и Северный Кавказ превратился в одну из внутренних областей Российской империи.

Мы вернулись из маршрута, установив лишь то, что хазарских городищ в низовьях Терека нет.

Совершенно иного типа было городище у деревни Кордоновки, которую местные жители называют «Крепость Шамиля». Разумеется, Шамиль к постройке или использованию этой крепости непричастен. Она ему приписана по народному обыкновению приурочивать все древние памятники к последним крупным историческим событиям, заслоняющим всю предшествовавшую историю. Так, в Подолии все скифские и древнерусские городища местные жители считают турецкими в память нашествия турок на Каменец в 1672 г., на Волге все утесы приписаны Степану Разину, в Монголии все руины – Чингисхану.

«Крепость Шамиля» расположена на берегу старицы Терека. Валы, сбитые из глины, повторяют изгибы старицы. Они в очень плохом состоянии, так как в них устроены силосные ямы и казачьи могилы. Керамика, в изобилии лежащая внутри крепости, – сарматская, и, следовательно, мы наткнулись на одну из аланских крепостей, где местные жители спасались от гуннов. В те времена в степях царил засуха и разливы Терека не угрожали аланам, построившим крепость у самой воды, чтобы не страдать от жажды во время осады. Приступа же они не боялись, потому что гунны, страшные в открытых степях, брать крепости так и не научились.

Находка была сама по себе интересна, но нам не нужна. В поисках за хазарскими городищами мы снова устремились на запад.

Вдоль северного берега Терека тянется полоса густого леса шириною около 5 км. Этот лес не похож ни на один из тех, которые мне когда-нибудь доводилось видеть. Гигантские деревья закрывают своею листвою небо, и трудно поверить, что это тополя. Стволы их часто обвиты до кроны ползучими растениями. Низкие места заросли камышом с серыми колеблющимися метелками. Колючие кусты образуют труднопроходимые заросли, а там, где их нет, земля усеяна прелым листом и царит душная прохлада, потому что ветви, переплетенные наверху, не пропускают лучей солнца.

Но самое главное и, пожалуй, страшное в этом лесу – комары. Обычно мы думаем, что комары летают в воздухе, а здесь воздух служит прокладкой между комарами. Там стоит серая жужжащая туча, причиняющая путнику непрерывную боль, постепенно становящуюся непереносимой. Мы пропитывали рубашки антикомариной жидкостью так, что они на второй день разваливались на куски; мы намазывали лицо, руки, шею и ноги так, что кожа горела огнем; на лицо навешивали душные сетки, потому что комары лезли в рот и нос; и все же, только благодаря тому, что через лес была проложена грейдерная дорога, раскаленная лучами солнца, мы смогли провести наши исследования. Эти маленькие серые изверги боятся солнца и жары, но там, где тень, – их царство.

Разлив Терека захватил часть лесной полосы, и благодаря этому нам удалось увидеть ни с чем не сравнимое и не повторимое зрелище.

В самом центре пойменного леса грейдерная дорога прорезала старинный вал. Наш шофер уютно устроился читать книжку, а мы пошли по валу, с обеих сторон окруженному водой. Мерцавшая в отраженных лучах поверхность разлива оттеняла форму вала и его причудливые изгибы. Иногда нам приходилось переходить вброд – это были ворота; иногда вал поднимался – это были стены цитадели. Никаких раскопок нельзя было вести, потому что глубина воды рядом с валом достигала 1,5 м, а там, где были рвы, было, наверно, глубже. Нам удалось только снять план и собрать черепки на обочинах грейдерной дороги. И что же? Керамика оказалась поздней, а план повторял все особенности русского форта в низовьях Терека. Опять не хазары!!!

По-видимому, мы наткнулись на крепость Терки, часто менявшую свое место, до тех пор пока в 1734 г. не был построен Кизляр, ставший столицей Терской области. Наше городище – великолепный памятник того времени, когда Терек был границей между Россией и Персией, а это продолжалось до 1722 г., когда русские инженеры, использовав все достижения европейской фортификации, создали на границе несокрушимый оплот; но не это мы искали. Надо было идти и идти, потому что хазарская крепость должна была обнаружиться где-то неподалеку.

Наши транспортные возможности подходили к концу, когда, проезжая по шоссе во время предпоследнего маршрута, мы заметили очертания большого вала. В этом месте степная полоса между песками и лесом наиболее сужена и наиболее высока. На километр ниже уже встречались низины, затопленные разливом Терека.

Мы подъехали к валам и остановились в недоумении. Ничего подобного я раньше не видел, хотя мне приходилось описывать городища от Байкала до Карпат. Высокие валы образовывали правильный квадрат, с воротами в каждой из четырех стен. По бокам ворот и через равные промежутки на стенах сохранились возвышения – разрушенные башни, по восемь на каждой стене. Крепость была обведена рвом шириною 50 м, давно заплывшим, но еще отчетливо видимым. Вода в ров поступала из неширокого русла Терека, ныне высохшего, огибавшего крепость с севера. Внутренность крепости была совершенно ровной (очевидно, деформирована распашкой), но там мы нашли керамику VIII в.: черепки больших сосудов для хранения пищи и воды. Западные ворота были расширены бульдозером, благодаря чему обнажился разрез стены. Она сложена из саманного кирпича, квадратного, очень похожего по размерам на кирпич крепости Саркел, который мне довелось видеть при раскопках М. И. Артамонова в 1935 г. Вокруг крепости, несомненно бывшей цитаделью, видно много неровностей почвы, что может быть следствием древней застройки, но все покрыто крепким дерном, и исследование требовало специальных работ, которые невозможно было осуществить во время рекогносцировочного маршрута. Мы вынуждены были ограничиться съемкой плана и сборами керамики.

Что это за крепость? Я не мог решить и оставил этот вопрос открытым до возвращения в Ленинград.

Нам предстояло еще обследование степей к северу от Кизляра, чем мы и закончили работы 1963 г. Как и следовало ожидать, в степях мы не нашли ничего. Хазары не жили за пределами речных долин, потому что они не были кочевниками. Впрочем, это мы полагали и раньше, но теперь получили подтверждение, исключавшее все сомнения.

* * *

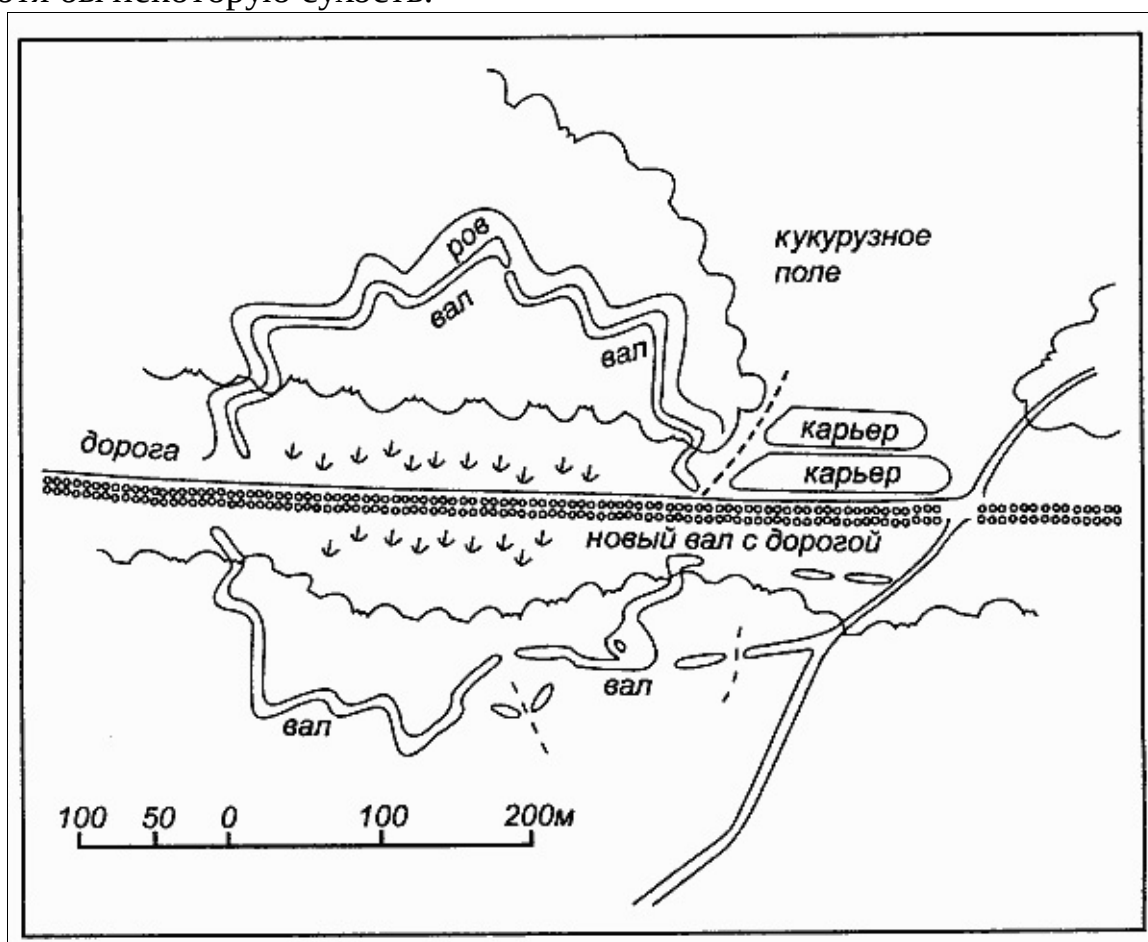
Осень. По искрящейся от дождя набережной я принес планы крепостей в Институт археологии, чтобы посоветоваться с П. А. Рапопортом, лучшим специалистом по средневековой крепостной архитектуре. Один за другим откладывал он чертежи, не проявляя к ним никакого интереса. Напоследок я положил на стол план последней крепости. Посмотрев, он не мог сдержать волнения и вскрикнул: «Хазарская крепость! А какая там керамика?» «Восьмой век», – ответил я. «Тогда нет никакого сомнения!»

Когда я шел обратно в Эрмитаж, у меня кружилась голова, потому что я понял, что это была не просто хазарская крепость, а сам богатый и славный город Семендер, ради поисков которого мы приехали на Терек [\[34\]](#).

Теперь оставалось написать отчет и от историко-географических поисков перейти к планомерным археологическим раскопкам. Первый этап исследований был завершен – Хазария открыта [\[32\]](#).

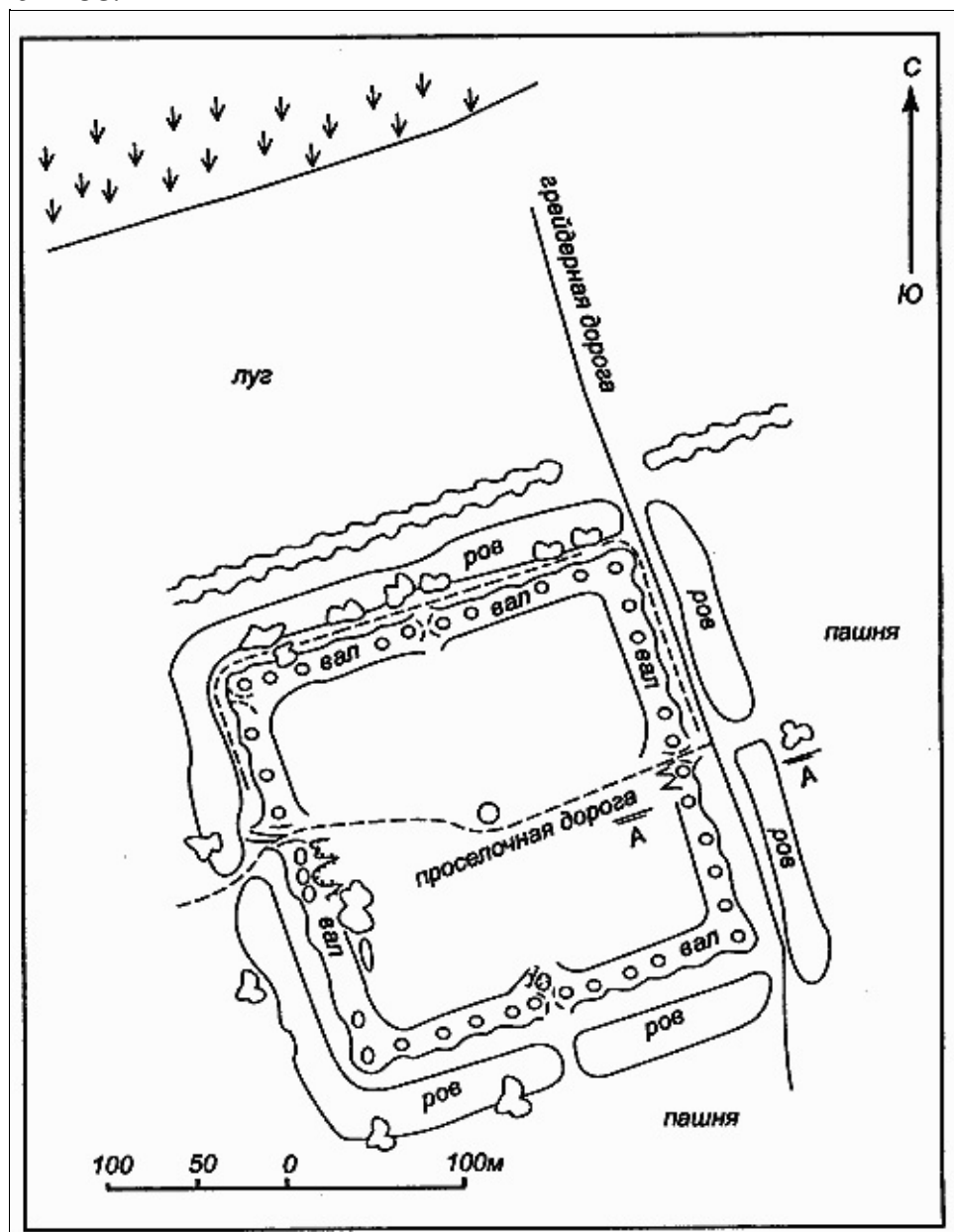
Да, это Семендер!

Славный на всем Ближнем Востоке город Семендер был построен персидскими инженерами, присланными Хосроем Ануширваном к его союзнику – тюркютскому хану в шестидесятых годах VI в. [40, с. 179]. В эту эпоху персы учились у греческих специалистов, по большей части несториан, бежавших от религиозных гонений из Византии в Месопотамию и обретших покой под властью шахиншаха, гарантировавшего веротерпимость противникам халкедонского исповедания, принятого в Византии. Это объясняет, почему хазарская крепость так напоминает римские военные лагеря (castra). Византийцы научили персов тому, чему выучились у римлян. По сведениям арабских географов (Мукадасси, Масуди), Семендер был самым большим городом Хазарии. Он был обширнее Итиля [7, с. 399], чему легко поверить, потому что Итиль был сжат рекой и песками заволжской пустыни, а Семендер лежал в благословенной долине с чудным климатом и изобилием плодов земных. Сады и виноградники Семендера были известны по всему Ближнему Востоку, как и позже, когда кизлярское вино пили все небогатые офицеры Российской империи. Но и в этом огромном по тем временам городе не было кирпичных зданий. Жилищами служили палатки и деревянные дома с горбатыми кровлями. Последнее очень удивляло арабов и персов, привыкших к плоским крышам, но ведь это была эпоха увлажнения степей, дожди шли часто, и было необходимо обеспечить внутри помещения хотя бы некоторую сухость.

Цитадель крепости

Ученых, пытавшихся на основании письменных источников установить место Семендера, больше всего сбивало с толку указание, что он расположен на берегу озера или моря [40; 59, с. 144]. Поэтому искать его внутри страны никто не пробовал. Вспомним, однако, что озер в этом районе нет, а Каспийское море стояло на 5 м ниже, чем теперь, и, следовательно, берег его был очень далек от страны Серир (в горном Дагестане), а от Серира до Семендера было всего 2 фарсаха. Каким бы длинным ни был фарсах в этой местности, но до Каспия он не дотягивал. Очевидно, здесь имело место совсем другое: арабские войска, вторгшись в Хазарию в VIII в., натолкнулись, подобно нам, на разлив Терека. Долго оставаться на месте и разбираться в явлениях природы они не могли. Им было просто некогда. Поэтому они отметили то, что видели, а географы переписали сообщения очевидцев без критики. Винить их в этом нельзя. Пиетическое отношение к источнику пережило Масуди и Мукадасси. Люди больше склонны доверять тому, что они прочли, нежели проверять собственными глазами и сопоставлять увиденное и прочитанное.

Крепость Саман-дер

Крепость в городе была построена как оплот против вторжений из Закавказья. Об этом говорит и ее расположение, и название – Саман-дер – Саманные ворота. Стены цитадели построены из саманного кирпича.

И последнее, от берега Терека до бурунов на протяжении 4 км тянется глубокий ров, окаймленный высокими валами. Он лежит между цитаделью Семендера и станицей Шелковской, находящейся в 4 км восточнее Семендера. Кому и для чего было нужно такое сооружение? Ни казакам, которые не укрепляли свои станицы, надеясь на лихость и смелость своих удалцов. Ни русским солдатам – их бывало в этих местах так немного, что оборонять такую длинную линию они были не в состоянии.

Ни татарам или ногайцам, для которых долина Терека была окраиной, а степи и пески этот вал не прикрывает. Остаются хазары. Если здесь был большой город, то его нужно было защитить стеной, а людей было достаточно, чтобы занять оборону вдоль вала. Врага ожидали с запада, против него была выдвинута цитадель, но ее было легко обойти. Но вал задержал бы нападавших, и гарнизон цитадели мог делать вылазки им в тыл. Если так, то все понятно, если же усомниться – то других объяснений подыскать невозможно. Итак, открытый нами город – Семендер, который ждет планомерных археологических раскопок. Желаю будущему археологу удачи!

Глава девятая

Дон

Круг полевых исследований замкнулся, но путь по лабиринту размышлений и мнений уткнулся в тупик. Стало очевидно, что нельзя считать хазар ни степными хищниками, ни высоко– цивилизованным народом, создавшим культуру типа Византии или Халифата.

По характеру хозяйства, а значит, и по быту хазары стояли на том же уровне, что современные им славянские племена: поляне и северяне. Они так же страдали от набегов кочевников и так же подчинялись вооруженной силе правителей, сидевших в Итиле и Киеве.

Разница была именно в столицах: киевская военно-демократическая верхушка сумела слиться со своим народом, состоявшим из племен, подчиненных силой оружия; итильское правительство сделало ставку на союз с иранскими купеческими кругами, и пропасть между царем и народом не заполнялась, а углублялась. Это определило победу русов, происшедшую ровно тысячу лет назад.

Но что же стало с хазарами? Ведь большой народ не мог исчезнуть без следа. Надо искать снова и на этот раз в книгах, летописях, хрониках, которые были уже не раз прочтены, но не дали ответа на вопрос. В том-то и дело, что наше восприятие прочитанного во многом зависит от нас самих: от нашей общей и специальной подготовки, от системы ассоциаций, от целей, поставленных при начале чтения и даже от состояния здоровья. Я взялся снова за прочитанные книги, потому что теперь знал, что я хочу найти.

Теперь я обратил внимание на тот раздел этнографии, который родился в советской науке и носит специальное название – этногенез. Задача этногенеза в том, чтобы ответить на вопрос, как возник и как исчез народ и куда девалось его потомство? Для двух составных частей хазарского народа это было просто [34, с. 84]. Евреи, избегшие мечей дружинников Святослава, покинули страну, мусульмане подружился сначала с Хорезмом, а потом с ханами Золотой Орды и растворились среди волжских татар. Язычники либо приняли ислам, либо крестились в греческую веру. А вот куда девались многочисленные христиане, которых на родине хазарского народа – в долине Терека – было больше всего? В летописях они упоминаются неоднократно. В 1016 г. они принимали участие в подавлении восстания византийского вельможи Георгия Цуло [7, с. 436—437]. В 1023 г. они помогли тмутараканскому князю Мстиславу выиграть битву при Листвене, в 1079 г. они схватили в Тмутаракани князя-изгоя Олега Святославича и выдали его грекам.

По всему видно, что хазар было много и их общение с русами было оживленным и тесным. Следовательно, мы должны искать их потомков даже в том случае, если бы они сменили имя, как часто бывает не только с отдельными людьми, но и с целыми народами. Но для начала вернемся на минуту в славный город Семендер.

Первоначально Семендер был столицей Хазарии, но нападения арабов вынудили хазарского хана в 723 г. перенести свое местопребывание на берег Волги. Однако Семендер не потерял своего значения. В X в. он по-прежнему был процветающим земледельческим и торговым городом, отличаясь от Итиля только тем, что большая часть хазарского населения Семендера исповедовала христианскую веру. Конечно, там были евреи и мусульмане, но они составляли господствующий класс, а народ тянулся к византийской культуре, так же как соседние с хазарами болгары и славяне. Первые были разбиты хазарами и рассеяны вплоть до Италии, а последние в IX – X вв. находились на подъеме. Начиная с VIII в. славянское племя северян распространяется к востоку от Днепра до самого Дона [71, с. 68]. Славянский язык в IX – XI вв.

становится международным для всей причерноморской степи. Ал-Бекри (арабский географ XI в.) утверждает, что главнейшие из племен севера говорят по-славянски, потому что смешались со славянами, и в числе таковых называет печенегов, русов и хазар [55, с. 54].

Да и в самом деле, чего было ссориться между собою славянским пахарям и охотникам на пушного зверя и хазарским виноградарям и рыболовам. Жестокая война 965 г. вспыхнула между правительством Хазарии и воинственной дружиной киевского князя Святослава. Копья и сабли мусульманских наемников не спасли Итиль от длинных русских мечей. Семендер был в числе городов, взятых и оставленных Святославом [7, с. 426—427], но городу из палаток не страшен пожар, и после войны хазары продолжали жить по-прежнему. Вот все, что нам может дать прямой путь – изучение источников. Следы хазарского народа потеряны, и, чтобы снова найти их, надо встать на окольный путь исторической дедукции, т. е. идти от общего (знание эпохи) к частному (судьба хазар).

В средние века людей разделяла не национальная принадлежность, а исповедание веры. До тех пор, пока в Киеве приносили юношей в жертву Перуну, хазарские христиане чуждались русов и славян. Но в 988 г. страшный идол поплыл вниз по Днепру, а вместо него вознеслась Десятинная церковь. Тогда исчезли последние поводы для споров между хазарами и русами, соприкоснувшись друг с другом в долине Дона, где на месте Саркела была построена Белая Вежа, и в низовьях Кубани, где воздвигалась гордая Тмутаракань. По православному канону воспрещается брак с иноверцами. После крещения Руси хазары и русы могли образовывать семьи без ограничений. Даже враги у них были общие – степные кочевники; сначала венгры, потом печенеги и, наконец, половцы, ставшие с 1068 г. полновластными хозяевами Великой степи от Алтая до Карпат. Однако справиться с хазарами им оказалось не под силу.

Мы уже описали дельту Волги как естественную крепость, а лес вдоль Терека как хорошее укрытие. В этом отношении долина Среднего Дона имеет аналогичные особенности и даже преимущества. Широкие надпойменные супесчаные и песчаные террасы покрыты здесь лиственными лесами (береза, осина, ольха, дуб). Здесь много луговых и пастбищных угодий, неглубоких озер. В лесах за бугристыми песками также можно было отсидеться от врага, приходящего с широких сухих суглинистых степей, окружающих речные долины. Отсюда можно было и наносить противнику контрудары. Для того чтобы принудить местное население к покорности, нужно было единовременно бросить на огромную площадь превосходящие силы, а половцы такими возможностями не располагали.

И все-таки война была жестокой. В 1117 г. русское население покинуло Белую Вежу, крепость, расположенную на том месте, где ныне плещутся волны Цимлянского моря. Здесь природные условия облегчили половцам победу. Белая Вежа стояла в займище, на широком лугу, большая часть которого заливалась половодьями Дона. Здесь половецкая конница могла действовать беспрепятственно. Но в лесах долины Дона уцелело и сохранилось местное население, получившее в XII в. прозвище – «бродники»^[31].

Бродники говорили на русском языке и исповедовали православную веру, но современные им летописцы никогда не смешивали бродников и русских^[32]. Они считали, что это два разных народа. К сожалению, о происхождении бродников в источниках прямых сведений нет.

Но посмотрим на косвенные данные: в XII в. на развалинах Белой Вежи был построен поселок из саманного кирпича [7, с. 453], такого же, как на Тереке. Донской виноград ведет свое происхождение от терского. Овцы постепенно заменяют на Дону коров, а овца – жертвенное (т. е. самое распространенное) животное у хазар.

Рассмотрим климатические изменения в интересующее нас время. X в. – эпоха временного усыхания степей. Значит, долина Терека пострадала от засухи больше, чем от войн, а долина Дона не пострадала вовсе, потому что Дон берет начало в лесной зоне, где степень увлажнения

была повышена. Не ясно ли, что только в долину Дона и могли уходить хазары из терской долины, хотя часть их осталась на месте, использовав для своего оседлого хозяйства подножие Гребня, отрога Кавказского хребта^[33].

Но не могло ли произойти слияния хазар с половцами, окружавшими их поселки со всех сторон? Нет, и по следующим причинам.

Во-первых, кочевое хозяйство половцев было неприемлемо для хазар. Чтобы перейти к кочевому быту, нужна была коренная ломка всех представлений и психики, а взамен хазары получили бы только второстепенное, подчиненное положение, унижительное для этого гордого народа. Пока в колчанах были стрелы, можно было оставаться самим собой.

Во-вторых, метисация половцев с хазарами была затруднена обычаями тех и других. Хазары были христиане, и отдавать дочерей иноверцам им запрещал закон. Половцы жили родовым строем, и принять чужака в род значило сделать его совладельцем всех пастбищных угодий и участником в дележе добычи, а кому это может быть приятно? Зато смешению хазар с русскими не препятствовало ничто.

А теперь имеем ли мы право не делать вывода, который напрашивается сам? Бродники – народ русско-хазарского происхождения, наследники древних хазар. Пока киевские князья воевали с половцами, бродники были их союзниками, когда же киевляне столкнулись с половецкими ханами, бродники нашли союзников в лице монголов и помогли Субутай-багатуру выиграть битву при Калке в 1223 г. Золотоордынские ханы умели ценить оказанную им помощь и оставили бродников спокойно жить в долинах Дона и Терека. С XVI в. потомки бродников называются тюркским словом – казаки.

Принято думать, что казаки – это русские крестьяне, бежавшие на Дон от ужасов опричины. И, верно, значительная часть казаков образовалась именно таким способом. Но беглецы, приходя на Дон, попадали не в пустыню. Потому-то и родилась знаменитая пословица: «С Дону выдачи нет». В самом деле, можно поверить, что Робинзон Крузо (или его прототип) выжил на необитаемом острове и даже сумел отбиться от кучки индейцев, впрочем, с помощью огнестрельного оружия. Но как мог не погибнуть русский крестьянин, попавший в непривычную ему природную обстановку, когда во всех водораздельных степях Причерноморья господствовали ногаи, промышлявшие ловлей людей и продажей их в рабство? Невозможно ответить на вопрос: почему московское правительство, очень нуждавшееся в налогоплательщиках, допускало уход своих подданных за границу, если один конный отряд мог выловить сколько угодно безоружных беглецов? И наконец, для того чтобы из земледельца-пахаря превратиться в воина и охотника, нужны время и выучка. Очевидно, на Дону имелись места, где пришелец мог спокойно привыкнуть к новым условиям и новому образу жизни. Это значит, что с XIII по XVI в. там жили потомки бродников, воевавшие со степью и нуждавшиеся в пополнении. Поэтому они и принимали в свою среду единоверцев, обеспечивая им на первое время приют, выучку и безопасность от ногайских мурз и русских бояр.

Одно из поселений этого времени мне посчастливилось найти в цимлянских песках в 1965 г. Об этом стоит рассказать подробнее.

После того как Хазарская экспедиция прекратила свое существование, меня пригласил поработать вместе профессор МГУ Александр Гаврилович Гаель, известный исследователь песков. Его, как и А. А. Алексина, интересовала возможность датировать погребенные гумусированные почвенные слои. Несколько археологических находок, сделанных нами совместно и по отдельности, дали повод для очень интересных выводов^[19]. Но одна из находок непосредственно относится к нашей теме. На берегу Цимлянского моря, затопившего первую надпойменную террасу Дона, лежит полоса песков. От окружающих степей она отделена широкой третьей надпойменной террасой и представляет остаток старого (до наполнения

Цимлянского моря) ландшафта долины Дона.

Трудно представить себе более благодатное место. Мои общераспространенные представления о песках, как бесплодной пустыне, были сломаны раз и навсегда. Даже в засушливые годы грунтовые воды здесь находятся на глубине около метра, и растения без труда вытягивают корнями животворную влагу. Здесь растут не только береза, осина, ива, но и великолепные дубы, пощаженные человеком. Большая часть песков связана степными травами, и это грустно только для археолога, потому что фрагменты керамики, как тяжелые предметы, большей частью проседают сквозь песок и не видны при рекогносцировочных маршрутах. Но на помощь приходит ветер, раздувающий то те, то другие участки террасы, особенно в тех местах, где почва потревожена человеком. В одном из таких выдувов¹ мы нашли россыпь фрагментов керамики на очень небольшом пространстве – 17 x 14 м, даже один обломок пористого камня, видимо, из очага. Это был след поселения, возможно, просто одного дома, отнюдь не относящегося к глубокой древности. Большая часть сосудов была слеплена руками, без помощи гончарного круга. Обжиг был крепкий, хотя не все сосуды были прожжены насквозь, а у некоторых в изломе была темно-серая глина. На некоторых черепках были заметны следы красной краски, другие были украшены параллельными бороздками. Короче говоря, керамика носила следы влияния и гузской и татарской культур, что определяет время жизни в этом доме с X по XV в.

Находка половины пряслица, надеваемого на веретено, показывает, что это не был военный стан, где женщинам некогда прясть шерсть. Это было оседлое поселение бродников неподалеку от понижения, где растут березы и осины и вода находится на полметра от поверхности. И пусть никого не смущает, что сосуды лепные. В условиях постоянной войны гончаров было меньше, чем требовалось посуды, и бродники восполняли это, как умели. Находка была сделана с помощью местного лесника Осипа Ефремовича Терентьева, которому приношу искреннюю благодарность.

Но не противоречит ли нашим соображениям то, что великая держава – Золотая Орда – терпела на своей территории такое инородное тело, как бродники-казаки? Нет! Бродники были врагами не татарских, а ногайских ханов, постоянно восстававших против слабевших потомков Батая. Самое название «ногайцы» значит сторонники темника Ногая, выступившего в конце XIII в. на борьбу с монголами, пришедшими из Азии. Войско Ногая составляли по большей части потомки половцев и других кочевых племен, покоренных монголами и ненавидевших их. Ногай был разбит при помощи русских войск, пришедших на помощь хану Тохте, и убит русским воином. Мы не имеем прямых свидетельств о роли бродников в междоусобных войнах татар, но логика событий подсказывает, что золотоордынские ханы были их естественными союзниками, а ногайцы – врагами. Эта коллизия продолжалась и после падения Золотой Орды, когда в степях воцарилась анархия, которая оказалась на руку бродникам – казакам, обретшим полную самостоятельность. Например, в 1538 г., отвечая на жалобы ногайского мурзы, из Москвы писали: «На поле ходят казаки многие: казанцы, азовцы, крымцы и другие баловни-казаки. А и наших украин казаки с ними смешавшись ходят и те люди как вам тати, так и нам тати» [34, с. 84].

Впоследствии московское правительство сумело найти с донскими казаками общий язык и сделало из них заслон против татарских набегов на Русь. Вспомним, что казаков на Тереке встретили воеводы Ивана Грозного после завоевания Астраханского ханства и заключили с ними союз против кочевников и кавказских горцев.

Что же мы видим? Меняются народы, но соотношения между ними постоянны. Эту константу можно выразить алгебраической формулой, где числитель – население речных долин, а знаменатель – население степей.

<u>аланы IV в.</u>	=	<u>хазары</u>	=	<u>бродники</u>	=
гунны		болгары и венгры		половцы	
	=	<u>казаки донские и гребенские</u>			
		ногайцы и кумыки			

Так определилось место хазар в истории народов нашей Родины.

Заключение

Когда сообщаем добрым знакомым, что вот, мол, я написал книгу, то они обычно спрашивают: «А это какая работа: историческая, географическая, археологическая, востоковедческая, этнографическая?» Ну как тут ответить?!

А ответить хочется и даже необходимо. Вот я и постараюсь придумать вразумительный ответ.

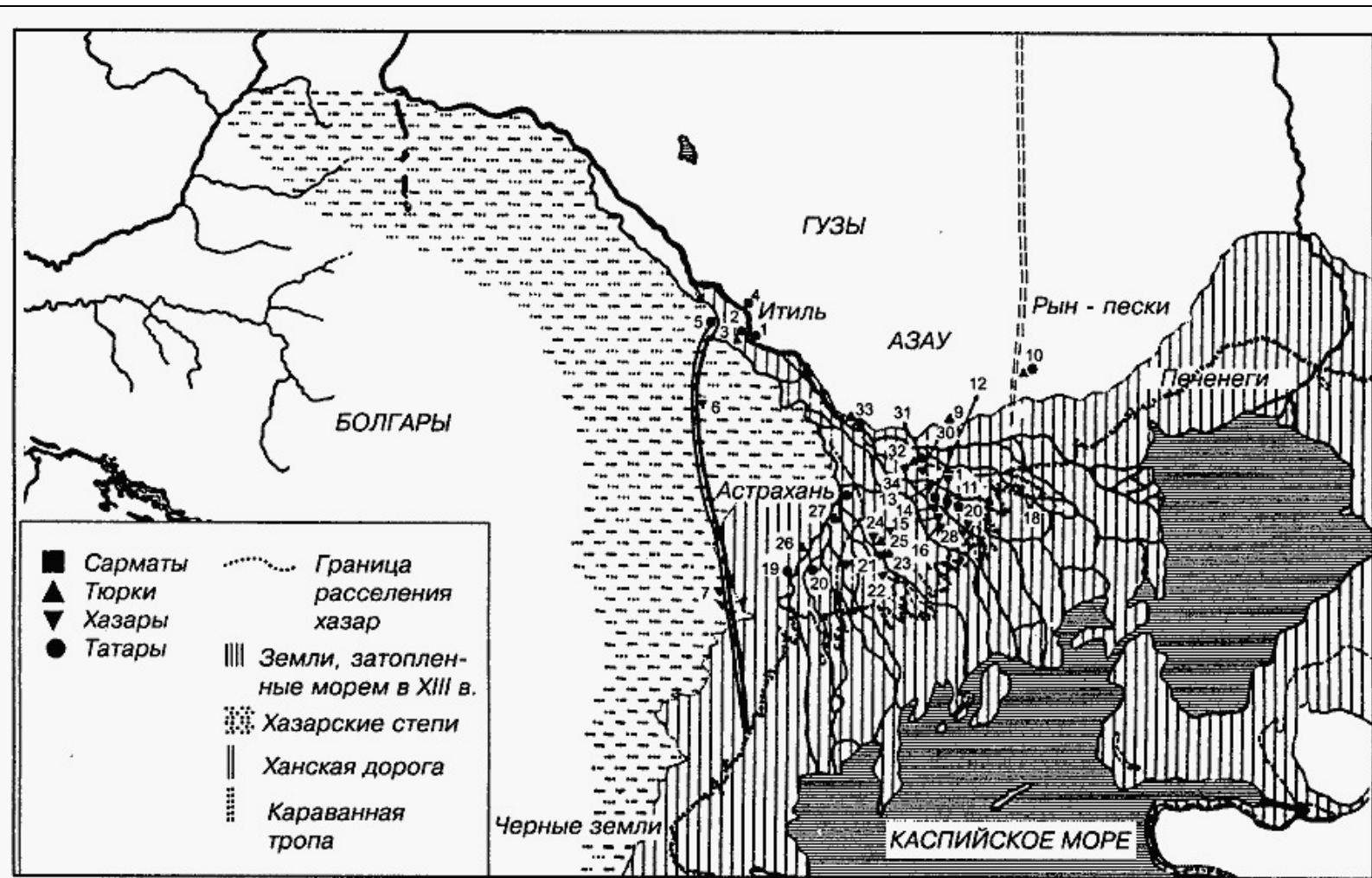
Je prend mon bien o? je le trouve. Все, что служит пояснению поставленной проблемы, идет в дело. Это и есть тот самый синтез, те самые мосты между науками, о которых говорил известный русский естествоиспытатель Карл Бэр. Дифференциация науки заводит ее в тупик, если не сопровождается интеграцией, при которой используются все сведения, которые можно собрать, хотя бы они были добыты другими учеными. Дом строят из кирпичей, двухтавровых балок, бревен, досок, кровельного железа и т. д. Тот, кто воздвигает стены, использует готовые материалы, но его труд ценится не меньше, чем труд рабочих кирпичного завода, металлургов с уральской домны, лесорубов или столяров.

Так и я. Исторические сведения взяты из письменных источников, географические – из обобщающих работ по землеведению, этнографические – из суммы литературы о кочевниках, археологические – из моих собственных статей, использованных так, как если бы это были работы другого автора. Да они уже стали для меня чужими, потому что после опубликования они живут своей самостоятельной жизнью.

Что же остается? Только воспоминания о странствованиях по пустыням и векам. Это цемент, скрепляющий все знания, сведения и ассоциации, родившиеся за пять лет работы.

Поэтому-то я и назвал свое сочинение – биография открытия.

Легенда к карте Волжской хазарии

Археологические находки в Волжской Хазарии

1. Развалины Сарая Бату-хана.

2. В пойме Волги– Ахтубы, на правом берегу Ахтубы в урочище Центральная и около птицефермы (против села Селитренного) на вспаханном поле обнаружены фрагменты красной, хорошо прожженной керамики, сделанной на гончарном круге. Керамика аналогична находкам в Сараяе, и ее принадлежность татарам XIII – XVI вв. не вызывает сомнения.

3. На обсохшем берегу Ахтубы ниже устья протока Мангут найдены фрагменты керамики лепной, плохо прожженной, с бурыми поверхностями и черной глиной посередине. Керамика этого типа известна от Дона до Байкала и датируется VII – XI вв.; в данном случае ее можно приписать с наибольшей долей уверенности гузам. Один черепок обнаружен in situ в слое под аллювиальными отложениями мощностью 1,4 м.

4. На бугре около южной окраины деревни Баста обнаружены сарматские погребения, раздутые ветром.

5. Около южной окраины Енотаевки, в оползне прибрежного холма над Волгой, были замечены выступавшие из земли кости человека. Мужчина лежал на спине головой на восток, по правую сторону был плохо сохранившийся железный меч. В головах – глиняный горшок, у правого локтя – глиняная чашечка (сармат).

6. У обочины автомобильной дороги, пролегающей, как можно думать, по старому караванному пути восточнее Сарпинских озер, найдено несколько фрагментов керамики: сероглиняной, хорошо прожженной, неорнаментированной. Несмотря на малую

выразительность, они напоминают сероглиняную керамику хазарских погребений на бугре Степана Разина.

7. У обочины дороги найдено несколько фрагментов керамики, аналогичной хазарским сероглиняным сосудам бугра Степана Разина. Находки обнаружены при рекогносцировке 1960 г.

8. На склоне холма, недалеко от небольшого озера, найдено несколько фрагментов керамики, аналогичной хазарской.

9. Урочище Азау — песчаная степь, поросшая редкими кустиками и купами тамариска. Почти в каждой котловине выдувания на материковом суглинке можно было найти фрагменты керамики типа, отнесенного нами к гузам.

10. Караванная тропа через Рын-пески идет прямо на север. Ныне рядом с нею пролегает автомобильная дорога. Находки были сделаны в котловине выдувания около заброшенного колодца. Очень много керамики татарской и гузской, а также встречались фрагменты, отнесенные М. И. Артамоновым к бронзовому веку. Но последние не представляли для нашей темы интереса, и описание их опущено.

11. Могильник на бугре Степана Разина.

12. Система бугров между протоками Тас и Кабчик (Тарновая). На бугре Билинга (абс. отм. вершины минус 14,4 м) обнаружено погребение (абс. отм. – минус 16,1 м). Скелет ориентирован на северо-запад, лежит на спине, руки вытянуты, голова наклонена направо. Череп раздавлен, кости очень плохой сохранности. Вокруг скелета два скопления фрагментов керамики: у правого колена – остатки сосуда сероглиняного, лепного, с прочерченным решеткой рифлением, венчик с валиком на внутренней стороне; у головы – светло-бурого с заглаженной поверхностью чернотлиняного, лепного, напоминающего гузскую. Около черепа – фрагмент железного ножа. На метр правее правого колена – погребальный горшочек, лепной красновато-бурый, венчик без валика. Размеры: высота – 4,5 см, ширина горлышка – 3,0 см, ширина середины – 5,0 см. У правого локтя глиняное пряслице, а у правого бока – железное шило. На груди – бронзовое круглое зеркало с ручкой и пуговкой в центре; диаметр зеркала – 5 см; длина ручки – 1,2 см; в ручке круглая дырочка. У левого плеча, правого локтя и на груди бронзовые фибулы. Нижняя часть, где закреплена спица, обмотана проволокой, средняя часть лирообразная с утолщениями и пуговкой на конце. Подол халата или платья (фрагменты ткани налипли на землю) обозначен бусами – 13 целых и 9 обломков. Бусы стеклянные, круглые, из отрезков трубочек, покрыты слоем иризации, скрывающей цвет. Одна – бусина сердоликовая. Дата бус (по определению З. А. Львовой) – I – II вв. н. э.

Подъемный материал на бугре Билинга разнообразен: около мусульманского кладбища – татарская керамика XV – XVI вв.; западнее погребения много фрагментов лепной керамики, аналогичной описанной при скелете. Много фрагментов железных изделий: ножей, удил, фрагмент меча. Наибольшее количество находок связано с пятнами убитой земли (полами жилищ).

Восточнее вышеописанного погребения обнаружено еще одно, головой на север, очень плохой сохранности, в твердом слое сцементированной супеси, прикрывающей местами кости на 5 см. Сопровождается фрагментами сероглиняной лепной керамики, мелкими и невыразительными. Вещей при скелете не обнаружено. Подъемный материал – обломки (до 2 см) железных орудий, беспорядочно рассыпанных по поверхности бугра.

13. Бугор Казенный. Обнаружен на гребне центральной части бугра скелет очень плохой сохранности. Череп был разбит, и остатки его валялись вокруг скелета. Сохранившиеся ребра и коленные чашечки позволили установить, что скелет лежал на спине и был ориентирован на запад. Рядом со скелетом с левой стороны была бровка насыпной земли на 0,2 м выше скелета. Под нею лежала нижняя челюсть лошади на слое обугленной почвы. 1,5 м юго-западнее лежали

фрагменты разбитого лепного, черноглинного, обожженного сосуда и лошадиные зубы. Сопровождающие вещи: фрагмент железного ножа под шейей скелета, кусочки железного шлака и медных пластинок длиной до 1 мм и пепел, перемешанный с песком. Здесь и всюду дальше погребения наземные, иногда присыпанные эоловым песком и пылью.

Подъемный материал – фрагменты керамики: 1) керамика черноглинная, лепная с прочерченными бороздками; 2) керамика лепная, черноглинная с обожженными до красно-бурого цвета поверхностями; 3) керамика гончарная, из хорошо отмученной глины с лощением; 4) то же без лощения, венчик с валиком; 5) то же с красноватой внутренней поверхностью; 6) горлышко лепной амфоры лощеное; 7) керамика красноглинная, гончарная, черепок звонкий; 8) фрагмент железной пластинки.

Погребения: над обрывом северного края бугра в центральной его части (посередине) обнаружено погребение, ориентированное на запад, хорошо сохранившееся благодаря тому, что слой сцементированной супеси над черепом достигал 7—10 см. Наружу выступали только венчики двух сосудов. Скелет лежал на спине со скрещенными на животе руками и ногами, слегка согнутыми в коленях. Ступни ног и кисти рук отсутствуют. В изголовье находились кости и череп барана, а немного выше – фрагменты тонкой медной пластинки с дырочками и заклепкой. На месте кисти левой руки, вокруг которой сохранились остатки ремешка, – частично сохранившееся бронзовое зеркальце $2R = 6,8$ см, толщиной 0,2 см; ниже таза – обломок железного ножа; другой, больший – у левого плеча. Это обломки одного ножа длиной 12,7 см, шириною 0,7 см, однолезвийного. Очевидно, нож был сломан при погребении и обломки оказались в разных местах.

У изголовья – два сероглинных сосуда, лепных, плоскодонных, высотой 14,5 см, диаметрами 11 и 11,5 см. Венчики отогнуты наружу, на одном – ямочный орнамент. Ноги скелета были засыпаны больше, чем голова, h засыпки – 25 см, и на ней на 40 см северней голеней скелета найден раздавленный плоскодонный лепной горшок, подобный вышеописанным, и несколько аморфных косточек. Отношение этого, третьего горшка к погребению не ясно.

Второе погребение на этом же бугре, но ниже предыдущего, ориентировано также на запад. Скелет положен на спину, руки и ноги вытянуты, ступни ног отсутствуют, кости кистей рук перепутаны вследствие небольшого оползня, завалившего тело и тем спасшего его от разрушения. Между длинными костями наблюдались большие разрывы. Не задетый оползнем череп остался на поверхности и был раздавлен. С правой стороны черепа стоял черноглинный лепной горшок с венчиком, отогнутым наружу и украшенным ямочным орнаментом. Рядом с ним находились фрагменты раздавленного красного гончарного, хорошо прожженного сосуда, а над головой – фрагмент однолезвийного ножа.

14. *Бугор Корень*. Обнаружено в центре бугра погребение очень плохой сохранности, ориентированное на северо-запад. Сопровождается фрагментом железного ножа и фрагментами коричнево-серой, лепной керамики с ямочным и бороздчатым орнаментом. Подъемный материал – фрагменты: 1) керамика черноглинная, хорошо прожженная, гончарная с лощением; 2) керамика лепная, грубая, черноглинная с обожженными боками – гузская; 3) керамика черноглинная, лепная, плохо прожженная, с плоским венчиком; 4) керамика красноглинная, гончарная с плоским венчиком, с бороздчатым орнаментом.

Восточнее бугра Корень – невысокий *Бай-бугор*, буквально засеянный находками, вплоть до осколков водочных штофов XVIII в. Собран подъемный материал: фрагменты керамики из хорошо отмученного серого теста, черепок звонкий, гончарный, стенки почти плоские, по-видимому, от больших сосудов с прочерченной лощеным орнаментом решеткой или параллельными полосками. Венчики с валиками отогнуты наружу; дно плоское, иногда с

выступом наружу, со следами от доски. Ручки лепные, овальные.

15. *Бугор Кунгур*. Подъемный материал: фрагменты сероглиной керамики и железных орудий.

16. *Бугор Бешлык* — немного фрагментов керамики и железа, встречаются кости людей.

Подъемный материал: 1) фрагменты красноглинной керамики с бороздками; 2) фрагменты гузской керамики с венчиком, срезанным косо; 3) керамика черная, плохо прожженная с ямочным и бороздчатым орнаментом; 4) керамика коричнево-серая (см. *Корень*); 5) керамика с прочерченным лощением (см. *Бай-бугор*).

17. *Бугор Шикэ*. На восточной стороне бугра, над склоном ряд землянок с выходом на восток, с расплывшимися стенами. Это относительно поздние сооружения. На вершине бугра остатки погребения — ребра и след головки берцовой кости, позволяющие определить, что скелет был ориентирован на север. Сопровождается фрагментами серой гончарной керамики с бурыми поверхностями и обломками железных орудий. На гребне бугра квадраты утрамбованной земли, без растительности. По-видимому, полы древних землянок.

18. *В море, по Иголкинскому банку*, землечерпалка прорыла канал для углубления фарватера. Вдоль канала бугорки-выкиды, ибо море здесь глубиной 0,5—0,8 м. На одном из выкидов против острова Дальнего обнаружены кости животных и фрагменты керамики, скатанные водой. Большие сосуды черноглинные, с красной поверхностью от обжига, тесто слабое, плохо отмученное, вмятины от пальцев. Небольшие сосуды сероглинные, тонкостенные. Те и другие аналогичны ранее находимым хазарским. Абсолютная отметка находки — минус 29,6 м, с учетом уровня моря в банке и глубины канала.

19. «*Чертово городище*», или «Городище книги Большому Чертежу».

20. Обследование берегов Бахтемира и Старой Волги не дало находок. Приречные бэровские бугры застроены, а дальние содержат немногочисленные фрагменты татарской керамики. Низовья — аллювиальная равнина, с купами ив и зарослями камыша. Выше, на широте «Чертова городища», *бугор Каракал* (7 км на юго-восток от дер. Самосделки) — неукрепленное татарское поселение. Следы полов, фрагменты больших красноглинных сосудов с бороздчатым орнаментом; остатки печи из кирпичей; между кирпичами кости быка и красной рыбы.

21. Около села Увары группа бугров, где, по опросным сведениям, встречаются «черепки и черепки». Осмотрен *бугор Тутинский*, где удалось зачистить остатки трех хазарских (т. е. аналогичных находкам на бугре Степана Разина) погребений. Все они наземные, в очень твердой сцементированной супеси, плохой сохранности, так как размыты.

а) Погребение: остатки скелета — позвоночник, ориентированный на СВС (345°); два горшка (фрагменты): 1) горшок красноглинный, хорошо прожженный плоскодонный, лепной, диаметр дна 9,0 см и 2) обломки лепного, черноглинного, с красными от обжига стенками, дна нет, диаметр 20 см; внутри «ободка» баранья лопатка, аморфные кости, обломок железа и зола.

б) Погребение: скелет без головы, без левой руки и левой ноги; ориентирован на северо-запад.

в) Сосуд раздавленный, так что глина расслоилась. Черно-глинный лепной горшок с лощеной поверхностью, венчик отогнут наружу, дно плоское.

22. *На Таболе, у Чапаевского рыбзавода*, обследовано два бугра. У подножия первого от реки найден фрагмент сосуда из склеенных лент глины (гофрированный), подобный дагестанским сосудам из-под Дербентской стены VI в. На вершине бугра собран подъемный материал: 10 фрагментов сероглиной керамики хазарского времени, 5 фрагментов гузской керамики и основная масса — сероглиненная керамика гончарная, звонкая; орнаментирована бороздками и ямками, вдавленными овальным концом палочки.

На бугре, удаленном от реки на 1,5 км, сероглиненная гончарная, крепкая керамика с круглым

валиком на венчике. Украшена рядом четырехугольных углублений, сделанных палочкой вдоль венчика. Она близка к хазарской, но полностью не идентична, может быть, потому, что мы встречаем здесь осколки больших сосудов. На обследованных буграх обнаружены пятна полов круглых и овальных жилищ.

23. На Таболе, у села Семибугры (их действительно семь), осмотрен бугор – Сарай-тюбе. Обнаружена разнообразная керамика: серая лощеная; черная с лощением, прочерченным решеткой; красная с бороздчатым орнаментом и лепная, черная в изломе с красным обжигом (гузская). Количество находок (45 фрагментов) превышает все ранее обследованные места.

24. На протоке Табола, около села Раздор, цепь бэровских бугров. Керамика на всех одинаковая – трех типов: а) красная гончарная, хорошо прожженная, б) толстостенная, лепная, с красным обжигом, черным тестом в изломе (гузская); черная, лощеная, хорошо отмученное тесто, звонкий черепок.

25. Бараний бугор одиноко высится выше Тузукля среди дельтовой равнины в 1 км от реки. Абс. отм. – минус 14,4 м. Поражает обилие подъемного материала и захоронений.

Находки: горшочек с крышкой собран из черепков. Высота – 10 см, диаметр по венчику – 8,5 см, длина – 7,0 см, а средней части – 12,6 см. Лепной, черноглинный, венчик отогнут наружу.

Скелет ребенка, лежит головой на восток. (Это – единственный случай восточной ориентировки.) Лежит на спине, череп раздавлен, руки и ноги вытянуты. В изголовье, на месте, где обычно находятся кости жертвенного барана, лежит скелет грудного младенца. Развалившийся по швам череп младенца находится у правого плеча скелета. Рядом около головы скелета – два горшка. Один черноглинный, лепной, с серой поверхностью и венчиком, отогнутым наружу; внешняя сторона его покрыта горизонтальными бороздками, высота – 11,5 см, диаметр – 12,6 см, толщина стенки – 0,6 см; второй – плоскодонный, красный, гончарный, грушевидной формы с плоской ручкой, тесто хорошо прожженное; высота – 12,6 см, диаметр – 10 см; толщина стенок – 0,5 см; на широкой части – два кольца полосок, в основании шейки – одно, а над ним прочерчен узор в виде фестонов. Под черепом найдены серьги-колечки диаметром 1,3 см.

Скелет ребенка на северо-западном конце бугра, лежит на спине, головой на запад. У правого виска фрагмент бронзовой серьги-колечка. Нарушена левая часть ребер и ключица: они лежат на черепе и вокруг него. Сосуд, собранный из черепков, лепной, рифленый. Частично реставрирован. Высота – 12 см, диаметр – около 14 см.

Скелет ребенка без горшков, лежит на правом боку, ориентирован на запад. Череп разбит в недавнее время; под черепом железная игла, под тазовыми костями и поясницей следы дерева, вроде прокладки. Длина скелета – 0,60 м.

Подъемный материал на Бараньем бугре: а) керамика гузская – 13 фрагментов от стенок сосудов, невыразительных, с прочерченными ногтем горизонтальными бороздками; б) керамика татарская – 2 фрагмента; в) керамика хазарская, сделанная на круге, сероглиненная, звонкая – 4 фрагмента.

Орнамент: 1) волна (синусоида) из семи параллельных борозд; ширина штриха – 2 мм; 2) то же, более грубая, ширина штриха – 4 мм; 3) бороздки прямые, четыре посередине бока сосуда; ширина штриха – 4 мм; 4) то же, более глубокие, покрывающие весь фрагмент сосуда; ширина штриха – 2 мм; 5) керамика хазарская, лепная, черноглинная, слабо прожженная; 6) два фрагмента железного ножа; 7) фрагмент керамической плитки – черепицы, слегка изогнутой; размеры – 13 x 7 x 3 см.

На северной и восточной стороне обнаружены четырехугольные пятна сбитой земли, которые, по-видимому, являются полами жилищ. Погребения группируются на южной части

бугра, между гребнем и склоном, и на западном конце бугра.

26. На бэровском бугре на берегу Хурдуна найдено два маловыразительных фрагмента гузской керамики.

27. На бугре Муллин — подъемный материал: гузская керамика.

28. На бугре Тишковском (Тишково в низовьях Буянского протока, близко от моря): подъемный материал — керамика: а) фрагменты керамики сероглиняной, с черными поверхностями, сделанной на гончарном круге, с прочерченным лощением — 3 фрагмента (хазары); б) гузская — 3 фрагмента; в) сероглиняная, лепная, с внутренней красной поверхностью.

29. На левом берегу Буянского протока, на одиночном бугре в дельтовой аллювиальной равнине — 2 невыразительных фрагмента хазарской керамики, свидетельствующие о заселенности южной дельты в первом тысячелетии н. э.

30. На Федориткином бугре около села Мултаново подъемный материал — керамика. Сероглиняные сосуды из отмученного теста, наружная поверхность с прочерченным лощением, стенки плоские, венчик с валиком, орнамент бороздчатый. Много обломков железных орудий.

31. На бугре против села Котяевки, на правом берегу Кигача подъемный материал — татарская керамика.

32. Безымянный бугор около Тумгановки подъемный материал — керамика: а) керамика сероглиняная, гончарная, хорошо прожженная, венчик круглый, отогнут внутрь. Аналогов в наших находках не встречается.

Бугры Нарын-гора по речке Макарке: фрагменты хазарской красной керамики и фрагмент — серой.

33. Вор-бугор около Красного Яра: а) керамика сероглиняная, гончарная, с черной поверхностью, венчик валиком отогнут наружу, обжиг хороший, прочерченное лощение — 11 фрагментов (аналогия — Салтово, хазары); б) керамика сероглиняная, лепная, хорошо прожженная; 4 фрагмента (хазары); в) керамика красноглиняная, гончарная, хорошо прожженная — 9 фрагментов (татары); г) фрагменты железных орудий — 8 фрагментов.

Караульный бугор около Красного Яра: а) керамика лепная, серая, хорошо прожженная, пористая с бугорчатой поверхностью — 2 фрагмента; б) ручка от кувшина, лепная, светло-красная, хорошо прожженная.

Зурманский бугор около Красного Яра: а) один фрагмент керамики сероглиняной, лепной (хазарской); б) два фрагмента татарской керамики.

Бугры от Красного Яра до Марфина — без находок.

34. Малый Арал — бугры восточнее села. Подъемный материал: керамика красная и серая, хорошо прожженная (2 фрагмента) и гузская, аморфная (2 фрагмента).

1. *Абросов В. Н.* Гетерохронность периодов повышенного увлажнения гумидной и аридной зон.— «Известия ВГО», 1962, № 4.
2. *Алексин А. А., Гумилев Л. Н.* Хазарская Атлантида.— «Азия и Африка сегодня», 1962, № 2.
3. *Аполлов Б. А.* Доказательства прошлых низких стояний уровня Каспийского моря.— «Вопросы географии», вып. 24, М., 1951.
4. *Аполлов Б. А.* Колебания уровня Каспийского моря.— «Труды Института океанологии», т. XV. М., 1956.
5. *Артамонов М. И.* Древний Дербент.— «Советская археология», т. VIII, 1946.
6. *Артамонов М. И.* Саркел – Белая Вежа.— Материалы и исследования по археологии, т. I, 1958, № 62.
7. *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
8. *Бартольд В. В.* Сведения об Аральском море и низовьях р. Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века. Научные результаты Аральской экспедиции.— «Известия ТО РГО», вып. 2, т. IV, 1902.
9. *Бартольд В. В.* Хафиз Аbru и его сочинения.— «Сборник статей учеников проф. В. Р. Розена». СПб., 1897.
10. *Берг Л. С.* Аральское море. СПб., 1908.
11. *Берг Л. С.* Беседа со студентами географического факультета Московского университета.— «Вопросы географии», вып. 24. М., 1951.
12. *Берг Л. С.* Очерки по физической географии. М.—Л., 1949.
13. *Берг Л. С.* Уровень Каспийского моря за историческое время.— В кн.: Очерки по физической географии. М.—Л., 1949.
14. *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, III. М.—Л., 1950.
15. *Васильев Л. С.* Культурные и торговые связи Ханьского Китая с народами Центральной и Средней Азии.— «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 5.
16. *Византийские историки.* Пер. С. Дестуниса. СПб., 1860.
17. *Визе В. Ю.* Климат морей современной Арктики. М.—Л., 1940.
18. *Волгин В. П.* Социальные и политические идеи во Франции перед революцией (1748—1789). М., 1940.
19. *Гаель А. Г., Гумилев Л. Н.* Разновозрастные почвы на степных песках Дона и передвижение народов за исторический период.— «Известия АН СССР», серия географическая, 1966, № 1.
20. *Гафуров Б. Г.* История таджикского народа, т. I. М., 1949.
21. *Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950.
22. *Грум-Гржимайло Г. Е.* Рост пустынь и гибель пастбищных угодий и культурных земель в Центральной Азии за исторический период.— «Известия ВГО», вып. 5, т. LXV. Л., 1933.
23. *Гумилев Л. Н.* Статуэтки воинов из Туяк-Мазара.— «Сборник Музея антропологии и этнографии», т. XII. Л., 1949.
24. *Гумилев Л. Н.* Алтайская ветвь тюрков-туяк.— «Советская археология», 1959, № 1.
25. *Гумилев Л. Н.* Бахрам Чубин (Опыт критики источников).— «Проблемы востоковедения», 1960, № 3.
26. *Гумилев Л. Н.* Хунну. М., 1960.
27. *Гумилев Л. Н.* Некоторые вопросы истории хуннов.— «Вестник древней истории», 1960,

№ 4.

28. *Гумилев Л. Н.* Война 589 г. и Гератская битва.— «Известия АН Таджикской ССР». Душанбе, 1960, № 2 (23).
29. *Гумилев Л. Н.* Орды и племена у древних тюрок и уйгуров.— «Материалы по этнографии ВГО», вып. I, 1961.
30. *Гумилев Л. Н.* Три исчезнувших народа.— «Страны и народы Востока», вып. II, 1961.
31. *Гумилев Л. Н.* Великая распря в первом Тюркском каганате в свете византийских источников.— «Византийский временник», т. XX, 1961.
32. *Гумилев Л. Н.* Где она, страна Хазария? — «Неделя», 1964, № 24.
33. *Гумилев Л. Н.* Хазария и Каспий.— «Вестник ЛГУ», 1964, № 6.
34. *Гумилев Л. Н.* Хазария и Терек.— «Вестник ЛГУ», 1964, № 24.
35. *Гумилев Л. Н.* Соседи хазар.— «Страны и народы Востока», вып. IV. М., 1965.
36. *Гумилев Л. Н.* Хазарские погребения на бугре Степана Разина.— «Сообщения Гос. Эрмитажа», т. XXVI, 1965.
37. *Гумилев Л. Н.* Биография тюркского хана в «Истории» Феофилакта Симокатта и в действительности.— «Византийский временник», т. XXVI, 1965.
38. *Дебец Г. Ф.* Палеоантропология СССР. М., 1948.
39. *Дорн Б.* Каспий. О походах древних русских в Табаристан.— «Записки императорской Академии наук», т. 26, кн.1. Приложение № 11. СПб., 1875.
40. *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX — X вв. М., 1962.
41. *Зелинский А. Н.* Древние пути Памира.— «Страны и народы Востока», т. III, 1964.
42. *Иностранцев К. А.* Хунну и гунны. Л., 1926.
43. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.
44. *Калесник С. В.* Современное состояние учения о ландшафтах. Л., 1959.
45. *Караулов Н. А.* Сведения арабских географов IX — X вв. о Кавказе, Армении и Азербайджане. Тифлис, 1908.
46. *Кармышева Б. Х.* Этнографическая группа «тюрки» в составе узбеков.— «Советская этнография», 1960, № 1.
47. *Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
48. Книга Большому Чертежу. М.—Л., 1950.
49. *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.
50. *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
51. *Константин Багрянородный.* Об управлении государством.— «Известия ГАИМК», вып. 91. М.—Л., 1934.
52. *Корзухина Г. Ф.* Из истории древнерусского оружия XI в.— «Советская археология». Т. XIII, 1950.
53. *Косвен М. О., Хашаев Х. М.* История, география и этнография Дагестана XVIII — XIX вв. М., 1958.
54. *Крупнов Е. И.* Городище «Трехстенный городок».— «Советская этнография». 1935, № 2.
55. *Куник А., Розен В.* Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, т. I, СПб., 1878.
56. *Курдюмов К. В.* О колебаниях озера Алакуль в историческом и географическом прошлом.— «Вопросы географии», вып. 24. М., 1951.
57. *Маргаи Зайн аль-Абидин.* Дневник путешествия Ибрагим-бека. М.—Л., 1963.
58. *Мерперт Н. Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье.—

«Советская археология», т. XXIII, 1955, с. 160—167.

59. *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X – XI веков. М., 1963.

60. *Моисей Каганкатвацц.* История агван. Пер. с армян. СПб., 1861.

61. *Мурзаев Э. М.* Народная Республика Монголия. М., 1952.

62. *Овдиенко И. Х.* Внутренняя Монголия. М., 1954.

63. *Орбели И. А., Тревер К. В.* Сасанидский металл. М.—Л., 1935.

64. *Пигулевская Н. В.* Византийская дипломатия и торговля шелком.— «Византийский временник», т. I (XXVI), 1947.

65. *Плетнева С. П.* Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях.— МИА, 1958, № 62.

66. Путешествие ибн-Фадлана на Волгу. М.—Л., 1939.

67. Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

68. *Ременников А. М.* Борьба племен Подунавья и северного Причерноморья с Римом в 275—279 гг.— «Вестник древней истории», 1964, № 4.

69. Россия и Азия. СПб., 1876.

70. *Руденко С. И.* Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960.

71. *Рыбаков Б. А.* Древние русы.— «Советская археология», т. XVII, 1953.

72. *Рыбаков Б. А.* К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси.— «Советская археология», т. XVIII, 1953.

73. *Сергеенко М. Е.* Жизнь древнего Рима. М.—Л., 1964.

74. *Сиротенко В. Т.* Взаимоотношения гуннов и Римской империи.— Ученые записки Пермского гос. ун-та, вып. 4, т. 12, 1959.

75. *Смирнов А. П.* Новая находка восточного серебра в Приуралье. М., 1957.

76. *Смирнов Я. И.* Восточное серебро. СПб., 1909.

77. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XXIX, с. 11.

78. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, 1911, № II. XXXII, с. 33.

79. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып. XXXVIII, с. 40.

80. *Сорокин С. С.* Железные изделия Саркела – Белой Вежи.— МИА, № 75. М. – Л., 1959.

81. *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений, т. III. М., 1961.

82. *Томсон Дж. О.* История древней географии. М., 1953.

83. *Тревер К. В.* Очерки по истории кавказской Албании. М.—Л., 1959.

84. *Тревер К. В.* Памятники греко-бактрийского искусства. М.—Л., 1940.

85. *Шнитников А. В.* Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария.— Записки ГО СССР, т. XVI, М.—Л., 1957.

86. *Юэ Шан.* Очерки истории Китая. М., 1959.

87. *Якубовский А. Ю.* Ибн Мискавейх о походе русов на Берда в 332 г. х.— 943/44 г.— «Византийский временник», т. XXIV, Л., 1926.

88. *Якубовский А. Ю.* Об исторической топографии Итиля и Болгар в IX – XII вв.— «Советская археология», т. X, 1948.

89. *Яцунский В. К.* Историческая география. М., 1955.

90. *Arendt W.* Türkische Sabel aus dem VIII – IX Jh.— «Archaeologia Hungarica», t. XVI, 1935, s. 48—68.

91. *Barthold W.* 12 Vorlesungen über die Geschichte der Türken Mittelasiens. Berlin, 1935.

92. *Christensen A.* L'Iran sous les Sassanides. Copenhagen, 1936.

93. *Chavannes E.* Documents sur les Tou-kiue (turcs) Occidentaux.— «Сборник трудов Орхонской экспедиции», т. VI. СПб., 1903.

94. *Gumilev L. N.* New Data on the History of Khazaria.— «Acta Archaeologica Academiae

Scientiarum Hungaricae», t. 19, 2. Budapest, 1966.

95. *Hannestad K.* Les relations de Byzance avec la Transcaucasie et l'Asie Centrale aux V et VI siècles.— «Byzantion», t. XXV – XXVI – XXVII. Bruxelles, 1957, pp. 421—456.

96. *Ingstad H.* The Vinland ruins in the Vikings in the New World.— «National geographical magazine», 1964, № 5.

97. *Maenchen-Helfen O.* Pseudohuns.— «Central Asiatic journal», I, 1955, № 2, pp. 102—103.

98. *Montesquieu Ch.* Esprit des lois. Paris, 1858.

99. *Tarn W. W.* The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1951.

Приложение I
Зигзаг истории

Между двух океанов

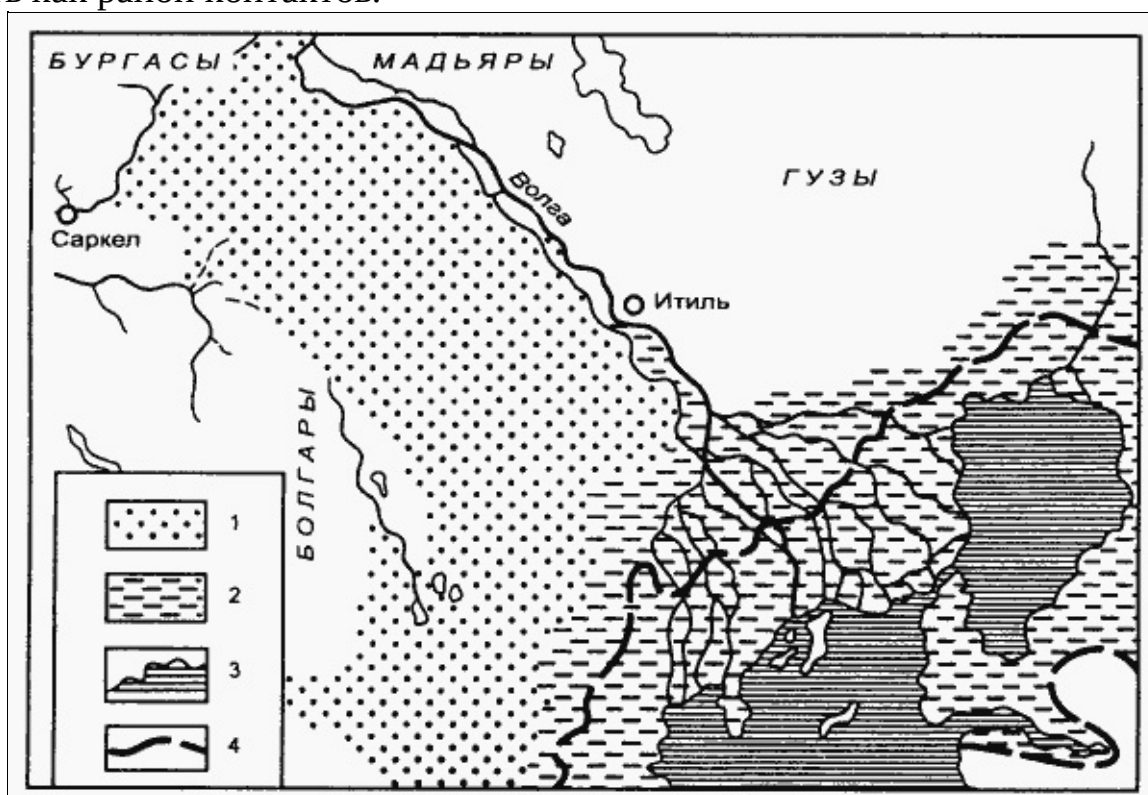
Евразийский континент не монолитен. Его четко делят на части природные барьеры. Западный полуостров Евразийского континента, омываемый Средиземным и Северным морями, отделен от холодной Восточной Европы невидимой, но крепкой границей – положительной изотермой января.

Сухие и жаркие области Переднего Востока и Северной Африки тоже являются ландшафтной целостностью, ограниченной с юга Сахарой, а с востока пустынями Средней Азии. Особое, но вполне независимое положение занимает гористый район, тянущийся от Адриатического моря, через Малую Азию до Закавказья. На стыках этих трех больших регионов постоянно возникали этнические контакты. Таковыми были в XII в. Испания, Иллирия, Великая Армения, простиравшаяся до берегов Средиземного моря, где располагалась Малая Армения, Киликия.

Ограниченная высокими горами и жаркими пустынями, Индия справедливо рассматривается как континент. Однако области Пенджаба и Синда уже в XII в. стали зонами контактов между индусами, арабами, афганцами и тюрками. Природные барьеры не спасли Индию от вторжений иноземцев.

Субтропический, обильно увлажненный Китай отделил себя от сухой, холодной Великой степи стеной, которая в XII в. лежала в развалинах, но считалась естественной границей между Китаем и Великой степью.

И наконец, внутренняя часть континента, Евразия в узком смысле слова, простиралась от Китайской стены до Карпат, включая степную, лесостепную и лесную зоны. Здесь районами контактов были: венгерская степь на западе и Западная Маньчжурия на востоке. На юге к этому региону можно причислить Тибетское нагорье и Семиречье, а Среднеазиатское Междуречье рассматривать как район контактов.

Волжская Хазария VI – XIII вв.

1 – хазарские степи; 2 – земли, затопленные морем в XIII в.; 3 – берег моря в VI в.; 4 – современный берег моря.

Центральная часть великого Евразийского континента только на первый взгляд кажется бесплодной и дикой страной, не приспособленной для развития самостоятельной культуры. Соседствуя на востоке с древней цивилизацией Китая, а на западе с не менее древней культурой западноевропейского полуострова, Великая степь ограничена с севера непроходимой тайгой, а с юга – горными хребтами. Эта географическая целостность, населенная разнообразными народами с разными хозяйственными навыками, религиями, социальными учреждениями и нравами, тем не менее всеми соседями ощущалась как некий монолит, хотя содержание доминирующего начала ни этнографы, ни историки, ни социологи не могли определить.

И это не случайно. Еще в первой половине XX в. само существование этнографических целостностей подвергалось сомнению, так как наука еще не нашла аспекта, позволяющего их воспринимать как реалии. Но и не замечать их было нельзя, и тогда сложились такие абстракции, как Запад и Восток, бессмысленность которых показал академик Н. И. Конрад [39], или «Лес» и «Степь» [10], или «желтая» и «белая» расы [53].

Действительно, деление материала на два раздела всегда упрощает задачу, но далеко не всегда ведет к правильному решению. По сути дела, классификатор неосознанно применяет первобытный этнический принцип: «мы» и «не мы», лишь абстрагируя его в соответствии с требованиями академической подачи. Но мы обязаны отрешиться от этого примитивного аспекта и исходить не из двоичной системы отсчета, а из реального наличия этногеографических регионов, которых на пространстве Евразии оказалось шесть, и из смены суперэтносов, которых еще больше. Поэтому мы изменили ракурс и рассматриваем Евразийский континент не из того или иного угла, а сверху. Это позволяет установить соразмерность этногеографических регионов.

Люди, жившие на этих территориях, различались не только языками, обычаями и учреждениями, но отношением к природе и истории, к жизни и смерти, к добру и злу. Посмотрим как. В многочисленных первоисточниках мы не найдем ответа на то, что интересует нас, ибо их авторы писали для других читателей. Однако наряду с разноречивыми и эмоционально насыщенными традициями мы имеем в поле зрения массу немых фактов, объяснение коих – наша обязанность. Отчасти это затрудняет исследователя, отказавшегося от оценок, подсказываемых ему предшественниками. Но разве наука – это пересказ чужих знаний? И разве в естественных науках, где нет словесных сообщений, а только немые факты, невозможны обобщения? И разве только углубление в предмет дает познание, а расширение диапазона ведет к поверхностности?

Системный подход, давая возможность широких обобщений, отнюдь не мешает точности изучения деталей. Так, на пейзажах старинных мастеров второстепенные фигуры только кажутся цветными пятнами. Будучи увеличены путем фотографии, они представляются перед зрителем как законченные, вырисованные до мелочей. Все на них верно, но в композицию они входят лишь настолько, насколько они нужны. Этим подходом мы и собираемся воспользоваться.

Описание хазарской страны

Ландшафты, как и этносы, имеют свою историю. Дельта Волги до III в. не была похожа на ту, которая существует ныне. Тогда по сухой степи среди высоких бэровских бугров струились чистые воды Волги, впадавшие в Каспийское море много южнее, чем впоследствии. Волга тогда была еще мелководна, протекала не по современному руслу, а восточнее, через Ахтубу и Бузан, и, возможно, впадала в Уральскую западину, соединенную с Каспием узким протоком.

От этого периода остались памятники сармато-аланской культуры, т. е. туранцев. Хазары тогда еще ютились в низовьях Терека.

Во II – III вв. атлантические циклоны сместили свой путь к северу. Дожди перестали орошать степную зону, где на время воцарилась пустыня, а стали изливаться в Волго-Окском междуречье и на широтах водосбора Камы. Особенно значительным было зимнее увлажнение: сугробы мокрого снега и, как следствие, огромные весенние половодья.

Волга понесла все эти мутные воды, но русло ее в низовьях оказалось для таких потоков узким. Тогда образовалась дельта современного типа, простиравшаяся на юг почти до полуострова Бузачи (севернее Мангышлака). Опресненные мелководья стали кормить огромные косяки рыб. Берега протоков поросли густым лесом, а долины между буграми превратились в зеленые луга. Степные травы, оставшись лишь на вершинах бугров (вертикальная зональность), отступили на запад и восток (где ныне протоки Бахтемир и Кигач), а в ядре возникшего азонального ландшафта зацвел лотос, запели лягушки, стали гнездиться цапли и чайки. Страна изменила свое лицо.

Тогда изменился и населявший ее этнос. Степняки-сарматы покинули берега протоков, где комары не давали покоя скоту, а влажные травы были для него непривычны и даже вредны. Зато хазары распространились по тогдашней береговой линии, ныне находящейся на 6 м ниже уровня Каспия. Они обрели богатейшие рыбные угодья, места для охоты на водоплавающую птицу и выпасы для коней на склонах бэровских бугров. Хазары принесли с собой черенки винограда и развели его на новой родине, доставшейся им без кровопролития, по случайной милости природы. В очень суровые зимы виноград погибал, но пополнялся снова и снова дагестанскими сортами, ибо связь между Терской и Волжской Хазарией не прерывалась.

Воинственные аланы и гунны, господствовавшие в степях Прикаспия, были не опасны для хазар. Жизнь в дельте сосредоточена около протоков, а они представляют собой лабиринт, в котором заблудится любой чужеземец. Течение в протоках быстрое, по берегам стоят густые заросли тростника, и выбраться на сушу можно не везде. Любая конница, попытавшаяся проникнуть в Хазарию, не смогла бы быстро форсировать протоки, окруженные зарослями. Тем самым конница лишалась своего главного преимущества – маневренности, тогда как местные жители, умевшие разбираться в лабиринте протоков, могли легко перехватить инициативу и наносить врагам неожиданные удары, будучи сами неуловимыми.

Еще труднее было зимой. Лед на быстрых речках тонок и редко, в очень холодные зимы, может выдержать коня и латника. А провалиться зимой под лед, даже на мелком месте, значило обмерзнуть на ветру. Если же отряд останавливается и зажигает костры, чтобы обсохнуть, то преследуемый противник за это время успевает скрыться и ударить по преследователю снова.

Хазария была естественной крепостью, но, увы, окруженной врагами. Сильные у себя дома, хазары не рисковали выходить в степь, которая очень бы им пригодилась. Чем разнообразнее ландшафты территории, на которой создается хозяйственная система, тем больше перспектив для развития экономики. Дельта Волги отнюдь не однообразна, но не пригодна для кочевого скотоводства, хотя последнее, как форма экстенсивного хозяйства, весьма выгодно людям,

потому что не трудоемко по природе, ибо количество скота лимитируется количеством травы. Для природы кочевой быт безвреден.

Хазары в степях не жили и, следовательно, кочевниками не были. Но и они брали от природы только избыток, которым она могла смело поделиться: рыбу, виноград и плоды из садов. Короче говоря, этносы низовий Волги в то время находились в фазе гомеостаза – равновесия с природой и друг с другом. При этой системе жизни этносы редко активно общаются между собой, потому что воевать не из-за чего, а брать в жены чужих девушек невыгодно: привыкшие к иному быту, они будут плохими хозяйками в доме мужа.

Чем крупнее цель, тем легче в нее попасть. Поэтому заключим наш сюжет – трагедию хазарского этноса – в рамку истории сопредельных стран. Конечно, эта история будет изложена «суммарно», ибо для нашей темы она имеет только вспомогательное значение. Но зато можно будет проследить глобальные международные связи, пронизывавшие маленькую Хазарию насквозь, и уловить ритм природных явлений биосферы, вечно изменчивой праматери всего живого. Тогда и история культуры заиграет всеми красками.

Может показаться, что, утверждая невозможность существования активного этноса без пассионарного толчка, мы погрелись против собственного тезиса. Например, хазары стали известны византийским и персидским авторам в IV в., а армянским – в III в.^[34], но ни меридиональный толчок II в. (от Скандзы до Палестины), ни широтный толчок IV в. (от Аравии до Северного Китая) не должны были их задеть. Каким же образом объяснить особенности их этногенеза в течение тысячи лет и образование многочисленных реликтов: гребенских и нижнедонских казаков, астраханских татар и караимов Крыма? Короче говоря, хазары вели себя как «полноценный» этнос, прошедший все фазы развития, но за счет чего?

Русский летописец правильно сопоставляет хазар со скифами [42, ч. 1, с. 14], под которыми его источник, Георгий Амартол, подразумевал древнее, досарматское население южной части Восточной Европы [там же, ч. II, с. 223]. В то время, когда степные водораздельные пространства захватывались последовательно сарматами (III в. до н. э.), гуннами (IV в. н. э.), болгарами (V в.), аварами (VI в.), мадьярами и печенегам, хазары спокойно жили в густых прибрежных зарослях, недоступных для кочевников, с которыми они всегда были врагами.

Благодаря столь благоприятным природным условиям хазары – потомки древнего европеоидного населения Западной Евразии – жили как этнос-персистент до конца VI в., когда ситуация изменилась крайне резко и неожиданно.

Самая важная роль в хазарском этногенезе выпала на долю новорожденного этноса древних тюрков – тюркютов, как принято их называть, чтобы избежать терминологической путаницы – смешения этого этноса с прочими тюркоязычными племенами^[35]. Возникли тюркюты так: в 439 г. небольшой отряд князя Ашина бежал из Северо-Западного Китая от победоносных и безжалостных табгачей. Состав этого отряда был пестрым, но преобладавшим этносом были сяньбийцы, т. е. древние монголы. Поселившись на склонах Алтая и Хангая и смешавшись с аборигенами, тюркюты сделали своей узкой специальностью плавку железа и выделывание оружия. В 552 г. их первый хан – Тумын – одержал победу над жужанями, господствовавшими в Степи в IV – V вв. Так был создан Великий тюркютский каганат.

Младший брат Тумына, хан Истеми, был поставлен во главе войска, имевшего задачей подчинение западных степей. Истеми дошел до Дона и берегов Черного моря. Некоторые племена бежали от него, другие подчинились силе оружия, а третьи сочли за благо помочь завоевателю, дабы разделить с ним плоды победы. В числе последних оказались хазары и болгарское племя утургуров, жившее между Кубанью и Доном. Когда же в начале VII в. Великий каганат распался, то хазары и утургуры оказались в составе Западного каганата. Те и другие искренне помогали своим новым правителям в войнах против Византии и Ирана. Однако в Западно-Тюркютском каганате два племенных союза образовали две партии, боровшиеся за власть над бессильным ханом. Утургуры примкнули к одной, а хазары, естественно, к другой партии, а после ее поражения приняли убежавшего царевича себе в ханы (650 г.). [Подробно см.: 3, с. 171; 23, с. 238.]

Через 8 лет Западно-Тюркютский каганат был захвачен войсками империи Тан, что пошло на пользу хазарам, принявшим сторону ранее побежденного царевича, и во вред болгарам-утургурам, лишившимся поддержки верховного хана (658 г.). Вследствие этого хазары около 670 г. разгромили болгар, и те разбежались – кто на Каму, кто на Дунай, кто в Венгрию, а кто даже в Италию.

Одновременно хазарам пришлось отражать вторжение арабов, победоносных от Индии до Аквитании. Но на Кавказе, неожиданно для завоевателей Ирана и Испании, война шла с

переменным успехом, причем хазарские вторжения в Закавказье чередовались с арабскими походами до Дербента (662—744 гг.), севернее которого арабам так и не удалось закрепиться. Откуда взялась у маленького реликтового этноса такая грандиозная пассионарность, позволившая хазарам при неравенстве сил свести вничью войну с самым сильным и агрессивным государством VIII в.? Численный перевес был на стороне арабов, потому что хазарских ханов тюркской династии не поддерживали ни аланы, ни мадьяры, ни буртасы, ни мордва, ни славяне, а уж меньше всего болгары. Особую позицию занимали горцы Дагестана – царства Серир, Туман, Зирих-Геран, Кайтаг, Табасаран, Лакз и Филан, уже в 739 г. подчинившиеся наместнику Азербайджана и Армении Мервану [35, т. I, с. 153], опиравшемуся на неприступный Дербент^[36]. Но маленькая Хазария героически отстояла свою независимость. Почему?

Вспомним, что целых 100 лет (558—650) тюркютские ханы использовали территорию Хазарии как базу для своих военных операций. В Хазарии тюркютские богатыри отдыхали после перехода через сухие степи, а по возвращении из Крыма или Закавказья прогуливали награбленную добычу. И тут наверняка не обходилось без женщин, которые, как известно, не бывают равнодушны к победителям. Дети, появившиеся после военных походов, искренне считали себя хазарами. Отцов своих они не знали, воспитаны были в среде хазар и в ландшафте Волжской дельты. В наследство от тюркютов они получили только некоторые антропологические и физиологические черты, в том числе пассионарность. А поскольку такой симбиоз длился более ста лет, то естественно, что привнесенной чужаками пассионарности стало достаточно, чтобы превратить реликт в активно действующий этнос.

Но еще существеннее для хазарского этногенеза был следующий период, когда Хазарией управляли тюркские ханы династии Ашина (650—810), наследники правителей Великого тюркского каганата (552—745). Царевич-беглец и его соратники, принятые хазарами гостеприимно, не слились с массой народа и не противопоставили себя ей. Они продолжали жить кочевым бытом, только зиму проводя в домах в Итиле; они возглавили борьбу с арабами и, будучи мастерами степной маневренной войны, научили хазар отбивать натиск регулярных войск; оставаясь язычниками, почитавшими Синее Небо и Черную Землю, они были веротерпимы до полной неразборчивости. Это-то их и погубило. Но из-за чего и каким образом?

Хазары и фазы этногенеза

Внесение признака пассионарности со стороны по последствиям не отличается от возникновения ее путем мутации. Разница проявляется лишь в том, что при генетическом дрейфе признак распространяется более быстро, а следовательно, процесс идет более интенсивно. Поэтому инкубационный период хазарского этногенеза уложился в три поколения – около 70 лет, после чего с 627 г. становится уместным название «тюрко-хазары», теряющее смысл после 650 г., когда хазарами называют именно метисов тюрко-хазарского происхождения. Почему-то Истахри и другие восточные географы делили хазар на два разряда: смуглых ^[37], черноволосых и «белых, красивых, совершенных по внешнему виду» [там же, с. 137]. Также они относили хазар то к тюркам, то к нетюркам, возводя их то к грузинам, то к армянам [там же, с. 135]. Хазарский язык, по замечанию Истахри, не походит ни на тюркский, ни на персидский, ни на какой другой известный язык, а схож с языком болгар [там же, с.135]. Это последнее вызвало множество недоумений, ибо языком болгар считается тюркский. Однако так ли было в V – VI вв., когда тюрки впервые появились в Поволжье? Наверяд ли!

Тюркский язык распространился как международный и общеупотребительный лишь в XI в. благодаря половцам, причем вытеснил из Степи древнерусский, господствовавший в X – XI вв. [41, т. I, с. 54]. До этого этносы говорили дома на своих языках, которые до нас не дошли, а кроме того, знали древнетюркский язык воинского начальства.

Таким образом, в VII в. в Нижнем Поволжье создались оптимальные условия для этногенеза: разнохарактерные ландшафты в тесном сочетании, соответствующие им хозяйственные уклады, сосуществование этнических субстратов, относящихся к единому (евразийскому) суперэтносу, и импорт пассионарности, позволивший оформить этническое разнообразие в социальную систему. Эта последняя была достаточно эластичной, чтобы вошедшие в нее этносы стали субэтносами хазарского этноса, унаследовавшего название от предков.

Вот почему М. И. Артамонов сомневался в достоверности армянских хроник, упоминавших хазар в III в. н. э. [3, с. 116]. Этноним был тот же, но этнос другой, а это бывает часто.

Фаза этнического подъема заняла около 150 лет – с середины VII до конца VIII в. За это время хазары шли от успеха к успеху и весьма удачно находили контакты с соседями. Однако характер этих контактов был различен, что и повело к смещению нормальной кривой этногенеза, вследствие чего акматическая фаза не наступила. Поэтому обратим внимание и на соседей хазар, но сначала напомним, что в III – V вв. хазарский этнос находился в фазе гомеостаза. Производительные силы его были стабильны, а общество пребывало в первобытнообщинной формации с устоявшимися производственными отношениями.

Зато соседи хазар развивались бурно. Византия и Древняя Русь росли мучительно, но неуклонно; сасанидский Иран терял потенцию роста за счет упрощения системы, что вело к усилению государственной власти в ущерб общественным группировкам.

Восточные народы – гунны, пришедшие в Европу, проиграли войну с аборигенами: германцами на западе и болгарам на востоке, после чего потеряли политическое и этническое значение. Судьба гуннов – яркий пример того, что любой этнический процесс может быть нарушен политическими коллизиями, которые невозможно предугадать. Гунны могли бы выиграть битву с гепидами при Недао в 453 г. и разгромить сарагуров (болгар) в 453 г. Тогда в Восточной Европе уже в V в. создалось бы сильное государство. Но так как этого не случилось, то многочисленные местные этносы вернули себе самостоятельность.

Второй азиатский этнос, попавший в Европу, – авары (обры) – в 630 г. утратили свои

позиции в Причерноморье вследствие конфликта с болгарами-кутургурами, населявшими степи от Дона до Карпат. Авары сосредоточили свои усилия на борьбе с греками и франками и угнетении славян-дулебов, населявших Вольнь. В начале IX в. авары потерпели поражение от франков, но сохранили самостоятельность и удержали территорию восточнее Дуная до прихода венгров, которых встретили как родных, и вскоре объединились с ними в один этнос. Аварский каганат, последний осколок древнего Турана, перестал существовать в начале X в.

Гуннская трагедия оставила след на этнической карте Восточной Европы. Болгар-сарагуров потеснил другой азиатский народ – сабиры или савиры, частью проникшие в Закавказье, а частью осевшие в Понтийской Скифии..., «до Рипейских гор, из которых вытекает Танаис» [3, с. 651]. Савиры были выходцами из Западной Сибири и, видимо, принадлежали к угорской или южной ветви самодийской группы. Западные племена их ославились, но сохранили древний этноним – северяне. С хазарами они не граничили и, кажется, не общались, как это делали другие соседние этносы.

Не только маленькая группа алтайских монголоидных тюркютов^[38], но и вассалы, сопутствовавшие им в походах, вошли в состав хазарского этноса в течение VII – VIII вв. Одни из них ассимилировались, другие сохранили свой этнический облик. Так, барсилы авторы X в. перестали отличать от хазар, а печенеги, до IX в. приходившие в Хазарию с востока как друзья и союзники, с хазарами не смешались [17, 18, 24]. Очевидно, кочевой быт привлекал их больше, чем оседлая жизнь хазар. Но дружбе это не мешало. Хазар, барсилы, тюркюты, телесцев, печенегов связывала не общность быта, нравов, культуры и языка, а общность исторической судьбы: наличие общих врагов и единство политических задач, основной из коих было не погибнуть, а уцелеть. И до начала IX в. хазары справлялись с этой задачей блестяще именно потому, что они не были одиноки.

Хазария возглавила силы сопротивления и благодаря этому расширила сферу своего влияния до Крыма и Аральского моря, до Кубани и Оки, до Десны и Сакмары. Но в такой этнической пестроте для государственной системы часто таится опасность.

Гузы на востоке, мадьяры на севере, аланы и болгары (черные) на западе не всегда были друзьями хазар. Но поскольку эти этносы входили в систему единого евразийского суперэтноса, межплеменные столкновения не переходили ни в истребительные, ни в завоевательные войны. Все эти этносы жили натуральным хозяйством, которое всегда тесно связано с природными особенностями вмещающих ландшафтов. Гузы привыкли к сухим степям и полупустыням, где снежный покров тонок и не препятствует круглогодичному кочеванию. Но эти степи были не нужны уграм, населявшим лесостепную полосу западной Евразии, и аланам, обитавшим в роскошных злаковых степях между Кубанью и Доном. Там зимой выпадает много снега, следовательно, необходимы заготовки сена для скота; значит, кочевой быт невозможен; скотоводство должно быть отгонным.

Но никому из перечисленных этносов не были нужны поймы рек, заселенные хазарами, равно как и хазарам нечего было делать в степях и окаймляющих их лесах. Поэтому они спокойно смотрели на то, как в лесной полосе западной Евразии распространялся новый этнос – славяне: вятичи и радимичи, а в среднем Поднепровье другая группа славян постепенно ассимилировала россомонов и савиров, преобразовав их в полян и северян. Каждый из этих этносов обрел свою экологическую нишу, а потому и конфликты между ними могли определяться только колебаниями пассионарности.

Хазарский каганат в X в.

К счастью для всех перечисленных этносов, в этом отношении и в VIII в. было благополучно. Аланы, потомки страшных своей жестокостью сарматов, которые в III в. до н. э. физически истребляли скифов, а парфянам подарили вождя с дружиной (250 г. до н. э.), за тысячу лет превратились в культурный, трудолюбивый и спокойный этнос, лишенный наклонностей к агрессии. Этому превращению способствовало и то, что наиболее активная и неукротимая часть алан ушла после 371 г. в Испанию, чтобы избежать подчинения гуннам. А как мы знаем, пассионарность – признак наследственный. Следовательно, потомков пассионарных аланов следует искать в Кастилии, а не на Северном Кавказе.

Угры, в том числе мадьяры, – этнос очень древний, получивший дополнительную инъекцию пассионарности во II – V вв. от хуннов^[39]. Наименее пассионарны были гузы, сумевшие уберечь независимость и от гуннов и от тюркютов.

Византийский этнос не имел предков. Это, конечно, не означает, что люди, его составлявшие, не произошли от питекантропов, но этнос – не поголовье людей, а динамическая система, возникающая в историческом времени, при наличии пассионарного толчка как необходимого компонента при пусковом моменте этногенеза, процесса, ломающего старую культуру.

В Средиземноморье в древности существовала единая эллинистическая культура, включившая в себя в процессе развития Лациум и финикийские города. В этническом аспекте она напоминает западноевропейскую, потому что основное эллинское ядро не исчерпывает всех вариантов разносторонней эллинистической культуры. Конечно, Рим, Карфаген, Пелла имели свои локальные особенности и представляли собой самостоятельные этносы, но в суперэтническом смысле входили в широкий круг эллинистической культуры. Впрочем, это не ново, но для нас важно как отправная точка. Римское господство способствовало этнической нивеляции, а уравнивание греческого языка с латинским привело к тому, что почти все население Средиземноморья слилось в один этнос. Но в I в. н. э. в Римской империи появились новые люди, образовавшие в последующие два века новую целостность. Уже в начале своего появления они противопоставили себя «языцам», т. е. всем остальным, и действительно выделились из их числа, конечно, не по анатомическим или физиологическим признакам, но по характеру поведения. Они иначе развлекались, иначе относились друг к другу, иначе думали и ставили себе в жизни цели, казавшиеся их современникам бессмысленными. Эллинистическому миру был чужд аскетизм, новые люди создали Фиваиду; греки и сирийцы проводили вечера в театрах и любовались «пляской осы» (древний стриптиз), а эти собирались для бесед и тихо расходились по домам; своих богов эллины и римляне уже несколько веков считали литературными образами, сохранив культ как государственную традицию, а в быту ограничиваясь многочисленными приметами, новые же проповедники и неопиты с полной убежденностью считали реальностью инобытие и готовились к загробной жизни. Относясь лояльно к римскому правительству, они отказывались признавать его божественную природу и поклоняться статуям императоров, хотя это стоило им жизни. Эти нюансы поведения структуры общества не ломали, но из этнической целостности новые люди выпадали и вызвали жгучую ненависть у городских низов, требовавших их уничтожения. Считать, что причиной возникшей неприязни была разница в убеждениях, неправильно, ибо у необразованных язычников в это время никаких стойких убеждений не было, а у людей нового склада они были многообразны. Но почему-то с Митрой, Исидой, Кибелой, Гелиосом эллины и римляне не ссорились, делая исключение только для Христа. Очевидно, что вынести за скобки следует не идеологический или политический признак, а этологический, т. е. поведенческий, который для эллинистической культуры был действительно новым и непривычным. Впрочем, он был также чужд иудеям, которые, отнюдь не сливаясь с римлянами и греками, гонениям за веру не подвергались.

В первом тысячелетии новой эры был еще один суперэтнос, без территории, без централизованной власти, без войска... но он был. Евреи, рассеянные от Германии до Ирана, жили, не теряя своего внутреннего единства, несмотря на внешнее разнообразие. Среди них были носители разных культурных традиций, разных идеалов, разных стереотипов поведения. Восточные евреи не были похожи на византийских или немецких, но мы ведь и называем их не этносом, а суперэтносом. И в IX в. настало время им сказать свое слово. А так как это «слово» было произнесено в Хазарии и весьма значительно отразилось на судьбе хазар, то придется проследить, как и почему это могло произойти. А для этого нам придется углубиться в древность и проследить судьбу восточной ветви иудейской общины и ее связи с Ираном.

Этническая история евреев была извилиста и многообразна, но трансформации, возникавшие вследствие пассионарных толчков, видоизменяли их не менее, чем все прочие этносы. При этом менялись даже облик культуры и догмы религии, феномены куда более устойчивые, чем этнические стереотипы, но сохранялся этноним, что и вводило в заблуждение и невежественных людей, и даже ученых.

Легендарные сведения первых книг Библии^[40] туманно повествуют о неясных связях предков евреев с Шумером, а потом с Египтом, но к нашей теме это не имеет отношения. Исторически зафиксированные племена хабиру в XIV в. до н. э. начали завоевание, крайне жестокое, беззащитного и миролюбивого Ханаана, но натолкнулись на сопротивление филистимлян, одного из «народов моря», по-видимому древних ахейцев или хеттов. Война с хананеями и филистимлянами затянулась до X в. до н. э. (акматическая фаза этногенеза). Лишь царь Давид (1004—965) достиг решительных успехов и взял Иерусалим, где его сын Соломон соорудил храм. Но после смерти Соломона его царство распалось на два (надлом), а в 586 г. до н. э. Иерусалим был взят вавилонским царем Навуходоносором, который вывел пленных в Вавилон. Так началось знаменитое рассеяние (диаспора) – инерционная фаза этногенеза.

В Вавилоне евреи прижились, и, когда в 539 г. до н. э. Кир позволил им вернуться на родину, этим позволением воспользовались немногие. Вавилонская колония евреев оказалась богаче и многочисленнее палестинской.

Из Вавилона евреи распространились по всей Месопотамии и Сузиане [57, с. 63], где вошли в тесный контакт с персами. Есть даже предположение, что знаменитая антидэвовская надпись Ксеркса, запретившего почитание племенных богов – дэвов, нашла отражение в Библии, в книге «Эсфирь», содержащей описание того, как мудрый Мардохей благодаря очарованию своей племянницы Эсфири, пленившей царя, сумел организовать погром македонян^[41] и других соперников евреев, боровшихся за влияние на персидского царя царей [там же, с. 80].

Однако успех Мардохея оказался эфемерным. Персы охладели к евреям, и те радостно приветствовали Александра Македонского, пользуясь тем, что ни царь, ни его эллинские друзья никогда не сталкивались с евреями. Когда же греки и евреи оказались в пределах единой Селевкидской державы, между ними возникла кровопролитная война, закончившаяся победой евреев, основавших в Палестине царство с династией Хасмонеев. Постепенно палестинские евреи и евреи диаспоры стали обособляться друг от друга, «образуя как бы две нации» [57, с. 216]. И судьбы их были различны.

Судьба палестинских евреев была печальна. Они последовательно ссорились с персами, македонянами и римлянами. Последние так расправились с евреями в 70 и 132 гг. н. э., что Палестина обезлюдела и была заселена арабами. Но в крупных городах Римской империи, в греческих колониях – Пантикапее, Горгиппии и Танаисе, в Армении [5, с. 10] и в оазисах

Аравии еврейское население сохранилось. Однако это были уже новые евреи, затронутые пассионарным толчком I в. и, следовательно, ровесники византийцев и славян. Они поддерживали активные связи со своими иранскими единоверцами, пользовавшимися покровительством врагов Рима – парфянских царей. Вследствие этого обе общины до конца V в. непрестанно обменивались идеями и людьми^[42].

А как это было им нужно! Персия была страна бедная, но благоволившая к евреям; Восточная Римская империя была богата, но греки успешно конкурировали с евреями. В те века центр тяжести межэтнических конфликтов был перенесен в область идеологии. Библия была уже переведена на греческий язык и перестала быть тайной. Ее читали усердно, но реакция читателей была различной. Одни вступались за змея, побудившего Еву заполучить познание добра и зла, а того Бога, который хотел оставить людей в невежестве, именовали злым демоном (офиты). Другие объявили материю, а следовательно, весь видимый мир несуществующими, т. е. просто помехами на пути к совершенствованию души, реальность коей утверждалась (гностики). Третьи отрицали преемственность Нового и Ветхого Заветов, считая древнюю еврейскую религию поклонением сатане (Маркион и его школа).

Четвертые – манихеи – рассматривали мир как область борьбы Света и Тьмы, но если христиане признавали мир и жизнь творением Божиим, то манихеи держались обратной точки зрения: мир – это Тьма, пленившая частицы Света (души).

На Западе дуализм не удержался. Язычник Плотин и христианин Ориген создали стройные монистические концепции, овладевшие умами мыслящих людей III в., а последователи гностиков замкнулись в своем пренебрежении к черни, и их идеи перестали влиять на широкие слои римского общества и этносов, его составлявших. В Иране гностическое манихейство натолкнулось на стройную систему зороастризма, где жизнь благословлялась и утверждалась как творение Ормузда, а смерть и уничтожение (аннигиляция материи) считались делом Аримана. Мани заплатил жизнью за последовательность своего учения. Казалось бы, для жизнеотрицающих гностических систем нет места в мире, но оно нашлось.

На рубежах великих суперэтносов – эллинизма и Ирана, Ирана и Турана, Турана и Индии, где ютились небольшие, хотя и самостоятельные княжества арабов, кавказцев, эфталитов, – последователи гностических идей находили приют и безопасность. И евреи, променявшие Палестину на Месопотамию, были в их числе. Стесненные жесткими установлениями официальной религии, они чутко реагировали на развитие мировой творческой мысли и выдавали свои соображения за древние предания – Каббалу, тем самым давая им место рядом с жесткой системой Талмуда. В Каббале были и монистические системы, близкие к неоплатонизму, и дуалистические, унаследованные от ессеев, и тяга к новым идеям, то и дело возникавшим в Иране и Византии. А так как пассионарных людей в вавилонской общине было много, то с III по VI в. она бурлила идеями и принимала активное участие в событиях, имевших значение для нашей темы.

У персов в V – VII вв.

Римляне, даже в период наибольшей военной мощи, не могли захватить Двуречье. Местное население активно помогало парфянам, а потом персам. За проявленную лояльность шахи Ирана благоволили к евреям, позволив им создать колонии в Ктезифоне и Испагани (Исфаган). Аналогичными льготами пользовались несториане Месопотамии и монофизиты Армении за то, что они были противниками православного византийского царя.

Зороастризм, подобно иудаизму, – генотеистическая религия, т. е. все персы должны были следовать учению магов и поклоняться огню, но ни один иноземец к культу не должен быть допущен. Переход персов в христианство карался смертью, что иногда вызывало осложнения, коих не возникало с евреями, которые, так же как и персы, не допускали в свою среду инородцев. Поскольку при таком последовательном подходе ассимиляция исключалась, то в Западном Иране и Месопотамии возникла иудео-сиро-армяно-персидская химера с добавкой из парфянской знати и арабов Бахрейна, почитавших звездных богов и служивших за деньги иранскому шаху. Внутри этой причудливой мозаики мира не было. Вельможи и маги старались ограничить власть шаха, не покушаясь на престол, ибо центральная власть была нужна для защиты от внешних врагов. Шах норовил пресекать самовольство знати, но без кровопролития, так как знать составляла конное войско. Евреи были на стороне короны и со свойственной этому этносу горячностью превысили меру усердия, что им на пользу не пошло.

В 491 г. Иран постигли засуха, связанный с нею недород и налет саранчи. Шах Кавад открыл государственные амбары с зерном, но это не предотвратило народных волнений. И тогда один из вельмож, Маздак, предложил шаху свою концепцию спасения государства. Она была дуалистична, но в ней, в отличие от манихейства, «царство света» наделялось качествами воли и разума, а «царство тьмы» – качеством неразумной стихии. Отсюда вытекало, что существующая в мире несправедливость – следствие неразумности и исправить ее можно средствами разума: введением равенства, уравниванием благ (т. е. конфискацией имущества богатых и разделом его между маздакитами) и... казнями «сторонников зла», т. е. тех, кто был с Маздаком не согласен.

Система подкупала безукоризненной логикой, и шах поддержал Маздака. Но как было отличить сторонников света от защитников мрака? Только по их личному заявлению! И тут пошла в ход ложь^[43]. Маздакиты, взяв власть в свои руки, развернули массовый террор, а шах стал в их руках марионеткой. В 496 г. Кавад бежал от своих министров к эфталитам, вернулся с войском и занял престол, но маздакиты продолжали занимать должности вокруг престола и расправляться с неугодными людьми, как с чужими, так и друг с другом. Только в 529 г. царевич Хосрой собрал войско из людей, обиженных маздакитами, привлек на свою сторону саков и повесил Маздака, а его сторонников закапывал в землю живыми. Ожесточение партий было так велико, что уцелевшим маздакитам пришлось бежать на Кавказ, ибо ни эфталиты на востоке, ни византийцы на западе их не принимали.

Могли ли многочисленные евреи Двуречья и Исфагана остаться равнодушными к событиям, происходившим вокруг них? Конечно, они приняли в них живое участие, но, как всегда, разделились. Ортодоксам-талмудистам маздакиты были омерзительны, вольнодумцам-каббалистам – любезны. Внутри еврейской общины Ирана шла борьба столь же напряженная и даже кровавая, как и в самой великой державе^[54]. Торжество маздакитов грозило евреям-ортодоксам гибелью, и они эмигрировали в Византию. Там их приняли кисло, но это было лучше, чем смерть.

Когда же в 529 г. в Иране пошла расправа с маздакитами, то и примкнувшим к ним евреям пришлось плохо. Экзарх еврейской общины Ирана Мар Зутра, сотрудничавший с маздакитами,

был повешен, так же как и все, кто попал в руки Хосроя Ануширвана, принявшего власть еще при жизни своего отца, Кавада. Уцелевшие маздакиты бежали на Кавказ, чтобы затеряться среди христианского населения Мидии-Антропатены (совр. Азербайджан). Это им удалось, так как христиане относились к огнепоклонникам-персам крайне отрицательно и укрыли беглецов из Ирана.

Связанные с маздакитским движением евреи тоже удрали на Кавказ, но подальше от разъяренных персов. И очутились они на широкой равнине между Терекон и Сулаком, стали пасти там скот, избегая конфликтов с соседями и не слишком строго соблюдая традиционные обряды. Однако они свято праздновали субботу и совершали обряд обрезания^[44].

Вернемся к судьбе евреев-ортодоксов, так как в последующей эпохе главную роль будут играть именно они. Православная церковь Византии в эпоху Великих соборов (V в.) относилась к иудаизму благожелательно. Когда же эмиграция евреев из Ирана усилилась и активизировала византийскую еврейскую общину, то начался период не то чтобы гонений, а государственных ограничений свободы еврейского культа. Эдиктом 546 г. Юстиниан запретил евреям праздновать Пасху и есть в эти дни мацу, если еврейская Пасха приходилась на Страстную неделю. В 553 г. евреям было запрещено «употреблять... устную традицию» [5, с. 76]. Короче, евреев стремились превратить в граждан второго порядка (*inferiores, quasi, infames, turpes*) [там же], что повело к возрождению иранофильских настроений в еврействе Византии. Случай для отплаты за унижение представился им в начале VII в.

В 602 г. солдаты убили императора Маврикия и возвели на престол свирепого тирана Фоку. Шахиншах Хосрой Парвиз начал войну под предлогом мести за погибшего, который был его приемным отцом, фактически же эта война ставила целью изгнание греков из Азии и Египта, т. е. восстановление Ахеменидской империи. Евреи стали на сторону персов. Они вызывали беспорядки в тылу у греков, причем успевали заручиться покровительством греческого начальства и обратить его гнев против восточных христиан – монофизитов и несториан [49, с. 183—185; 40], что было на руку персам, так как симпатии местного населения после карательных экспедиций из Константинополя переходили на их сторону. Таким образом персы продвинулись до берегов Средиземного моря.

Самое страшное произошло в 615 г. в Иерусалиме, где после капитуляции города персы взяли в плен от 62 до 67 тыс. человек [49, с. 20]. Не имея возможности перегнать живой товар через Сирийскую пустыню без больших потерь, персидские воины охотно распродавали рабов и рабынь. «Иудеи же, из-за своей вражды, покупали их по дешевой цене и убивали их» [там же, с. 263], – пишет в 1234 г. Сирийский аноним, т. е. человек, не имеющий личной заинтересованности, а следовательно, и пристрастия. Там же он сообщает, что иудеи «были уведены из Иерусалима», т. е. просто вернулись на родину предков, в Месопотамию. Здесь они уже после заключения мира в 629 г. убедили персидский гарнизон оборонять от греков Эдессу, которая должна была быть возвращена Византии по условиям мирного договора. При этом они обеспечили себе безнаказанность, послав к императору Ираклию парламентаря, который вымолил своим соплеменникам прощение, а персидские воины погибли от рук византийцев [49, с. 270].

Византийское правительство то ли не видело, то ли не хотело видеть реального соотношения сил. Ираклий мечтал о воссоединении монофизитства с православием. Для этого он предложил компромисс – доктрину монофелитства, согласно которой у воплощенного Слова два тела – божественное и человеческое – и одна воля – божественная. Эту доктрину не приняли ни греки, ни сирийцы с египтянами, ни персидские несториане, ни папа. Сторонников это учение обрело только в горах Ливана, но и там их было очень мало, так как горцы Ливана, равно недоброжелательно относившиеся и к грекам, и к сирийцам, были реликтовым этносом.

На этом фоне общего отчуждения Ираклий сохранил свои симпатии к евреям и даже очень их выручил [57, с. 276]. Западные евреи, проникшие на берега Рейна в римскую эпоху, сильно пострадали от вторжений германцев в V в., но на берегах Роны и Гаронны они жили спокойно и богато. Меровинги относились к евреям без симпатии, и в 629 г. король Дагоберт решил изгнать их из своих владений. Но император Ираклий вмешался, и изгнание не состоялось [там же, с. 241—243].

Чем руководствовался Ираклий – непонятно. Может быть, он обратил внимание на то, что в Аравии уже начались кровавые столкновения между еврейскими общинами и сторонниками нового пророка – Мухаммеда, а может быть, были мотивы, нам неизвестные. Однако в любом случае сделка проходила за счет христианских народов Ближнего Востока, причем проиграть могли либо греки, либо персы, а евреи только выигрывали.

Столь откровенная изменническая позиция вызвала озлобление против евреев сирийских и аравийских семитов, почему это трудно назвать антисемитизмом. Результатом была договоренность, достигнутая в 637 г. между епископом Софронием и халифом Омаром. Епископ сдал халифу Иерусалим, с тем «чтобы евреи не жили в Иерусалиме» [49, с. 285], после чего Омар велел построить на месте Соломонова храма мечеть.

С мусульманами иудеи не ладили куда категоричнее, чем с христианами. Первые конфликты произошли еще в Медине, с самим пророком. Побежденные в уличных схватках иудеи покинули Аравию и поселились в Палестине, у Генисаретского озера, поскольку эта страна находилась тогда под властью персов. Потом некоторые из них ушли в Иран вместе с отступавшими персами, страшась возмездия сирийских христиан. Однако к 650 г. те и другие попали под арабское иго. Персы перенесли это довольно легко, так как приняли ислам, но евреям вероотступничество было противно. Они нашли другой выход – шиизм как способ раздробления мусульманской общины^[45].

Некий Абдулла ибн-Сабах – иудей, перешедший в ислам, выдвинул в 653 г. учение, на первый взгляд правомерное, что перед концом света пророк Мухаммед вернется в мир, а пока его должен замещать тот, кто при жизни был его помощником, т. е. Али и его потомки. Здесь таилось зерно не только тогдашнего раздора – претензии Али на престол, но и позднейшего шиизма [45, т. I, с. 332], прививавшегося у персов лучше, чем у арабов. Так была создана идеологическая основа гражданских войн, вызвавших относительно быстрое распадение халифата.

Нет, мы не будем здесь излагать историю многих восстаний и подавлений, убийств и предательств, игры ума и безумия страстей человеческих; жертвами этой войны стали Али (зарезан в 661 г.) и его сын Хуссейн (пал в бою в 680 г.), покинутые друзьями и сподвижниками. Однако те, «раскаявшись», снова восстали и снова были разбиты в 690 г., вслед за чем последовали очередные экзекуции.

Вот тогда и покинули злосчастную Персию евреи. Они прожили в этой стране 1200 лет, пользуясь покровительством законов и сочувственной поддержкой венценосцев. Но когда законы Ирана заменил шариат, а шахов – назначенные эмиры (уполномоченные), евреи вновь обратились к поискам «земли обетованной». Сами они представляли себе эту миграцию так: «И было в лето 4450 (т. е. в 690 г.), и усилилась борьба между исмаильтянами и персами в ту пору, и были поражены персы ими (арабами), и пали они под их ноги, и спаслись бегством многочисленные евреи из страны Парас, как от меча, и двигались они от племени к племени, от государства к другому народу и прибыли в страну Русию и землю Ашкеназ и Швецию и нашли там много евреев...» [5, с. 78—79]^[46].

Этот текст показывает многое. Страна Русия уже была в VII в.; в Германии (Ашкеназ) и Швеции, еще языческой, есть еврейские колонии, а вот Хазарии в списке нет, хотя в 737 г. арабский завоеватель будто бы принудил «персов-огнепоклонников, хазар, поклонявшихся тельцу, и некоторых исполнявших закон Мусы» принять ислам^[47]. На самом деле это было только пожелание Мервана II, оставшееся без последствий. А в 690 г. хазары под предводительством тюркютов по происхождению, принцев царственного рода Ашина, ставших ханами Хазарии, громили Закавказье и удерживали до 693 г. Дербент. Как же евреи могли не заметить такую сильную державу? Только не видя ее!

Значит, путь еврейских эмигрантов из Ирана пролегал не через северокавказские степи, в те годы обгащенные болгарской и аланской кровью, а только через Малую Азию и Черное море к устью Днепра и в Русию, а оттуда – в земли, где уже были колонии западной ветви евреев, оставшихся в Европе после распада Римской империи.

Но если так, то кто в Хазарии «исполнял закон Мусы»? Очевидно, те евреи, которые бежали на Кавказ вместе с маздакитами. Они в 690 г. очень хорошо помнили кровавые столкновения внутри еврейской общины Ирана, с полным на то основанием опасались своих соплеменников и

отказали им в убежище. Зато их потомки в VIII в. поступили по-иному, так как маздакитская трагедия была забыта потомками ее участников.

Итак, сирийские Омейяды оказались врагами обеих ветвей иудеев: маздакитской и ортодоксальной. Первые были союзниками хазар, вторые обрели убежище среди христиан. Такая расстановка сил дает право заключить, что во время сражения за Константинополь в 717—718 гг., когда Лев Исавр сжег арабскую эскадру «греческим огнем» и отбросил изнуренную голодом сухопутную армию от стен столицы, евреи сражались на стороне христиан.

Силы арабов были скованы на всех фронтах. В Испании в 718 г. непокорившиеся христиане образовали королевство Астурию. В Средней Азии тюргеши договорились с Китаем, заключили мир с Тибетом, союзником халифата, и поддержали восстание согдийцев, только что завоеванных, но не смирившихся. Хазары же принудили арабскую армию к отступлению и перенесли военные действия сначала в Азербайджан, потом в Армению (721—722 гг.), им помогли уцелевшие огнепоклонники-персы и поклонники Мусы – евреи. Вождь евреев, носивший тюркское имя Булан (Лось), отличился в этом походе, вследствие чего повел себя самостоятельно: он восстановил еврейские обряды для своего народа^[48].

«Обращения хазар» в иудаизм не было, да и быть не могло, так как в средние века прозелитические религии – христианство и ислам – резко противопоставлялись древним религиям, где к исполнению культа допускались только члены рода, даже в том случае, если род вырос в этнос. Персом-огнепоклонником или индусом – членом высшей касты надо было родиться, но нельзя было стать. Если же возникала необходимость принять в свою среду чужого или приобщить к себе иное племя, то выдумывались фальшивые генеалогии, чтобы оправдать нарушение принципа. Так, шах Иездегерд, решив увеличить конное войско, предложил армянским нахрарам стать зороастрийцами на том основании, что эти знатные люди вели происхождение от парфян – Аршакидов. Когда же те отказались отречься от христианства, дело заглохло.

Иудаизм – это культ народа, «избранного Яхве», и потому редкие новообращенные считались «проказой Израиля». Евреи мирно соседствовали с хазарами, ходили вместе в походы, но молились отдельно, справедливо полагая, что для хороших отношений с соседями нет необходимости делать их похожими на себя или, наоборот, лицемерно подделываться под них. Даже забыв бо?льшую часть сложных предписаний Талмуда, что было неизбежно для пастушеского племени, где юношам негде и некогда учиться даже просто грамоте, потомки евреев-маздакитов не растворялись в среде окружавших их племен Дагестана. Они к этому не стремились, да и те бы их в свою среду не приняли. Заслуга Булана была в другом: он удалил из своей страны идолослужителей и убедил других князей и верховного князя евреев восстановить забытую веру, он соорудил шатер, ковчег, светильник, стол-жертвенник и священные сосуды [3, с. 269], т. е. восстановил еврейские обряды для своего народа. В сочинении Иехуды б. Барзилая, еврейского автора XI в., это сообщение переведено так: «Хазары стали прозелитами и имели царей прозелитов (иудаизма)»^[67]. Однако С. Шишман указывает, что слово *ger* в Библии означает чужеземца, инкорпорированного другим народом и получившего права члена племени, которое его приютило [70, с. 327]. Значение «прозелит» это слово приобрело позже. Судя по общему ходу событий, древнее значение в данном случае предпочтительнее, ибо Булан принял не раввинизм, а караизм [69, с. 68—76].

И пусть не смущает читателя, что евреи, жившие в Хазарии, именуются хазарами. Это обычное для этнонимов обобщение, когда субэтнос на чужбине принимает название этноса. Так, бретонец в России назовет себя французом, а карел во Франции – русским. Для иноземцев хазары – это люди, живущие в Хазарии и подчиняющиеся власти Хазарского каганата. Но для

самых обитателей страны, а равно и для ее исторической судьбы различия на субэтническом уровне заметны. Иногда они не имеют большого значения, но при некоторых обстоятельствах их роль возрастает. Так произошло в Хазарии во второй половине VIII в., когда туда стали приезжать еврей-раввинисты из Византии.

В 723 г. император Лев III Исавр издал указ о насильственном крещении всех евреев, находящихся в пределах Византийской империи ^[49]. Этот указ был издан после победы над арабами и за год до начала борьбы против почитания икон. Зачем ему это понадобилось?

Ответа на этот вопрос в источниках нет, значит, следует искать смысл указа исходя из общей ситуации. Малоазийские христиане, а также монофизиты и несториане были противниками иконопочитания и врагами арабов. Не хотел ли Лев Исавр увеличить число своих сторонников, зачислив иудеев в число христиан, дабы дать им право участвовать в будущей реформе? Это, пожалуй, наиболее вероятное толкование, так как последующие гонения обрушились не на иудеев, оставшихся в своей вере, а на православных. И наоборот, один из чиновников халифа, Иоанн Дамаскин-Мансур, писал обличение иконоборцев под покровительством Омейяда Хишама.

Считается, что этот указ вызвал эмиграцию евреев из Византии в Хазарию, но неизвестно, был ли он приведен в исполнение. Даже если так, то эмиграция шла в Хазарию, в то время союзницу Византии. И поскольку инициативу войны с арабами перехватил Булан, не исключено, что Лев Исавр создал условия для переброски боеспособного этноса на тот участок фронта, где он был необходим. Примерно так поступило византийское правительство с горцами Ливана – мардаитами: их вывели из Сирии и поместили в гарнизонах Малой Азии, чтобы использовать их опыт борьбы с мусульманами.

Реформа Булана имела еще то значение, что она порвала связи с маздакитскими традициями. Идейные связи вольнодумных членов иудейской общины с группой вольнодумных персов оказались призрачными. Как только жизнь поставила иные проблемы, химера распалась. То, что для персов-маздакитов было органической частью сложившегося мироощущения, евреи сбросили как отсохшую шелуху. Впоследствии маздакиты, точнее, хуррамиты пытались блокироваться с христианами-иконоборцами ^[50], ибо в смертельной борьбе (815—837 гг.) с арабами и персами-мусульманами хазарские евреи не помогли своим бывшим соратникам и единомышленникам.

Зато внутриэтнические связи от идейных разногласий не пострадали. Наоборот, эмиграция византийских евреев в Хазарию была облегчена тем, что беглецов встречали единоверцы и помогали им устроиться. А так как евреи-раввинисты VII – VIII вв. были горожане, то они и селились в городах: Итиле, Семендере, Самкерце, Беленджере – и занимались в них торговлей, к чему сами хазары способностей не проявляли.

Разные межэтнические коллизии дают в этнической истории разные результаты. Тюркюты, объединившись с хазарами, повели их к победам и подарили им гегемонию над соседними этносами. Булан, около 718 г. принявший имя Сабриэль, в 737 г. был наголову разбит последним великим Омейядом – Мерваном, который взял с хазар обещание принять веру ислама. Хазары, конечно, обещания не сдержали, тем более что уже в 750 г. Мерван был разбит Аббасидами и погиб. В Хазарии все осталось по-прежнему, за исключением того, что столицу перенесли с Терека, из Семендера, подальше от арабов, на Волгу, в Итиль. Издавна хазары жили в низовьях Волги, в дельте и пойме ее. Они занимались не столько скотоводством, сколько виноградарством и рыбной ловлей. Прекрасные голубые протоки среди зеленых лугов и густых зарослей кормили многочисленное население и столицу Итиль, расположенную на острове, образуемом Волгой и ее восточным протоком Ахтубой. Имея роскошную экономическую базу, хазары господствовали над редким населением сухих степей, окружавших их оазис, простиравшийся в то время почти до полуострова Бузачи. Это были «прикаспийские

Нидерланды», причем сходство дополнялось тем, что Итиль стал перевалочным пунктом на двух караванных путях: из Ирана в Биармию, или Великую Пермь, и из Китая в Прованс.

В IX – X вв. в Итиле жили и играли главную роль евреи, но когда они туда попали? Очевидно, надо проследить историю Византии дальше.

Следующее свидетельство о разрыве между Византией и еврейской диаспорой недвусмысленно, а дата его примечательна, так как на фоне мировой истории оно наиболее весомо: «Владелец Константинополя во время Харуна ар-Рашида (786—809) изгнал из своих владений всех живущих там евреев, которые вследствие сего отправились в страну хазар, где они нашли людей разумных, но погруженных в заблуждение (язычников. – Л. Г.); посему евреи предложили им свою религию, которую хазары нашли лучшей, чем их прежняя, и приняли ее». Этот текст, во-первых, подтверждает нашу догадку, что императоры-иконоборцы гонений на евреев не осуществляли, иначе было бы некого изгонять, а во-вторых, что эти гонения совпали с Седьмым Вселенским собором (787) и последующим преобладанием греков над малоазиатами и примыкавшими к последним евреями. Согласно логике событий, именно в последние годы VIII в. у греков появился смысл в том, чтобы стремиться избавиться от евреев, так как антипатия последних к арабам сменилась симпатией после того, как престол халифа перешел от Омейядов к Аббасидам, окруженным персидскими советниками и возобновившим традиции политики Сасанидского Ирана.

В истории повторение политической ситуации чаще всего влечет за собой восстановление расстановки сил, хотя буквальных совпадений не бывает никогда. За 250 лет самостоятельного существования Хазария выросла настолько, что из крошечного удела западнотюркютских царевичей превратилась в сильную державу, выигравшую войну у Арабского халифата. И тут-то сплелись судьбы еврейского и хазарского этносов.

Рахдониты

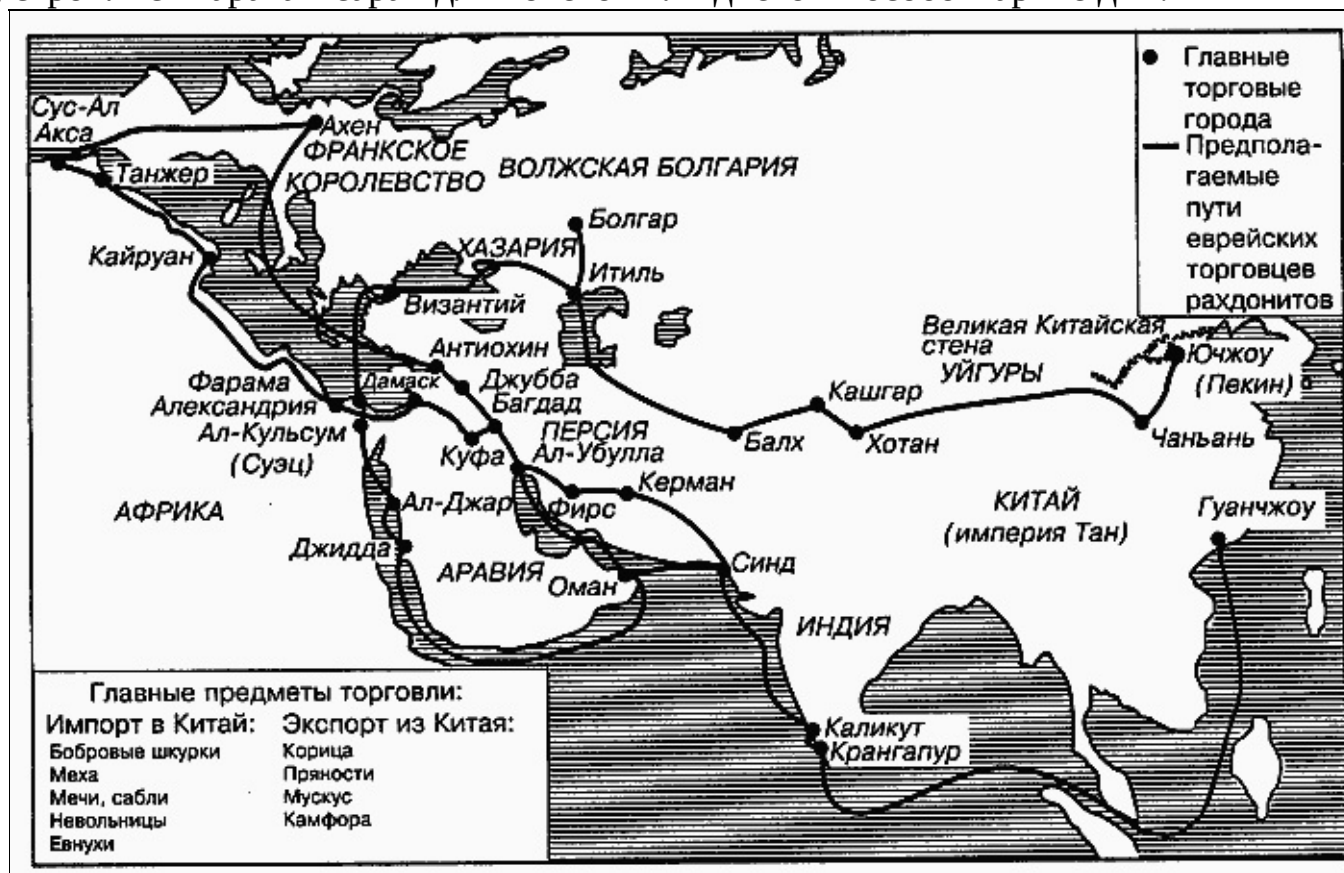
В середине VIII в. на всем пространстве Евразийского континента произошедшие события изменили мир таким образом, который никто не мог бы предугадать. Деморализованная франкская держава была зажата в стальной обруч Карлом Мартеллом, сын которого Пипин Короткий лишил престола «ленивых королей» династии Меровингов в 751 г.

В этом же году арабы встретились с китайцами в долине реки Талас и разбили их наголову. Две другие китайские армии: одна в Маньчжурии, другая в Юньнани – были разбиты ополчениями местных племен, и мечта о гегемонии Китая над Азией, бывшая руководящей идеей политики империи Тан, испарилась.

За шесть лет перед этим, в 745 г., пал второй Тюркютский каганат, и его богатыри погибли в боях или были убиты во время бегства. На его месте возник Уйгурский каганат, отнюдь не агрессивный и открытый культурным влияниям Ирана, но не Китая.

Но самым большим сдвигом было воцарение Аббасидов в Багдаде и начавшийся развал халифата, ибо это открыло дороги с Запада на Восток тем предприимчивым купцам, которые эти дороги изучали. Дорога по-персидски – *rah*; корень глагола «знать» – *don*; знающие дороги – рахдониты. Так называли еврейских купцов, захвативших в свои руки монополию караванной торговли между Китаем и Европой.

Торговля была баснословно выгодна, потому что торговали не товарами широкого потребления, нужными для населения, а предметами роскоши. В переводе на понятия XX в. эта торговля соответствовала валютным операциям и перепродаже наркотиков. Только подобные сверхприбыли покрывали расходы на перевозку и содержание в порядке трассы, на которой сооружались купола над источниками и прудами, ставились вешки, указывающие направление дороги, строились караван-сарай для ночевки или дневок в особо жаркие дни.

Торговые пути еврейских купцов, 800—900 гг. (М. Гильберт. Атлас по истории еврейского народа. Иерусалим, 1990)

От Красного моря до Китая было около 200 дневных переходов, а вокруг северного берега Каспия еще больше. Но и северным путем пользовались, так как в Аббасидском халифате восстания были делом заурядным, а хазары строго следили за безопасностью на степных дорогах. Поэтому значение Итиля как перевалочного пункта на долгом пути росло. Отдыхать на Волге было не только удобно, но и приятно.

То, что путешествующие евреи VIII в. названы персидским словом «рахдониты», показывает, что основу этой торговой компании составили выходцы из вавилонской, т. е. иранской общины, бежавшие от халифа Абд ал-Мелика в 690 г. В 723 г. к ним добавились евреи из Византии, но до тех пор, пока на границах Согда и Халифата, Китая и Тюркютского каганата шли постоянные войны, торговля встречала препятствия. Когда же эти войны прекратились, а Китай после восстания Ань Лушаня (756—763) лежал в развалинах и продавал шелк дешево, евреи-рахдониты развернулись. Они основали не только восточный путь, по которому шел шелк в обмен на золото, но и северный – из Ирана на Каму, по которому текли меха в обмен на серебро. Хазария лежала как раз на перекрестке этих путей. Сюда и устремились эмигранты из Ирана и Византии.

Тюркютские ханы из династии Ашина по свойственной степнякам религиозной терпимости и благодущию считали, что их держава приобретает работающих и интеллигентных подданных, которых легко использовать для дипломатических и экономических поручений. Богатые евреи подносили хазарским ханам и бекам роскошные подарки, а красавицы еврейки пополнили ханские гаремы. Так сложилась еврейско-хазарская химера.

Для евреев-рахдонитов было, вероятно, досадно лишь то, что попытка Булана добиться гегемонии в политической жизни Хазарии разбилась об арабское мужество, и военная власть осталась в руках тюрко-хазарской знати, ладить с которой было не всегда легко.

Описанный процесс занял вторую половину VIII в. За это время хазары перенесли военные действия против арабов в Закавказье и в отместку за разрушение Семендера и Беленджера опустошили Азербайджан. Об участии в этих операциях евреев, как старых, соратников Булана, так и новых – рахдонитов, сведений нет.

Не преуспев в военном деле, хазарские евреи наверстали потери любовью. В конце VIII в. между Терекон и Волгой появилось множество детей от смешанных еврейско-хазарских браков. Однако судьба их была различна в зависимости от того, кто был отцом ребенка, а кто матерью. И вот почему.

Все евразийские племена считали ребенка членом рода отца. Законнорожденный ребенок имел долю в родовом имуществе, право на защиту, взаимопомощь и участие в родовых культах. Род был элементом этноса и культуры; следовательно, членство в роде определяло этническую принадлежность; происхождение матери в расчет не принималось.

У евреев этническая принадлежность совпадала с принадлежностью к общине. Право быть членом общины, а следовательно евреем, определялось происхождением от еврейки. Во II в. до н. э. это правило дало возможность включить в состав евреев родственные семитские племена, например идумеев, амалекитян, моавитян, но в средние века оно вело к изоляции еврейских этносов, особенно в странах Европы и Евразии, где браки с еврейками возбранялись христианской и мусульманской религиями. В Хазарии таких ограничений не было.

Получалось, что сын хазарина и еврейки имел все права отца и возможности матери. Т. е. его обучали еврейские раввины, община помогала ему делать карьеру или участвовать в

торговле, род отца защищал его от врагов и страховал в случае несчастий от бедности. А сын еврея и хазарки был всем чужой. Он не имел прав на наследование доли отца в родовом имуществе, не мог обучаться Талмуду в духовной еврейской школе, не получал поддержки ни у кого, кроме своих родителей, да и та была ограничена родовыми обычаями и религиозными, еврейскими законами. Этим беднякам не было места в жизни. Поэтому они ютились на окраине Хазарии – в Крыму и исповедовали караизм, не требовавший изучения Талмуда, а читать Пятикнижие их могли научить любящие, но бессильные против велений закона отцы. Их потомки составили крошечный этнос крымских караимов, антропологические черты коих совмещают тюркский и ближневосточный типы [1, с. 184—285; ср. поправку интерпретации: 26]. Симпатии их были обращены к аборигенам: хазарам, болгарам, готам, аланам, а не к их двоюродным братьям, делавшим в богатом Итиле «карьеру и фортуна».

Иудейская община в Итиле не только накопила огромные богатства, но и включила в свой состав ханов тюркской династии Ашина. Тюрки сохранили обычай многоженства, женились на прекрасных еврейках, а дети их, оставаясь царевичами, становились членами иудейской общины. Они изучали Тору и Талмуд, общались с родственниками своих матерей и женились по их совету на соплеменницах из числа богатых невест. Так постепенно произошло разделение хазарской знати и народа, тихо жившего в роскошном оазисе дельты Волги, не принимая участия в делах государства, которые перестали его касаться. Но оставалась старая племенная аристократия; с ней дело обстояло сложнее. Решение проблемы пришло только в IX в.

Можно было бы отметить, что для персистентного этноса хазар тюркские беки и тарханы были столь же чужды, как и иудейские купцы. Действительно, хазары получили от династии Ашина только одно благо – защиту от внешних врагов и безопасность, а это быстро забывается, так как становится привычным. Поэтому социальный момент – нелюбовь народа к аристократии, даже не своей, а пришедшей, имела место в хазарском обществе. Евреи же были вне этого антагонизма, потому что они жили замкнутыми колониями и с местными жителями общались мало.

Однако характер тюрко-хазарских и иудео-хазарских взаимоотношений был диаметрально противоположен. Тюрки награждали хазарок детьми, которые вырастали хазарами с повышенной пассионарностью. Евреи извлекали из хазарского этноса детей, либо как полноценных евреев (мать еврейка), либо как бастардов (отец еврей), чем оскудняли этническую систему, а тем самым вели ее к упрощению. При непосредственном наблюдении казалось, что здесь просто цепь случайностей, но на самом деле это был направленный процесс, который за 80 лет (считая от Булана) дал весьма ощутимые результаты: в стране появилась популяция людей, говоривших по-хазарски, имевших родственников из числа хазар и тюрков, адаптированных в ландшафте, но не бывших хазарами по этносу и культуре. Для иностранцев, писавших о Хазарии по внешним беглым впечатлениям, казалось, что эти люди – хазары иудейского вероисповедания, но ни евреи, ни настоящие хазары не заблуждались ни на минуту. Если в отношении хазар доказательства не требуются, то средневековые евреи зафиксировали, что считают своих хазарских единоверцев потомками колена Симонова и полуколена Манасиева, обитающими «в стране Козраим, далеко от Иерусалима... Они бесчисленны и забирают они дань от 25 государств, и со стороны исмаильтян платят им дань по причине внушаемого ими страха и храбрости их» [5, с. 84].

Приведенный текст характеризует ситуацию не VIII в., а IX – X вв., причем весьма точно. В первое десятилетие IX в. произошли события, когда сочетание двух суперэтносов преобразило зону этнического контакта в социально-культурную, а не только этническую химеру.

И грянул гром...

В то десятилетие, когда патриций Никифор взошел на престол в Константинополе (31. X. 802), а халиф Харун ар-Рашид казнил своих лучших помощников и верных друзей – Бармекидов (27. I. 803), в Хазарском каганате некий влиятельный иудей Обадия взял власть в свои руки, превратил хана из династии Ашина (по отцу) в марионетку и сделал раввинистский иудаизм государственной религией Хазарии.

Обстоятельства, при которых произошел этот не столь религиозный, сколь государственный переворот, прикрытый множеством легенд^[51], которые все без исключения представляются вымышленными с одной целью – утаить от народа и истории истинное положение дел. Неизвестно даже, кем был Обадия. Видимо, он не принадлежал к числу местных евреев, потомков соратников Маздака, безграмотных и храбрых воинов – караимов, вроде Булана. Об Обадии сказано: «Он был человек праведный и справедливый. Он поправил (обновил) царство и укрепил собрания (синагоги) и дома ученых (школы) и собрал множество мудрецов израильских, дав им много серебра и золота, и они объяснили ему 24 книги (Священного Писания) Мишну, Талмуд и весь порядок молитв, принятых у хаззанов. Он боялся Бога и любил закон и заповеди» [38, с. 80, 97]. Уже из этого одного видно, что Обадия не был ни караимом, ни хазарином^[52].

Нет, эта характеристика показывает, что Обадия был человек интеллигентный и имевший связи в еврейской диаспоре. Для «мудрецов израильских» он не пожалел хазарского «серебра и золота», чтобы только эти мудрецы согласились пожаловать в Итиль. А если сопоставить с этим фактом общеизвестное обстоятельство, что для политического переворота нужны деньги и организация, то видно, с какими кругами был связан Обадия. От смены власти выиграли не хазары и не хазарские евреи, а приезжие иудеи и еврейская община в целом. А коль скоро так, то, значит, они и организовали переворот, сохранив при этом легитимный принцип. Законный хан из рода Ашина стал иудеем, т. е. принял веру своей матери и был принят в общину. Все государственные должности были распределены между евреями, причем сам Обадия принял титул «пех» (бек), переведенное на арабский язык как «малик», т. е. царь. Это значит, что он возглавил правительство при номинальном хане (кагане), находившемся с этого времени под стражей и выпускаемом напоказ народу раз в год. А для народа хазарского значение переворота определил царь Иосиф, глава иудейской общины Итиля, написав: «И с того дня, как наши предки вступили под покров Шехины (присутствие божества)^[53], он подчинил нам всех наших врагов и ниспроверг все народы и племена, жившие вокруг нас, так что никто до настоящего дня (около 960 г. – Л. Г.) не устоял перед нами. Все они служат и платят нам дань – цари Эдома (язычники) и цари исмаильтян (мусульмане)» [38, с. 80, 97]. Да, дело было выгодное.

А теперь отвлекусь на минуту от описания хода истории, чтобы попытаться понять ее смысл. Переворот Обадии – явление отнюдь не заурядное, более того – исключительное. Оно не укладывается в обычную закономерность этногенеза, ни тюрко-хазарского, ни еврейского. Тюрко-хазары находились в конце инерционной фазы хунно-сяньбийского степного суперэтнуса, вобравшего в себя угров, хионитов, динлинов, куманов и выработавшего определенный стереотип поведения и мировоззрение, т. е. культуру. Евреи были моложе. Они только что миновали фазу надлома и раскола этнического «поля». Будучи ровесниками византийцев и славяно-русов, евреи отличались от них тем, что освоили не природный, а антропогенный ландшафт – города от Чанъани до Тулузы и караванные пути. Неизбежная взаимосвязь ландшафта с этносом чуть-чуть деформировалась, и этого оказалось достаточно, чтобы этническая система превратилась в жесткую, точнее – полужесткую. Это означало, что этнос превратился в общественный слой, без чего были бы немыслимы и переворот Обадии, и

последующее процветание Иудео-Хазарии.

Однако жесткие системы автоматически исключаются из природного саморазвития. Их активность растет за счет постоянных встреч с окружением, и она даже больше, чем у природных этносов, но «возраста» такие системы не имеют. Поэтому появление их среди природных (натуральных) этногенезов деформирует или, точнее, искажает обычный ход этногенезов региона, т. е. создает «зигзаги», не предусмотренные ни природой, ни наукой. Но это делает проблему заслуживающей особого внимания.

Не следует полагать, что созидание химер – явление исключительное и что евреи здесь сыграли уникальную роль. Нет, аналогичные последствия возникают всюду, где возникают неорганичные контакты на суперэтническом уровне. Так, в III в. до н. э. потомки диадохов и эпигонов осели в городах Бактрии и Сирии, а наследники героев Турана – парфяне – стали господствующим классом в растерзанном Иране.

И македонские династии – Птолемеи и Селевкиды, и парфянские шахи – Аршакиды – в течение трех веков оставались для своих подданных чужаками. Антипатия к македонянам затем распространилась на римлян. Поэтому до пассионарного взрыва I – II вв. население Сирии и Египта было этнической химерой. Можно было бы привести еще несколько столь же ярких примеров, но некогда... Нам надо вернуться на Нижнюю Волгу.

Обращать в иудаизм население Хазарии никто и не собирался. Иудейские мудрецы хранили Завет Иеговы для избранного народа, которому теперь достались все накопленные блага, связанные с руководящими должностями.

Переворот, жертвой которого стала родовая аристократия всех этносов, входивших в Хазарский каганат и уживавшихся с тюркской династией, вызвал гражданскую войну, где на стороне повстанцев выступили мадьяры, а на стороне иудеев – нанятые за деньги печенеги. Сведения об этой войне между народом и правительством содержатся у Константина Багрянородного: «Когда у них произошло отделение от их власти и возгорелась междоусобная война, первая власть одержала верх, и одни из них (восставших) были перебиты, другие убежали и поселились с турками (здесь – венграми. – Л. Г.) в (нынешней) печенежской земле (в низовьях Днепра. – Л. Г.), заключили взаимную дружбу и получили название кабаров»^[54].

Эта война была беспощадной, так как, согласно вавилонскому Талмуду, «неиудей, делающий зло иудею, причиняет его самому Господу и, совершая таким образом оскорбление Величества, заслуживает смерти» (из трактата «Санхедрин», без указания листа и колонки).

Для раннего средневековья тотальная война была непривычным новшеством. Полагалось, сломив сопротивление противника, обложить побежденных налогом и повинностями, часто военной службой во вспомогательных частях. Но поголовное истребление всех людей, находившихся по ту сторону фронта, было отголоском глубокой древности. Например, при завоевании Ханаана Иисусом Навином запрещалось брать в плен женщин и детей и оставлять им тем самым жизнь. Даже предписывалось убивать домашних животных, принадлежавших противнику. Обадия возродил забытую древность.

После этой войны, начало и конец которой не поддаются точной датировке, Хазария изменила свой облик. Из системной целостности она превратилась в противоестественное сочетание аморфной массы подданных с господствующим классом, чуждым народу по крови и религии. Называть сложившуюся ситуацию феодализмом нет оснований. Да и может ли этносоциальная химера принадлежать к какой-либо формации? А то, что Обадия выступал как представитель хазарского правительства, отнюдь не говорит о том, что его волновала судьба народа и государства. Просто он использовал право на дезинформацию, что, впрочем, предписывалось его религией, по отношению к которой он был честен.

Иудеям, видимо, весьма помог принцип легитимизма. Их власть названа «первой», а следовательно, она считалась законной, как в случае с Маздаком. Так или иначе в 20-х гг. IX в. новый порядок в Хазарии одержал полную победу, с небольшими утратами территорий, подчинявшихся языческим каганам.

Крымская Готия – православная страна – отпала от Хазарии и присоединилась к Византии. Сильно пострадали хазарские мусульмане, которым не мог подать помощи багдадский халиф, так как его силы были скованы восстанием Бабека, т. е. хуррамитов, последних маздакитов. Хазарские иудеи покинули своих былых союзников в беде, но благодаря этому установили дипломатический контакт с Багдадским халифатом, чем обеспечили себе сверхвыгодную торговлю на берегах Каспийского моря.

Решающее слово в этой беспощадной войне должно было сказать собственно хазарское население долин Терека, Дона и Волжской дельты, но оно промолчало. Инертность персистентного этноса обрекла на гибель его беков, тарханов и эльтеберов и на поражение – его союзников – мадьяр, бежавших за Днепр, в страну Леведию [3, с. 341]. Там, по соседству с другим каганатом, языческим и могучим, беглецы обрели некоторую безопасность. Зато иудеи

построили в 834 г. крепость Саркел для защиты от западных врагов, которыми были не только степные мадьяры, но и Русский каганат в Киеве [\[27\]](#) . Гарнизон крепости состоял из печенегов или, может быть, гузов [3, с. 328].

Пассивность хазар спасла их от жестоких экзекуций, но больно отозвалась на судьбе их детей и внуков. В VIII в. ханы Ашина руководствовались в политике, внешней и внутренней, интересами своих подданных. Еврейские цари таких целей себе не ставили. Они подавляли внутренних врагов иудаизма, а не Хазарии. Ликвидировав церковную организацию хазарских христиан, они запретили ее восстанавливать. В 854 г. хазары-мусульмане были вынуждены эмигрировать в Закавказье [там же, с. 329].

Увеличение числа подданных, плательщиков дани, было в интересах нового правительства. Поэтому во второй половине IX в. западной границей Хазарии стал Днепр. Славянские племена – северяне, вятичи и радимичи – стали хазарскими данниками; тиверцы и уличи, обитавшие в низовьях Буга и Днестра до устьев Дуная, видимо, были союзниками хазарского царя в непрекращавшейся войне с мадьярами; это видно из того, что, по летописи, Олег без боя подчинил себе северян и радимичей в 884—885 гг., а «с уличами и тиверцами воевал». А коль скоро так, то естественными союзниками уличей были хазары, как враги киевского князя. Но поляне, вопреки прямому показанию летописца, в IX в. дани хазарскому царю не платили [\[27\]](#) . В Киеве сидели русские каганы Дир и Аскольд, прямые потомки Кия, а вовсе не сбежавшие от Рюрика конунги [8, с. 172]. В этом случае, как и в большинстве других случаев, данные исторического анализа предпочтительнее сведений из аутентичного источника.

Химера на Волге

Если Хазарию VIII в. можно было назвать этнической химерой, то в IX – X вв. она превратилась в химеру социально-политическую. Христиане не принимали участия в гражданской войне, избегали расправы и продолжали пользоваться покровительством заморских единоверцев. Но язычникам-аборигенам не на кого было надеяться. Они, правда, умели ходить в походы под чужими знаменами, но новым правителям их помощь была не нужна.

Боевую силу хазарские иудеи нанимали. Сначала они использовали печенегов против мадьяр, но во второй половине IX в. поссорились с ними и заключили союз с гузами. Около 889 г. гузы потеснили печенегов, и те передвинулись на берега Днепра, где продолжили войну с мадьярами, не забывая хазар. В 915 г. печенеги впервые появились на границе Руси, но об этом речь впереди. Гузы тоже недолго оставались в дружбе с хазарскими иудеями, и тем пришлось искать очередной источник военной силы. Он нашелся на юго-восточном берегу Каспия. Тамошние мусульмане охотно нанимались на службу в Хазарию, оговорив только, что их не пошлют воевать против мусульман. Постоянный корпус наемной гвардии в Итиле в X в. состоял из 7 тыс. воинов [44, с. 194]. Этого было довольно для удержания в покорности и окраин каганата, и собственного народа, и даже для внешних войн малого масштаба. Завоевательных войн в Закавказье иудейская Хазария в IX в. не вела, но, несмотря на это, описанная здесь система управления стоила дорого, куда дороже, чем тюркская. И за все приходилось платить самим хазарам, превратившимся в собственной стране в покоренных бесправных подданных правительства, чуждого им этнически, чуждого по религии и задачам.

Можно было бы возразить, что бюджет Хазарского каганата неизвестен. Так-то оно так, но известен бюджет Багдадского халифата, где в 869 г. на годовое жалованье и рационы 70 тыс. наемных тюрок и берберов [45, т. II, с. 213] шло 2 млн золотых динариев, что равнялось двухлетней сумме хараджа^[55] [там же, с. 216]. Таковы были цены на воинов в IX в., а Хазария была меньше и беднее халифата.

Платя воинам большое жалованье, хазарское правительство предъявляло им оригинальное требование: войскам запрещалось терпеть поражение. Невыполнение боевого задания, т. е. бегство от противника, каралось смертью. Исключение делалось только для предводителя и его заместителя, которые были не наемники, а иудеи. Но зато подлежали конфискации их имущество, жены и дети, которых у них на глазах царь раздаривал своим приближенным. Если же у них не было смягчающих обстоятельств, то их тоже казнили [37, с. 147].

Очевидно, что воины, особенно рядовые, далеко не всегда могут быть виноваты в неудаче операции. Поэтому лишать их возможности доказать свою невиновность – несправедливо. Но если подойти к делу по-иному, то появится жесткая логика: воины не свои, им платят, и за эти деньги они предоставляют хозяевам свою жизнь; следовательно, хозяин может распорядиться проданной жизнью как купленной вещью, а поскольку предложение превышало спрос, то практичнее было использовать «покупку» до предела, с максимальной выгодой для себя. Значит, мусульманские наемники рассматривались не как люди, точнее, не как личности, а только как капиталовложение, которое должно было принести прибыль. С точки зрения евразийских кочевников, славян, византийцев, арабов и даже германцев, такое отношение было недопустимо даже к боевым лошадям и охотничьим собакам. Тем не менее охотники зарабатывать находились, и иногда «хазарская» армия увеличивалась до 12 тыс. всадников. Ясно, что средства на оплату воинов правительство Хазарии получало не с рахдонитов, ехавших из Китая в Испанию и из Ирана в Великую Пермь. При увеличении пошлин купцы сменили бы маршруты караванов. Следовательно, расходы покрывались данью с «Эдома и исмаильтян», т. е. хазары оплачивали

свое закабаление сами. Именно потому, что транзитная торговля была смыслом жизни для еврейской общины в Хазарии, а в соответствии с этим принципом мусульманские купцы и сопровождавшие их географы встречали в Итиле исключительно вежливое обращение, возникло одностороннее суждение, сформулированное в юношеской работе В. В. Григорьева: «Необыкновенным явлением в средние века был народ хазарский. Окруженный племенами дикими и кочующими, он имел все преимущества стран образованных: устроенное правление, обширную, цветущую торговлю и постоянное войско. Когда безначалие, фанатизм и глубокое невежество оспаривали друг у друга владычество над Западной Европой, держава хазарская славилась правосудием и веротерпимостью, и гонимые за веру стекались в нее отовсюду. Как яркий пример блистала она на мрачном горизонте Европы и погасла, не оставив никаких следов своего существования» [13, с. 66].

В самом деле, город Итиль поражал путешественников своими размерами. Расположенный на обоих берегах Ахтубы, Итиль раскинулся на 8—10 км вдоль левого берега и на прекрасном зеленом острове в пойме, где помещался дворец царя. Иудейское население города исчислялось в 4 тыс. мужей, а кроме того, там были хазары, исповедовавшие иудаизм, очевидно дети от смешанных браков. Прочие хазары были христианами, мусульманами или исповедовали веру отцов [31, с. 140—143].

Синагоги, мечети, церкви, огромные базары, полные дешевой баранины, разнообразной рыбы, прекрасных арбузов, детей обоих полов, продаваемых в рабство, корабли, спускающиеся по Волге, и караваны, подходящие к городу с востока и запада,— все это производило сильное впечатление на очевидцев, а их описания умиляли историков XIX в.

И тем не менее Истахри и Ибн-Хаукаль сообщают: «Хазары не производят ничего и не вывозят ничего, кроме рыбьего клея» [там же, с. 141], но для народа такая торговля приносила мало дохода из-за поразительной дешевизны рыбы. Тяжелый труд хазарских рыбаков оплачивался минимально.

Веротерпимость Хазарского каганата была вынужденной, ибо обеспечивала доходы от транзитной торговли. Но как только кто-либо задевал интересы зарубежных иудейских общин, хазарский царь (не каган) отвечал репрессиями. В 922—923 гг. мусульмане разрушили синагогу в городе Дар-ал-Бабунадж^[56]. За это хазарский царь разрушил минарет в Итиле и казнил ни в чем не повинных муэдзинов, заявив: «Если бы я не боялся, что в странах ислама не останется ни одной неразрушенной синагоги, я обязательно разрушил бы и мечеть» [там же].

Но мусульманские купцы покупали у него рабов – печенежских и славянских юношей, платили ему пошлины, переплачивали за продукты на базаре и служили посредниками при найме свирепых и хорошо обученных всадников и стрелков. Мир с ними был доходнее войны, даже победоносной.

Среди восторженных отзывов современников о хазарских порядках есть и охлаждающие пыл восторга. Хазары в апреле выезжали на свои поля и бахчи, а осенью привозили урожай в Итиль для уплаты налогов на содержание кагана, а следовательно, и его приближенных. Для них же ловили в Волге красную рыбу «вкуснее мяса жирного ягненка и мяса курицы». Перед начальниками хазары были обязаны падать ниц, а самое печальное, что дети хазар-идолопоклонников продавались на невольничьих базарах в странах ислама, причем ни иудеи, ни христиане не продавали в рабство своих единоверцев [31, с. 148]. Видимо, местное население Хазарии, лишённое даже той организации, которую дает конфессиональная община, было полностью беззащитно перед грозными сборщиками налогов, чужими по крови и религии.

Вот откуда добывались средства для оплаты хорезмийских и гурганских воинов, державших в подчинении тех, кто их кормил. А жили они в гостеприимном Итиле вместе с женами и детьми [там же, с. 156].

Кроме мусульманской гвардии, номинально охранявшей кагана, царь-иудей имел 4 тыс. мужей [там же, с.164] в своей свите. У тех были тоже жены и дети, которые рыбу не ловили и на полях, раскаленных летним солнцем, не работали.

Б. Н. Заходер считает, что «эксплуатируемое хазарское население находилось в значительно более тяжелом положении, чем крестьянство на мусульманском Востоке» [там же, с. 144]. К тому же мусульманские крестьяне частыми возмущениями умеряли произвол чиновников, а в Хазарии не было ни одного мятежа! И отнюдь не потому, что хазары были так счастливы.

Хазар нельзя винить, так как их положение было не только тяжелым, но и безнадежным. Любое восстание их против правительства, располагавшего регулярной армией, было обречено. В протоках и зарослях дельты легко было прятаться от чужих, но не от своих, знающих расположение деревень и рыбных угодий. Потенциальные вожди хазар либо погибли в войне с Обадией, либо бежали к венграм. Как памятник безжалостной расправы правительства с собственными подданными стоят развалины хазарского замка на правом берегу Дона у станицы Цимлянской. Этот замок, по мнению первооткрывателя, был уничтожен за то, что его владелец принял участие в борьбе против иудаизации Хазарии [50, с. 63]. Репрессии итильского правительства против мятежников были в первой половине IX в. столь радикальны, что соотношение сил пришедшего правительства и побежденного народа стало очевидным для тех и других.

Эта ситуация укрылась от поверхностных взоров арабских путешественников тем более легко, что дети от смешанных еврейско-хазарских браков и даже сами евреи в X в. стали называть себя хазарами. Потому-то арабские географы различали «черных» и «белых» хазар как два разных этноса, живущих совместно в одном государстве (см. выше). Поэтому-то и нужно ввести два термина: «иудео-хазары» и «тюрко-хазары».

Забегая вперед, скажем, что в XI в. потомки тюрко-хазар (аборигенов) отказались от своего этнического имени и стали называть себя сначала по-славянски *бродниками*, а потом по-тюркски *казаками*. Тогда этноним «хазар» сохранился за потомками евреев, но лишь до конца XI в., когда этнос исчез с исторической сцены.

Обычно памятники переживают людей. Однако от хазар-язычников остались лишь бедные погребения в дельте Волги, а от хазар-христиан и мусульман не осталось ничего. Это странно!

А где же искусство?

В самом деле, почему ничего не осталось от хазар, тогда как хуннские курганы полны шедевров ^[52], тюркские и половецкие «каменные бабы» обнаружены в огромном числе, уйгурские фрески украшают галереи Эрмитажа и Берлинского музея, и даже от древних угров сохранились барельефы с изображениями воинов и пленников? ^[57] Хазарские сосуды лишены орнамента ^[19], обнаруженные крепости хазарского времени построены небрежно [7, с. 12—13], а изображений людей вообще нет. Закономерно это или просто археологические поиски были неудачны?

Нет, археологи работали добросовестно. Но предметов изобразительного искусства из стойких материалов в Хазарии IX – X вв. не было, да и быть не могло, хотя хазары по способностям отнюдь не уступали своим степным и горным соседям. Ведь производить памятники культуры можно лишь тогда, когда есть заказчик, способный оплатить работу художника. В Хазарии могло платить правительство, а оно состояло из людей, принципиально отрицавших изобразительное искусство.

Древние евреи, современники Моисея, ценили изобразительное искусство не менее своих соседей. Они отливали золотого тельца (Аписа) или медного змея как образ божества, которому они хотели молиться. Моисей их жестоко карал за это, ибо на горе Синай ему было сказано: «Не делай богов литых» (Исход 34, 17). Его последователи поступали так же и наконец отучили иудеев изображать что-либо. Искусство у них сохранилось, ибо скинию, а потом храм надо было украшать, но оно стало беспредметным, перейдя к символам и геометрическим орнаментам. Короче говоря, древнее еврейское искусство стало прообразом абстракционизма.

Абстрактное искусство даже у самих евреев прививалось туго. Они нет-нет да и изображали Ваалов и Астарт и норовили поклоняться понятным и красивым образам божества. Но к началу новой эры вкус их установился. Любые картины и статуи их шокировали. Поэтому они своих художников не имели, а если те появлялись, то занимались только каллиграфией.

Хазары по простоте душевной абстрактного искусства не понимали, и интересоваться сложными проблемами абстракционизма в описанном выше положении у них не было ни возможности, ни желания. Собственное же искусство не могло найти покупателя, потому что хазары были бедны, а для украшения требуется некоторое изобилие. Могильных памятников они не ставили; они просто клали покойников на вершины бэровских бугров, где их присыпала степная пыль; культ они совершали в священных рощах, а не в храмах ^[58]. А те хазары, которые приняли христианство или ислам, были вынуждены молиться в таких же халупах, в каких они жили. Правда, в Итиле была каменная мечеть, но она предназначалась для иностранцев. Когда же византийский инженер Петрона Каматир, строя в 834 г. крепость Саркел, хотел возвести там каменную церковь для донских хазар, то это не было ему дозволено. Привезенные им каменные колонны и капители были брошены в степи, где их нашел М. И. Артамонов в 1935 г.

Но ведь тогда должны были строиться синагоги, хотя бы в крупных поселениях. Да, конечно! Почему они не сохранились, читатель поймет, когда перевернет еще несколько страниц.

Итак, примененная нами методика широкого территориального охвата оправдала себя. Пока исследовали только сам предмет – Хазарию, можно было строить любые гипотезы, чтобы объяснить отсутствие памятников. Но когда в синхроничном обозрении обозначились границы «белого пятна», то резонно отпали предположения о дикости хазар и об их процветании, хотя последний вывод сделал на основании многих восточных источников блестящий востоковед В.

В. Григорьев [\[13\]](#) .

В. В. Григорьев работал на уровне своего времени: он изучал источники, т. е. словеса, а не деяния, имеющие свою внутреннюю логику становления. Поэтому ему даже в голову не пришло, что у самих хазар могут быть суждения более обстоятельные, нежели те, которые могли сообщить арабы и персы при крайне поверхностном наблюдении Хазарии. Правда, хазарские мнения не сохранились в письменных источниках, потому что хазары не умели писать. Однако своим поведением они ясно показали свое отношение к пресловутому «двоевластию», но для того, чтобы это понять, надо исследовать не источники, а историю событий. В государстве, именовавшемся Хазарским каганатом, в IX – X вв. хазары составляли наиболее угнетенное меньшинство. Сравнительно с хазарами аланы, бургасы, савиры и гузы были почти свободными племенами, хорезмийские наемники – привилегированной прослойкой, а члены иудейской общины – господствующим классом, хотя среди последних было немало бедняков.

И самое главное, для мусульман «своими» были арабы, для христиан – греки, для иудеев – евреи всех больших городов – от Кантона до Гренады и от Багдада до Лиона и Майнца, а у хазар – никого. За них никто не считал нужным заступаться, и они чувствовали себя относительно спокойно только на буграх и в тростниковых зарослях дельты.

Итиль был действительно роскошным городом. Хотя его дворцы были сделаны из дерева, войлока и глины, но наполнены шелком и соболями, вином, бараниной и осетриной, красивыми танцовщицами и услужливыми отроками. Но это все было не для хазар, а для торгующих рахдонитов, отдохавших на Волге после долгого пути по пустыне, из Китая, или через горы, из Прованса. А то, что бессильный и безвластный каган был дальним родственником ханов Ашина, некогда женившихся на еврейских красавицах, это не имело никакого значения, ибо государством правил «пех» или, точнее, малик. Он и его советники были родовитыми иудеями, хозяевами многоэтажного государства и сочленами самых выгодных торговых предприятий. Но он представлял не столько Хазарию, сколько свой рассеянный по миру и баснословно разбогатевший суперэтнос.

«Двоевластие» в Хазарии было грандиозным обманом народа, которому раз в год показывали законного хана, уже ставшего иудеем, для того чтобы остальное время глава иудейской общины выжимал из хазар и окрестных народов средства на наемников, которые должны были этих хазар подавлять. И хазары платили... а выхода не было.

Хазарская трагедия описана нами, но не объяснена. Неясными остаются причины того, что немногочисленная еврейская община, лишенная искренних друзей, ненавидимая соседями, не поддержанная подданными, полтора десятка лет господствовала в международной торговле и возглавляла добрую половину разрозненных иудейских общин. Без искренних попутчиков и союзников такое дело неосуществимо. Значит, у иудейской Хазарии такие союзники были.

Друзья обновленной Хазарии

Правительство Обадии и Ханукки вместе с престолом получило в наследство опасную традицию международных отношений и влияний. Тюркские ханы династии Ашина и их караимский союзник Булан в сложных экономических проблемах не разбирались. Они просто защищали свой народ от мусульман, наступавших с юга, и печенегов, нападавших с востока, из Зауралья. Естественным союзником Хазарии в VIII в. была Византия, также воевавшая с арабами и бежавшими от хазар болгарами Аспаруха. Поэтому распространение православия среди алан и хазар не встречало сопротивления. В середине VIII в. существовала хазарско-хорезмийская (Доросская) митрополия, которой были подчинены семь епископских кафедр [55, с. 229]. Культурные контакты были следствием политического союза^[59].

С Дальним Востоком и крайним Западом тюрко-хазары отношений не поддерживали. На границах Китая до 745 г. шли упорные, кровопролитные войны между Тюркским каганатом и империей Тан. Затем восстание Ань Лушаня в 756—763 гг. обескровило Китай, а вслед за тем в войну вступили Тибет и Уйгурия. Ничего привлекательного на Дальнем Востоке в это время не было.

Не лучше было и на Западе, где разлагались заживо франкская держава Меровингов и Лангобардское королевство, а в Британии англы и саксы резали кельтов. Но там положение изменилось к 800 г., ибо Карл Великий, покорив саксов и лангобардов, возложил на себя императорскую корону. Последние годы его правления совпали с переворотом Обадии, и тогда две возникшие империи вступили в дружественный контакт, выразившийся в том, что Карл особым указом позволил иудеям жить по их обычаям [9, т. V, с. 342]. И в дальнейшем иудеи поддерживали союз с Каролингами вплоть до их падения в X в.

Наибольшую активность проявили в это время южные этносы. Рост пассионарности потомков арабских завоевателей взорвал Аббасидский халифат изнутри, но осколки его оказались более страшными для соседей, чем громоздкая централизованная социально-политическая система. Для берберов и туарегов Африки, тюрков Средней Азии, горцев Памира и Гиндукуша ислам перестал быть символом угнетения и ограбления, потому что появилась возможность использовать разнообразные шиитские течения как знамена для борьбы против суннитского Багдада.

Отложившиеся от халифата африканцы захватили Сицилию и вторглись в Италию, где потеснили лангобардов и разбили войско франков Людовика II, а в 840 г. африканский флот вошел в устье Тибра и чуть было не овладел Римом. В том же году омусульманенные персы – Саманиды – завоевали Исфиджаб (совр. Сайрам, около Чимкента), а багдадские халифы тратили силы и средства на подавление восстаний своих подданных, единоверцев и соплеменников, и на бесконечную войну с Византией.

Как из тектонических разломов земной коры через трещины вытекает подземная магма, так на рубеже двух суперэтносов и двух великих культур возникли движения, которые казались забытыми и похороненными: хуррамитов в Азербайджане и павликиан в Малой Азии. Между теми и другими не было ни организованной связи, ни общей политической направленности. Одни были просто стойкими маздакитами, другие пытались воскресить некоторые принципы маркионитов – гностиков. Но те и другие по принципам идеологии и конечным целям восходили к древнему учению манихеев: делению мира на черное и белое и стремлению путем кровавых экзекуций добиться победы светлого начала, которым они считали себя. Как следовало бы реагировать на это хазарскому правительству? Хуррамиты были потомками маздакитов, союзников хазарских евреев в 494—529 гг., а арабы – гонителями иудеев в 690 г.; греки

принуждали евреев к отречению от веры еще в 723 г. Казалось бы, наступило время расплаты. Но правительство Обадии и Ханукки предпочло торговлю с Багдадом и помощь византийских инженеров при постройке Саркела верности историческим традициям и былой дружбе, от которой никогда не отказались бы тюрко-хазары. Теперь же система ценностей изменилась: выгода встала на место верности и доблести. А самой выгодной ситуацией для евреев была война греков против их врагов – болгар и арабов. Феофилу удалось вернуть город Самосату в 837 г., но халиф Мутасим разбил византийскую армию у Дазимона, в 838 г. взял крупнейший после Константинополя город империи – Аморий (в центре Анатолии). Война протекала с невероятным ожесточением, причем хуррамиты были союзниками греков, а павликиане ^[60] помогали арабам. Болгары хана Персиана ударили по тылам Византии, ворвавшись в Македонию, а хазары, некогда враги болгар и друзья греков, бездействовали. Ханы Ашина никогда не покинули бы своих друзей в беде.

Перейдем к Византии. Там в 843 г. кончился пассионарный надлом, приведший к трагедии иконоборчества. Она дорого стоила Византии. Болгарский хан Крум в 813 г. дошел до стен Константинополя. Испанские арабо-берберские пираты в 826 г. захватили Крит и сделали из этого острова базу набегов на острова и побережья Эгейского моря. В 827 г. берберы Атласа вторглись в Сицилию, а потом перенесли свои завоевания на Южную Италию. Болгары опустошили Македонию. А в Константинополе император занимался уничтожением икон и преследованием монахов. Но все кончается, и к 843 г. страсти стали угасать.

Снижение пассионарного напряжения пошло Византии на пользу. Установление мира светской власти с церковью, достигнутое на Константинопольском соборе 843 г., дало возможность направить огромные силы системы по определенному руслу. В 860 г. св. Кирилл обратил в православие группу хазар, в 864 г. он и его брат Мефодий приобщили к православию Моравию. В 864—865 гг. крестился болгарский царь Борис, и наконец длительная и жестокая война с павликианами в 872 г. закончилась победой византийцев. Но за все надо платить, даже за спасение собственной страны. И плата была очень велика.

До середины IX в. Византия была общепризнанным центром христианской культуры. Это признание не означало политического господства над другими христианскими государствами Запада и Востока, но давало уверенность в том, что они свои и в случае опасности обязаны помогать против иноверцев-мусульман. Пусть эти обязанности не всегда выполнялись, но все же они имели значение, особенно для тех областей Южной Италии, куда вторглись африканские мусульмане – воинственные берберы, занимавшиеся работоторговлей и грабежом.

Даже в жестокие годы иконоборчества римские папы участвовали в церковных делах Византии, по мере сил поддерживая защитников икон. Фактически независимость от Константинополя, подаренная римскому престолу Каролингами, не мешала существованию суперэтнического единства: греки были дома в Риме и Париже, а франки – в Фессалониках и Эфесе. Теология там и тут была одна – полупелагианство, т. е. православие.

Но в 858 г. константинопольским патриархом стал Фотий, которого не признал папа Николай I. За спором последовало отлучение Фотия в 863 г., не признанное на Востоке. В 867 г. Константинопольский собор предал папу анафеме, объявив его вмешательство в дела восточной церкви незаконным. Так возник раскол церквей.

Не нужно полагать, что неуступчивость Фотия и Николая, или спор о filioque, или притязания пап на юрисдикцию в Иллирии и Сицилии были причиной раскола. Все эти мелочи были быстро улажены. Узурпатор Василий I Македонянин низложил Фотия, а строптивый папа Николай I умер в том же 867 г. Богословский спор был отложен и на время забыт. Сицилию захватили берберы, Иллирию – венгры. Официальное примирение византийской церкви с папским престолом около 900 г. уже ничего не изменило.

Церковный раскол был важен не только сам по себе. Он превратился в символ отделения Запада, где в IX в. произошел взрыв этногенеза, от ортодоксального Востока. Франки и латины стали чужими для греков. Они пошли по новому, оригинальному пути развития. Этносы, возникшие в это столетие на берегах Северного моря и Бискайского залива, открыли небывалые формы общежития и восприятия природы и истории и предпочли их прежним не за то, что они были лучше, а потому, что они были свои. Инерция общей христианской культуры еще долго обольщала души современников, упорно не хотевших замечать грустную действительность.

Итак, Византия превратилась из империи с претензиями на ведущую роль в наследии Рима в небольшое малоазийское царство, где императором сделался армянин, привлечший на службу своих земляков. А поскольку армяне привыкли героически отстаивать свободу и веру против мусульман, то друзья последних, иудеи, стали недругами Византии.

Теперь можно обобщить наблюдения. Иудео-Хазария была в дружбе со всеми имперскими режимами: поздней Тан, Каролингами и их преемниками в Германии – саксонскими Оттонами, Аббасидами – и во вражде со всеми средневековыми народностями: армянами, грузинами, шиитами халифата, поскольку они представляли интересы завоеванных племен, печенегами, турфанскими уйгурами и славянами, т. е. Киевским каганатом.

И это не случайно. Здесь имеет место социальная близость деспотических режимов, противопоставленных ходом истории природным процессам образования этнического многообразия. Борьба этих двух принципов была ведущим антагонистическим противоречием эпохи VIII – X вв. И тут иудео-хазарам опять повезло. В игру вступил новый партнер – варяги, наварбованные из скандинавских викингов.

Четыре каганата

В начале IX в. на берегах Северного моря появились страшные разбойники из Скандинавии – викинги, внутри Западной Европы начали выделяться новые народы, а в Астурии произошла первая, неудачная попытка реконквисты – обратного завоевания Пиренейского полуострова. Если соединить эти области с синхронным появлением возникшей активности воображаемой линией (или лучше полосой), то мы получим ось нового пассионарного толчка, полностью проявившегося в течение IX в.

В этот век состояние Восточной Европы характеризовалось Людовиком Немецким в письме к Василию Македонянину (871) как сосуществование четырех каганатов^[61] : Аварского^[62] , Нормандского (т. е. Русского), Хазарского и Болгарского (на Дунае, ибо камского Великого Булгара Людовик не знал). Эти каганаты, как и три империи (включая халифат), были наследием минувших пассионарных толчков. Им предстояло выдержать удар от новой вспышки этногенеза. Поэтому, прежде чем перейти к рассказу о главной трагедии начавшейся эпохи, рассмотрим физиономию ее действующих лиц и взвесим их возможности и стремления.

Значение Аварского каганата, ограбленного франками и стесненного славянами, было минимально. Но все-таки это был барьер, сдерживавший агрессию немецких феодалов на рубеже Среднего Дуная.

Неизмеримо лучше было положение Болгарского каганата, потому что первые болгарские ханы Аспарух и Крум не обострили отношений со своими славянскими подданными, а, наоборот, объединились с ними против греков. Постепенно болгары вовлеклись в европейскую политику, то поддерживая моравских славян против немцев (863), то посылая вспомогательные войска Людовику Немецкому против феодалов (863). Болгарскому князю Борису мешала лишь его языческая религия, и он сменил ее на православную (864). Это сделало Болгарию противником папства и немецкого королевства, но и союз с Византийской империей был скоро нарушен. В 894 г. наследник Бориса Симеон начал войну с греками, которая измотала обе стороны, без ощутимых результатов для Болгарии.

Большие неприятности причинили болгарам мадьяры, отступившие от хазар и нанятых теми печенегов в низовья Днепра в 822—826 гг. Однако печенеги оказались неудобными для хазар союзниками и около 890 г. хазарское правительство заключило мир с мадьярами и греками против печенегов и болгар. Последние одержали победу над хазарами, но потерпели большой урон от мадьяр, переправившихся в 893 г. через Дунай и захвативших множество пленных. Симеон, царь болгарский, ответил на это таким ударом, что мадьяры покинули свою страну и ушли за Карпаты, в верховья Тисы, где вобрали в свою орду остаток аваров. Низовья Днепра достались печенегам, а низовья Днестра – славянским племенам – тиверцам и уличам.

При создавшейся расстановке политических сил выиграли хазары. Они помирились с мадьярами, направив их воинственную энергию против народов Западной Европы, где последние Каролинги меньше всего беспокоились о безопасности своих крестьян и феодалов, как правило, недовольных имперским режимом. Хазарское правительство сумело сделать своими союзниками тиверцев и уличей, обеспечив тем самым важный для еврейских купцов торговый путь из Итиля в Тулузу. Наконец, в 913 г. хазары при помощи гузов разгромили тех печенегов, которые жили на Яике и Эмбе и контролировали отрезок караванного пути из Итиля в Китай.

Последней нерешенной задачей для хазарского правительства оставался Русский каганат с центром в Киеве. Война с русами была неизбежна, а полная победа сулила неисчислимые выгоды для итильского селтльмента, но, разумеется, не для порабощенных хазар.

О происхождении и древнейшей истории этого четвертого, Русского, каганата известно значительно меньше. Литература вопроса необъятна, но, к счастью, недавно была сделана критическая сводка фактов, наблюдений, текстов и мнений, покрывающая историю вопроса, отражающая современную научную точку зрения и исключая фантастическую концепцию норманнизма Руси ^[81].

Выводы этого исследования, в котором использованы 623 работы, сводятся к следующему.

В начале н. э. на берегах Среднего Днепра, в лесной и лесостепной зонах жили венеды – предки славян. К IV в. они разделились на склавинов и антов. Анты – греческое название союза племен на Правобережье Днепра, но сами себя эти племена называли – поляне, а потом их стали называть «русь» ^[63]. В IX в. власть в русском городе Киеве захватил пришелец – варяжский конунг Хельги (Олег), не имевший отношения к местным русам. «Варяги» – не этническое, а профессиональное название; так в IX – X вв. назывались банды пиратов разного этнического состава. Русы же хотя и не славяне, но давние обитатели Правобережья Днепра, распространившиеся в VI – VIII вв. на Левобережье, где ими были построены Чернигов и Переяславль. Эта территория в удельный период называлась «Русь» или «русская земля» (в узком смысле), в отличие от Русского государства (в широком смысле), включавшего Новгород, Суздаль, Рязань, Полоцк, Смоленск, Галичину, Волынь, Тмутаракань, низовья Днестра и Буга и некоторые неславянские земли с балтским и финским населением.

Это обобщение антинорманистских концепций представляется наибольшим приближением к исторической действительности и принято нами за основу дальнейшего анализа. Возражения вызывают лишь некоторые частности, из коих следует отметить две.

Первое: сопоставление россомонов IV в., описанных Иорданом ^[33], с роксоланами – дань традиционному автохтонизму [8, с. 161]. Этноним «рос» и префикс «гох» не идентичны. «Рох» греческая передача персидского слова «равш/ рауш» – блеск (жена Александра – Роксана носила персидское имя Раушанак – «блестящая»). Никакого касательства к аланам россомоны – предки русов не имели, равно как и к норманнам – викингам. И вот почему.

Знаменитое место летописи: «Сице бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зовутся свие (шведы), друзии же урмане (норманны, т. е. норвежцы), анъгляне (ютландцы), друзии гъте (готы), тако и си» [42, т. I, с. 18], прекрасно прокомментировано Д. С. Лихачевым, но в подтверждение его вывода можно добавить, что под готами летописец XII в. не мог подразумевать остров Готланд, населенный в его время шведами и покинутый готами в середине II в., т. е. за тысячу лет до того, как он писал этот текст. Готы здесь – это крымские или причерноморские готы – тетракситы, хорошо известные русскому читателю XII – XIII вв., упомянутые в «Слове о полку Игореве». А раз так, то причисление Руси к данной этнической группе имеет лишь палеоэтнографический смысл: россомоны, как и готы, – осколки Великого переселения народов, застрявшие в Восточной Европе, а наименование их «варягами» показывает профессию Рюрика, который происходил из племени русов приднепровских, уже отчасти смешавшихся со славянами, но еще хранивших в IX в. некоторые черты древней северной культуры.

Около 800—809 гг. произошло второе переселение славян с берегов Эльбы на Восток. А. А. Шахматов предположил, что славяне бежали от франков Карла Великого. Эту версию трудно принять. Успехи Карла и его баронов крайне преувеличены хронистами и последующими историками. Франкам не удалось закрепиться ни на Эбро, ни на Тисе, ни на правом берегу Эльбы. Поэтому для переселения славян в страну с совсем иным климатом, туда, где господствуют зимний мороз и летний зной (изотерма января ниже нуля), надо поискать иные мотивы.

Пассионарный толчок, проявившийся в Скандинавии в начале IX в., а в Западной Европе

около 841 г., имел инкубационный период. В ареале этого толчка была северная часть Германии и, значит, берега Эльбы. Если это так, то перед нами обычная пассионарная миграция, из-за которой вятичи и радимичи сменили место обитания.

Обе ветви восточных славян в VIII в. были на подъеме пассионарного напряжения. Скудость источников заставляет прибегать к хронологической интерполяции, но этот метод дает результаты. Потомки антов IV в., победивших совместно с россомонами и гуннами готов, к началу IX в. имеют свой «каганат», т. е. суверенное государство с центром в Киеве и царя по имени Дир. Если мы учтем, что подъем этой ветви славян сопоставим с пассионарным толчком, вызвавшим Великое переселение народов и созданием из конфессиональных общин Малой Азии, Византии, то на VIII в. падает акматическая фаза, а на IX в. – надлом, как оно и произошло.

Высокий уровень пассионарности дал славянам преимущество над восточными балтами (ятвяги, голядь) и финно-уграми (меря, мурома, весь) и повлек слияние славянских племен в единый древнерусский этнос, осуществившееся в конце X в. Но славяне и хазары в VIII в. еще не сталкивались друг с другом и опасности друг для друга не представляли.

Второе: бесспорно, что взаимоотношения Русского и Хазарского каганатов не были «идиллическими», но гибель ряда Полянских поселений в VIII в. не была делом рук хазар. В VIII в. хазары увязали в войне с арабами, а на рубеже Дона они закрепились только в 834 г., и тогда действительно война началась.

Если датировки гибели Настырского поселения и других покинутых населением укреплений [8, с. 172] правильны, то противниками славян и русов могли быть только авары, контролировавшие земли кутургуров (западной ветви болгар), от Карпат до Дона. В 631 г. авары подавили восстание кутургуров, остатки коих объединились с утургурами в 633 г. Когда же последние в 656 г. потерпели поражение от хазар, то болгары разбежались – кто на Каму, кто на Дунай, кто в Италию, а бывшие земли кутургуров были заселены тиверцами и уличами.

Все эти события никак не уменьшили мощи аваров, которые «примучивали дулебов», т. е. господствовали в степях восточнее Карпат. Упадок Аварского каганата наступил в 800–809 гг. после того, как они проиграли войну с франками, а после этого рокового десятилетия началась хазарская агрессия на запад.

Такова «связь времен» или «логика событий». Антский или Полянский племенной союз, включивший в себя россомонов, возник как восточнославянский этнос вследствие пассионарного толчка II в. одновременно с Византией и вместе с ней вступил в акматическую фазу, закончившуюся победой над жестоким врагом – аварами, после чего славяне распространились до берегов Черного моря. В отличие от Византии Полянский этнос пережил кризис перехода из фазы в фазу благополучно, так как он получил неожиданное, но весьма полезное подкрепление.

Надо учитывать, что Русский каганат был изолирован от стран, имевших письменную географию: Хазарский каганат отделял его от мусульманского Востока, Болгарский – от Византии, Аварский – от Германии. Вот почему сведения о русах IX в. были столь неполны и отрывочны. И вот почему немецкие авторы IX в. могли спутать забытых россомонов со шведами: те и другие были скандинавы, хотя предки россомонов еще в I–II вв. покинули свою родину.

Еще в X в. современники описывали русов и славян как два разных этноса, выступающих, как правило, совместно. Значит, здесь была ситуация, похожая на ту, которая сложилась у тюрков и хазар, за одним, весьма важным, различием. Тюркюты принесли пассионарность хазарам, а россомоны и славяне были при встрече и контакте равно пассионарны, ибо сложились в ареале единого пассионарного толчка.

Теперь несколько слов о викинггах, о коих есть столько превратных суждений, что надо избежать недоразумений. В IX в. в Скандинавии перенаселения не было, так как свободных

фиордов и теперь много, хотя людей стало больше. Формация там была общинно-первобытная, и конунги являлись выборными племенными вождями. До IX в. скандинавы еле-еле отстояли свою землю от натиска лопарей, пока не загнали их на крайний север, в тундру. Викингами называли тех людей, которые не желали жить в племени и подчиняться его законам. Слово «викинг» носило тогда оскорбительный оттенок, вроде современного «пират, бандит». Когда юноша покидал семью и уходил в дружину викингов, его оплакивали как погибшего. И действительно, уцелеть в далеких походах и постоянных боях было нелегко. При этом викинги не обладали большей физической храбростью, чем остававшиеся дома, физическая смелость южных народов часто превышает мужество народов северных, но это не пассионарность, а другой поведенческий признак: не агрессивность, а способность к адекватной реакции, обычно проявляющийся при самозащите.

Викинги боялись смерти, как все люди, но скрывали этот страх друг от друга, наедаясь перед битвой опьяняющими мухоморами. Современные им арабы бросались в атаку трезвыми, но неукротимые в опьянении викинги сминали и арабов, и франков, и кельтов. Особенно ценили они берсерков (подобных медведю), т. е. людей, способных перед боем впасть в истерическое состояние и с огромной силой крушить врага. После припадков берсерки впадали в глубокую депрессию до следующего нервного срыва. В нормальных условиях берсерков не терпели. Их заставляли покидать села и удаляться в горные пещеры, куда остерегались ходить. Но в отрядах викингов берсерки находили себе применение. Иными словами, пассионарность делает яростными даже не очень храбрых людей. Значит, викинги были людьми несколько отличным от прочих скандинавов склада. Обладая высокой степенью пассионарности, они были нетерпимы для малопассионарных норвежцев, которые предпочитали сидеть дома и ловить селедку. Поэтому пассионарная часть популяции отпочковывалась от основной массы народа и погибала на чужбине. Зато норвежские, датские и шведские воины-пассионарии разнесли славу своей ярости по всей Европе и вынудили ее обладателей защищаться.

Хазары и норманны

Хотя викинги по рождению были скандинавы или прибалты, но они не были представителями своих народов. Пассионарный толчок вызвал этническую дивергенцию. Юноши, покидавшие родную страну ради Гренландии или Нормандии, зеленого острова Эрин или берегов лазурного Средиземного моря, образовывали самостоятельные этнические консорции, иногда погибавшие, но иногда торжествовавшие победу. И поскольку они были рассеяны по всей Европе, встреча их с иудео-хазарами была предрешена. А характер ее был определен тем историческим фоном, на котором она произошла. Источников, освещающих эту страницу истории, нет; следовательно, опять нужно окинуть взглядом расстановку сил, чтобы уловить хотя бы общее направление развития событий.

Как было показано, уже в IX в., после фактического раскола церкви, Византия стала восточным царством, изолированным от всех соседей, превратившись сначала в соперников, а потом во врагов. Связанная постоянной войной с Болгарией и безуспешными попытками удержать Южную Италию от натисков арабов, Византия не могла активно противодействовать усилению хазарских царей, вследствие чего православие потеряло свои позиции в Дагестане и на Северном Кавказе, с трудом удержавшись на Южном берегу Крыма.

Попытка Карла Великого создать суперэтническую христианскую империю германцев на Западе, подобно тому как на Востоке существовала аналогичная империя греков, была небесперспективна, но растущая пассионарность в IX в. опрокинула это грандиозное сооружение, как если бы это был картонный домик. К 888 г. осуществилась «территориальная революция» [56, с. 247], т. е. появились этносы, называемые О. Тьерри «нациями»: бретонский, аквитанский, провансальский, французский, бургундский, итальянский и немецкий, причем последний состоял из субэтнических «племен» саксов, франконцев, баварцев, швабов (алеманы) и тюрингов. Все они тратили силы на борьбу друг с другом и поэтому очень плохо сопротивлялись нападениям арабов и норманнов. Для хазар они не были опасны.

Зато хазарские иудеи были опасны для Франции, так как, приезжая с большими деньгами в Прованс, они покупали покровительство короля и вельмож и защиту от преследований со стороны духовенства и народа. Ожесточение с обеих сторон росло. Иудеи сохранили больше остатков древней образованности, нежели французы, и поэтому побеждали христиан в диспутах, возникавших по поводу Ветхого Завета. Пропаганда их имела успех. Молодой монах из Алемании принял в 847 г. иудаизм, женился на еврейке, уехал в Испанию и там возбуждал арабов к преследованию христиан. Галльские епископы жаловались, что иудеи покупают рабов-христиан и заставляют их исполнять иудейские обряды, что они похищают христианских детей и продают их мусульманам, что иудеи, по ненависти к своим соперникам, помогают мусульманам и норманнам, открывая им ворота осажденных городов, и что они называют свинину «христианским мясом», на что христиане очень обижаются [9, т. V, с. 487—488].

Трудно сказать, что в этих обвинениях было справедливо, но для нас важно другое: взаимные ожесточение и неприязнь между аборигенами и иудеями на Роне грозили французам теми же последствиями, которые имело еврейское проникновение на Волгу. Прованс легко мог превратиться в подобие Хазарии, тем более что воинская сила берберов, охотно нанимавшихся в войска соседних стран, была не меньше, чем у хорезмийцев. Но для этого, кроме больших денег, нужно было время, а его-то и не хватило иудеям. Почему? Это мы увидим ниже.

А пока обратим внимание на то, что договоренность между хазарскими иудеями и язычниками норманнами имела место. «Повесть временных лет» сообщает, что в 859 г. «варяги из заморья» взимали дань с чуди, славян, мери и кривичей, а хазары – с полян, северян и

вятичей. Если учесть общеевропейскую расстановку сил, то текст наводит на размышления.

В 860 г. киевские русы напали на Константинополь и чуть было не взяли его. Если бы они действительно были подданными хазар, то это не могло бы не вызвать хазаро-византийского конфликта, а вместо этого хазарский каган в этом самом году принял миссию св. Кирилла и позволил ему крестить язычников у себя в столице. Кирилл совершил путешествие в самой мирной обстановке, из чего следует, что Русь, воевавшая с греками, никак не была связана с хазарами и их правительством.

В Швеции около 859 г. было несколько королей: Бьерн Прихолмный, его сопровители Эмунд и Олаф. Сын Эмунда, Эрик, в 854 г. совершил поход на восток и обложил данью куров, эстов и финнов, но, как видно из перечня, он действовал только по берегам Балтийского моря, а кривичи, меря (черемисы) и весь (вепсы) жили в лесных массивах Восточной Европы. Если бы кто-либо из шведских королей подчинил себе столь обширные земли, это было бы отмечено хотя бы в сагах. Не упоминает об этом и католический миссионер св. Ансгар, проповедовавший в Швеции в 849—852 гг. и поддерживавший отношения со шведами до своей кончины в 865 г. [60, с. 165—173]. Значит, здесь кроется нечто иное.

Сопоставим факты. В 848 г. язычники норманны разграбили и сожгли Бордо благодаря измене тамошних иудеев [9, т. V, с. 489]. Так как последние не пострадали от викингов, следует полагать, что между теми и другими была налажена связь. И текст «Повести временных лет» поясняет, какова она была. Это договор о разделе сфер влияния, не стран завоеванных, а тех, которые предстояло завоевать. Потому и опущены данные о существовании самостоятельного Русского каганата, намеченного стать жертвой двух хищников. И действительно, последующее столетие было богато событиями, как на Западе, так и на Востоке.

История варяжского проникновения в славянские земли достаточно темна.

Согласно летописной традиции, варяжский конунг Рюрик в 862 г. стал правителем Новгорода. Этот вопрос мы обсуждать не будем, так как придерживаемся общепринятой точки зрения. Для нас достаточно того, что задолго до этого русы, жившие вокруг Киева, совершали походы, зафиксированные иноземными историками. До 842 г. «скифский народ росов» разорил Амастраду (в Пафлагонии, на берегу Черного моря), а в 860 г. флот росов чуть было не взял Константинополь. К Рюрику и его варягам эти росы отношения не имели.

В 864 г. русы воевали с болгарами, в 865 г. – с полочаками, в 867 г. – с печенегами, в 869 г. – с кривичами. Однако при столь активной внешней политике столкновений с хазарами не было: миссия св. Кирилла в Хазарию в 860 г., повторяю, проходила в мирной обстановке. Это говорит не о миролюбии правительства Хазарии, а о могуществе Киева, союзе русов с мадьярами и сложности обстановки на Каспии, о чем ниже.

Но все изменилось в 882 г., когда власть в Киеве захватил варяжский конунг, именуемый в летописи Олегом (Хельги). С этого времени до 944 г., т. е. убийства конунга, именуемого Игорем (Ингвар), русская земля перенесла много страданий, вызываемых – по нашему глубокому убеждению – постоянными неудачами бездарных чужеземных правителей.

Смена власти в Киеве повлекла за собой смену политики. Олег подчинил древлян в 883 г., северян в 884 г. и радимичей в 885 г., причем последние до этого платили дань хазарам. Это не могло не вызвать войны с Хазарией... и летопись замолкает на целые 80 лет. Это не может быть случайным.

Лакуну отчасти восполняет краткая справка Масуди, что «руссы и славяне составляют прислугу хазарского царя» [3, с. 383]. И, как вскоре мы увидим, так оно и было.

Нет! Полного завоевания Киева хазарскими евреями не произошло. В «Кембриджском анониме» перечислены враги хазарской иудейской общины: «Асия (асы-осетины). Баб-ал-Абваб (Дербент), Зибух (зихи-черкесы), турки (венгры), Лузния – ладожане, т. е. варяжские дружины

Олега, которые быстро проиграли войну с хазарскими евреями ^[27], но удержались в Киеве, так как их прикрывали со стороны степи мадьяры. Однако вскоре мадьярам пришлось туго, потому что против них и варягов хазарские иудеи подняли славянские племена тиверцев и уличей. Когда же в 895 г. на мадьяр напали болгары и печенеги, вырезавшие их жен и детей, мадьяры покинули Леведию и ушли в Паннонию, а покинутые ими степи заняли победоносные печенеги. И Византия не могла вмешаться в эту войну, потому что ее силы были связаны болгарами царя Симеона, шедшими по Балканскому полуострову от победы к победе. Тогда изолированное княжество киевских варягов стало вассалом общины хазарских иудеев, которая использовала русов и славян в войнах с христианами и мусульманами-шиитами, подавляя возмущения язычников руками наемников – мусульман-суннитов.

Жесткая система потому и бывает крепка, что она при создании своем приурочена к локальным условиям наилучшим образом. Когда же окружение меняется, перестройка системы трудна.

И наоборот, дискретная система эластична, но не позволяет полностью координировать силы для решения внешнеполитических задач. Поэтому жесткие системы побеждают в стабильных условиях, а дискретные выживают даже при постоянно меняющейся среде обитания и этнического окружения.

Иудейская Хазария – образец жесткой системы, окружающие Хазарию евразийские этносы – дискретные системы. В IX – X вв. изменения географической среды (вследствие переноса пути циклонов на север, в лесную зону Евразии) могли быть для этнохозяйственных систем либо полезны, либо вредны, но не нейтральны. А поскольку интересы евреев и хазар в химерной целостности каганата были противоположны, то климатические колебания отражались на истории Восточной Европы и Великой степи.

До тех пор, пока увлажнялись степи и высыхали в Волго-Окском междуречье болота, Каспийское море вело себя тихо. Оно стояло на абсолютной отметке – 36 м, благодаря чему обширные площади плодородной земли в низовьях Волги были заселены земледельцами. К началу X в., когда Волга превратилась из тихой реки в бурный поток, собравший влагу дождей, выпавших на огромной площади от Валдая до Урала, уровень Каспия поднялся до отметки – 29 м [20, 21, 22].

Для обитателей южной окраины Каспийского моря это существенного значения не имело. Берега там крутые, кругом горы, поднялось море, залило прибрежную крепость... ну и пусть. Но для пологого северного берега подъем уровня моря имел огромное значение. Поля, сады и виноградники оказались под водой Волги, стоявшей на подпоре. Использовать залитые земли было невозможно, люди стали селиться на вершинах бэровских бугров, ожидая времени, когда уйдет вода. А вода все поднималась. Приходилось подаваться в степь.

Но и в прибрежных урочищах не было спасения хазарам. Лишенная дождей степь превращалась в полупустыню, а эта последняя – в пустыню, в которой не могли жить даже кочевники. В X в. карлуки покинули берега Балхаша, чтобы поселиться в оазисах Средней Азии, печенеги ушли с берегов Аральского моря на берега Черного, а гузы сдвинулись к Уралу и Эмбе. Только куманы (половцы), населявшие западные склоны Алтая и южную полосу Западной Сибири, где в то время стояли сосновые боры, не пострадали от засухи. Их спасли многоводные реки, окружавшие с востока и запада Барабинскую степь.

Легче было на западной окраине Великой степи, на берегах Днепра, Донца и Дона, так как меридиональные токи в атмосфере способствовали нормальному увлажнению этой области. Поэтому печенеги, прорвавшись в Поднепровье, восстановили там поголовье скота, в том числе лошадей, а тем самым и воинскую мощь, благодаря чему могли держать себя независимо.

Поскольку восточные степи оказались весьма негостеприимными, хазары устремились на северо-запад и начиная со второй половины IX в. заселили террасы Нижнего Дона, куда принесли с собой культуру терского винограда. Четыре надпойменные террасы Дона плавно переходят в водораздельные степи, но уже на второй террасе проявляются черты азональности – колки леса, заросли ивняка и т.п., что обусловило образ жизни алан, хазар и казаков. Автору удалось в 1965 г. найти на Среднем Дону небольшое поселение, содержащее керамику всех эпох – от X до XII в., что указывает на культурную преемственность населения долины Дона независимо от внедрения в нее инородных этнических элементов.

Разумеется, этой ветви хазар сравнительно с другими повезло. В 860 г. они приняли православие от св. Кирилла и благодаря этому вошли в состав христианской общины, вследствие чего установили дружбу с крымскими готами, греками и аланами. А прочие продолжали нести тяготы налогов, снизить которые хазарское правительство не могло, даже если бы оно этого хотело.

Но от засухи и наводнений совершенно не пострадали хазарские иудеи. Они жили в городах, в комфортабельных деревянных домах, теплых зимой и прохладных летом. Пищу они покупали на базаре. Караванщики, проходившие через Итиль, платили за все не торгуясь, так как перекладывали растущие расходы на покупателей в Китае и Провансе. Поэтому на социальные отношения внутри иудейской общины природные явления не оказывали никакого влияния: их воздействие амортизировалось в хазарском этносе, вмещавшем общину. Ослабление кочевников, стада которых мерли от бескормицы, было иудеям только на руку: и мясо можно было купить дешево, и слабый враг не опасен. Поэтому в X в. активность хазарского правительства не снизилась, а возросла. Следовательно, должны были начаться жестокие войны... и они действительно вспыхнули на юге и западе.

Но не на севере! Перенос пути атлантических циклонов в лесную зону был сопряжен с обильными снегопадами, затяжными летними и осенними дождями и соответственно заболачиванием лесных полей, т. е. мест наиболее перспективных для примитивного земледелия. Хозяйство этносов Волго-Окского междуречья было подорвано. А значит, и сила их сопротивления иноземным захватчикам ослабла. Если в середине IX в. хазарские евреи договаривались с норманнами о разделе Восточной Европы, то к началу X в. они захватили ее почти всю. В состав Хазарии вошли: бургасы (на Средней Волге), болгары^[64] (на Нижней Каме), сувазы (чуваши на Верхней Волге) [там же, с. 139 и примеч. 599], арису (мордва-эрзя), черемисы (мари, в Заволжье), вятичи (на Оке), северяне (на Десне) и славяне, «под которыми подразумеваются другие славянские племена» [З, с. 385].

Рубеж IX – X вв. – это кульминация иудео-хазарского могущества и катастрофа для аборигенов Восточной Европы, перед которыми стояла альтернатива: рабство или гибель?

Вокруг Каспийского моря

Торговые пути были нервами иудейской Хазарии, но Каспийское море слишком часто бывает беспокойно, протоки Волжской дельты в устьях мелеют и непроходимы для крупных морских кораблей, а восточные берега безводны и безлюдны. Поэтому правительство не завело собственного флота, предпочитая пользоваться караванными путями в обход Каспийского моря.

Наиболее удобным был путь из Багдада через Кавказ, где, миновав Дербент, купцы сразу попадали в Хазарию и оттуда в Булгар и Великую Пермь. Второй путь шел через Мерв, Бухару и Хорезм по берегу Амударьи, через плоскогорье Устюрт – ворота в страну тюрков, затем пересекал реки Эмбу, Яик, Сакмару и дальше шел по левому берегу Волги в Булгар. Недостатком этого маршрута было то, что он пролегал через кочевья гузов, печенегов и башкир, причем последние считались жуткими головорезами, а первые при проходе Ибн-Фадлана через их земли решали: разрезать ли послов халифа пополам, или, раздев догола, отпустить назад, или выдать послов хазарам в обмен на своих находившихся в плену; но потом Ибн-Фадлана пропустили дальше [37, с. 129].

Другая дорога из мусульманских стран Средней Азии шла через Нижнюю Эмбу и низовья Яика прямо на Волгу, в Итиль. Этот путь был оборудован великолепными караван-сараями из тесаного камня и колодцами, облицованными камнем, на расстоянии друг от друга примерно в 25 км (нормальный переход каравана). Но, несмотря на все принятые меры, восточный путь был длиннее и труднее западного, кавказского. И использовался он только тогда, когда не было другого выхода.

Но море тоже не оставалось пустым: по нему плавали корабли русов из Итиля в Гурган, где перегружали товары на верблюдов для отправки в Багдад. Разумеется, и этот путь был под контролем хазарского царя, который был кровно заинтересован в том, чтобы купцы по этим путям проходили беспрепятственно и чтобы доходы поступали в его казну регулярно.

Торговым операциям не мешал даже развал халифата, когда эмиры переставали подчиняться халифу и оставляли собранные налоги себе. В 866 г. тюркские наемники взяли Багдад и сменили халифа на своего ставленника. Это был конец господства арабов в государстве, созданном их предками [45, т. II, с. 223].

Перемены коснулись и Кавказа. В 859 г. была восстановлена Ганджа, где укрепились арабские правители из племени шайбан. В 869 г. в Дербенте пришли к власти Хашимида, арабы из племени сулайм. Но те и другие, будучи правоверными суннитами, не порывали отношений с Багдадом и наместниками Азербайджана – Саджида [44, с. 40]. Поэтому у хазарского царя не было повода для беспокойства.

Но совсем по-иному пришлось реагировать на шиитское движение иранских народов, живших на южном берегу Каспийского моря. В 867 г. горцы Табаристана, поднявшие восстание под знаменем Алидов, отделились от халифата.

Области Южного Прикаспия, защищенные с севера морем, а с юга – могучим хребтом Эльбурса, были надежным убежищем для древних этносов, сохранявших фактическую независимость и при Селевкидах, и даже при Сасанидах. Арабское завоевание тоже не нарушило течения жизни горцев Эльбурса, так же как горцев Астурии, Басконии и Киликии, хотя и вызвало ненависть к арабам. Влияние ислама, принятого лишь в 842 г., было ничтожно, а потому шиитская пропаганда, по сути дела антиарабская, нашла в Дейлеме и Табаристане подходящую почву. Эти горцы охотно шли сражаться не за Алидов, а против Аббасидов. И чем более слабел Багдадский халифат, тем грознее становилась сила деилемитов, реликта, не растратившего своих сил, как арабы и персы, и достойного противника степных тюрков, единственной боеспособной

армии суннитских владык.

Областью, поставлявшей хазарским царям наемников, был Гурган^[65] – «волчья страна», расположенная на юго-восточном берегу Каспия. Воинственные обитатели этой бедной земли охотно оправдывали свое прозвание – «волки» – и продавали свою доблесть тем, кто за нее платил. Официально Гурган подчинялся наместнику Хорасана, где правили потомки персидских аристократов Тахириды, правоверные сунниты.

В 872 г. вождь восставших шиитов Табаристана Хасан вторгся в Гурган и завоевал его, а потом захватил богатые города Казвин и Рей (Тегеран). Хазарские иудеи сразу лишились и удобного караванного пути, и храбрых наемников, переставших поступать в Итиль. Эпоха миролюбия кончилась. Война с шиитами стала для хазарских евреев насущной необходимостью.

Для войны с мусульманами нужны были воины-язычники, т. е. скандинавские варяги. Хазарский царь пригласил дружину Хельги (Олега), посулив варягам раздел Восточной Европы и поддержку за уничтожение Русского каганата и Аскольда.

Конунг Олег в 882 г. овладел Смоленском и Киевом, а к 885 г. подчинил себе северян и радимичей, до того бывших данниками Хазарии.

Молчание летописца Нестора показывает, что в последующие годы Олег не побеждал, а уже в начале X в. русский флот оперирует на Каспии против врагов хазарского царя. Очевидно, киевские варяги стали поставлять хазарскому царю «дань кровью». Они посылали подчиненных им славяно-русов умирать за торговые пути рахдонитов.

Благоприятно для хазарского царя сложились дела в Средней Азии, где власть попала в руки просвещенных Саманидов, покровителей городов, а тем самым и международной торговли.

В 900 г. Исмаил Самани разгромил шиитское государство Алидов в Южном Прикаспии. Но местное население Гиляна, Дейлема и Мазендерана, никогда не подчинявшееся чужеземцам, укрылось в горных замках, и власть Саманидов в Табаристане была призрачной. До тех пор, пока дейлемитов с юга прикрывали горы Эльбурса, а с севера – Каспийское море, они могли держаться, так как «ни Саманиды, ни хазары не имели флота» [Масуди, цит. по: 44, с. 198—201]. Но в 909 г. на море появились ладьи русов, разгромивших остров Абаскун. На следующий год русы напали на Мазендеран, но потерпели поражение и ушли. В 913 г. огромный флот – 500 кораблей – с разрешения хазарского царя Вениамина вошел в Каспийское море и подверг грабежу побережья Гиляна, Табаристана и Ширвана. Естественно предположить, что русов просто пригласил царь Вениамин для расправы с разбойниками-горцами^[66]. Русы сразились с гилянцами и дейлемцами, видимо, без больших успехов, а затем напали на Ширван и Баку, где сидели Саджиды, правители, поставленные халифом, сунниты и, следовательно, друзья хазар, и здесь развернулись со свирепостью, свойственной их скандинавским вождям.

Набрав много добычи, русы вернулись в Итиль, послали хазарскому царю условленную долю и остановились на отдых. Тогда мусульманская гвардия хазарского царя потребовала от него разрешения отомстить русам за кровь мусульман и за полон женщин и детей. Царь разрешил, и в трехдневной битве утомленные походом русы потерпели поражение. Число погибших исчислено в 30 тыс. человек. В плен не брали. Остатки русов бежали по Волге на север, но были истреблены буртасами и булгарами. Очевидно, варяжская неуместная инициатива вызвала расправу со стороны хазарских мусульман, тем более что разгром врагов Дейлема настолько облегчил положение шиитов, что в 913 г. они освободились от власти Саманидов и вытеснили последних из Гиляна и Табаристана [48, с. 249].

Всю первую половину X в. дейлемиты развивали успех. Часть их двинулась на юг, захватила Фарс, Кирман, Хузистан и, наконец, в 945 г. Багдад, где их вожди в течение 110 лет держали под своей опекой халифов. Другая часть подчинила в 914 г. Азербайджан и дошла до Дербента [44, с. 215]. Каспийская торговля оказалась под контролем недругов Хазарии, точнее, врагов хазарской

торговли.

Ущерб был большой, но поправимый, потому что оставалась караванная дорога восточнее Каспия. В 913 г. хазары в союзе с гузами разбили восточных печенегов, кочевавших между Волгой и Яиком [66, р. 238]. Это отчасти компенсировало им потерю союзников в Закавказье – Саджидов, но господство грубых и свирепых дейлемитов в Иране и Азербайджане отравляло жизнь хазарским евреям.

И самое досадное, что против них нельзя было послать верных наемников-суннитов из Гургана, ибо повелитель правоверных – багдадский халиф отдавал приказания через дейлемских эмиров, а те не допускали, чтобы он приказал убивать их братьев руками мусульман. Следовательно, надо было опять поднимать русов на войну за торговые интересы еврейской общины, а русы после предательства 913 г. не стремились повторять походы на Каспий.

Конечно, можно было бы мобилизовать самих хазар, хотя бы ту их часть, которая была обращена в православие еще в VIII в., но на это правительство не решилось, надо думать, не без оснований. Хазары никаких выгод от торговли не имели, и воевать им было не за что. Поэтому события потекли по иному руслу.

Враги обновленной Хазарии

Всегда было известно, что война – дело тяжелое и неприятное. Но есть вещи хуже войны: обращение в рабство, оскорбление чтимых святынь, разграбление имущества и, наконец, оскорбительное пренебрежение.

Все это выпало на долю народов Восточной Европы после того, как они оказались в сфере влияния иудейской Хазарии. Но этнические различия между ними не давали им возможности объединиться. Зато итильское правительство легко могло натравливать их друг на друга, используя старые, но не забытые межплеменные счеты. Еще в IX в. царь Вениамин вел войну против асов (осетин), «турок» (мадьяр), «пайнилов» (печенегов) и «македона» (византийцев). Вениамин победил коалицию противников при помощи алан. Затем царь Аарон победил алан при помощи торков (гузов) в начале X в. М. И. Артамонов датирует это событие 932 г. и связывает с ним гонения на христианство, от которого Аарон принудил отречься побежденных алан.

В 922 г. глава камских болгар Альмуш принял ислам и отделил свое государство от Хазарии, рассчитывая на помощь багдадского халифа, который должен был запретить мусульманским наемникам воевать против единоверцев. Кроме того, он просил у халифа денег для постройки крепости против «иудеев, поработивших его».

Халиф приказал продать конфискованное имение казненного визиря и вручить деньги послу Ибн-Фадлану, но покупатель «не смог» догнать караван посольства [37, с. 133], и крепость в Булгаре построена не была, а хорезмийцы в X в. уже не обращали внимания на приказы ослабевших багдадских халифов, поскольку они касались не духовных, а мирских дел.

Вероотступничество не укрепило, а ослабило Великий Булгар. Одно из трех болгарских племен – суваз (предки чувашей) – отказалось принять ислам и укрепилось в лесах Заволжья. Расколота болгарская держава не могла соперничать с иудейской Хазарией [там же, с. 139].

Похожим было положение у гузов. В 921 г. один из их вождей принял было ислам, но соплеменники предложили ему отречение либо от новой веры, либо от власти [там же, с. 127]. Гуз вернулся к древним богам.

Итак, попытки освободиться от иудеев при помощи мусульман оказались обреченными на неуспех. Это учли росы и славяне (поляне), поставленные варяжскими захватчиками в положение отнюдь не благоприятное, что старательно затушевывал летописец Нестор. К счастью, у нас есть возможность восполнить опущенные им сведения.

Хазары собственной монеты не имели, используя арабские диргемы. Какая-то часть этих денег, естественно, оставалась у подданных хазарского царя. Арчал диргемов с куфическими надписями в 883—900 гг. доходил до восточной границы Русской земли, т. е. ими пользовались северяне, находившиеся в сфере влияния Хазарии [64, с. 203—206]. После 900 г. диргемы появляются в кладах Русской земли, что показывает на включение ее в экономическую систему Хазарии. Эти диргемы не военная добыча, потому что победы всегда бывают отражены в летописях. Это оплата за услуги на Каспийском море в 909—910 гг., т. е. за кровь славяно-русских богатырей, пролитую ради чужих интересов, за подавление древлян в 914 г., за войну с печенегами в 920 г., за предательство, совершенное царем Вениамином в 913 г., которое осталось безнаказанным, и за многое такое, что современники постарались не заметить, а потомки забыть. Поводов для восхваления Олега Вещего нет.

Само собой понятно, что варяжское правительство не могло быть популярным среди славянского населения Поднепровья. Это подметил С. М. Соловьев, хотя он и не располагал сведениями, ныне вошедшими в арсенал науки. Олег рассматривается им не как храбрый

воитель, а как хитрый политик и сборщик дани с незащищенных славянских племен^[67]. Так оно и было.

Если верить летописи, не отмечающей с 920 по 941 г. ни одного события отечественной истории, то надо признать русичей трусами и обывателями, не способными ни отомстить за преданных и убитых соотечественников, ни отстоять свое добро от сборщиков дани, переправлявших награбленное имущество в Итиль. Но верить надо не летописи, а совокупности сведений: последние же показывают, что хазарским евреям приходилось все время подавлять народные движения и русы доставляли им немало хлопот. Кроме того, менялось международное положение, и это весьма сказывалось на судьбе евреев не только хазарских, но и соседних. А это в свою очередь оказывало воздействие на внешнюю политику Хазарии.

Хазарские иудеи могли не опасаться раздробленных на партии и султанаты мусульман, но им приходилось считаться с растущей силой Византии, где пришла к власти Македонская династия. Все православные христиане были потенциальными союзниками Византии, а число их благодаря деятельности Кирилла и Мефодия росло. В 867 г. произошло первое крещение Руси [34, т. II, с. 229], и вряд ли будет ошибочным предположение, что варяжское завоевание остановило приобщение Руси к православию. А кому это было на руку? Только хазарским евреям!

Разумеется, греки не могли ликовать по такому поводу, тем более что хазарская торговля питала Багдад, а хазарская дипломатия натравливала болгар на Константинополь. С другой стороны, византийские евреи не проявляли привязанности к странам, где их не любили и обижали. Поэтому «ряд евреев примкнул к нему (хазарскому царю) из мусульманских стран и из Византийской империи». Согласно Масуди, «причина в том, что император, правящий ныне (в 943 г.) и носящий имя Арманус (Роман), обращал евреев своей страны в христианство силой и не любил их... и большое число евреев бежало из Рума в страну хазар» [цит. по: 44, с. 193].

Вполне понятно, что отношения между христианами и иудеями обострились, и... потекла кровь.

Подвиги полководца Песаха

Греко-хазарский конфликт, в котором отразилось армяно-еврейское соперничество ^[68], не мог пройти незамеченным на Руси ^[69]. В Киеве должна была появиться надежда избавиться от обременительного союза с Хазарией путем союза с далекой Византией. Поэтому эмиссары Романа Лекапина смогли «подстрекнуть» [38, с. 117] киевского князя на участие в войне Византии против Хазарии, начавшейся в 939 г. ^[70].

Войну развязал хазарский царь Иосиф, который «низверг множество необрезанных», т. е. убил много христиан. К сожалению, источник умалчивает, где производились экзекуции, но, видимо, пострадали христиане, жившие внутри Хазарии, так как нет упоминания о походе. Казни эти рассматривались как ответ на гонения на евреев в Византии, но нельзя не заметить, что хазарские христиане в действиях византийского императора повинны не были.

Затем выступили русы. Вождь их в источнике назван Х-л-гу (Хельгу, т. е. Олег), хотя по «Повести временных лет» в это время правил Игорь Старый. Если Хельгу – имя собственное, то это был тезка Вещего Олега, но скорее это титул скандинавского вождя, т. е. имеется в виду сам Игорь, ибо Хельгу назван «царем России» [38, с. 117].

В 939 г. (или в начале 940 г.) Хельгу внезапным ночным нападением взял город С-м-к-рай (Самкерц, на берегу Керченского пролива), «потому что не было там начальника, ребе Хашмоная». Видимо, нападение русов было для хазарского царя неожиданностью.

В то же время другая русская рать, предводительствуемая воеводой Свенельдом, покорила племя уличей, обитавшее в низовьях Днестра и Буга. Уличи воевали против киевского князя еще в 885 г. [42, т. II, с. 254] и, естественно, находились в союзе с хазарами. Тогда им удалось отстоять свою независимость от Киева. Наконец войска русов после трехлетней осады, закончившейся в 940 г., взяли оплот уличей – город Пересечен и обложили их данью в пользу воеводы Свенельда [62, с. 102—103].

Отсюда видно, что война велась на обширной территории весьма продуманно и целеустремленно. Это отнюдь не похоже на случайный пограничный инцидент или на грабительский набег варяжских дружинников.

Хазарский царь ответил на удар ударом. Полководец «досточтимый Песах» освободил Самкерц, отбросил русов от берегов Азовского моря, вторгся в Крым, взял там три греческих города, где «избил мужчин и женщин», но был остановлен стенами Херсонеса, куда спаслось уцелевшее христианское население Крыма.

Затем Песах пошел на Хельгу, т. е. подступил к Киеву, опустошил страну и принудил Хельгу, против его воли, воевать с бывшими союзниками-византийцами за торжество купеческой иудейской общины Итиля.

Все эти события в русской летописи опущены, за исключением последовавшего за ними похода на Византию. Это понятно: грустно писать о разгроме своей страны, но разгром этот подтверждается новыми косвенными данными.

Около 940 г. от Киевского княжества отпало днепровское Левобережье (северян и радимичей впоследствии пришлось покорять заново) [32, с. 67—68]. Русы выдали победителю свое лучшее оружие – мечи ^[27] и, видимо, обязались платить дань, собираемую с племен Правобережья, т. е. с древлян (см. ниже). Завоеванные земли уличей и тиверцев – в низовьях Днестра и Дуная – попали в руки печенегов [5, с. 147—149]. Кривичи освободились и создали независимое Полоцкое княжество. Осколок варяжской Руси из неравноправного союзника Хазарского каганата превратился в вассала, вынужденного платить дань кровью своих богатырей.

Русам абсолютно не из-за чего было воевать с греками. Нестор не мог придумать подходящий мотив для похода и ограничился голой констатацией фактов. Зато Еврейский аноним раскрыл причины происшедшей трагедии. Не без гордости он приписал ее давлению «досточтимого Песаха» на русского князя Хельгу (грекам имя Игоря тоже неизвестно), который «воевал против Кустантины на море четыре месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне осилили его огнем. И бежал он, и постыдился вернуться в свою страну, и пошел морем в Персию, и пал там он и весь стан его. Тогда стали русы подчинены власти хазар» [38, с. 120].

Эта война протекала в 941 г. Ужасные последствия ее для русских богатырей описаны в «Повести временных лет», несмотря на усилия летописца представить события более приглядно. Десять тысяч кораблей высадили десант на северном побережье Малой Азии, и начались такие зверства, которые были непривычны даже в те времена. Русы пленных распинали (sic), расстреливали из луков, вбивали гвозди в черепа; жгли монастыри и церкви [42, т. I, с. 33, 230], несмотря на то что многие русы приняли православие еще в 867 г. Все это указывает на войну совсем иного характера, нежели прочие войны X в. Видимо, русские воины имели опытных и влиятельных инструкторов, и не только скандинавов.

Греки подтянули силы, сбросили десант в море и сожгли русские лодки греческим огнем. Кто из русов не сгорел, тот утонул. Хазарские евреи избавились от обоих возможных противников.

Согласно «Повести временных лет», поход на Византию был повторен в 944 г. А. А. Шахматов считает рассказ об этом походе выдумкой, но, по-видимому, он не прав [см.: 62, с. 72]^[71]. В 943—944 гг. уцелевших русских воинов хазарские иудеи бросили в Арран (Азербайджан), где засели дейлемские шииты.

Русы при высадке разбили войска правителя Аррана Марзубана ибн-Мухаммеда и взяли город Берда на берегу Куры. Марзубан блокировал крепость, и в постоянных стычках обе стороны несли большие потери. Однако страшнее дейлемских стрел и сабель оказалась дизентерия. Эпидемия вспыхнула в стане русов. После того как в одной из стычек был убит предводитель русов, они пробились к берегу и уплыли обратно в Хазарию^[72].

Итак, за три года союза с царем Иосифом русы потерпели два тяжелых поражения и потеряли много храбрых воинов. Но даже если бы они победили, то победа ничего бы им не дала, потому что закрепиться в Малой Азии или в Закавказье было невозможно, да и не нужно. Обе войны были проведены исключительно в интересах купеческой общины Итиля. Казалось, что славяно-руссы должны разделить горькую участь тюрко-хазар.

Кто виноват?

Может показаться, что агрессия в интересах купеческой верхушки иудейской общины, произведенная руками хорезмийских наемников и воинственных русов, была плодом злой воли хазарских царей Вениамина, Аарона и Иосифа при попустительстве хазарских каганов, имена коих история не сохранила. Действительно, крови было пролито немало, погибли ни в чем не повинные обитатели побережий Черного и Каспийского морей, сложили голову за чужое дело русские богатыри, были обобраны и ежедневно оскорбляемы хазары, аланы потеряли свои христианские святыни, славяне платили дань по белке от дыма, лишь бы их не трогали печенеги, гузы не смыкали глаз, охраняя свои палатки от внезапного нападения. Это перманентное безобразие было тяжело для всех народов, кроме купеческой верхушки Итиля и обслуживавших ее наемников, но последние за приличное содержание платили своей кровью.

Но если мы попытаемся осудить за создавшуюся ситуацию иудейскую общину Хазарии, то немедленно встанет вопрос: а чего было ждать? Евреи попали в Хазарию вследствие гонений, которым они подвергались в Иране за близость к маздакитам, а в Византии – за сотрудничество с арабами, вызванное торговым соперничеством с греками и армянами. Те и другие в торговых операциях были не менее искусны, чем евреи, а к тому же пользовались поддержкой своего правительства. Евреи, чтобы обойти конкурентов, воспользовались поддержкой чужого правительства, арабского, но халифы требовали от них помощи и в военных операциях, например, сдачи христианских крепостей, что влекло продажу в рабство всех христиан, не убитых при захвате города, и осквернение христианских святынь. Естественно, что родственники и единоверцы погибших в восторге не были.

Точно так же поступали языческие союзники хазар с мусульманскими городами, за тем лишь исключением, что в жертву войне хазарские иудеи приносили дейлемских шиитов – горцев, не умевших торговать. Но в 945 г. вождь дейлемитов вступил в Багдад и стал править от имени халифа, имея титул «амир ал-умара» (эмир эмиров – главнокомандующий). Это означало, что хазарские иудеи войну за Каспий проиграли. Им оставалось ориентироваться на союзную Среднюю Азию и только что завоеванную Восточную Европу.

Иудейская община получала необходимую ей военную силу из Средней Азии и оплачивала ее данью из Восточной Европы. Но могла ли она поступать иначе?

Ведь, выпустив из рук власть, она теряла и накопленные богатства, и контроль над транзитной торговлей, а следовательно, все средства к существованию. Горожане и купцы не могли вернуться к земледелию и скотоводству, потому что они не имели навыков, необходимых для этих занятий. Потеряв власть, они теряли богатство, а вслед за тем и жизнь. Поэтому им надо было держаться и побеждать.

Но победы и расширение державы не всегда ведут к процветанию и устойчивости. Покорение сильного этноса иной раз стоит дороже, чем доходы, которые можно получить. Это показали первыми камские болгары, освободившиеся от хазарской гегемонии. После болгар, при неясных обстоятельствах, добились независимости гузы и печенеги. Все они стали врагами иудео-хазар.

Победы Песаха позволили хазарскому царю перенести налоговый гнет на русское население Поднепровья, ибо варяжские конунги готовы были оплачивать свой покой данью, собираемой со славян, менее организованных и потому менее опасных. А из этого проистекли дальнейшие события.

Итак, если уж применять к историческому процессу человеческие этические нормы, то винить в бедах Русской земли можно варягов, конечно, не за то, что они путем обмана захватили

Киев, ибо обман на войне – это не предательство доверившегося, и не за то, что они обирали покоренные славянские племена, поскольку те не отстаивали свободу, предпочитая платить дань, а за то, что, возглавив племя полян, называемых тогда русью, эти конунги «блестяще проиграли» все войны: с греками, печенегами, дейлемитами и хазарскими евреями. Омерзительно, что они, перехватив у русов инициативу, довели страну до полного развала и превратили ее в вассала хазарских царей. Но еще хуже, что, выдав хазарским евреям мечи как дань, т. е. по существу обезоружив свое войско, эти узурпаторы бросили своих богатырей на противников, вооруженных греческим огнем или легкими кривыми саблями. Это такая безответственность, такое пренебрежение к обязанностям правителя, что любые оправдания неуместны.

Однако малочисленные варяжские дружины не могли бы держаться в чужой стране без поддержки каких-то групп местного населения. Эти проваряжские «гостомыслы»^[73], пожалуй, виноваты больше всех других, так как они жертвовали своей родиной и жизнью своих соплеменников ради своих корыстных интересов. А сопротивление варягам было даже в Новгороде, хотя сведение о нем сохранилось только в поздней, Никоновской летописи^[74].

Но, помимо эмоционального отношения к давно минувшим фактам, необходим их объективный анализ. Друзья варягов, хотели они того или нет, способствовали включению Русской земли в мировой рынок, который в то время находился под контролем иудейской Хазарии. Русь поставляла на мировой рынок меха, олово и рабов, но не получала взамен ничего, так как поставляла эти товары как дань.

Вот почему князь Игорь Старый, собирая дань в стране древлян, вынужден был отпустить часть своей дружины, после чего был убит древлянами^[75]. Дружину надо было оплачивать той же добытой данью, но из нее же надо было послать дань в Хазарию, чтобы полководец Песах не повторил поход. Игорь больше страшился хазар и решил собрать требуемую сумму с наименьшими затратами. Поэтому он стал экономить на «технике безопасности» и погубил не только себя, но и своих сторонников. Но жалеть его не стоит. Благодаря оплошности Игоря Русь вернула себе свободу и славу.

Переворот в Киеве

До тех пор, пока хазарское правительство подчиняло себе народы многочисленные, как черные болгары, культурные, как аланы, храбрые, как печенеги, и вольнолюбивые, как гузы, оно умело управлять ими. Всегда можно было подкупить вождя, или нанять на службу удальцов из народа, или обольстить влиятельных женщин, или завербовать предателей. Важно было то, что этнопсихологическую реакцию можно было рассчитать, так как творческие элементы в психологии были вытеснены традиционными, поддающимися изучению.

Но древние славяно-русы в X в., в отличие от перечисленных народностей, были пассионарным этносом. Надлом, т. е. переход из акматической фазы в инерционную, связанный с варяжской узурпацией, унес много жертв и принес немало позора, но не полностью уничтожил пассионарный генофонд в стране.

В благодатном ландшафте, в устойчивом быте, не нарушенном ни техническими усовершенствованиями, ни европейскими методами воспитания, росли сироты, дети богатырей, погибших на Черном море от греческого огня и на Каспийском – от эпидемий. Они знали, кто послал их отцов на гибель, отобрав предварительно заветные мечи. Они видели, куда уходили шкуры белок и куниц и отчего мерзли их матери и сестры. Они слышали грозные окрики из Киева, где сидел князь, надежно защищенный от народа союзом с хазарским царем, войско которого было всегда наготове.

В этой обстановке росли... ровесники князя Святослава.

По аутентичному источнику – летописанию – князь Святослав родился в 942 г. Его официальный отец Игорь в 879 г. был «дѣтескъ вельми», но даже в этом случае в 942 г. ему было более 66 лет, а его жене Ольге – 49—50. Святослав был их первенец, и он действительно был сын Ольги, а что касается Игоря Рюриковича, то это на совести автора аутентичного источника, так же как и возраст Ольги, которая вплоть до кончины в 969 г. вела себя куда более деятельно, чем это может старуха в 76 лет^[76].

Интересно, что Ольга с сыном жили не в Киеве, а в Вышгороде, где «кормильцем» Святослава, т. е. учителем, был некто Асмуд, а воеводой его отца – Свенельд.

Свенельд имел на прокорм своей дружины дань с древлян и уличей. Игоревы дружина считала, что это для него слишком роскошно. Игорю приходилось платить дань хазарам и кормить свою дружину. В 941 и 943 гг. киевский князь откупался от хазарского царя, участвуя в его походах, но в 944 г. «Игорь, побуждаемый дружиной, идет походом на Деревскую землю (чтобы собрать себе дань, причитающуюся Свенельду и его дружине), но Свенельд не отказывается от данных ему прав – происходит столкновение Игоревой дружины со Свенельдовой и с древлянами – подданными Свенельда; в этом столкновении Игорь убит Мстиславом Лютом, сыном Свенельда» [62, с. 365].

Версия А. А. Шахматова устраняет одну из нелепостей версии Нестора, согласно которой корыстолюбие Игоря было сопряжено с легкомыслием. В самом деле, как отпустить дружину, оставаясь в разграбленной стране?! Другое дело, если Игорь и его советники были уверены в бессилии древлян и пали жертвой заговора, организованного в Вышгороде. Но и тогда остается неясным, почему киевская дружина не отомстила Мстиславу Люту за измену и гибель пусть не князя, но своих соратников? И как на это решились в Вышгороде, когда силы Киева превосходили их силу вдвое? И наконец, почему заговор удался, а месть Мстиславу Люту совершилась лишь в 975 г., когда его убил Олег Святославич, точнее, его свита?

В обеих версиях чего-то не хватает: по нашему мнению, не учтено влияние хазарского царя Иосифа.

После похода Песаха киевский князь стал вассалом хазарского царя, а следовательно, был уверен в его поддержке. Поэтому он перестал считаться с договорами и условиями, которые он заключил со своими подданными, полагая, что они ценят свои жизни больше своего имущества. Это типично еврейская постановка вопроса, где не учитываются чужие эмоции. Свенельдичем и его дружиной овладела обида: они восприняли лишение их доли дани, без которой вполне можно было обойтись, как оскорбительное пренебрежение, на которое ответили убийством князя. Но так как Игорь и окружавшие его варяги после двух тяжелых поражений были на Руси непопулярны, то заговорщиков поддержали широкие массы древлян, благодаря чему переворот удался, ибо княжеская дружина оказалась в изоляции.

Затем наступило короткое междукняжие [62, с. 109], после которого князем стал малолетний Святослав, регентшей – его мать, псковитянка Ольга, а главой правительства – воевода Свенельд, отец Мстислава Люта. Состав нового правительства говорит сам за себя. Отметим лишь, что старшее поколение носит скандинавские, а младшее – славянские имена. Короче говоря, вся фактическая власть сосредоточилась в руках либо славян, либо ославяненных россос.

Не ясен и, вероятно, неразрешим только один вопрос: был ли Святослав сыном Игоря Старого? Летопись в этом не сомневается^[77], у нас нет уверенности в этом^[78]. Но в плане этнологическом это не так уж важно. Ольга и Свенельд восстановили славяно-русскую традицию и вернули Русь на тот путь, по которому она двигалась до варяжской узурпации. И последствия оказались самыми благоприятными для Русской земли и весьма тяжелыми для еврейской общины в Хазарии. Славянский элемент восторжествовал и над норманнским, и над россомонским, сохранив от последнего только само название: «поляне, яже ныне рекома русь». Смена веры в 988 г. позволила покончить с северными заморскими традициями, и Русь вступила в инерционный период этногенеза, при котором условия для накопления культурных ценностей оптимальны.

Русь, избавившись от варяжского руководства, восстанавливалась быстро, хотя и не без некоторых трудностей.

В 946 г. Свенельд усмирил древлян и возложил на них «дань тяжку», две трети которой шли в Киев, а остальное – в Вышгород, город, принадлежавший Ольге [42, т. I, с. 143].

В 947 г. Ольга отправилась на север и обложила данью погосты по Мете и Луге. Но Левобережье Днепра осталось независимым от Киева^[79] и, по-видимому, в союзе с хазарским правительством [63, с. 51—54].

Вряд ли хазарский царь Иосиф был доволен переходом власти в Киеве из рук варяжского конунга к русскому князю, но похода Песаха он не повторил. За истекшие пять лет внешнее положение еврейской общины Итиля осложнилось. Прекратилась не только торговля с Багдадом вследствие победы Бундов, но и китайская торговля потерпела урон. В 946 г. кидани взяли Кайфын, столицу Китая и узел караванной торговли, потом отдали его тюркам-шато, а те оказались во вражде и с киданями, и с китайцами [см.: 25, с. 78—79]. Торговля от этих неурядиц пострадала сильно. А во Франции тоже шла ожесточенная война между последними Каролингами и герцогами Иль-де-Франс. Как уже было сказано, Каролинги за деньги давали защиту французским евреям; поэтому их поражение и неминуемость падения Западной империи не сулили евреям ничего доброго.

Исходя из этих обстоятельств, хазарский царь Иосиф счел за благо воздержаться от похода на Русь, но отсрочка не пошла ему на пользу. Ольга отправилась в Константинополь и 9 сентября 957 г. приняла там крещение, что означало заключение тесного союза с Византией, естественным врагом иудейской Хазарии. Попытка перетянуть Ольгу в католичество, т. е. на сторону Германии, предпринятая епископом Адальбертом, по заданию императора Оттона I прибывшим в Киев в 961 г., успеха не имела [12, с. 458—459]. С этого момента царь Иосиф потерял надежду на мир с Русью, и это было естественно. Война началась, видимо, сразу после крещения Ольги.

То, что война Хазарии с Русью шла в 50-х годах X в., определенно подтверждает письмо царя Иосифа к Хасдаи ибн-Шафруту, министру Абдаррахмана III – омейядского халифа Испании, написанное до 960 г.: «Я живу у входа в реку и не пускаю русов, прибывающих на кораблях, проникнуть к ним (мусульманам). Точно так же я не пускаю всех врагов их, приходящих сухим путем, проникать в их страну. Я веду с ними (врагами мусульман. – Л. Г.) упорную войну. Если бы я оставил их (в покое. – Л. Г.), они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада» [38, с. 83—84].

Это, конечно, преувеличение. Буиды в Иране, Багдаде и Азербайджане держались крепко. По-видимому, Иосиф хотел расположить к себе халифа Испании, чтобы попытаться создать антивизантийский блок на Средиземном море, где как раз в это время греки при поддержке русов отвоевывали Крит, базу арабо-испанских пиратов. В 960 г. Никифор Фока одержал победу. Надежды царя Иосифа на помощь западных мусульман разбились вдребезги.

Тем не менее Византия не могла активно помочь обновленной Руси. Силы греков были скованы наступлением на Киликию и Сирию. В решающие 965—966 гг. Никифор Фока взял Мопсуестию, Тарс, завоевал Кипр и дошел до стен «великого града Божьего» – Антиохии.

Эти победы стоили дорого. В Константинополе в 965–969 гг. царил голод, так как цена хлеба поднялась в 8 раз. Популярность правительства падала.

Однако дружба с Византией обеспечила Руси союз с печенегам, важный при войне с Хазарией. Печенеги, придя на западную окраину Степи, оказались в очень сложном положении:

между греками, болгарами и русскими. Чтобы не быть раздавленными, печенеги заключили союзные договоры с русскими и греками, обеспечивали безопасность торговли между Киевом и Херсонесом, снабжали русов саблями взамен тяжелых мечей. Этот союз продолжался до 968 г. [42, т. II, с. 312; 34, т. II, с. 231—233], т. е. до очередного русско-византийского конфликта. Но в решающий момент войны с Хазарией печенеги были на стороне киевского князя.

Сторонниками хазарского царя в это время были ясы (осетины) и касоги (черкесы), занимавшие в X в. степи Северного Кавказа. Однако преданность их иудейскому правительству была сомнительна, а усердие приближалось к нулю. Во время войны они вели себя очень вяло. Примерно так же держали себя вятичи – данники хазар, а болгары вообще отказали хазарам в помощи и дружили с гузами, врагами хазарского царя. Последний мог надеяться только на помощь среднеазиатских мусульман.

Искренность и выгода

Казалось бы, естественно, что на востоке союзником иудейской Хазарии было таджикское государство Саманидов, известное благодаря активной внешней торговле и блестящей культуре. Однако положение в этой державе было сложным. За 150 лет господства Аббасидов в Средней Азии и Иране потомки арабов, персов, согдийцев и части парфян сумели приспособиться к новым условиям и к X в. слились в монолитный таджикский этнос. Именно таджиков возглавила местная династия Саманидов, и созданная ими культура блистала, как алмаз, по сравнению с которой все прочие – оправа.

Здесь, в кратком очерке, нет возможности описать эту богатую эпоху, но... кристаллы появляются при остывании магмы. За одно только столетие доблесть дехкан, вознесших трон Исмаила Самани, растаяла в очаровании садов, веселом шуме базаров и благолепии суннитских мечетей. Потомки воинов стали веселыми и образованными обывателями.

Вскоре Саманиды, чтобы сохранить свою державу, стали покупать тюркских рабов (гулямов) и составлять из них войско. Те, оставаясь де-юре рабами, могли делать карьеру (порой головокружительную – вплоть до наместников провинций), поскольку фактически гулямы были куда сильнее свободных дехкан и купцов. Ведь в их руках были сабли, и все они были профессиональными вояками. Таким любое ополчение не страшно.

И за границей были тюрки, ставшие мусульманами. В 960 г. приняли ислам карлуки, вслед за ними – воинственные чигили и храбрые ягма. Это снискало им симпатии могущественной суннитской церкви, опасавшейся вольномыслия Саманидов. Шииты казались мусульманскому духовенству бо́льшими врагами, чем иноплеменники. К 999 г. Саманиды были преданы буквально всеми: тюркскими наемниками, духовенством, горожанами Бухары, но и до этого помочь хазарским евреям они не могли. В ином положении был одинокий оазис Хорезм, неподалеку от Аральского моря.

Хорезм подобен зеленому острову среди желтой пустыни, и древнее население его – хорасмии, или хвалиссы, – избежало арабского погрома, преобразившего города Согдианы. Хорезмшах покорился арабам еще в 712 г., согласился на уплату дани и обязался оказывать военную помощь. Этим он спас свой народ, состарившийся и уставший^[80].

В X в. в Хорезмском оазисе было два государства: старожилы в Кяте правил хорезмшах; осевшими в Ургенче тюрками – эмир. Они объединились в 996 г., и тогда Хорезм стал тюркоязычным оседлым самостоятельным этническим образованием.

Необходимую для этого традицию сберегли потомки хорасмиев, а пассионарность привнесли тюрки, главным образом туркмены. За X в. благодаря исключительно благоприятным условиям симбиоз превратился в системную целостность – этнос в мусульманском суперэтносе.

Можно задуматься над тем, откуда взялась пассионарность у приаральских кочевников. Эти потомки сарматов должны были растратить ее одновременно с хорасмиями, согдийцами и парфянами. Да, так, но в VI – VII вв., в эпоху Западно-Тюркютского каганата, с берегов Орхона шел генетический дрейф, разносящий признак на окраины ареала популяции^[81]. Попросту говоря, степные богатыри во время походов на запад награждали местных красавиц своей благосклонностью, а появлявшиеся потомки наследовали пассионарность отцов.

Современники характеризовали хорезмийцев так: «Они храбро воюют с гузами и недоступны для них» (Истахри); «они люди гостеприимные, любители поесть, храбрые и крепкие в бою» (Макдиси); «люди его (города Кята) – борцы за веру и воинственны», «население его (Ургенча) славится воинственностью и искусством метать стрелы» (Худуд ал-Алам); «каждой осенью с наступлением холодов царь Хорезма выступал в поход против гузов»

(Бируни) [цит. по: 55, с. 244].

А так как гузы в X в. стали врагами Хазарского царства, то у царя Иосифа были все основания надеяться на помощь Хорезма. Ведь экономическое благополучие Ургенча и Кята в первой половине X в. было основано на торговле с Хазарией, шедшей через Устюрт и Мангышлак, в обход кочевий гузов [там же, с. 242]. Будь царь Иосиф или другой еврей владыкой Ургенча, он поддержал бы хазарскую иудейскую общину, потому что это было выгодно не только ему, но и его стране. Но в Ургенче правил тюрк, который ради веры пошел на менее выгодный союз с освободившимся от Хазарии Булгаром. Гузы, воюя с хорезмийцами, купцов через свои земли пропускали, взимая пошлину. Эта торговля была менее выгодна Хорезму, зато совесть тюрка была чиста.

Понятие «выгода» у разных этносов и в разные эпохи различно. Для эмира Ургенча деньги значили много, но не все. Он не мог на них купить расположение мулл и улемов, энтузиазм своих конных стрелков, симпатии соседних кочевников и даже любовь своих жен. В Азии не все продается, а многое дается даром, ради искренней симпатии, которую эмир должен приобрести, если не хочет сменить трон на могилу. Поскольку общественное мнение хорезмийцев X в. формировалось в постоянной войне за ислам, то и правитель их должен был поступать в согласии с установленным стереотипом поведения. Он так и делал.

Макдиси сообщает: «Городами Хазарии иногда завладевает владетель Джурджании». И в другом месте: «Слышал я, что ал-Мамун нашествовал на них (хазар) из Джурджании, победил их и обратил к исламу. Затем слышал я, что племя из Рума, которое зовется Рус, нашествовало на них и овладело их страной» [цит. по: 55, с. 252—253]. И Ибн-Мискавейх и Ибн ал-Асир сообщают о нападении в 965 г. на кагана Хазарии какого-то тюркского народа. Хорезм дал помощь при условии обращения хазар в ислам, а потом «обратился и сам каган» [там же]. Сопоставим эти сведения с тем, что мы уже знаем.

В 943 г. хазарские иудеи и хорезмийцы, по свидетельству Масуди, были в союзе. В 965 г. Хазарская держава пала. Следовательно, колебания политики Хорезма имели место в промежутке между этими датами. Логично думать, что шансы царя Иосифа упали после поездки Ольги в Константинополь в 957 г. Значит, в эти годы (957—964) хорезмийцы под предлогом защиты хазар от гузов и русов обратили языческое население дельты Волги в ислам. Те пошли на это охотно, потому что не видели от своих правителей ничего доброго. Таким образом, Святославу была открыта дорога на Итиль, а подготовка к войне закончена^[82].

Пятый акт трагедии

964 год застал Святослава на Оке, в земле вятичей. Война русов с хазарскими иудеями уже была в полном разгаре, но вести наступление через Донские степи, контролируемые хазарской конницей, киевский князь не решился^[83]. Сила русов X в. была в ладьях, а Волга широка. Без излишних столкновений с вятичами русы срубили и наладили ладьи, а весной 965 г. спустились по Оке и Волге к Итилю [см.: 3, с. 426—429], в тыл хазарским регулярным войскам, ожидавшим врага между Доном и Днепром^[84].

Поход был продуман безукоризненно. Русы, выбирая удобный момент, выходили на берег, пополняли запасы пищи, не брезгуя грабежами, возвращались на свои ладьи и плыли по Волге, не опасаясь внезапного нападения болгар, бургасов и хазар. Как было дальше, можно только догадываться.

При впадении р. Сарысу Волга образует два протока: западный – собственно Волга и восточный – Ахтуба. Между ними лежит зеленый остров, на котором стоял Итиль, сердце иудейской Хазарии [см.: 21, с. 26]. Правый берег Волги – суглинистая равнина; возможно, туда подошли печенеги. Левый берег Ахтубы – песчаные барханы, где хозяевами были гузы. Если часть русских ладей спустилась по Волге и Ахтубе ниже Итиля, то столица Хазарии превратилась в ловушку для обороняющихся без надежды на спасение.

Продвижение русов вниз по Волге шло самосплавом и поэтому настолько медленно, что местные жители (хазары) имели время убежать в непроходимые заросли дельты, где русы не смогли бы их найти, даже если бы вздумали искать. Но потомки иудеев и тюрков проявили древнюю храбрость. Сопротивление русам возглавил не царь Иосиф, а безымянный каган. Летописец лаконичен: «И бывши брани, одолъ Святославъ козаромъ и градъ ихъ... взя» [42, т. I, с. 47]^[85]. Вряд ли кто из побежденных остался в живых. А куда убежали еврейский царь и его приближенные-соплеменники – неизвестно.

Эта победа решила судьбу войны и судьбу Хазарии. Центр сложной системы исчез, и система распалась. Многочисленные хазары не стали подставлять головы под русские мечи. Это им было совсем не нужно. Они знали, что русам нечего делать в дельте Волги, а то, что русы избавили их от гнетущей власти, им было только приятно. Поэтому дальнейший поход Святослава – по наезженной дороге ежегодных перекочевков тюрко-хазарского хана, через «черные земли» к Среднему Тереку, т. е. к Семендеру, затем через кубанские степи к Дону и, после взятия Саркела, в Киев – прошел беспрепятственно.

Русские ратники, изголодавшиеся за долгий переход по полупустыне, разграбили роскошные сады и виноградники вокруг Семендера, но обитатели этих незащищенных поселений могли легко укрыться в густом лесу на берегу Терека. Жители Саркела, вероятно, разбежались заблаговременно, ибо сражаться стало не за что и не для чего. Гибель иудейской общины Итиля дала свободу хазарам и всем окрестным народам. Зигзаг сгладился, и история потекла по нормальному руслу.

Хазарские евреи, уцелевшие в 965 г., рассеялись по окраинам своей бывшей державы. Некоторые из них осели в Дагестане (горские евреи), другие – в Крыму (караимы). Потеряв связь с ведущей общиной, эти маленькие этносы превратились в реликты, уживавшиеся с многочисленными соседями. Распад иудео-хазарской химеры принес им, как и хазарам, покой.

Поклонники плененного света

Хазарская трагедия описана нами, но не объяснена. Неясными остаются причины того, почему многочисленная еврейская община, лишенная искренних друзей, ненавидимая соседями, не поддержанная подданными, полтора столетия господствовала над международной торговлей и возглавляла добрую половину разрозненных иудейских общин. Без искренних попутчиков и союзников такое дело неосуществимо. Значит, у иудейской Хазарии такие союзники были.

«Враги наших врагов – наши друзья», – гласит старинная пословица. Даже если они нас не любят и ничего от нас не получают, они, борясь со своими, а тем самым нашими врагами, помогают нам. В IX – XI вв. непримиримыми по отношению к христианству, исламу и хинаяническому буддизму были сторонники учения пророка и философа Мани, казненного в Иране в 276 г. Учение его распространилось на восток до Желтого моря, а на запад до Бискайского залива, но нигде не могло укрепиться из-за своей непримиримости. К IX в. манихейская община, как таковая, исчезла, но она дала начало множеству учений и толкований, породивших несколько сильных движений, резко враждебных христианству и исламу. Повсюду, где только не появлялись манихейские проповедники, они находили искренних сторонников, и всюду текла кровь в таких масштабах, которые шокировали даже привыкших ко многому людей раннего Средневековья. А собственно говоря, почему надо было из-за поэтических взглядов на мир жертвовать собой и убивать других? Но ведь убивали же!

Манихейские проповедники в Южной Франции и даже в Италии так наэлектризовывали массы, что подчас даже папа боялся покинуть укрепленный замок, чтобы на городских улицах не подвергнуться оскорблениям возбужденной толпы, среди которой были и рыцари, тем более что затронутые пропагандой феодалы отказывались их усмирять.

Во второй половине XI в. манихейское учение охватило Ломбардию, где пороки высшего духовенства вызвали законное возмущение мирян. В 1062 г. священник Ариальд выступил в Милане против брака священников, но встретил сопротивление архиепископа Гвидо и был убит. Борьба продолжалась, причем архиепископа и его наследника поддерживал император Генрих IV – тайный сатанист, а реформаторов – папы Александр II и Григорий VII. Видимо, и папы, и император не интересовались сущностью проблемы, а просто искали сторонников. За соперничество вождей заплатили жители Милана, который сгорел во время уличного боя в 1075 г. В XII в. манихеи, названные в Италии патаренами, распространились по всем городам вплоть до Рима, причем наименее склонными к ереси оказались крестьяне, а наиболее активными еретиками – дворяне и священники, т. е. самая пассионарная часть населения.

В Лангедоке, находившемся под призрачным покровительством королей Германии, центром манихейства стал город Альби, из-за чего французских манихеев стали называть альбигойцами, наряду с их греческим наименованием – катары, что значит «чистые». Их община делилась на «совершенных», «верных» и мирян. «Совершенные» жили в безбрачии и посте, обучая «верных» и напутствуя умирающих, которые на одре смерти принимали посвящение в «совершенные», чтобы спастись от уз материального мира. Миряне, сочувствующие катарам, переводили на народные языки книги Ветхого Завета как героические сказания, чем понемногу изменяли идеалы рыцарства, а тем самым и стереотип поведения своих читателей. Остальное довершила антипатия провансальцев к французам как к чуждому и агрессивному этносу. К 1176 г. бо́льшая часть дворянства и духовенства Лангедока стали катарами, а меньшая часть и крестьяне предпочитали молчать и не протестовать.

Религиозные воззрения и разногласия сами по себе не повод для раздоров и истребительных войн, но часто являются индикатором глубоких причин, порождающих грандиозные

исторические явления. Распространенное мнение, что пламенная религиозность Средневековья породила католический фанатизм, от которого запылали костры первой инквизиции, – вполне ошибочно. К концу XI в. духовное и светское общество Европы находилось в полном нравственном упадке. Многие священники были безграмотны, прелаты получали назначения благодаря родственным связям, богословская мысль была задавлена буквальными толкованиями Библии, соответствовавшими уровню невежественных теологов, а духовная жизнь была скована уставами клюнийских монахов, настойчиво подменявших вольномыслие добронравием. В ту эпоху все энергичные натуры делались или мистиками, или развратниками [подробно см.: 47, с. 170—173]. А энергичных и пассионарных людей в то время было много больше, чем требовалось для повседневной жизни. Поэтому-то их и старались сплавить в Палестину, освободить Гроб Господень от мусульман, с надеждой, что они не вернуться.

Но ехали на Восток не все. Многие искали разгадок бытия, не покидая родных городов, потому что восточная мудрость сама текла на Запад. Она несла ответ на самый больной вопрос теологии: Бог, создавший мир, благ; откуда же появились зло и сатана?

Принятая в католичестве легенда о восстании обуянного гордыней ангела не удовлетворяла пытливые умы. Бог всеведущ и всемогущ! Значит, он должен был предусмотреть это восстание и подавить его. А раз он этого не сделал, то он повинен во всех последствиях и, следовательно, является источником зла.

Для подавляющего большинства людей, входивших в христианские этносы Средневековья, сложные теологические проблемы были непонятны и ненужны. Однако потребность в органичном, непротиворечивом мировоззрении была почти у всех христиан, даже у тех, кто практически не верил в догматы религии и, уж во всяком случае, не думал о них.

Характер и система мировоззрения имели практический смысл – отделение добра от зла и объяснение того, что есть зло. Для средневекового обывателя эта проблема решалась просто – противопоставлением Бога дьяволу, т. е. путем элементарного дуализма. Но против этого выступили ученые теологи, монасты, утверждавшие, что Бог всеведущ. Но коль скоро так, то Бог присутствует в дьяволе и, значит, несет моральную ответственность за все проделки сатаны.

На это мыслящие люди возражали, что если Бог – источник зла и греха, пусть даже через посредство черта, то нет смысла почитать его. И они приводили тексты из Нового Завета, где Христос отказался вступить в компромисс с искушавшим его дьяволом.

На это сторонники монизма возражали теорией, согласно которой сатана был создан чистым ангелом, но возмутился и стал творить зло по самоволию и гордости. Но эта концепция несовместима с принципом всеведения Бога, который должен был предусмотреть нюансы поведения своего творения, и всемогущества, ибо, имея возможность прекратить безобразия сатаны, он этого не делает. Поэтому теологи выдвинули новую концепцию: дьявол нужен и выполняет положенную ему задачу, а это, по сути дела, означало компромисс Бога и сатаны, что для людей, безразличных к вере, было удобно, а для искренне верующих – неприемлемо. Тогда возникли поиски нового решения, а значит, и ереси.

В 847 г. ученый монах Готшалк, развивая концепцию Блаженного Августина, выступил с учением о предопределении одних людей к спасению в раю, а других – к осуждению в аду, вне зависимости от их поступков, а по предвидению Божию в силу Его всеведения. Это мнение было вполне логично, но абсурдно, ибо тогда отпадала необходимость что-либо делать ради своего спасения и, наоборот, можно было творить любые преступления, ссылаясь на то, что и они предвидены Богом при сотворении мира. Проповедь Готшалка вызвала резкое возмущение. В 849 г. по поводу ее возникла полемика, в которой принял участие Иоанн Скотт Эригена, заявивший, что зла в мире вообще нет, что зло – это отсутствие бытия, следовательно, проблема Добра и Зла вообще устранялась из теологии, а тем самым упразднялась не только

теоретическая, но и практическая мораль.

Мнение Эригены было осуждено на Поместном соборе в Валенсе в 855 г. [2, с. 62—65]. Собор высказался в пользу учения Готшалка и с презрением отверг «шотландскую кашу», т. е. учение Эригены, которое квалифицировали как тезисы дьявола, а не истинной веры [там же]. Но ведь в обоих вариантах зло, как метафизическое (сатана), так и практическое (преступления), реабилитировалось. Готшалк считал источником зла божественное предвидение, а Эригена предлагал принимать очевидное зло за добро, так как «Бог зла не творит».

Итак, теоретически проблема Добра и Зла зашла в тупик, а практически Римская церковь вернулась к учению Пелагия о спасении путем свершения добрых дел. Такое решение было отнюдь не сознательным отходом от взглядов Блаженного Августина, а скорее инстинктивной, воспринимаемой интуитивно и дававшей практические результаты естественной моралью. Но если пелагианство удовлетворяло запросам массы, то не снимало вопроса о природе и происхождении зла и сатаны, упомянутого в Новом Завете неоднократно. Неопределенность тревожила пытливые умы молодых людей всех наций и сословий.

Не то чтобы они искали в философии и теологии способ обогащения или социального переустройства; нет, им требовалось непротиворечивое мировоззрение, которое объединило бы их жизненный опыт с традицией и уровнем знаний того времени.

В самом деле, годилось ли для людей IX в., одаренных пылким воображением при привычке к конкретному мировосприятию, описание Бога, как «непостижимости», которая не знает, что она есть. По отношению к предметам мира – Бог обозначается как *небытие*, — или как *монада*, не имеющая в себе ни различия, ни противоположения; в отношении к бытию идеальному – как причина всех вещей, обретающих форму; по отношению к своей непостижимости – как «божественный мрак».

А как могли монахи обители Мальмсбери, где Эригена был настоятелем, молиться «мраку», который их и услышать-то не может? Они не могли не усмотреть в учении своего игумена кощунство и в 890 г., по вполне недостоверной, но весьма показательной версии, убили его собственной чернильницей. Но и после этого большие вопросы не были сняты. Разочаровавшись в возможностях схоластики, которая в X в. переживала очередной упадок, средневековые богоискатели искали решения проблемы вне школ и получали ответы от приходивших с Востока (с Балканского полуострова) манихеев, или, как их называли, катаров (чистые)^[86]. Зло вечно. Это материя, оживленная духом, но обволакивая его собой. Зло мира – это мучение духа в тенетах материи; следовательно, все материальное – источник зла. А раз так, то зло – это любые вещи, в том числе храмы и иконы, кресты и тела людей. И все это подлежит уничтожению. Самым простым выходом для манихеев было бы самоубийство, но они ввели в свою доктрину учение о переселении душ. Это значит, что смерть ввергает самоубийцу в новое рождение, со всеми вытекающими отсюда неприятностями. Поэтому ради спасения души предлагалось другое: изнурение плоти либо аскезой, либо неистовым развратом, после чего ослабевшая материя должна выпустить душу из своих когтей. Только эта цель признавалась манихеями достойной, а что касается земных дел, то мораль, естественно, упраздняялась. Ведь если материя – зло, то любое истребление ее – благо, будь то убийство, ложь, предательство... все не имеет никакого значения. По отношению к предметам материального мира было все позволено.

В учении о предопределении, т. е. об ответственности за свои грехи, наиболее актуальном для того времени, катары совмещали августинизм Готшалка и космологию Эригены. Они отрицали свободу воли у человека и делили людей на сотворенных добрым и злым богами. Первые могут сделать зло лишь против воли, и, следовательно, грех не вменяется им в вину, а может только отсрочить их «возвращение домой». При этом они постулировали пресуществование душ и метампсихозис. Этим «возвращением» они смыкаются с космологией

Эригены, с той лишь разницей, что последний отрицал злое начало; зато он называл Бога – «божественный мрак», так что неясно, кому он поклонялся: Богу или сатане? С точки зрения его учеников – монахов, логичнее было второе решение, так как «божественный мрак» (несотворенное и творящее) принимал в себя обратно не свою эманацию, т. е. идеи (сотворенное и творящее), и невидимые вещи, наполняющие мир (сотворенное и не творящее), а неупокоенные души мертвецов (не сотворенное и не творящее), т. е. попросту «нежить», вампиров, которых люди боятся и которые имеют псевдосуществование при злой (для людей) активности. Переводя эту дилемму на язык современных понятий, можно сказать, что в возникшей системе представлений роль дьявола играл вакуум, который, как известно, при столкновении с материей весьма активен, хотя без нее лишен существования. Но поскольку живое воображение людей того времени требовало персонификации и доброго и злого начала, то катары объединили злого бога с богом Ветхого Завета – Яхве, переменчивым, жестоким и лживым, создавшим материальный мир для издевательства над людьми.

Но тут средневековый христианин сразу задавал вопрос: а как же Христос, который был и человеком? На это были подготовлены два ответа: явный для новообращенных и тайный для посвященных. Явно объяснялось, что «Христос имел небесное, эфирное тело, когда вселился в Марию. Он вышел из нее столь же чуждым материи, каким был прежде... Он не имел надобности ни в чем земном, и если он видимо ел и пил, то делал это для людей, чтобы не заподозрить себя перед сатаной, который искал случая погубить „Избавителя“. Однако для „верных“ (так назывались члены общины) предлагалось другое объяснение: „Христос – творение демона: он пришел в мир, чтобы обмануть людей и помешать их спасению. Настоящий же не приходил, а жил в особом мире, в небесном Иерусалиме“ [47, с. 194—195].

Довольно деталей. Нет и не может быть сомнений в том, что манихейство в Провансе и Ломбардии не ересь, а просто антихристианство и что оно дальше от христианства, нежели ислам и даже теистический буддизм. Однако если перейти от теологии к истории культуры, то вывод будет иным. Бог и дьявол в манихейской концепции сохранились, но поменялись местами. Именно поэтому новое исповедание имело в XII в. такой грандиозный успех. Экзотической была сама концепция, а детали ее привычны, и замена плюса на минус для восприятия богоискателей оказалась легка. Следовательно, в смене знака мог найти выражение любой протест, любое неприятие действительности, в самом деле весьма непривлекательной. Кроме того, манихейское учение распадалось на множество направлений, мироощущений, мировоззрений и степеней концентрации, чему способствовали в разной мере пассионарность новообращенных, позволявшая им не бояться костра, и оправдание лжи, с помощью которой они не только иногда спасали себя, но наносили своим противникам неотразимые губительные удары.

Ради успеха пропаганды своего учения катары часто меняли одежду, проникая в города и села, то как пилигримы, то как купцы, но чаще всего как ремесленники-ткачи, потому что ткачу было легко попасть на работу и завязать нужные связи, самому оставаясь незамеченным. Отсюда видно, что здесь не классовое антифеодалное движение масс, а маскировка членов организации, объединенной властью манихейского «папы», жившего, как говорили, в Болгарии.

Но почему же манихейские ученые не смогли вытеснить христианства, особенно когда папы воевали с императорами, а схоласты тратили силы на бесплодные споры друг с другом? Пожалуй, потому, что манихейству противостояло неосознанное мировоззрение, которое мы попробуем сформулировать здесь. Бог сотворил Землю, но дьявол – князь мира сего; на Земле дьявол сильнее Бога, но именно поэтому благородный рыцарь и монах-подвижник должны встать на защиту слабого и бороться с сильным врагом до последней капли крови. Ведь не в силе Бог, а в правде, и творение Его – Земля прекрасна, а Зло приходит извне, от врат Ада, и самое

простое и достойное – загнать его обратно.

Эта концепция была непротиворечива, проста для восприятия и соответствовала если не нравам того времени, то его идеалам. А поскольку идеал – это далекий прогноз, воспринимаемый интуитивно, то он и оправдался, хотя трагедия, сопутствовавшая его осуществлению, постигла Европу и Азию лишь в XIII в., т. е. за хронологическими рамками нашего сюжета. Поэтому обратимся пока к Византии, которая пострадала от аналогичных учений не менее Франции.

Наследники тайного знания

Как было уже кратко сказано, византийский суперэтнос вылупился из яйца христианской общины, социальным обрамлением которой была церковная организация. Но был в этом яйце и второй зародыш – так называемый гностицизм. Гностиками становились мечтатели, богоискатели, почти фантасты, стремившиеся, подобно античным философам, придумать связную и непротиворечивую концепцию мироздания, включая в него добро и зло. Гностицизм – это не познание мира, а поэзия понятий, в которой главное место занимало неприятие действительности. Среди множества гностических школ и направлений общим было учение о Демиурге, т. е. ремесленнике, сотворившем мир, чтобы забавляться муками людей. Этим Демиургом они считали еврейского ветхозаветного Яхве, которого они противопоставляли истинному Богу, творившему души, но не материю. Вместе с тем они все признавали Христа, но считали его человеческий облик призрачным, т. е. нематериальным. Наиболее распространено было учение офитов, т. е. поклонников змея, научившего мудрости Адама и Еву.

По этой логико-этической системе в основе мира находится Божественный Свет и его Премудрость, а злой и бездарный демон Ялдаваоф, которого евреи называют Яхве, создал Адама и Еву. Но он хотел, чтобы они остались невежественными, не понимающими разницу между Добром и Злом. Лишь благодаря помощи великодушного змея, посланца божественной Премудрости, люди сбросили иго незнания сущности божественного начала. Ялдаваоф мстит им за освобождение и борется со змеем – символом знания и свободы. Он посылает потоп (под этим символом понимаются низменные эмоции), но Премудрость, «оросив светом» Ноя и его род, спасает их. После этого Ялдаваофу удается подчинить себе группу людей, заключив договор с Авраамом и дав его потомкам закон через Моисея. Себя он называет Богом Единым, но он лжет; на самом деле он просто второстепенный огненный демон, через которого говорили *некоторые* еврейские пророки. Другие же говорили от лица других демонов, не столь злых. Христа Ялдаваоф хотел погубить, но смог устроить только казнь человека Иисуса, который затем воскрес и соединился с божественным Христом.

С более изящными и крайне усложненными системами выступили во II в. антиохиец Саторнил, александриец Василид и его соотечественник, переехавший в Рим, – Валентин.

Большинство гностиков не стремились распространять свое учение, ибо они считали его слишком сложным для восприятия невежественных людей. Поэтому их концепции гасли вместе с ними. Но в середине II в. христианский мыслитель Маркион, опираясь на речь апостола Павла в Афинах о «Неведомом Боге», развил гностическую концепцию до той степени, что она стала доступной широким массам христиан. И это учение не исчезло. Через сотни передач оно сохранилось на родине Маркиона – в Малой Азии, и в IX в., преобразованное, но еще узнаваемое, стало исповеданием павликиан (от имени апостола Павла), выступивших на борьбу с византийским православием, причем они даже заключили политический союз с мусульманами.

Если говорить о религиозной доктрине павликиан, то бросается в глаза их различие с манихеями, сходство с древними гностиками и крайне отрицательное отношение к маздакизму и иудаизму.

Но теологические тонкости, которые волновали умы богословов, были чужды и непонятны массам, задачей которых была война против Византии. Для противопоставления себя православию было достаточно общепонятного признания материи не творением Божиим, а извечным злым началом. Этот тезис роднит павликиан с манихеями и катарами, однако происхождение доктрины от утраченного трактата Маркиона наложило на их идеологию неизгладимый отпечаток.

Сочинение Маркиона о несоответствии Ветхого и Нового Заветов не сохранилось, потому что оно во II в. не было ни принято, ни опровергнуто. Оно подверглось осторожному замалчиванию, а потом забвению. Этот способ научной полемики во все века действует безотказно. Но противники Маркиона не могли предвидеть, что к концу XIX в. удастся восстановить содержание его концепции путем применения неизвестной им методики – широкого сопоставления фрагментов с общим направлением мысли, достаточно оригинальной, чтобы выделить ее из числа прочих. Эту работу проделал Дёллингер и получил результат, если не идентичный тексту Маркиона, то достаточно к нему близкий. Различие между Богом Ветхого Завета и Богом Евангелия формулировалось катарам, павликианами и христианскими гностиками так: «Первый запрещает людям вкушать от древа жизни, а второй обещает дать побеждающему вкусить сокровенную манну» (Апок. 2, 17). Первый увещевает к смешению полов и к размножению до пределов ойкумены, а второй запрещает даже одно греховное взирание на женщину. Первый обещает в награду землю, второй – небо. Первый предписывает обрезание и убийство побежденных, а второй – запрещает то и другое. Первый проклинает землю, а второй ее благословляет. Первый раскаивается в том, что создал человека, а второй не меняет своих симпатий. Первый предписывает месть, второй – прощение кающегося. Первый требует жертв животных, второй от них отвращается. Первый обещает иудеям господство над всем миром, а второй запрещает господство над другими. Первый позволяет евреям ростовщичество (т. е. капитализм), а второй запрещает присваивать не заработанные деньги (военная добыча в то время рассматривалась как оплата доблести риска). В Ветхом Завете – облако темное и огненный смерч, в Новом – неприступный свет. Ветхий Завет запрещает касаться ковчега Завета и даже приближаться к нему, т. е. принципы религии – тайна для массы верующих, в Новом Завете – призыв к себе всех. В Ветхом Завете – проклятие висящему на дереве, т. е. казнимому, в Новом – крестная смерть Христа и воскресение; в Ветхом Завете невыносимое иго закона, а в Новом – благое и легкое бремя Христово [65, s. 146—147, цит. по: 2, с. 37].

Павликиан, как и манихеев, нельзя считать христианами, несмотря на то что они не отвергали Евангелия. Павликиане называли крест символом проклятия, ибо на нем был распят Христос, не принимали икон и обрядов, не признавали таинства крещения и причащения, и все активно боролись против церкви и власти, прихожан и подданных, сделав промыслом продажу плененных юношей и девушек арабам. Вместе с тем в числе павликиан встречалось множество попов и монахов-расстриг, а также профессиональных военных, руководивших их сплоченными, дисциплинированными отрядами. Удержать этих сектантов от зверств не могли даже их духовные руководители. Жизнь брала свое, даже если лозунгом борьбы было отрицание жизни. И не стоит в этих убийствах винить Маркиона, который в богословии был филологом, показавшим принципиальное различие между Ветхим и Новым Заветами^[87]. В идеологическую основу антисистемы византийского суперэтнуса могла быть положена и другая концепция, как мы сейчас и покажем.

Павликианство было разгромлено военной силой в 872 г., после чего пленных павликиан не казнили, а поместили на границе с Болгарией для несения пограничной службы. Так смешанная манихейско-маркионитская доктрина проникла к балканским славянам и породила богумильство, вариант дуализма, весьма отличающийся от манихейского прототипа, укрепившегося в те же годы в Македонии (община в Дреговичах).

Вместо извечного противостояния Света и Мрака богу-милы учили, что глава созданных Богом ангелов, Сатаниил, из гордости восстал и был низвергнут в воды, ибо суши еще не было, Сатаниил создал сушу и людей, но не мог их одушевить, для чего обратился к Богу, обещая стать послушным. Бог вдунул в людей душу, и тогда Сатаниил его надул и сделал Каина. Бог в ответ на

это отпрыгнул Иисуса, бесплотного духа, для руководства ангелами, тоже бесплотными. Иисус вошел в одно ухо Марии, вышел через другое и обрел образ человека, оставаясь призрачным. Ангелы скрутили Сатаниила, отняли у него суффикс «ил» – «единый», в котором таилась его сила, разумеется мистическая, и загнали его в Ад. Теперь он не Сатаниил, а сатана. А Иисус вернулся в чрево Отца, покинув материальный, созданный Сатаниилом, мир. Вывод из концепции был неожидан, но прост: «Бей византийцев!»

Теперь можно остановиться, чтобы сделать первое обобщение, предваряющее вывод. Катары, патарены, богумилы, павликиане, маздакиты, строгие манихеи и их разновидности, несмотря на догматические различия и различный генезис философем, обладали одной общей чертой – антиматериализмом, выразившимся в ненависти к материальному миру, или, как сказали бы в наше время, к окружающей среде. Представители полярной им идеологии рассматривали окружающую среду, с присущими ей стихийными процессами, как творение Божие, т. е. как благо. Они были стихийными материалистами независимо от присутствия в мировоззрении принципа монотеизма. Таким образом, приняв нейтральную систему отсчета, мы можем ввести в исследование деление на два разряда *мироощущений* (отнюдь не философских или теологических доктрин): жизнеутверждающее, т. е. сопричастное биосфере планеты, и жизнеотрицающее, ставящее целью и идеалом аннигиляцию материального мира. Соотношение между этими мировоззрениями отнюдь не зеркальное, вследствие чего присвоить социальным образованиям негативного типа название «антисистем» можно только условно. Решающей здесь является асимметрия, ибо негативные образования существуют только за счет позитивных этнических систем, которые они разъедают изнутри, как раковые опухоли – организм, вмещающий их.

Может возникнуть сомнение в том, что описанное явление было в средние века универсально, а не характерно только для христианской культуры. В этом случае можно было бы обойтись без поисков естественного объяснения феномена. Поэтому продолжим описание и рассмотрим, как обстояло дело на Ближнем Востоке, в мире иных культурных традиций и иных этнических соотношений, т. е. Арабском халифате при династии Аббасидов.

Мусульманское право, шариат, позволяло христианам и евреям за дополнительный налог – хардж спокойно исповедовать свои религии. Идолопоклонники подлежали обращению в ислам, что тоже было сносно. Но «зиндикам», представителям нигилистических учений, грозила мучительная смерть. Против них была учреждена целая инквизиция, глава которой носил титул «палача зиндиков»^[88]. Естественно, что при таких условиях свободная мысль была погребена в подполье и вышла из него преобразенной до неузнаваемости во второй половине IX в. И даже основатель новой концепции известен. Звали его Абдулла ибн-Маймун, родом из Мидии, по профессии – глазной врач, умер в 874—875 гг.

Догматику и принципы нового учения можно лишь описать, но не сформулировать, так как основным его принципом была ложь. Сторонники новой доктрины даже называли себя в разных местах по-разному: исмаилиты, карматы, батиниты, равендиты, бурканти, джаннибиты, саидиты, мухаммире, мубанзе и талими... Цель же их была одна – во что бы то ни стало разрушить ислам. Можно было бы усомниться в этой характеристике, исходящей из уст противника, если бы фактический ход исторических событий не подтверждал ее.

Видимая сторона учения была проста: безобразия этого мира исправит махди, т. е. спаситель человечества и восстановитель справедливости. Эта проповедь почти всегда находит отклик в массах народа, особенно в тяжелые времена. А IX век был очень жестоким. Мятежи и отпадения эмиров, восстания племен на окраинах и рабов-зинджей в сердце страны, бесчинства наемных войск и произвол администрации, поражения в войнах с Византией и растущий фанатизм мулл... все это ложилось на плечи крестьян и городской бедноты, в том числе и образованных, но нищих персов и сирийцев. Горючего скопилось много: надо было уметь поднести к нему факел.

Свободная пропаганда любых идей была в халифате неосуществима. Поэтому эмиссары доктрины – даи (глашатаи) выдавали себя за набожных шиитов. Они толковали тексты Корана, попутно вызывая в собеседниках сомнения и намекая, что им что-то известно, но вот-де истинный закон забыт, отчего все бедствия и проистекают, а вот если его восстановить, то... Но тут он, как бы спохватившись, замолкал, чем, конечно, разжигал любопытство. Собеседник, крайне заинтересованный, просит продолжать, но проповедник, опять-таки ссылаясь на Коран, берет с него клятву соблюдения молчания, а затем, как испытание доброй воли прозелита, сумму денег на общее дело, сообразно средствам обращаемого. Затем идет обучение новообращенного учению об «истинных имамах», потомках Али, и семи пророках, равных Мухаммеду. Усвоив это, прозелит перестает быть мусульманином, так как утверждение, что последним и наивысшим пророком является махди, противоречит коренному догмату ислама. Затем идут четыре степени познания для массы и еще пять для избранных. Коран, обрядность, философия ислама – все принимается, но в аллегорическом смысле, позволяющем перетолковывать их как угодно. Наконец, посвященному объясняется, что и пришествие махди – только аллегория познания и распространение истины. Все же пророки всех религий были люди заблуждавшиеся, и их законы для посвященного не обязательны. Бога на небе нет, а есть только второй мир, где все обратно нашему миру. Свят лишь имам, как вместилище духа, истинный владыка исмаилитов. Ему надо подчиниться и платить золотом, которое можно легко добыть у иноверцев путем грабежа и торговли захваченными в плен соседями, не вступившими в тайную общину. Все мусульмане – враги, против которых дозволены ложь, предательство, убийства, насилия. И вступившему на «путь», даже в первую степень, возврата нет, кроме как в смерть.

Община, исповедовавшая и проповедовавшая это страшное учение, бывшее, бесспорно,

мистическим и вместе с тем антирелигиозным, очень быстро завоевала твердые позиции в самых разных областях распадавшегося халифата. Наибольший успех имела карматская община Бахрейна, разорившая в 929 г. Мекку. Карматы перебили паломников и похитили черный камень Каабы, который вернули лишь в 961 г. Губительными набегами карматы обескровили Сирию и Ирак, им удалось даже овладеть Мультамом в Индии, где они варварски перебили население и разрушили дивное произведение искусства – храм Адитьи.

Не меньшее значение имело обращение в исмаилизм части берберов Атласа. Эти воинственные племена использовали проповедь псевдоислама для того, чтобы расправиться с завоевателями-арабами. Вождь восставших Убейдулла в 907 г. короновался халифом, основал династию Фатимидов, потомков Али и Фатьмы – дочери пророка Мухаммеда.

Это ему удалось потому, что официально он объявлял себя шиитом, используя тайное право на дезинформацию^[89], даваемое высокой степенью посвящения. В 969 г. его потомки овладели Египтом и ворвались в Сирию, но жестокость берберов вызвала возмущение среди местного населения, а попытка халифа Фатимида подчинить себе карматскую республику Бахрейна вызвала сопротивление вольнолюбивых арабов. Жестокая война, возникшая между арабами и берберами, так ослабила обе стороны, что напор карматов и исмаилитов на суннитов ослабел. Однако Фатимиды держались в Египте до 1171 г., опираясь уже не на берберов, которые отпали от халифа, а на наемные войска из негров и тюрков. Негры поддерживали исмаилитов, тюрки были сунниты, подобно большинству населения Египта. Резня этих войск так ослабила правительство, что в 1171 г. был осуществлен суннитский переворот, упразднивший династию Фатимидов. Власть в Египте, а потом и в Сирии перешла в руки знаменитого Салах ад-Дина ибн Аюба, основавшего династию Аюбидов, распавшуюся на множество мелких владений.

Исмаилиты пытались также утвердиться в Иране и Средней Азии, но натолкнулись на противодействие тюрков, сначала Махмуда Газневи, а потом сельджукских султанов. Несмотря на понесенные поражения, исмаилиты в конце XII в. держались в Иране и Сирии. Честолюбивый Хасан Саббах, чиновник канцелярии сельджукского султана Мелик-шаха, выгнанный за интриги, стал исмаилитским имамом. В 1090 г. ему удалось овладеть горной крепостью Аламут в Дейлеме и еще многими замками в разных местах Ирана и Сирии, а в 1126 г. сирийские исмаилиты приобрели крепость Баниас и десять других в горах Ливана и Антиливана.

Однако не крепости были главной опорой этих фанатиков. Большая часть подданных «старца горы» жила в городах и селах, выдавая себя за мусульман или христиан. Но по ночам они, послушные приказам своих даи, совершали тайные убийства или собирались в отряды, нападавшие даже на укрепленные замки. Мусульмане не считали их за единоверцев, и поэт XII в. рассказывает, что во время приступа его замка мать увела свою дочь на балкон над пропастью, чтобы столкнуть девушку в бездну, лишь бы она не попала в плен к исмаилитам [58, с. 201]. Попытки уничтожить этот орден были неудачны, ибо каждого везира или эмира, неудобного для исмаилитов, подстерегал неотразимый кинжал явного убийцы, жертвовавшего жизнью по велению своего старца. А может быть, этого довольно?

Провансальские катары, ломбардские патерены, болгарские богумилы, малоазиатские павликиане, аравийские карматы, берберийские и иранские исмаилиты, имея множество этнографических и догматических различий, обладали одной общей чертой – неприятием действительности. Подобно тому как тени разных людей не похожи друг на друга не по внутреннему наполнению, которого у теней вообще нет, а лишь по контурам, так различались эти исповедания. Сходство их было сильнее различий, несмотря на то что основой его было отрицание. В отрицании была их сила, но также и слабость: отрицание помогало им побеждать, но не давало победить. Эта их особенность так бросалась в глаза всем исследователям, что

возник соблазн усмотреть в ней проявление классовой борьбы, которая в эпоху расцвета феодализма, безусловно, имела место. Однако это завлекательное упрощение при переходе на почву фактов наталкивается на непреодолимые затруднения.

Классовая борьба против господствовавших феодалов не прекращалась ни на минуту, но она шла по двум линиям, не связанным друг с другом. Крепостные негодовали на произвол баронов, но их программа была сформулирована четко: «Когда Адам пахал землю, а Ева пряла – кто тогда был джентльменом?» Вопрос резонный, но ведь он не имеет ничего общего с учением о том, что все материальное – проявление мирового зла и, как таковое, должно быть уничтожено. Напротив, классовая природа крестьян толкала их на то, чтобы, добившись свободы и прав, возделывать земли, строить дома, воспитывать детей, накапливать состояния, а не бросать все это ради иллюзий пусть даже вполне логичных. Вторая линия – это борьба городских общин (коммун) в союзе с королевской властью против герцогов и графов. Опять-таки нарождавшаяся буржуазия стремилась к богатству, роскоши, власти, а не к аскетизму и нищете. На западе города поддерживали то папу, то императора, на востоке – суннитского халифа, в Византии они были оплотом православия, ибо благополучие горожан зависело от укрепления порядка в мире, а не от истребления мира, ради потусторонних идеалов, чуждых и невнятных.

И вряд ли проповедь спасительной бедности можно считать социальной программой. Ведь за бедность духовенства ратовали христианские монахи и мусульманские марабуты и суфии. Роскошь епископов, nepотизм и симонию клеймили с амвонов папы и соборы, но подозрений в ереси они на себя не навлекали. Иной раз бывало, что слишком неугомонных обличителей убивали из-за угла или казнили по вымышленным обвинениям, однако в те жестокие времена и без этого легко было угодить на плаху, особенно когда увлеченный идеей человек не замечал, что он стоит на пути венценосца. Казни совершались и без идеологических нареканий. Да и в самом деле: как может мистическое учение отражать классовые интересы? Ведь для этого оно должно сделаться общедоступным, но тогда будет потерян руководящий принцип – тайное посвящение и слепое послушание.

Ну а каково было поведение самих еретиков? Меньше всего они хотели мира. Феодалов они, конечно, убивали, но столь же беспощадно они расправлялись с крестьянами и горожанами, отнимая их достояние и продавая их жен и детей в рабство. Социальный состав манихейских и исмаилитских общин был крайне пестрым. В их числе были попы-расстриги, нищие ремесленники и богатые купцы, крестьяне и бродяги – искатели приключений и, наконец, профессиональные воины, т. е. феодалы, без которых длительная и удачная война была в те времена невозможна. В войске должны были быть люди, умеющие построить воинов в боевой порядок, укрепить замок, организовать осаду. А в X – XIII вв. это умели только феодалы.

Когда же исмаилитам удавалось одержать победу и захватить страну, например, Египет, то они отнюдь не меняли социального строя. Просто вожди исмаилитов становились на места суннитских эмиров и также собирали подати с феллахов и пошлины с купцов. А превратившись в феодалов, они стали проводить религиозные преследования не хуже, чем сунниты. В 1210 г. «старцы горы» в Аламуте жгли «еретические» (по их мнению) книги. Фатимидский халиф Хаким повелел христианам носить на одежде кресты, а евреям – бубенчики; мусульманам было разрешено торговать на базаре только ночью, а собак, обнаруженных на улицах, было велено убивать.

И даже карматы Бахрейна, учредившие республику, казалось бы, свободную от феодальных институтов, сочетали социальное равенство членов своей общины с государственным рабовладением. Как отметил Е. А. Беляев, «напряженная борьба, которую вели карматы против халифата и суннитского ислама, приняла с самого начала и форму сектантского движения. Поэтому карматы, будучи нетерпимыми фанатиками, направляли свое оружие не только против

суннитского халифата и его правителей, но и против всех тех, кто не воспринимал их учения и не входил в их организацию... Нападения карматских вооруженных отрядов на мирных городских и сельских жителей сопровождались убийствами, грабежами и насилиями... Уцелевших карматы брали в плен, обращали в рабство и продавали на своих оживленных рынках наравне с другой добычей» [4, с. 60]. Теоретическим основанием такой политики было «внутреннее» (батин) учение. Божественная субстанция – «вышний свет» – произвела эманацию: «сверкающий свет», а тот в свою очередь произвел материю – «темный свет», инертный, нереальный, обреченный на гибель. Эта материя – небытие, но в нее брошены искры «сверкающего света». Это души пророков, имамов, посвященных, и только они, умирая, переселяются из тела в тело. Все прочие люди, не принадлежащие к избранным, – призраки небытия, с которыми можно поступать как угодно, поскольку их бытие нереально. Естественно, что сложившийся на этой идеологической основе стереотип поведения оттолкнул от карматов широкие слои крестьян, горожан и даже бедуинов, которые всегда были готовы пограбить под любыми знаменами, но считали излишним убивать женщин и детей.

Ну какая тут «классовая борьба»!

Но, может быть, это все клевета врагов «свободной мысли» на вольнодумцев, осуждавших правителей за произвол, а духовенство – за невежество. Допустим, но почему тогда эти «клеветники» не возражали на критику своих порядков? Негативная сторона еретических учений не оспаривалась, а о позитивной французы и персы, греки и китайцы XI – XIII вв. отзывались с единодушным омерзением, причем явно без сговора. Но выслушаем и другую сторону – знаменитого Насир-и-Хосрова, прятавшегося от туркмен-суннитов в местности Йомган (территория Афганистана) и скончавшегося там около 1088 г.

Мыслитель считал, что «если убивать змей для нас обязательно по согласному мнению людей, то убивать неверных для нас обязательно по приказу бога всевышнего, неверный более змея, чем змея...» [цит. по: 6, с. 262]. Высшая цель его веры – постижение людьми сокровенного знания и достижение «ангелоподобия». Средство достижения – установление власти Фатимидов, которое он мыслит следующим образом:

«Узнавши, что заняли Мекку потомки Фатьмы,
Жар в теле и радость на сердце почувствуем мы.
Прибудут одетые в белое^[90] Божьи войска;
Мечь Бога над полчищем черных^[91], надеюсь, близка.

Пусть саблю солнце из рода пророка^[92] взмахнет,
Чтоб вымер потомков Аббаса безжалостный род,
Чтоб стала земля бело-красною, словно хулла^[93],
И истинной вере дошла до Багдада хвала.

Обитель пророка – его золотые слова.
А только наследник имеет на царство права^[94].
И, если на западе солнце взошло^[95], не страшись
Из тьмы подземелий поднять свою голову ввысь^[96].

Стихи недвусмысленны. Это призыв к религиозной войне без какой бы то ни было социальной программы. Следовательно, движение исмаилитов не было классовым, равно как и движения катаров, богумилов и павликиан. Последние отличались от исмаилитства лишь тем,

что не достигли политических успехов, после которых их перерождение в феодальные государства было бы неизбежно. И если бы имели значение лишь социально-политические мотивы, то зачем бы фатимидский халиф Египта Хаким (996—1021), находясь в суннитской стране и опираясь на суннитское, тюркское войско, стал утверждать, что он находится в постоянном общении с сатаной, и молиться, обращаясь к планете Сатурну? [\[188\]](#) Выгоды ему от этого не было никакой; напротив, он потерял трон и пропал без вести. Вряд ли это было в его практических интересах. Видимо, Хаким поступал в согласии с совестью.

В свете этих соображений ведущие советские историки отказались от определения исмаилизма как социального протеста. Е. А. Беляев указал, что исмаилиты не возглавляли антифеодальную борьбу крестьян, а использовали ее в своих целях [4, с. 70—72]. А. Ю. Якубовский и И. П. Петрушевский, отмечая сложность проблемы, считали ее решение преждевременным [48, с. 295]. Но может быть, мы пытаемся найти решение не там, где его безуспешно искали?

В самом деле, если бы манихеи достигли полной победы, то для удержания ее им пришлось бы отказаться от разрушения плоти и материи, т. е. преступить тот самый принцип, ради которого они стремились к победе. Совершив эту измену самим себе, они должны были бы установить систему взаимоотношений с соседями и с ландшафтами, среди которых они жили, т. е. принять тот самый феодальный порядок, который был естественным при тогдашнем уровне техники и культуры. Следовательно, они перестали бы быть самими собой, а превратились бы в собственную противоположность. Но это положение в данном случае было исключено необратимостью эволюции. Став на позицию проклятия жизни и приняв за канон ненависть к миру, нельзя исключить из этого свое собственное тело. Поэтому собственная гибель была неизбежным следствием отрицания материи. И все равно, происходила ли она в бою с христианами, или от аскетизма, или от распутства, конец был один. Странная это концепция, но последовательная.

Может возникнуть ложное мнение, что католики были лучше, честнее, добрее, благороднее катаров (альбигойцев). Оно столь же неверно, как и обратное. Люди остаются самими собою, какие бы этические доктрины им ни проповедовались. Да и почему концепция, что можно купить отпущение грехов за деньги, пожертвованные на крестовый поход, лучше, чем призыв к борьбе с материальным миром? И если одно учение лучше другого, то для кого? Поэтому ставить вопрос о качественной оценке бессмысленно и столь же антинаучно, как, например, вопрос о том, что лучше: кислота или щелочь? Обе обжигают кожу!

Но если так, то почему именно этой вражде уделено столько внимания, когда одновременно шли острые социальные конфликты между классом феодалов и закрепощенными крестьянами; развивалось соперничество растущих королевств за территории и торговых городов – за рынки? Чем же отличалась от них та полускрытая война, которая нами принята за исходную точку отсчета?

Губительный фантом

Поставим вопрос так: что общего между исмаилитством, карматством, маркионитским павликианством, манихейским богумильством, альбигойством и некоторыми вывихами тамплиеров? По генезису верований, догматике, эсхатологии к экзотике – ничего. **Но есть одна черта, роднящая эти системы, – жизнеотрицание, выражающееся в том, что истина и ложь не противопоставляются, а приравниваются друг к другу.** Из этого вырастает программа человекоубийства, ибо раз не существует реальной жизни, которая рассматривается либо как иллюзия (тантризм), либо как мираж в зеркальном отражении (исмаилизм), либо как творение сатаны (манихейство), то некого жалеть – ведь объекта жалости нет, и незачем жалеть – Бога не признают, значит, не перед кем держать ответа – и нельзя жалеть, потому что это значит продлевать мнимые, но болезненные страдания существа, которое на самом деле призрачно. А если так, то при отсутствии объекта ложь равна истине, и можно в своих целях использовать ту и другую.

Надо отдать должное средневековым людям: они были последовательны и потому их речи звучали очень убедительно. Действительность подчас была столь ужасна, что люди готовы были броситься в любую иллюзию, особенно в такую логичную, строгую и изящную. Ведь войдя в мир фантазмагорий и заклинаний, они становились хозяевами этого мира или, что точнее, были в этом искренне убеждены. А то, что им ради этого ощущения свободы и власти над окружающими надо было плюнуть на крест, как тамплиерам, или разбить на части метеорит Каабы, как карматам, их это совершенно не смущало. Правда, встав на этот путь, они отнюдь не обретали личной свободы. Наоборот, они теряли даже ту, которую они имели в весьма ограниченных пределах, находясь в той или иной позитивной системе. Там закон и обычаи гарантировали им некоторые права, соразмерные с несомыми обязанностями. А здесь у них никаких прав не было. Строгая дисциплина подчиняла их невидимому вождю, старцу, учителю. Но зато он давал им возможность приносить максимальный вред ближним. А это было так приятно, так радостно, что можно было и жизнью пожертвовать.

И ведь не только бедствия и обиды приводили неофитов в негативные системы. В средние века люди часто жили плохо, но не везде и не всегда. Бурные периоды сменялись спокойными, но обывательская затхлость мирной сельской жизни действовала диалектическим путем и создавала последствия, противоположные предпосылкам. Когда пассионарного юношу кормили досыта, но запрещали ему что-либо делать, он искал применения своим затаенным силам и находил их в проповеди отрицания, не обращая внимания на то, что поставленная перед ним цель – фантазия. Сказка и миф рождались повседневно. Против них были бессильны строгие выводы науки и практические прогнозы действительности: в I тысячелетии они увлекали людей всех стран, кроме Руси и Сибири, где антисистемы не сложились.

В отличие от борьбы за политическое преобладание внутри одной большой системы, и даже столкновений между разными системными целостностями, здесь имела место истребительная война. Французские манихеи были слишком похожи на французских католиков для того, чтобы они могли ужиться в одном ареале, ибо развивались те и другие в противоположных направлениях. Сталкиваясь, они вызывали аннигиляцию той самой материи, которую они считали не Божиим творением, а мировым злом. И так они вели себя везде: в Византии, Иране, Центральной Азии и даже в веротерпимом Китае. Поэтому гонения на них были повсеместны, а их сопротивление, часто весьма активное, придало раннему Средневековью ту окраску, которая просвечивается через видимую историю столкновений государств и становления этносов. Наличие двух несовместимых психологических структур в то время было явлением глобальным. Оттого так

мало памятников искусства осталось от этой эпохи.

То, что манихеи к концу XIV в. исчезли с лица Земли, не— удивительно, ибо они, собственно говоря, к этому и стремились. Ненавидя материальный мир и его радости, они должны были ненавидеть и саму жизнь; следовательно, утверждать они должны были даже не смерть, ибо смерть — только момент смены состояний, а антижизнь и антимир. Туда они и перебрались, очистив Землю для эпохи Возрождения. Неудача их была только в том, что они не смогли забрать с собою всех людей, проведя их через мученичество, далеко не всегда добровольное. Правда, они старались, и не их вина, что жизнеутверждающее начало человеческой психики устояло против их натиска, благодаря чему история народов не прекратила своего течения.

Отсюда видно, что манихейские общины могли существовать лишь при наличии позитивной творческой культуры и за счет создаваемых ею ценностей. Эта антисистема как бы паразитировала в телах тех этносов, куда она проникала, разрушала их и гибла вместе с ними.

В Хазарии антисистема продержалась 150 лет, но гибель ее едва ли была случайной. Никто не живет одиноко, а развития природных этносов, связанных с ландшафтами своей страны, никакая антисистема не остановит. То, перед чем любая антисистема пасует,— это жизнь с выделением свободной энергии, способной производить работу.

Иранская ветвь иудеев принесла хазарам принципы маздакизма, согласно которым злом была объявлена вся неразумная, т. е. стихийная природа, включая эмоции самого человека. Добром был объявлен разум, хотя именно разуму свойственны заблуждения. Византийская ветвь привнесла навыки экстерриториальности, т. е. отсутствия прямых контактов с природными ландшафтами. И обе они проявили нетерпимость к своему этническому окружению, с которым считались лишь постольку, поскольку это было практически необходимо. И тогда против них поднялись и люди, и природа.

Судьбу господствовавшего класса Хазарии, совпадавшего с господствовавшим этносом, разделили аборигены страны, за исключением тех, которые успели выселиться на Дон или укрыться на «гребне» — горном хребте Дагестана, за Тереком. Волжские хазары оказались в наихудшем положении, так как кормивший их ландшафт опустился под волны Каспийского моря. Если в III в. уровень Каспия стоял на абсолютной отметке минус 36 м, то в конце XIII в. он достиг абсолютной отметки минус 19 м, т. е. поднялся на 17 м. Для крутых берегов Кавказа и Ирана это большого значения не имело, но для пологого северного берега, где помещалась Хазария, эта трансгрессия стала катастрофой. «Нидерланды» превратились в «Атлантиду». Цветущие сады, пастбища, деревни — все было залито водой, из которой торчали только сухие вершины бэровских бугров, где ранее находились хазарские кладбища.

Хазарам пришлось покинуть затопленную страну, а без привычного, родного ландшафта этнос рассыпается розно. Так и рассыпались хазары в великом городе Сарае, столице всей Западной Евразии. Но зато они там избавились от темного света антисистемы.

Однако не только этническую целостность потеряли хазары. Темный свет унес у них в межгалактические бездны то, что кажется неотъемлемым — память, или, говоря строго научно, этническую традицию. Потомки хазар забыли о том, что они были хазарами, а потомки хазарских евреев забыли о той стране, где жили и действовали их предки. Последнее понятно: для иудеев низовья Волги были не родиной, а стадионом для пробы сил; поэтому вспоминать о трагической неудаче для них не имело практического смысла. Вот по этим-то причинам Хазария стала страной без исторических источников: письменных, вещественных и этнографических, т. е. зафиксированных в обрядах и верованиях. А поскольку до XX в. любая история основывалась на сборе и критике источников, то история Хазарии и не могла быть написана.

Наше время ознаменовалось могучим сдвигом в области научной методике: появился

системный подход, при котором внимание исследователя перенесено с элементов исследования на связи между ними. Эта методика позволила привлечь данные, казалось бы, далекие от темы изучения и тем самым заполнить пробелы истории Восточной Европы. Благодаря системному методу появилась возможность избавиться от мифотворчества – болезни науки, возникающей при недостаточности сведений о сюжете, когда не изученные разделы темы заполняются измышлениями историка. Хазарскую историю эта болезнь не раз постигала и продолжает постигать.

Недавно вышла книга, в которой хазары названы «тринадцатым коленом (племенем) Израиля» ^[68]. Историю столь удивительного феномена автор преподносит так, что комментарии уместны по ходу изложения содержания книги. Дадим их в сносках.

Автор упоминаемой книги полагает, что примерно с VII по XII в. от Черного моря до Урала и от Кавказа до сближения Дона с Волгой распространилась полукочевая империя, в которой обитали хазары – народ тюркского происхождения ^[97].

К сведению автора: древние евреи, будучи монолитным этносом, представляли собой антропологическое разнообразие. Выходцы из Ура Халдейского имели шумерийский тип: низкорослые, коренастые с рыжеватыми волосами и тонкими губами. Негроидную примесь дало пребывание в Египте. Семиты – высокие, стройные, с прямым носом и узким лицом – это примесь древних арабов – халдеев. Большинство же евреев – арменоидный тип, преобладавший в Ханаане, Сирии и Малой Азии, именно тот, который ныне считают еврейским. Это расовое разнообразие указывает лишь на сложность процесса еврейского этногенеза, но не имеет отношения к этнической диагностике, ибо этнос и раса – понятия разных систем отсчета [см. 29]. Занимая жизненно важный стратегический проход между Черным и Каспийским морями, они играли важную роль в кровавых событиях Восточно-Римской империи ^[98]. Они были буфером между грабителями-степняками и Византией ^[99]. Они отбили арабов и тем предотвратили завоевание исламом Восточной Европы. Они пытались сдержать вторжение викингов в Южную Русь и к византийским границам ^[100].

Где-то около 740 г. ^[101] царский двор и правящий военный класс обратились в иудаизм ^[102]. О мотивах этого необычного события ничего не известно ^[103]. Вероятно, это давало преимущество для маневрирования между соперничавшим христианским и мусульманским «мирами» ^[104] (т. е. культурно-политическими целостностями или суперэтносами).

К X в. появился новый враг: викинги, скоро ставшие известными как русы ^[105]. Хазарский бастион Саркел был разрушен в 965 г., но центральная Хазария осталась нетронутой ^[106], однако государство хазар пришло в упадок ^[107].

Насчитав 12 принципиальных и недиспутабельных ошибок, скорее сознательных заблуждений, можно прекратить дальнейшее изложение содержания книги. Да ведь не тайны историографии темных и давних времен интересовали автора. Главное – это связь истории хазар с последующей судьбой иудаизма.

1. *Алексеев В. П.* В поисках предков. М., 1972.
2. *Арсеньев И.* От Карла Великого до Реформации. М., 1909.
3. *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.
4. *Беляев Е. А.* Мусульманское сектантство. М., 1957.
5. *Берлин Н.* Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. Пр., 1919.
6. *Бертельс А. Е.* Насир-аль-Хосров и исмаилизм. М., 1959.
7. *Биджиев Х. Х., Гадло А. В.* Раскопки Хумаринского городища.— В кн.: Археология Северного Кавказа. VI Крупновские чтения в Краснодаре: Тезисы докладов. М., 1976.
8. *Брайчевский М. Ю.* Похождения Руси. Ки?в, 1968.
9. *Вебер Г.* Всеобщая история. 2-е изд., в 15 т. М., 1893—1896.
10. *Вернадский Г. В.* Начертание русской истории. Прага, 1927.
11. *Гаркави А. Я.* Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. СПб., 1874.
12. *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М., 1949.
13. *Григорьев В. В.* О двойственности верховной власти у хазаров.— В кн.: Россия и Азия, СПб., 1876.
14. *Гумилев Л. Н.* Некоторые вопросы истории хуннов.— «Вестник древней истории», 1960, № 3.
15. *Гумилев Л. Н.* Хазария и Каспий (Ландшафт и этнос. I).— «Вестник ЛГУ», 1964, № 6, вып. 1, с. 83—95.
16. *Гумилев Л. Н.* Хазария и Терек (Ландшафт и этнос. II).— «Вестник ЛГУ», 1964, № 24, вып. 4, с. 78—88.
17. *Гумилев Л. Н.* Соседи хазар.— «Страны и народы Востока», вып. IV. 1965.
18. *Гумилев Л. Н.* Хазарские погребения в дельте Волги.— «Сообщения Гос. Эрмитажа», 1965, вып. XXVI.
19. *Гумилев Л. Н.* Памятники хазарской культуры в дельте Волги.— «Сообщения Гос. Эрмитажа», 1965, вып. XXVI.
20. *Гумилев Л. Н.* Истоки ритма кочевой культуры Средней Азии.— «Народы Азии и Африки», 1966, № 4, с. 85—94.
21. *Гумилев Л. Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в древности (Ландшафт и этнос. IV).— «Вестник ЛГУ», 1966, № 6, вып. 1, с. 62—71.
22. *Гумилев Л. Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века (Ландшафт и этнос. V).— «Вестник ЛГУ», 1966, № 6, вып. 3, с. 81—90.
23. *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., «Наука», 1967.
24. *Гумилев Л. Н.* Кочевнические погребения в дельте Волги.— «Доклады ВГО. Отделение этнографии», 1968, вып. 6.
25. *Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства. М., 1970.
26. *Гумилев Л. Н.* Об антропологии для неантропологов.— «Природа», 1973, № 1.
27. *Гумилев Л. Н.* Сказание о хазарской дани.— «Русская литература», 1974, № 3.
28. *Гумилев Л. Н.* Дакоты и хунны.— В кн.: Вопросы географии США. Л., 1976, с. 123—125.
29. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., Гидрометеиздат, 1990.
30. *Древнетюркский словарь.* Л., 1969.
31. *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962.
32. *Зайцев А. К.* Черниговское княжество.— В кн.: Древнерусские княжества X – XI вв. М.,

1975.

33. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.

34. История Византии. В 3-х тт. М., 1967.

35. История Дагестана. Т. I. М., 1967.

36. *Каримуллин А. Г.* К вопросу о генетическом родстве отдельных языков индейцев Америки с тюркскими.— В кн.: Вопросы географии США. Л., 1976.

37. *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.

38. *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

39. *Конрад Н. И.* Старое востоковедение и его новые задачи.— В кн.: Запад и Восток. М., 1966.

40. *Кулаковский Ю.* К критике известий Феофана о последнем годе правления Фоки.— В кн.: Византийский временник. Т. 21 (1—2). СПб., 1914, с. 1—14.

41. *Куник А., Розен В.* Известия Ал-Берки и других авторов о Руси и славянах. Т. I. СПб., 1878.

41 а) *Лев Диакон*. История в 10 книгах. Кн. IV, гл. 10. СПб., 1820.

42. *Лихачев Д. С.* Повесть временных лет. М.—Л., 1950, т. I и II.

43. *Льоренсте Х. А.* Критическая история испанской инквизиции. Т. II, М., 1936.

44. *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963.

45. *Мюллер А.* История ислама. т. I и II. СПб., 1895.

46. *Низам ал-Мульк*. Сиасет-намэ. М.—Л., 1949.

47. *Осокин П.* Первая инквизиция и завоевание Лангедока франками. Казань, 1872.

48. *Петрушевский И. П.* Ислам в Иране в VII – XV веках. Л., 1966.

49. *Пигулевская Н. В.* Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.—Л., 1946.

50. *Плетнева С. А.* Хазары. М., 1976.

51. *Редер Д. Г.* История древнего мира. М., 1970.

52. *Руденко С. Н.* Культура хунну и Ноиннулинские курганы. М.—Л., 1962.

53. *Соловьев В. С.* Три разговора. СПб., 1901.

54. *Солодухо Ю. А.* Движение Маздака и восстание еврейского населения Ирака в первой половине VI в. н. э.— «Вестник древней истории», 1940, № 3—4, с. 131—145.

55. *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. Л., 1943.

56. *Тьерри О.* Избранные сочинения. М., 1937.

57. *Тюменев А. И.* Евреи в древности и в средние века. Пр., 1922.

58. *Усама-ибн-Мункыз*. Книга назиданий. М., 1958.

59. *Хвольсон Д. А.* Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста (Ибн-Руста). СПб., 1869.

60. *Хенниг Р.* Неведомые земли. М., 1961.

61. *Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А.* Народы, расы, культуры. М., 1971.

62. *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

63. *Шахматов А. А.* «Повесть временных лет» и ее источники.— Труды отдела древнерусской литературы. Т. IV. Л., 1940.

64. *Ширинский С. С.* Объективные закономерности и субъективный фактор становления Древнерусского государства. — В кн.: Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.

65. *D?llinger*. Geschichte der gnostischen-manich?ischen Lechten im fr?her Mittelalter. Leipzig, 1980.

66. *Grousset R.* L'Empire des Steppes. Paris, 1960.

67. *Jeschurun*. Vol. XI, № 9110. Berlin, 1924.

68. *Koestler Arthur*. The Thirteenth Tribe – The Khazar Empire and its Heritage. London, 1976.

69. *Szyszman S*. Le roi Bulan et la probl?me de la conversion des Khazars.– «Eph?m?rides Theological Loganienses». T. 33. Bruges, 1957.

70. *Szyszman S*. O? la conversion du Roi Khazar Bulan a-t-elle eu Lieu? Hommage ? Andr? Dupon – Sommer. Paris, 1971.

«Хазарский каганат – а точнее, колония рахдонитов – в IX в. обладал огромными богатствами, получаемыми от торговли китайскими шелками, закамскими мехами, славянскими рабами. Купцов поддерживали все деспотические режимы: императоры династии Тан, Каролинги, Аббасиды в Багдаде и Омейяды в Кордове. Глава купеческой общины Итиля носил тюркский титул – пех (бег) – и самовластно управлял страной, сделав кагана из тюркской династии Ашина марионеткой. Власть бега опиралась на наемные войска из Гургана... которые, как мусульмане, позволяли использовать себя только против христиан и язычников, но отказывались выступить против единоверцев».

Сказание о Хазарской дани^[108] (опыт критического комментария летописного сюжета)

Нарративные источники, в том числе хроники всех народов, относятся в разной степени к литературоведению и истории. В отношении «Повести временных лет» это исчерпывающе доказал Д. С. Лихачев, установивший, что целый ряд летописных рассказов не отражают исторической действительности, а являются заимствованиями из других хроник либо домыслами летописца^[29]. Эти наблюдения не снижают художественной ценности летописи как литературного памятника, но заставляют настороженно отнестись к попыткам буквального понимания отдельных фрагментов, что ведет не только к искажению исторической действительности, но и к неадекватному восприятию смысла литературного произведения.

Эта постановка вопроса не нова. Многие сказания, начиная с легенды о призвании варягов, подвергнуты детальной критике, позволившей либо установить истину, либо отказаться от заведомых вымыслов, сочтя их за вставные новеллы. Но хазарская проблема еще ждет комментатора, потому что новые исторические и археологические исследования^[38] настолько изменили представления о Хазарии, бытовавшие тридцать лет тому назад, что появилась возможность уточнения, чему и посвящена данная работа.

Интересующий нас рассказ краток. После смерти Кия, Щека и Хорива до 852 года (хронология сверхприближенная) хазары потребовали с полян дань, которую те заплатили мечами. Ниже идет дидактика. Хазарские старцы усмотрели в этом плохое предзнаменование, так как их оружие – сабля – имеет одно острие, а меч – два. Поэтому они решили, что поляне будут брать дань с них и других народов, и это будто бы так и произошло [29, т. I, с. 16].

Наша задача выяснить, было ли это, и если да – то когда и так ли было, как сказано, и если не так, то почему так написано, т. е. ради кого или чего введено искажение прошлого.

Ответив на эти вопросы, мы сможем установить, какая часть сообщения несет информацию для истории, а какая является дидактикой, т. е. литературой.

Дань мечами могла иметь только один смысл: у полян было изъято оружие. Для владеющих саблями мечи – железный лом, так как сабля легка, не утомляет руку и прорезает кольчугу. Но сабля требует специальной выучки бойца, неизмеримо большей, нежели меч. У хазар в IX веке сабли действительно были. Автор этих строк извлек одну из них из могилы в дельте Волги [12, с. 128]. Следовательно, не обогащение за счет полян было целью хазар, а лишение их военного потенциала. Но такая акция возможна только в результате победоносной войны, о которой летописец не проронил ни слова. Когда же была эта война или, точнее, когда она могла быть [18, с. 84—86]? Так мы переходим к хронологии.

Начнем с обратного: когда этой войны быть не могло, начиная с VII века, когда Хазария создалась как самостоятельное государство.

Мнение, что хазары были пришлыми из Азии кочевниками, оказалось ошибочным. Археологическими работами Северокаспийской палеогеографической экспедиции Ленинградского университета 1962—1963 годов обнаружены могильники и следы поселений хазар [11, с. 49—50]. Все они располагаются по долинам рек, имевших в VII – IX веках огромные дельты, так как уровень Каспия стоял на 6—8 м ниже современного [9, 10]. Тогда были свободны от воды огромные плодородные земли – «прикаспийские Нидерланды», изобилующие рыбой, виноградом, заливными лугами и прибрежными лесами. Именно там обитали древние хазары, аборигены этого роскошного края. И летописец правильно сопоставляет хазар со скифами [29, т. I, с. 14], которых его источник Георгий Амартол отождествлял с древним, досарматским населением южной части Восточной Европы [29, т. II, с. 223]. В то время, когда

степные водораздельные пространства захватывались последовательно сарматами в III веке до н. э., гуннами в IV веке, болгарами в V веке, аварами в VI веке, мадьярами в 822—836 годах и печенегами в 889—895 годах, хазары спокойно жили в своих прибрежных джунглях, недоступных для кочевников, с которыми они всегда враждовали. Исключением из этого правила стали только тюркюты Западного каганата (604—660), потому что они не переселялись в Прикаспий из Семиречья, а только присоединили его к своей державе [15, с. 50].

В междоусобицах, которые разорвали и погубили Западный каганат, хазары принимали участие, поддерживая одну из партий. Когда же она была побеждена, они приняли к себе убежавшего царевича и, поставив его каганом, создали в 650 году собственную независимую державу [там же, с. 238]. Хан и его двор, по привычке, летом кочевали, что впоследствии создало ложное мнение, будто кочевниками были все хазары [33].

Другая абберрация – это мнение, что хазары были обращены в иудейскую веру. В средние века это было невозможно, ибо иудаизм – культ генотеистический, а не прозелитический и редкие новообращенные считались «проказой Израиля» [2, с. 265]. На самом деле было вот что. В начале VI века в Иране вельможа Маздак, арестовав шаха Кавада, попытался провести уравнивание имущества, включая жен. Эта революция сверху вызвала отчаянное сопротивление и всколыхнула все группы населения, в том числе евреев, которых в Иране было больше, чем где-либо. Вавилонская община разделилась на противников и сторонников маздакитов. Первые вынуждены были бежать в Византию, а вторые оказались в числе гонимых после 530 года, когда Маздак был повешен [35]. Уцелевшие маздакиты бежали на Кавказ, и тогда на широкой равнине между Сулаком и Терекком появилась группа иудеев, соблюдавших субботу и обрезание, но забывших все прочие законы. Они мирно соседствовали с хазарами и ходили вместе с ними в походы. В VIII веке один из храбрых евреев, Булан, за совершенные им подвиги достиг должности военачальника и восстановил еврейские обряды. В переводе сочинения Иехуды Барзилая, еврейского автора XI века, это сообщение переведено так: «Хазары стали прозелитами и имели царей прозелитов (иудаизма)» [«Jechurun», Berlin, vol. XI, № 9/10, 1924, p. 113 et suiv. Цит. по: 41]. Однако С. Шишман указывает, что слово *ger* в Библии означает чужеземца, инкорпорированного другим народом и получившего права члена племени, которое его приютило [41, с. 527]. Значение «прозелит» это слово приобрело позже. Судя по общему ходу событий, древнее значение в данном случае предпочтительнее, ибо Булан принял не раббинизм, а караизм [40].

Симбиоз евреев с хазарами создал благоприятные условия для иммиграции в Хазарию византийских евреев-раббинистов во время гонений на них при Ираклии в 628—629 годах, за расправы их над греками во время персидской оккупации Сирии и Египта и при Льве II Исавре в 723 году, за сотрудничество с арабами, вторгавшимися в Малую Азию. В Хазарии евреи нашли приют и разбогатели, участвуя в транзитной торговле, ибо Итиль лежал на пути из Китая в Прованс [39, pp. 681—682]. Обе группы евреев часто вступали в браки с хазарами.

Вот тут-то и скрывается причина дальнейшего. Хазары, как все евразийские племена, вели счет родства по отцу, а евреи – по матери. Поэтому сын хазарина и еврейки сохранял все права хазарского рода и мог быть принят в общину, а сын еврея и хазарки был чужим и для тех и для других. Вторые составили маленькую общину крымских караимов, антропологические черты коих совмещают тюркский и ближневосточный типы [1, с. 284 и сл. Ср. поправку интерпретации: 20, с. 112], а первые создали хазарскую иудейскую общину, включившую в себя тюркскую династию и в 20-х годах IX века захватившую власть в Хазарии [Ср.: 2, с. 324—328].

Тогда резко сменилась политика Хазарии. Вместо традиционной войны с арабами, державшими Дербент, возник натиск на запад, т. е. на Византию, но еще не на Русь.

Между Киевом и Нижней Волгой в IX веке кочевали мадьяры. Только в 834 году хазарами

был сооружен Саркел, опорная крепость против «западных врагов» [там же, с. 297]. Но Русь была в то время сильным каганатом, т. е. суверенной державой. Так ее характеризовали послы «кагана Руси», опознанные в Ингельгейме при дворе Людовика Благочестивого в 839 году. То же самое писали Ибн-Руст Гардизи, анонимный автор Худуд ал-Алам и константинопольский патриарх Фотий. В письме Василию Македонянину Людовик Немецкий в 871 году называет четырех «каганов»: аварского (т. е. венгерского), норманнского (т. е. русского), хазарского и болгарского [цит. по: 2, с. 366, прим. 5]. Ни о каком подданстве Киева Хазарии не может быть и речи. Русы, совершив в 860 году победоносный поход на Константинополь, заключают с Византией почетный мир и частично принимают православие. Этот поход подробно описан в византийских хрониках [22, с. 229]^[109], а в летописи неверно датирован 866 годом [критику текста см.: 29, с. II, 247]. «Повесть временных лет» при описании событий IX – X веков допускает хронологические неточности, что указано комментатором Д. С. Лихачевым. Однако он не подвергает сомнению ни захват Киева Олегом в 882 году, ни последующего подчинения древлян в 883 году, северян в 884 году и радимичей в 885 году, причем последние, по летописи, ранее платили дань хазарам. Пусть так, но могло ли это не вызвать войны с Хазарией? А между тем летопись о хазарах замолкает до 965 года^[110], на целых 80 лет. Это одно наводит на мысль, что здесь либо сделан сознательный пропуск, либо даты событий переставлены отнюдь не случайно. Поэтому отвлечемся от «Повести временных лет» и попробуем восстановить ход событий по мусульманским сведениям. Но для этого придется учесть события в Северном Иране, имеющие, как это ни странно, отношение к нашей теме.

В 900 году Исмаил Самани разгромил шиитское государство Алидов в Южном Прикаспии. Но местное население Гиляна, Дейлема и Мазендерана, никогда не подчинявшееся чужеземцам, будь то персы, македоняне или арабы, укрылась в горных замках, и власть Саманидов была призрачной. До тех пор, пока дейлемитов с юга прикрывали горы Эльбурса, а с севера Каспийское море, они могли держаться. Но в 909 году на море появились русские ладьи, разгромившие остров Абаскун. На следующий год русы напали на Мазендеран, но потерпели поражение и ушли. В 913 году огромный флот русов – 500 кораблей – с разрешения хазарского царя Вениамина [2, с. 370] вошел в Каспийское море и подверг грабежу побережье Гиляна, Табаристана и Ширвана. Набрав много добычи, русы вернулись в Итиль, послали хазарскому царю условленную долю и остановились на отдых. Тогда мусульманская гвардия хазарского царя потребовала от него разрешения отомстить русам за кровь мусульман и за полон женщин и детей. Царь разрешил, и в трехдневной битве утомленные походом русы потерпели поражение. Остатки их бежали по Волге на север, но были истреблены буртасами и булгарами [см. свидетельство Масуди: 26, с. 198—201]. Это событие не нашло отражения в «Повести временных лет», где зато подробно описано, как змея укусила Олега. Очевидно, здесь имеет место «фигура умолчания», прием для литературных произведений обычный, но для исторических недопустимый. А так как этот факт имеет прямое касательство к нашей теме, то придется уделить ему внимание.

М. И. Артамонов полагает, что этот поход был организован «на свой риск и страх варяжско-русской дружиной, нанятой для войны с Византией и отпущенной киевским князем после того, как надобность в ней миновала» [2, с. 371—372]. Его версия не объясняет, почему хазары пропустили разбойников в страны, с которыми они торговали. Несколько ниже он сам опровергает ее в полемике с Н. Я. Половым, считавшим хазарские и мусульманские интересы непримиримыми^[5]. М. И. Артамонов справедливо указывает, «что транзитная торговля с прикаспийскими странами являлась основой благосостояния хазарского правительства IX – X вв., и оно вовсе не было заинтересовано в ее нарушении даже на короткое время» [2, с. 384]. Поэтому он полагает, что хазары пропускали русов в Каспий только потому, что не могли им

воспрепятствовать. Однако, как видно из столкновения у Итиля, хазары такими силами располагали и, следовательно, дело в другом.

Вспомним, что Прикаспий был захвачен Исмаилом Самани, союзником Хазарии, но власть его, видимо, была нетвердой. Дейлемиты сидели в Эльбурсе, как в окруженной крепости. Для полной ликвидации их сопротивления было необходимо блокировать побережье, а ни Саманиды, ни хазары не располагали флотом [26, с. 200]. Именно тогда появились русские корабли. Естественно предположить, что их просто пригласил царь Вениамин для расправы с разбойниками-горцами^[111]. Русы сразились с гилянцами и дейлемитами, видимо, без больших успехов, а затем напали на Ширван и Баку, где сидели Саджиды, правители-сунниты, поставленные халифом, и, следовательно, друзья хазар. Эта неуместная инициатива и вызвала расправу со стороны хазарских мусульман, тем более что разгром врагов Дейлема настолько облегчил положение шиитов, что в 913 году они освободились от власти Саманидов и вытеснили последних из Гиляна и Табаристана [28, с. 249].

Сведения Масуди, писавшего в 943 году, отчасти восполняют пробел Нестора и объясняют причину его молчания. После первых побед Олега в 883—885 годах успех покинул варяжского узурпатора. В каспийском походе варяго-русское войско выглядит неполноправным союзником Хазарии. И предательство, допущенное царем Вениамином, осталось безнаказанным. Поводы для восхваления Олега Вещего меркнут. Это подметил еще С. М. Соловьев, хотя он и не располагал сведениями, ныне вошедшими в арсенал науки. Олег рассматривается им не как храбрый воитель, а как хитрый политик и сборщик дани с незащищенных славянских племен [34, с. 145]. Так оно и было. И в наследство Игорю, если летописная хронология верна, он оставил не могучее государство, а зону влияния Хазарского каганата.

Каспийская неудача больно ударила по Руси. В 913 году вспыхнуло восстание древлян, подавленное в 914 году, а в 915 году печенеги произвели набег на Русь. Все это показывает, что варяжское правительство не только не привело Киевский каганат к славе, но утратило много земель из сферы влияния Киева, хотя летописец стремится создать обратное впечатление. Но не будем спешить с выводами и заглянем вперед.

То, что война Хазарии с Русью шла в пятидесятых годах X века, определенно сообщает письмо царя Иосифа к Хасдаи ибн-Шафрута, написанное еще до 900 года:

«Я (сам) живу у входа в реку и не пускаю Русов, прибывающих на кораблях, проникать к ним (мусульманам. – Л. Г.). Точно так же я не пускаю всех врагов их, приходящих сухим путем, проникать в их страну. Я веду с ними упорную войну. Если бы я их оставил (в покое), они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада» [25, с. 83—84].

Этот текст характеризует эпоху, когда киевское правительство Ольги и Святослава сумело заключить союзы с торками и печенегами для совместной войны с Хазарией. К нашему сюжету эти факты относятся косвенно, показывая, насколько неполны данные летописца. И опять-таки тут не просто оплошность. Наоборот, выпущены данные, которые были бы крайне важны для понимания эпохи. Зачем?

Царь Иосиф описывает эпоху не суммарно. В 941—943 годах, пока Русь вела войны с Византией, он пропускал русские корабли грабить Арран (Азербайджан), захваченный в 914 году вождем дейлемитов Марзубаном б. Мухаммедом, шиитом и врагом союзного с Хазарией Ширвана [26, с. 215]. Видимо, русские войска использовались Иосифом не только против Византии, но и против тех мусульманских разбойничьих династий, которые мешали еврейско-арабской торговле и союзу хагана с халифом.

Но остается непонятным, когда и при каких условиях он сумел подчинить себе русских князей до такой степени, что они превратились в его подручников и слуг [там же, с. 194—195], отдававших жизнь за чуждые им интересы. Ведь именно такое покорение может отвечать

ситуации, описанной в «Повести временных лет» [29, т. I, с. 16]. Видимо, это произошло до 941 года. И тут нам приходит на помощь «Кембриджский аноним» – «Отрывок из письма неизвестного хазарского еврея X века»^[112].

Предпошлем цитате из еврейского документа цитату из арабской географии того же времени. Масуди пишет о Хазарии: «Царь принял иудейство во время правления халифа Харун ар-Рашида... (768—814). Ряд евреев примкнул к нему из других мусульманских стран и из Византийской империи. Причина в том, что император, правящий ныне... (в 943 году. – Л. Г.) и носящий имя Арманус – (Роман), обращал евреев своей страны в христианство силой и не любил их... и большое число евреев бежало из Рума в страну хазар...» [цит. по: 26, с. 193].

Заметим это и перейдем к еврейскому варианту.

Автор письма называет себя приближенным царя Иосифа. Он описывает войну, которую вел царь Вениамин в IX веке против асов (осетин), турок (мадьяр), пайнилов (печенегов) и македона (византийцев). Вениамин победил коалицию противников при помощи алан. Затем царь Аарон победил алан при помощи торков (гузов) в начале X века. М. И. Артамонов датирует это событие 932 годом и связывает с ним гонение на христианство, от которого Аарон принудил отречься побежденных алан. Затем идет описание войны, которую выиграл царь Иосиф. Это та самая война, которую мы ищем. Она имеет хорошую датировку: «...когда было гонение (на иудеев) во дни злодея Романа (Роман Лекапин, 919—944. – Л. Г.). [И когда стало известно это] дел [о] моему господину, он ниспроверг (т.е. убил. – Л. Г.) множество необрезанных. А Роман [злодей послал] также большие дары X-л-гу, царю Руси, и подстрекнул его на его (собственную) беду. И пришел он ночью к городу С-м-к-раю (Тмутаракань. – Л. Г.) и взял его воровским способом, потому что не было там начальника, ребе Хашмоная. И стало это известно Бул-ш-ци, то есть досточтимому Песаху, и пошел он в гнев на города Романа и избил мужчин и женщин. И он взял три города, не считая большого множества пригородов. И оттуда он пошел на (город) Шуршун (Херсонес. – Л. Г.)... и воевал против него... И они вышли из страны наподобие червей... Израиля, и умерло из них 90 человек... Но он заставил их платить дань. И спас... от руки Русов и [поразил] всех оказавшихся из них (там) и [умертвил ме]чом. И оттуда пошел он войною на X-л-гу и воевал... месяцев, и бог подчинил его Песаху. И нашел он... добычу, которую тот захватил из С-м-к-рая. И говорит он (X-л-гу. – Л. Г.): «Роман подбил меня на это». И сказал ему Песах: «если так, то иди на Романа и вой с ним, как ты воевал со мной, и я отступлю от тебя. А иначе я здесь умру или (же) буду жить до тех пор, пока не отомщу за себя». И пошел тот против воли и воевал против Кустантины на море четыре месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне осилили (его) огнем. И бежал он, и постыдили вернуться в свою страну, а пошел морем в Персию, и пал там он и весь стан его. Тогда стали Русы подчинены власти казар» [25, с. 117—120].

Ну вот и искомая война, датируемая 939—941 годами^[113], после которой были два неудачных похода Игоря на Византию в 941 и 943 годах, и разрешенный хазарами набег русов на Берда (Арран)^[36] в 943—944 годах. Последний набег, видимо, совершился именно в то время, когда поляне стали данниками хазар, что подтверждается тем, что в 945 году Игорь был вынужден собрать с древлян двойную дань, без участия большей части своей дружины. За это он заплатил жизнью, но нельзя считать его поступок легкомысленным: дружину надо было оплачивать, и при таких расходах было невозможно собрать дань для победивших хазар, что грозило возобновлением войны тогда, когда поляне уже остались без мечей. Игорь рискнул и погиб^[114].

Теперь история русско-хазарских взаимоотношений начинает проясняться. До выхода хазар на рубеж Дона и постройки Саркела в 834 году столкновений Руси и Хазарии не было. Вопреки версии летописца, в Киеве IX века процветал Русский каганат, ведущий традицию, по-видимому,

от племени россомонов IV века ^[32]. Это было переселившееся вместе с готами в середине II века н. э. скандинавское племя, судя по уцелевшему имени первой прославившейся русской женщины – Сунильды, которую готский король Германарих за супружескую измену велел привязать к хвосту дикого коня [21, с. 91]. Впоследствии это племя смешалось со славянами, и потомки тех и других стали называться полянами: «поляне, яже ныне зовомая Русь» [29, т. II, с. 240]^[115].

Созданный полянами Киевский каганат еще в 860 году жил в мире с хазарами. Это видно из того, что миссия св. Кирилла к хазарам проходила в мирной обстановке [см.: 2, с. 331—335]. Это говорит не о миролюбии хазарского правительства, а скорее о могуществе Киева, нападение на который не сулило ничего доброго. Масуди упоминает о сильном царстве «валинана» (вольняне), где правит «Дира», видимо предшественник, а не соправитель Аскольда [там же, с. 368, прим. 11]^[116].

Но все радикально изменилось с появлением варягов, развязавших войну с Хазарией, как повествует автор «Повести временных лет». Далее я следую реконструкции событий, предложенной Б. А. Рыбаковым в «Истории СССР» и являющейся обобщением новейших достижений науки. Как известно, в IX веке земли славян, наряду с другими странами Европы, подверглись нападениям викингов. В 862 или 874 году конунг Рюрик водворился в Новгороде, а в 882 году конунг Олег – в Киеве. Аскольда Б. А. Рыбаков считает «последним представителем династии Кия». После похода на Византию в 911 году Олег, «которому совершенно основательно приписывается создание Русского государства, бесследно исчез». Родственные же связи Игоря и Рюрика «придуманы потом, когда летописцы стремились соединить в одно целое киевский и новгородский варианты рассказа о начале Руси» [23, с. 489, 492].

Итак, в начале X века на Руси произошли антинорманнский переворот и смена варяжской династии на славянскую. Против такой концепции возражений не возникает, но потом появляются некоторые сложности, связанные с нашим сюжетом.

Киевская Русь в X—XI вв.

Ингер – имя скандинавское. Конечно, его мог носить и славянин, родители которого дружили с норманнами. Однако вспомним, что в 30-х годах X века князем Руси назван Х-л-гу, т. е. Олег, а не Игорь. Этот Олег не мог быть летописным «вещим» Олегом, так как тот умер в 912 году. Он мог быть либо его тезкой, но не князем Руси, либо это было прозвище Игоря – Хельги Ингер-Игорь Младший, либо это просто титул – святой (хельги; шв.). Но вопрос упирается в другое: был ли этот Игорь сыном Рюрика и сподвижником Олега при захвате Киева в 882 году?

Д. С. Лихачев отмечает странный оборот речи: Олег... «и придоста къ горамъ хъ киевскимъ» [29, т. I, с. 20]. Он содержит двойственное число, а не единственное или множественное. И Д. С. Лихачев дает объяснение: «Составитель „Повести временных лет“ переделал рассказ предшествующего Начального свода: Олег у него князь, а не воевода... след старого текста, где поход предводительствуется двумя – Игорем и Олегом, сохранился в этом употребленном здесь двойственном числе» [29, т. II, с. 251].

Затем в уже цитированном нами «Кембриджском анониме» указаны враги хазар: «Асия (асы-осетины. – Л. Г.), Баб-ал-Абваб (Дербент. – Л. Г.), Зибус (Зибух; Зихи, черкесы, жившие на побережье Черного моря. – Л. Г.), турки (здесь венгры. – Л. Г.), Луз-ния», под которыми академик Френ понимает «ладожан», т. е. варяжские дружины Хельгу и Игоря [25, с. 123].

Так как время описываемых в письме событий четко датируется концом 30-х годов X века, то, видимо, придется отнести летописного Игоря к варяжским конунгам, а не славянским князьям, а дату «славянского переворота» несколько отсрочить ^[117]. Но последовательность событий именно такова, что будет видно, если мы от толкования текста перейдем к изучению панорамы событий. Этот подход дает необходимые коррективы.

В том, что летописец отразил древнюю историю Руси неадекватно и факты учел выборочно, мы уже убедились. Но он дал уязвимую концепцию. В 879 году на престол Руси вступил Игорь «детеск вельми». Допустим, что ему было два года: значит, его год рождения – 877 или, может быть, ранее, но не позже. В 903 году он женился на Ольге; той было по летописи 10 лет [29, т. I, с. 262]. В 942 году у Игоря и Ольги родился первенец – Святослав. Игорю минимум 65 лет, Ольге – 50 лет. Не странно ли?

Очевидно, принимать данные летописи следует не буквально. Вероятнее считать, что 65-летнее «царствование Игоря Рюриковича Старого» – это определенный период господства норманнской династии конунгов, которая потерпела полное поражение в войнах и с иудейской Хазарией, и с христианской Византией, и с мусульманской державой Марzubана ибн-Мухаммада (Мусафариды) [4, с. 127—128] в Арране. Все эти неудачи не могли не разочаровать славян в способностях их западных соседей, поэтому после 945 года мы видим на золотом столе киевского князя со славянским именем – Святослав. То, что псковитянка Ольга приходилась ему родной матерью, несомненно, но был ли он действительно «Игоревич», – крайне сомнительно. Если же отчество его правильно, то этот Игорь был тезкой Игоря Рюриковича, соратника Олега, если тот действительно существовал.

Со сменой династии сменилась и внешняя политика Киевской Руси. Правительство Ольги и Святослава заключило военные союзы с Византией, печенегами и торками ^[118], ликвидировало сопротивление вятичей и в 965 году завершило освободительную войну разгромом Итиля, взятием Семендера и перестройкой хазарского Саркела в русскую Белую Вежу.

Теперь вернемся к летописному тексту о хазарской дани и посмотрим, что в нем правильно, а что искажено. То, что поляне по смерти Кия «быша обидимы древлями и иными околными» [29, т. I, с. 16], вымысел, направленный на то, чтобы приписать величие Киева варяжским конунгам.

Сам факт выдачи мечей победившим хазарам похож на правду, несмотря на искаженную датировку. Может возникнуть сомнение из-за того, что Песах потребовал, чтобы поляне или русь шли воевать против греков без мечей, – это бессмысленно. Но Песах и не был заинтересован в успехе похода; то, что русичи отбивались копьями от греческого огня, его устраивало.

Однако заключительная сентенция («си имуть имати дань на насъ...» [29, т. I, с. 16]) – чистая демагогия. В начале XII века, когда игумен Выдубицкого монастыря Сильвестр составлял «Повесть временных лет», русская земля даже не граничила с Хазарией. Хотя удачная война Владимира Мономаха с половцами отодвинула границы Руси к Дону, но за Доном жили «дикие» половцы, отделявшие Русь от Хазарии. К XII веку Хазария, лишенная иудейской общины, превратилась в маленькое мусульманское княжество со столицей в городе Саксине, в дельте Волги.

Местоположение Саксина долгое время было не установлено ^[119], но теперь это возможно сделать путем сопоставления данных новоизданных источников и археологических исследований в дельте Волги. В 1132 году Саксин посетил арабский путешественник Абу Хамид

ал-Гарнати и оставил его описание [3, с. 27—30]. Саксин лежит на огромной реке, «больше Тигра». В нем живут «сорок племен гузов» (сорок – условное число). У них большие дворы и шатры, есть две мечети, а зимние дома из бревен сосны под кровлями из досок; у города большая река, а рядом «тысяча рек». Это дельта Волги, а в ней есть только одно место, удовлетворяющее описанию ал-Гарнати, – село Семибугры, на протоке Табола [7, с. 187]. Деревянные и войлочные жилища, естественно, не сохранились, но характер и обилие керамики, а также описание рельефа совпадают с сообщениями арабского географа.

Саксин был взят монголами в 1229 году, и остатки его населения убежали на север. Подъем уровня Каспийского моря в XIII веке на время прекратил жизнь в дельте Волги, где бэровские бугры превратились в архипелаг и стали необитаемы [13, 14]. В XII – XIII веках русские ни разу не сталкивались с хазарами. Следовательно, сентенция летописца не может быть принята не только буквально, но и образно. И однако, она для чего-то введена в текст. Вот еще одна загадка!

Но может быть, это высказывание относится к хазарам-христианам, окрещенным в 860 году св. Кириллом и упоминаемым в «Повести временных лет»? [29, т. I, с. 39]. Их потомки живут до сих пор около развалин древнего Семендера [10, 17] и назывались – «гребенские казаки». Часть их распространилась в IX веке на Нижний Дон, принесла туда культуру кавказского винограда [31] и в XII – XIII веках стала известна под названием «бродники» [7, с. 176; 26, с. 151]. Может быть, эти потомки хазар платили в 1113—1118 годах дань Киеву? Нет, не платили, ибо в 1117 году «придоша Беловежци в Русь» [29, т. I, с. 202], т. е. русские очистили левый берег Дона, в том числе его пойму, сохранив за собой гегемонию в степи между Доном и Карпатами. И кроме того, культурный комплекс Белой Вежи был связан с черниговским левобережьем Поднепровья, а не с Киевом, как определил М. И. Артамонов во время раскопок Саркела.

Итак, летописец налгал; остается объяснить: для чего и зачем?

Переберемся из X века в XII век – эпоху, когда были составлены оба дошедших до нас текста. К счастью, «Историко-литературный очерк» Д. С. Лихачева [29, т. II, с. 5—148] содержит все данные, которые для нашего анализа *необходимы и достаточны*. Так как поводов для диспута в статье Д. С. Лихачева не имеется, то мы будем базироваться на его выводах. Отметим те, которые важны для нашей темы.

Изданный текст летописи – это третья редакция летописного свода, включающая «разновременные куски» [29, т. II, с. 42]. В них отразилась политическая и идеологическая борьба, раздиравшая Киевскую Русь XI века. Обобщенно она выглядела так, разумеется – в схеме: тогда было три направления политических и два церковных, на фоне двух территориальных (племенных) славянских объединений и двух кочевых союзов.

С «западническим» направлением связали свою судьбу великие князья Изяслав Ярославич и Святополк II Изяславич; с «византийским» – Всеволод Ярославич, Владимир Мономах и его сын Мстислав Великий; с «национальным» – Святослав Ярославич, Олег Святославич и его дети.

В церковной политике: киевскому митрополиту – греку противостоял Киево-Печерский монастырь, предшественника коего Д. С. Лихачев видит в митрополите Иларионе, заявившем, что «русские – это новый народ, пришедший на смену старым (в том числе и грекам)» [29, т. II, с. 73]. Константинопольская патриархия решительно отказалась утвердить Илариона митрополитом; в Софии сели митрополиты – греки, а Киево-Печерский монастырь – центр русского летописания, занял самостоятельную позицию.

Древняя вражда полян и северян переоформилась в соперничество Киева и Переяславля с Черниговом, т. е. Северной землей. Племенная война половцев (куманов) с торками (гузами) заставила тех и других искать союзников. Половцы подружились с Черниговом, торки – с Киевом, вследствие чего киевская летопись постоянно клеймит половцев и молчит о торках [19].

Киево-Печерский монастырь оформился в 1060—1061 годах [29, т. II, с. 84], но после

конфликта с Изяславом первый известный летописец Никон бежал в Тмутаракань. В 1068 году монахи лавры поддержали восстание против Изяслава. После подавления Антоний бежал в Чернигов. Но уже в 1073 году монастырь выступил против Святослава и Всеволода, т. е. в пользу изгнанного Изяслава [там же, с. 85]. Видимо, политические симпатии монастыря сменились. С того времени монастырь занимает независимую позицию: Никон составил «антикняжеский свод» [29, т. II, с. 102], где он обвиняет князей в «несытстве» и в небрежении к старым дружинникам, например, Яну Вышатичу [там же, с. 99]. Но в 1098 году Святополк II поддержал антигреческую позицию монастыря и примирился с ним [там же, с. 102]. В последующее десятилетие была создана Нестором «Повесть временных лет», оконченная в 1113 году [там же].

Легко догадаться, что союз монастыря с князем был выгоден обоюдно, и не случайно, что Несторова редакция «Повести временных лет» направлена не только против греков и грекофилов, но и против Олега Черниговского, друга половецких ханов. Следовательно, идеологическая ориентация должна была идти на Запад. Однако там шла борьба папы Григория VII с императором Генрихом IV, дружившим с Алексеем Комнином и женатым на Евпраксии Всеволодовне, сестре Владимира Мономаха. Поэтому антигреческий летописец переносит свои симпатии в прошлое и на север, где были друзья Святополка Изяславича. Датский король Эрик III Добрый (ок. 1095—1103) накануне вступления на престол посетил Святополка в Киеве [27, с. 28]. Не это ли было толчком к созданию «норманнской теории» – легенды, которая «складывалась постепенно и искусственно» [29, т. II, с. 113] и питалась не столько научным прозрением, сколько презрением к грекам и ненавистью к половцам, союзникам Олега Черниговского, правоты которого Нестор не желал заметить.

Обстоятельства благоприятствовали развитию западных, т. е. германофильских, настроений в Киеве. В 1093 году Евпраксия Всеволодовна, или императрица Адельгейда, сбежала от мужа к графине Матильде в Каноссу. Здесь она сделала разоблачение мужа, рассказав о том, что он принуждал ее к участию в оргиастических мистериях сатанинского культа николаитов. Папа Урбан оказал беглой императрице покровительство и помог ей пробраться на Русь, где она постриглась и умерла в монастыре в 1109 году. Компрометация императора переяславской княжной повела к тому, что Генрих попытался сблизиться с Киевом. Греческая церковь, крайне принципиальная в вопросах канона, осудила браки с католиками. Митрополит Иоанн даже грозил Всеволоду I отлучением. Но Святополку такая непреклонность политического противника была на руку. Он разрешил принять на вооружение антигреческий и, следовательно, проваряжский вариант древней истории Руси [29, т. II, с. 112—114].

Так же оказались смазаны или замалчивались русско-венгерские, русско-печенежские и русско-торкские союзы, хотя только благодаря им Русь вышла победительницей после напряженной войны с Хазарией. Восстановленный нами ход истории показывает, что именно варяжские князья потерпели от Хазарского каганата поражение, чуть было не приведшее Русь к гибели. Летописец Нестор об этой странице истории умолчал. Видимо, одобрение союзов с кочевниками в те годы, когда Святополк терпел от половцев жестокие поражения, не представлялось автору летописи ни актуальным, ни конструктивным. А между тем незаинтересованный добросовестный арабский географ Масуди сообщает, что «русь и славяне составляют войско и прислугу хазарского царя» [цит. по: 2, с. 383]. Но приписать победу в освободительной войне 965 года союзу славян с печенегами – значило реабилитировать друга кочевников Олега Святославича, а отметить помощь Византии – подыграть Владимиру Всеволодовичу Мономаху. То и другое для Святополка Изяславича было нежелательно.

Апология трех поколений викингов и попытка приписать им победу над греками, одержанную еще до «призвания» Рюрика, в 860 году, были политикой далекого прицела, которая могла дать плоды лишь тогда, когда летопись была кончена, переписана, прочтена и

усвоена. Святополку же были нужны деньги, как всякому непопулярному правителю. Он применил для получения их средство, заимствованное у феодальных королей Европы, – разрешил пребывание в Киеве еврейской общины, конечно, за большую плату. Нестор, видя это, счел за благо хазарскую проблему в летописи не обострять.

По смерти Святополка киевляне разграбили дома приближенных покойного князя, ростовщиков-евреев, и собрались напасть на бояр и монастыри. Прибытие Владимира Мономаха, князя весьма популярного, успокоило толпу, но вече, выбравшее Владимира великим князем, собралось не на площади, а в храме Св. Софии – твердыне греческого православия ^[6]. Это немедленно сказалось на летописании. Владимир Мономах вступил в борьбу с Киево-Печерским монастырем и изъял у него летописание, которое он передал в Выдубицкий монастырь [29, т. II, с. 129]. Игумен Сильвестр дважды переработал текст «Повести временных лет», но его правка коснулась главным образом последней части, т. е. княжения Святополка [там же, с. 130]. Таким образом, тенденциозные новеллы и искусственная генеалогия, относящиеся к IX – X векам, сохранились. Будучи приняты историками XVIII – XIX веков без малейшей критики, они породили фантастические представления о Древней Руси, якобы возникшей по мановению варяжского меча из дикости неполноценных славяно-финских племен. Весь период Киевского (Русского) каганата с IV по IX век считался не бывшим.

Жаль, что не сохранилась черниговская летописная традиция. Там вряд ли было все правильно, но не так, а сравнение двух, пусть даже неполноценных версий дает возможность установить истину или хотя бы усомниться во лжи.

Нестор был весьма талантливым писателем. Это означало, что он мог убедить читателя в своей правоте. На нашу беду защищаемая им концепция истории Руси стала неактуальной после прихода к власти Владимира Мономаха и его потомков. Тогда главными соперниками Мономашичей стали черниговские Ольговичи, и весь гнев киевских летописцев, оберегаемых дикими торками, обрушился на дружественных Чернигову половцев; а о Германии в XII веке позабыли, тем более что силы императоров были поглощены войной с папами. Запад стал для Руси неинтересен.

Это спасло Несторовы варианты, касающиеся древности, от поправления, ибо это в XII веке стало не актуально. А затем, когда интерес к русской древности возник снова, т. е. в конце XIV века, «Повесть временных лет», прошедшая испытание временем, превратилась в каноническую книгу. И не случайно даже в критический XX век такой тонкий исследователь, как М. И. Артамонов, писал: «Конечно, ни о каком подчинении Руси хазарами в X в. не может быть и речи. Здесь мы имеем совершенно явное извращение действительности, вполне понятное в устах хазарского еврея, стремящегося возвеличить Хазарию» [2, с. 374—375]. А то, что при такой точке зрения освободительная война Святослава превращается в грабительский набег и теряет свою героичность и свое значение, – это исключалось в угоду летописным версиям. В. Т. Пашуто осторожнее. Он признает, что «источник... темен, но, быть может, он отражает некоторые реалии» [27, с. 93]. Однако если мы отказались от «призвания варягов», то настало время внести ясность в картину взаимоотношений Хазарии и Руси и сказать словами поэта: «Не раз клонилась под грозою то их, то наша сторона», но победа осталась за Русью.

Итак, детальный комментарий Д. С. Лихачева вскрыл множество натяжек и подтасовок, особенно в хронологии событий. Именно это дало повод автору привлечь историю кочевников в качестве сравнительного материала для более сознательного восприятия смысла летописных рассказов. И тут появилась возможность установить характер взаимодействия истории и элоквенции (изящной словесности) хотя бы в небольшом, но крайне важном эпизоде. Историческая информация в нем присутствует, так как летописцу было необходимо завоевать доверие читателей. Но цель сказания о дани полян хазарам ^[120] дидактическая: показать, что

беды, упавшие на голову полян, были отведены героическими варягами, дружба с которыми желательна и впредь. Эта позиция летописца настолько совпадала с политической платформой Изяслава и Святополка, что роль случайности минимальна.

Но если так, то в исследуемом тексте литература решительно превалирует над историей и буквальное следование летописной версии ведет к заблуждениям истории и утрате смысла в аспекте филологии.

Аналогичный вывод по поводу всей «Повести временных лет» был сделал Д. С. Лихачевым, охарактеризовавшим летопись как «динамику идей». Ее единство «определяется не авторской индивидуальностью, а действительностью, жизнью» и отражает в себе все жизненные противоречия [29, т. II, с. 49]. Значит, летопись – литература исторического жанра, а не хроника, бесстрашно фиксирующая события, и не история – «поиск истины» или, более современно, – «исследование».

Этот общий и вполне убедительный вывод исследователя не только не снимает необходимости продолжать изучение отдельных новелл, но дает путь к их осмыслению и выверке на достоверность. Последнее важно не столько для филолога, сколько для историка, но ведь Каллиопа и Клио сестры; значит, они должны помогать друг другу.

1. *Алексеев В. П.* В поисках предков. М., 1972.
2. *Артамонов М. И.* История хазар. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1962.
3. *Большаков О. Г., Монгайт А. Л.* Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.). М., 1971.
4. *Босворт К. Э.* Мусульманские династии. М., 1971.
5. «Византийский временник», 1961, вып. XX, с. 99.
6. *Греков Б. Д.* Киевская Русь. Учпедгиз, М., 1949, с. 496—498.
7. *Гумилев Л. Н.* Открытие Хазарии.— Наука, М., 1966.
8. *Гумилев Л. Н.* Хазарские погребения и место, где стоял Итиль.— «Сообщения Гос. Эрмитажа», XXII, 1962.
9. *Гумилев Л. Н.* Хазария и Каспий.— «Вестник ЛГУ», серия географическая, 1964, № 6.
10. *Гумилев Л. Н.* Хазария и Терек.— «Вестник ЛГУ», серия географическая, 1964, № 24.
11. *Гумилев Л. Н.* Памятники хазарской культуры в дельте Волги.— «Сообщения Гос. Эрмитажа», XXVI, 1965.
12. *Гумилев Л. Н.* Соседи хазар.— «Страны и народы Востока», вып. IV. М., 1965.
13. *Гумилев Л. Н.* Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века.— «Вестник ЛГУ», 1966, № 18, с. 81—90.
14. *Гумилев Л. Н.* Истоки ритма кочевой культуры Срединной Азии. (Опыт историко-географического синтеза).— «Народы Азии и Африки», 1966, № 4, с. 85—94.
15. *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки.— Наука, М., 1967.
16. *Гумилев Л. Н.* О термине этнос.— «Доклады Географического общества СССР», вып. 3, 1967.
17. *Гумилев Л. Н.* Где же тогда Семендер? — «История СССР», 1969, № 3, с. 242—243.
18. *Гумилев Л. Н.* Поиски вымышленного царства. Наука, М., 1970.
19. *Гумилев Л. Н.* Нужна ли география гуманитарам? — Славяно-русская этнография. Л., 1973, с. 92—100.
20. *Гумилев Л. Н.* Об антропологии для неантропологов.— «Природа», 1973, № 1.
21. *Иордан.* О происхождении и деяниях гетов. Пер. Скржинской Е. Ч. Изд. восточной литературы, М., 1960.
22. История Византии. В 2 тт., т. 2. М., 1967.
23. История СССР с древнейших времен до наших дней, т. I. Изд. «Наука», 1966, с. 489, 492.
24. *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. Вып. I. Мечи и сабли IX — XIII вв. Изд. «Наука», М.—Л., 1966.
25. *Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X веке. Изд. АН СССР, Л., 1932.
26. *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда X — XI веков. М., 1963.
27. *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. Изд. «Наука», М., 1968, с. 28.
28. *Петрушевский И. П.* Ислам в Иране в VII — XV веках. Изд. ЛГУ, Л., 1966.
29. Повесть временных лет. Т. I. Текст и перевод. Т. II. Статьи и комментарии. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950.
30. *Половой Н. Я.* К вопросу о первом походе Игоря против Византии.— «Византийский временник», вып. XVIII, 1961.
31. *Потапенко А. И.* Сколько лет донскому виноградарству? — «Виноделие и виноградарство СССР», 1964, № 7, с. 38—39.
32. *Рыбаков Б. А.* Древние русы.— «Советская археология», XVII, 1953, с. 23—104.

33. Рыбаков Б. А. К вопросу о роли Хазарского каганата в истории Руси.— «Советская археология», XVIII, 1953.
34. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. I. Соцэкгиз, М., 1959, с. 145.
35. Солодухо Ю. А. Движение Маздака и восстание еврейского населения Ирака в первой половине VI в. н. э.— «Вестник древней истории», 1940, № 3—4.
36. Якубовский А. Ю. Ибн-Мискавейх о походе русов в Берда в 332 г.— 943/944 г.— «Византийский временник», XXIV, 1926, с. 63—92.
37. Gregoire Pr. Les Gens de la Caverne, les Qara?tes et les khazares.— «Le Flambeau», vol. 35, № 5. Bruxelles, 1952, pp. 477—485.
38. Gumilev L. N. New Data on the History of Khazars.— «Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae», t. 19. Budapest, 1967, pp. 61—103.
39. Needham J. Science and Civilization of China, III. Cambridge, 1959.
40. Szyszman S. Le roi Bulan et la probl?me de la conversion des Khazars.— «Ephemerides Theologicae Lovanienses», t. 33, fasc. 1. Bruges, 1957.
41. Szyszman S. O? la conversion du roi Khazar Bulan a-t-elle eu lieu? Dans: Hommages ? Andr? Dupont-Sommer. Paris, 1971.
42. Szyszman S. Les Khazars probl?mes et controverses.— «Revue de l'Histoire des Religions», t. CLII, № 2, 1957.

В начале XIX в. во всей Европе историография вступила в фазу зрелости, при которой критический подход к накопленным сведениям сменяет эрудитскую школу, характерную для XVII – XVIII вв. Так, во Франции Огюстен Тьерри опередил не только автора многотомной истории Византии – аббата Лебо, но и своего брата Амедея, написавшего историю гуннов^[25], состоящую из списка событий, извлеченных из трудов древних авторов, а потому ныне потерявшую значение.

В России весь XIX век сведения «Начальной летописи» были официальным непререкаемым источником для восприятия событий IX – X вв. Обязательно-некритичное отношение к летописи было правительственной установкой. (Кажется, инициатором этого мероприятия был шеф жандармов А. Х. Бенкендорф.) Только А. А. Шахматов^[23], а за ним Д. С. Лихачев^[12] провели плодотворные исследования, чем устранили много нелепостей, вскрытых как компаративной, так и внутренней критикой текста летописи. История Древней Руси ныне представляется не как цепь благополучий, нарушавшихся только редкими княжескими усобицами, а как подвиг героического народа, преодолевшего трудности настолько грандиозные, что другой народ от аналогичных бед мог бы погибнуть^[7].

Летописец Нестор был человеком своего времени и, хуже того, придворным историком князя Святополка Изяславича, о котором ни один из современников не сказал доброго слова. Владимир Мономах поручил игумену Выдубицкого монастыря Сильвестру проверить и исправить «Повесть временных лет», что тот и проделал [12, с. 129], но, видимо, не полностью. Он интересовался лишь биографией своего заказчика и его отца Всеволода I, т. е. событиями XI в. Можно предположить, что история IX – X вв. казалась ему неактуальной. Недостоверность древней части летописи отметил Д. С. Лихачев [там же, с. 135]. В свой комментарий он внес так много исправлений, что, не учитывая их, нельзя не впасть в заблуждение; но была еще одна трудность, которая требует преодоления.

Ошибки летописца бывают двоякими: 1) искажение описания события, смещение даты, дидактический вымысел, фантастическая интерпретация – все это заметно и потому исправимо; 2) умолчание о событии или даже целом периоде, а именно это имеется в «Повести временных лет»: там опущено описание Русско-хазарских столкновений с 885 по 965 г. – целых восьмидесяти лет^[5]. Можно ли восполнить этот пропуск, сделанный летописцем, несомненно, умышленно?

Можно, если сменить угол зрения на 180°: обычно применяемую индукцию – на дедукцию. Если обречь сюжет, лишенный сведений, пространственно-временными данными, выверенными и не возбуждающими сомнений, то в руках исследователя окажется, во-первых, дополнительный материал, т. е. источники, которых не было у Нестора, а во-вторых, причинно-следственные связи между событиями станут значительно яснее. Конечно, для такого широкого охвата потребуются данные, накопленные наукой за столетие, но ведь авторы используемых трудов должны быть рады тому, что их статьи и книги используются с отсылочными сносками, даже если они сами не предвидели результатов своих частных исследований. А вот не ставить сносок на работы предшественников – нехорошо^[122].

Действительно, как только наши предшественники привлекли арабские источники, выяснилось, что Волга и Каспийское море были ареной событий столь же грандиозных, как и Днепр и Черное море, но смысл этих событий неясен и служит предметом научных споров. Наша задача – найти непротиворечивую версию. Удастся ли это, пусть судит читатель.

Расстановка сил в конце IX в.

Большинство племен, населявших Восточную Европу, жило натуральным хозяйством и потому не имело поводов для активной политики и завоевательных войн. Но на их беду регион пересекали две водные и одна сухопутная трассы – торговые пути: знаменитый путь «из варяг в греки», волжский путь «из варяг в хазары» и «шелковая дорога» – караванный путь от Китая до Испании [4, с. 42—52]. Днепровский путь с 982 г. был в руках варяжского конунга Олега, а волжский путь, соединявший Багдад и Биармию (Великую Пермь), поставлявшую меха в обмен на серебряные изделия, и караванный путь, пересекавший Волгу у города Итиль, около с. Селитренного [1, с. 385—399], контролировались международной торговой компанией евреев-рахдонитов, захвативших фактическую власть в Хазарском каганате и подчинивших себе все левобережье Днепра и верховья Волги [1, с. 389]. Мира между этими двумя хищниками быть не могло.

Олег, овладевший Киевом путем предательского убийства славянорусских князей Аскольда и Дира [см.:12, с. 251], подчинил себе древлян на Припяти, радимичей на Соже и северян на Десне (883—885), причем два последних племени были отторгнуты от Хазарии [1, с. 389]. Могла ли такая агрессия не вызвать ответной войны? Однако летопись умалчивает до 907 г., когда Олег идет походом на Византию, враждебную Хазарии. Якобы он одержал блестящую победу, но, как ни странно, греки ее не заметили и в своих хрониках не отразили [8, т. 2, с. 230; 15, с. 147—153].

Как показали исследования византинистов, на Константинополь в начале X в. напала не рать киевского князя, а славяно-варяжская вольница, обитавшая в устье Днепра, под предводительством «божественно-озаренного вождя», согласовав свой набег с нападением арабского флотоводца Льва Триполитанского. Произошло это в 904 г. и кончилось разгромом русов, но вождь-волшебник успел убежать, покинув своих боевых товарищей, которые погибли от греческого огня у мыса Трикефал. Эта версия непротиворечива.

«Ошибка» Нестора не случайна. Он писал в княжение Святополка Изяславича, западника и врага греков [5, с. 171—173]. Описание деталей мнимой осады Царьграда напоминает операцию 860 г., приписываемую Аскольду, подтвержденную греческими авторами [8, с. 2, с. 229]. По-видимому, тогда же был составлен знаменитый торговый договор, перенесенный Нестором в 907 год вместе с походом. Характерно, что в последнем издании «Истории СССР» (М., 1966) поход 907 г. не упомянут, зато сказано, что «поход 911 г. – единственный достоверный факт из его (Олега) княжения»! [19, т. 1, с. 490]. Но коль скоро так, то отношения варяжских князей Олега и Игоря с хазарскими царями подлежат пересмотру. Постараемся доказать, что они были не врагами, а союзниками, и что поссорились они позже, а именно тогда, когда на киевском престоле сели славяне Ольга и Святослав. Для доказательства этого тезиса перенесем внимание на Каспийское море.

Хазарский каганат – а точнее, колония рахдонитов – в IX в. обладал огромными богатствами, получаемыми от торговли китайскими шелками, закамскими мехами и славянскими рабами. Купцов поддерживали все деспотические режимы: императоры династии Тан, Каролинги, Аббасиды в Багдаде и Омейяды в Кордове. Глава купеческой общины Итиля носил тюркский титул – пех (бег) – и самовластно управлял страной, сделав кагана из тюркской династии Ашина марионеткой. Власть бега опиралась на наемные войска из Гургана (область на юго-востоке Каспийского моря). Число воинов колебалось от 7000 до 12 000 человек, специально обученных и прекрасно вооруженных. Ополчения гузов, печенегов, буртасов и даже славян не могли тягаться с этими профессионалами. Однако гурганцы, как мусульмане, позволяли использовать себя только против христиан и язычников, но отказывались выступать

против единоверцев. До тех пор, пока Итиль был в дружбе с Багдадом, проблемы не возникало, но в 842 г. дейлемиты, жившие на юго-западном берегу Каспия, приняли ислам и стали набирать силу, потому что мусульмане-шииты охотно их поддерживали.

В 872 г. дейлемиты завоевали Гурган, Казвин и Рей, лишив хазарских купцов и наемников удобного караванного пути через Дербент в Багдад. А он был очень нужен, ибо в 874 г. в Китае вспыхнуло крестьянское восстание Хуан Чао, направленное против иноземцев и империи Тан, им мирволившей. Шелк перестал поступать из Китая, а застрявшие там иноземные купцы были безжалостно убиты. Восстание было подавлено в 901 г., но хозяйство страны было подорвано, и великий шелковый путь потерял свое значение. Тем более был нужен путь в Багдад, а для этого было необходимо убрать дейлемский барьер.

Связь и последовательность событий

И вот в 909 г. на Каспии появились корабли русов. Норманские пираты, пополнившись в покоренных славянских землях, выступили на защиту купцов Итиля. Сначала они имели успех: разграбили остров Абаскун и сожгли город Сари в Мазендеране, но дейлемиты не уступали русам в храбрости и в 913 г. сбросили русский десант в море. Дабы компенсировать себя после неудачи, русы разграбили Ширван и Баку, где сидели Саджиды, сунниты и, следовательно, друзья хазарских купцов [13, с. 40]. После этих «подвигов» русы вернулись в Итиль, послали хазарскому царю долю добычи и остановились на отдых [1, с. 371, приведена литература].

У хазарских купцов было правило – казнить воинов, потерпевших поражение [10, с. 147]. С их точки зрения, это было логично: платили им за то, чтобы они побеждали, а не за поражения. Поэтому царь позволил своим свежим мусульманским наемникам расправиться с усталыми русами. Бой длился три дня; в плен не брали. Было убито 30 000 русов; остатки их бежали вверх по Волге, но были перебиты булгарами и бургасами. Домой никто не вернулся; видимо, поэтому рассказ об этом походе в летописи не попал. Но невозможно представить, что родственники погибших совсем не интересовались их судьбой. Так или иначе, с 913 по 939 г. об отношениях между Хазарией и Русью нет никаких сведений. Может быть, это потому, что ничего достойного упоминания действительно не происходило?

Следующее столкновение русов с хазарами описал неизвестный еврейский автор XII в. В 939 г., во время обострения греко-еврейских отношений, русский князь Х-л-гу нечаянным нападением захватил крепость Самкрай (ныне – Тамань), но был побежден полководцем «достопочтенным Песахом», который принудил русского князя напасть на «македона», т. е. Византию. В этой войне русский флот был сожжен греческим огнем в 941—942 гг., а остатки русов были брошены на Каспий [11, с.117—120], где в 943—944 гг. захватили город Партав (Берда). Победа, одержанная русами, не была реализована, так как в их войске вспыхнула эпидемия и им пришлось вернуться на Волгу, в Итиль [1, с. 376]. Дальнейшая судьба их неизвестна. Видимо, их постигла та же участь, что и первую экспедицию. Поистине это была дань кровью, которую норманские конунги, засевшие в Киеве, платили царям Хазарии.

Но, кроме этого, дань приходилось выплачивать мехами. Только этим можно объяснить, что Игорь Старый во время полюдья у древлян отпустил часть дружины, остался с малым отрядом и продолжал грабить своих славянских подданных. Это стоило ему жизни, но, видимо, он не мог поступить иначе, потому что войска достопочтенного Песаха уже в 940 г. доходили до стен Киева ^[11] и в 944 г. они могли повторить поход на русскую землю за невыплату дани. Игорю при большой дружине неоткуда было бы добыть достаточно мехов, потому что добытое пошло бы на оплату воинов [12, с. 294]. Все вместе говорит о том, что купеческая община Хазарии в первую половину X в. была гегемоном Восточной Европы.

От сложившегося порядка больше всего страдало население Приднепровья и Поволжья. Мало того что у них брали меха, мед и воск, но хватали юношей и девушек для продажи в Омейядский халифат [21, с. 22—26], куда каролингские императоры пропускали караваны из Хазарии, потому что нуждались в доходах от таможенных сборов. Но пока хазарский царь имел гвардию из гурганцев и помощь киевских конунгов, славянское ^[123], печенежское [1, с. 356] и аланское [там же, с. 364] население оставалось в лапах этого купеческого спрута. Жестокая расправа над древлянами должна была послужить уроком прочим славянам.

Но княгиня Ольга была псковитянкой, т. е. славянкой ^[124], и относилась к своему народу иначе, чем ее супруг. И у нее были сторонники – славяно-русы, т. е. та часть потомков древних россомонов, которые породнились с потомками полян и образовали единый этнос – «поляне, яже ныне зовомая русь» [комментарии к этому тексту см.: 12, с. 238—241]. После гибели Игоря славяно-русы захватили власть в Киеве и политика Киевского каганата потекла по новому руслу.

Ольга, взяв власть, в 945 г. немедленно заключила торговый договор с Византией, что означало разрыв с Хазарией. В 949 г. послала русских воинов в Константинополь для отвоевания Крита, в 957 г. крестилась и начала войну против Хазарии. В 965 г. юный князь Святослав в союзе с печенегами [9, с. 66—68] и торками взял Итиль и другие хазарские крепости: Семендер (на Тереке) и Саркел (на Дону). Успехам русского оружия содействовала природа: повышение уровня Каспия на 5 м. Плоский берег был залит морем ^[6]. И эта последняя трагедия произошла на берегу Каспийского моря.

Но завершение ее произошло далеко на западе. Связанные с Хазарией русы «ушли в Рум и Андалус», т. е. в Византию и Испанию ^[125]. В Византии они растворились в многоэтническом населении империи, а в Испании высадились в Галисии в 968 г., разграбили Сантьяго, убили епископа и только в 971 г. были прогнаны графом Гонсало Санчесом [2; 14]. Остатки их, видимо, поглотили волны либо бурного Бискайского залива, либо Атлантического океана.

Избавившись от опеки рахдонитов и их пособников, Древняя Русь обрела монолитность, позволившую ей создать блестящую, неповторимую культуру, одним из памятников коей является летопись «Повесть временных лет».

Итак, следуя версии «Повести временных лет», мы постоянно натываемся на неразрешимые противоречия, начиная от «призвания варягов» до рассказа о расправе Ольги над древлянами.

Похоже на то, что летописец дает заведомо ложную схему событий. По его намекам, варяги и хазары были злейшими врагами, а никак не союзниками. Собранные нами факты говорят об обратном, и я предпочитаю не верить летописцу. Нестор писал свой труд в 1100—1113 гг., будучи сторонником князя Святополка II, друга немецких и датских феодалов, противника греческой митрополии и ее защитника Владимира Мономаха и врага истребителя последних хазарских иудеев – черниговского князя Олега Святославича. Кроме того, описываемые им события отстояли от него более чем на 200 лет. Может ли историк, наш современник, без особой специальной подготовки изложить историю царствования Екатерины II с учетом нравов, мод и личных взаимоотношений? Даже при обилии источников это трудно. А помимо этого, Нестор, подобно М. Н. Покровскому, понимал историю как «политику, обращенную в прошлое», защищал интересы своего монастыря и своего князя, ради чего грешил против истины.

Д. С. Лихачев охарактеризовал «Повесть временных лет» как блестящее литературное произведение, в котором исторические сведения либо преобразованы творческим воображением автора, как, например, легенда о призвании варягов, либо подменены вставными новеллами, некоторые из коих восходят к бродячим сюжетам. Он весьма критично разбирает соображения А. А. Шахматова, и это дает возможность на основе обеих работ установить последовательность и связь событий древнерусской истории, пусть не в деталях, но в том приближении, которое для нашего сюжета необходимо и достаточно. Поэтому целесообразно рассматривать «Повесть

временных лет» как блестящее литературное произведение, характеризующее настроения того десятилетия, в которое оно написано, а не как учебное пособие, как было предписано считать в гимназиях прошлого века. А для восстановления подлинной картины прошлого необходимо сопоставление данных летописной версии с всемирной историей X в. Широкий охват – дедукция – столь же необходим для истории, как и индукция – углубленное изучение отдельных сведений. Оба подхода равно правомерны, ибо они дополняют друг друга.

1. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.
2. Вебер Г. Всеобщая история. М., 1893, т. 6, с. 500.
3. Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. М., 1966.
4. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.
5. Гумилев Л. Н. Сказание о хазарской дани.— «Русская литература», 1974, № 3.
6. Гумилев Л. Н. История колебаний уровня Каспия за 2000 лет.— В кн.: Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. М., 1980.
7. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь (рукопись).
8. История Византии. В 3-х тт. М., 1967.
9. Константин Багрянородный. О фемах и о народах. М., 1899.
10. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.
11. Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.
12. Лихачев Д. С. Повесть временных лет. Часть II. Статьи и комментарии. М.—Л., 1950.
13. Минорский В. Ф. Истории Ширвана и Дербенда. М., 1963.
14. Мюллер А. История ислама. СПб., 1896, т. 4.
15. Николаев В. Д. Свидетельство хроники Псевдо-Симеона о руси-дромитах и поход Олега на Константинополь в 907 г. — Византийский временник, 1981, т. 42, с. 147—153.
16. Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI — IX вв.— В кн.: Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
17. Пауто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
18. Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X — XII вв. СПб., 1913, с. 12—15.
19. Рыбаков Б. А. Киевская Русь.— История СССР. М., 1966. Т. 1.
20. Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. М., 1980.
21. Тюменев А. И. Евреи в древности и в средние века. Пр., 1922.
22. Фроянов И. Я. Киевская Русь. Л., 1980.
23. Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
24. Шиннер И. Возникновение капитализма у евреев Западной Европы (до конца XII в.). СПб., 1910, с. 22—26.
25. Thierry A. Histoire d'Attila et de ses successeurs. P., 1856.

Хаган, или каган, – начиная с III в. титул царя у тюрко-монгольских кочевых народов.

В краткой редакции письма расстояние от Бузана до столицы Хазарии – Итиля – 30 фарсахов [50, с. 81—83].

Проверка подтвердила первоначальное заключение. Современный берег Волги образовался недавно, путем подмыва. Тысячу лет назад здесь была суглинистая степь с нерасчлененным рельефом. Ни остатков поселений, ни даже черепков от разбитой посуды вокруг Енотаевки не было обнаружено. Больше того, когда на следующий год мне удалось снова проехать мимо этого села, в обресе невысокого бугра были обнаружены обнажившиеся кости человека: скелет был зачищен и оказался сарматом-воином, при нем были железный меч и сосуд. Если бы над ним стоял большой город, то наземное погребение не сохранилось бы до нашего времени.

Можно быть уверенным, что Итиль помещался не здесь. Ниже, у села Сероглазка, где берег подмыт меньше, была найдена разнообразная керамика в береговом обресе и котловинах выдувания. Это место было населено в древние времена, но ни стен, ни остатков зданий не обнаружено, а конфигурация рельефа не отвечает описанию Итиля.

Первый Сарай (дворец), построенный Батыем, лежит около села Селитренного; второй, построенный ханом Берке, – выше по Волге.

См., например: 40, 59. В обеих книгах дана огромная библиография.

Это оказались могилы мусульманских мулл на выходах подземного газа, подожженного верующими казахами. Надписи на могилах, сделанные четким арабским шрифтом, давали точную дату – начало XX в.

А я сказал следующее: «О, Михаил Илларионович! Когда Шлиман искал Трою, исходя из описаний Гомера, он был на правильном пути. Но у него был исчерпывающий и надежный источник, несмотря на то, что он написан гекзаметрами, а не академическими наукообразными штампами. А что имеется в нашем распоряжении? Только куча противоречивых упоминаний, большая часть которых имеет весьма серьезный вид, но при ближайшем рассмотрении оказывается обработкой слухов и древних сплетен в форму, приличествовавшую науке того времени. Позвольте начать поиски сызнова и с другого конца. Охватим Хазарию со всех сторон и будем сжимать кольцо окружения до тех пор, пока добыча не окажется в наших руках. Не нужно дорогостоящих экспедиций. Пустите меня одного с путевым дневником и компасом, а в остальном положимся на то, что гипотезы иногда подтверждаются».

Так здесь называют тростник.

В дельте Волги каждый бугор имеет свое название.

Некоторые впадины Азии лежат ниже уровня моря, принятого за нуль. Поэтому высотные топографические отметки здесь идут со знаком «минус».

Так называемая салтовская культура [см.: 7, с. 35, приведенная литература].

Доктора географических наук А. В. Шнитникова, доктора физических наук Н. А. Козырева, доктора исторических наук А. П. Окладникова, доктора биологических наук М. И. Прохорова, директора Главной геофизической обсерватории М. И. Будыко, директора Географо-экономического института при университете А. И. Зубкова и много кандидатов и некандидатов разных специальностей. Председательствовал С. И. Руденко, под руководством которого в 1948 г. я имел честь раскопать третий пазырыкский курган.

Лучшее описание древностей Дербента см.: 5, с. 121—143.

Имелись в виду свинцовые скрепы облицовочных плит [\[45\]](#).

Первую публикацию наших выводов см.: 2.

Цитата из Плиния: «Как дорого нам обходятся роскошь и причуды наших женщин!» Плиний подсчитывает, что из Рима ежегодно уходит миллион монет хорошей чеканки.

Большая часть монет оставалась в руках парфянских и индийских посредников.

Зороастрийское духовенство было обладателем огромных сокровищ и поддерживало первых Сасанидов, что позволило им долгое время быть независимыми от транзитной торговли.

Подробное описание находок погребений в дельте Волги см.: 35, 36, 94. Ниже будут даваться только суммарные описания обрядов погребения и интерпретация их в историческом аспекте.

О датировке этого типа сабель см.: 52, с. 75; 58, с. 160—167; 90.

Эти любимые образы персидских поэтов переданы буквально.

То же.

То же.

То же.

Готы в VI в. очень часто служили в византийских войсках и даже составляли особый отряд гвардии.

Эти любимые образы персидских поэтов переданы буквально.

Один из вернейших сподвижников Бахрама, в этот день командовавший авангардом персидских войск.

Значит, он не будет брать побежденного противника в плен, а убьет его. Фигурально – вызов на смертный бой.

Так почтительно называет автор Хосроя, бывшего в этот день лишь претендентом на престол.

Экспедиция прекратилась в тот момент, когда успехи перестали вызывать сомнения в ком бы то ни было. А жаль.

Впервые упомянуты в Ипатьевской летописи под 1147 г.

В 1227 г. папа Григорий IX послал миссионеров проповедовать «in Cumanis et Brodnic terra vicina». В письме венгерского короля Белы перечислены враги Венгрии в 1254 г.: «Rutheni, Comani, Brodnici» и дальше «Rutheni, Comani, Brodnici, Bulgaria» [цит. по: 59, с. 51].

Предание о переговорах Ивана Грозного с гребенскими казаками записал Л. Н.Толстой [81, с. 176].

Моисей Хоренский в «Истории Армении» упоминает, что между 193 и 213 гг. «толпы хазар и баслов (барсилов), соединившись, прошли через ворота Джора (Дербентский проход)... перешли Куру и рассыпались на сю сторону ее» [цит. по: 3, с. 115]. М. И. Артамонов полагает, что упоминание хазар в столь раннее время – анахронизм [там же, с. 131], однако оснований для сомнений не приводит. Принимая сведения источника, констатируем, что во II в. хазары обитали в низовьях Терека и Сулака. На Волгу они распространились позднее не через сухие степи, а по берегу Каспийского моря, стоявшего тогда на отметке минус 36 м, т. е. на 8 м ниже, нежели в XX в. [см.: 15, 16].

Термин «тюрк» имеет три значения. Для VI – VIII вв. это маленький этнос (тюркют), возглавивший огромное объединение в Великой степи (эль) и погибший в середине VIII в. Эти тюрки были монголоиды. От них произошла хазарская династия, но сами хазары были европеоиды дагестанского типа. Для IX – XII вв. тюрк – общее название воинственных северных народов, в том числе мадьяр, русов и славян. Это культурно-историческое значение термина не имеет касательства к происхождению. Для современных востоковедов «тюрк» – группа языков, на которых говорят этносы разного происхождения.

Дербент был окончательно оккупирован арабами в 685—686 гг. и отделился от халифата в X в. вместе с Ширваном.

У Захария названы «красные» [см.: 31, т. I, с.138].

Когда в 627 г. тюркюты и хазары совместно с византийцами осаждали Тбилиси, грузины вынесли на стену города тыкву и нарисовали на ней лицо джабгу-кагана: вместо бровей – тонкие черточки, подбородок голый, редкие волосы на усах, ноздри – шириной в локоть; и кричали: «Вот царь ваш!»

Хуннами принято называть тюркоязычный этнос Центральной Азии, а гуннами – смесь группы хуннов, пришедших во II в. на берег Волги и Урала, и местных угров [\[14\]](#) (как название «хазары» унаследовали потомки хазар и тюркютов).

Библия как исторический источник подвергалась критике, установившей, что даже Пятикнижие обращено к двум разным божествам: Элоим – «Единственные» (мн. ч. от «Элои») – и Яхве – проявлявшемуся в огненных смерчах [51, с. 172]. Значит, и этнос был вначале сложносоставным. Евреи, став монолитным этносом, представляли собой антропологическое разнообразие. Выходцы из Ура халдейского – шумерийский тип: низкорослые, коренастые, с рыжеватыми волосами и тонкими губами. Негроидную примесь дало пребывание в Египте. Семиты – высокие, стройные, с прямым носом и узким лицом – это результат смешения с древними арабами халдеями. Большинство же евреев – арменоидный тип, преобладавший в Ханаане, Сирии и Малой Азии, именно тот, который ныне считают еврейским. Это расовое разнообразие указывает лишь на сложность процесса еврейского этногенеза, но не имеет отношения к этнической диагностике, ибо этнос и раса – понятия разных систем отсчета.

Македония входила в Персидскую державу в 490—465 гг. до н. э., и в этот краткий период ее уроженцы служили царю Артаксерксу.

На этом фоне было создано обновленное иудейское вероучение. В I в. были составлены два варианта Талмуда: иерусалимский и вавилонский, а во II – III вв. возникла Каббала, т. е. «полученное по преданию учение». Согласно Каббале, Бог, «наскучив одиночеством», решил создать себе равных. Мир и люди – его эманация; назначение их – совершенствование до уровня Божества, причем идет перевоплощение душ. Бог им не помогает, ибо «помощь» – это позорный хлеб, подачка. Они сами должны достичь совершенства [см.: 43, примеч. 3, с. 535—536].

«Их внутреннее – да проклянет их Господь! – противоположно внешнему, слова противоположны делам» [46, с. 188. Примеч. 339].

Описание быта этой ветви евреев см.: 11, с. 17. Кембриджский аноним считает их евреями колена Симонова, позабывшими веру предков [см.: 38, с. 25].

Ши'ат Алий – партия Алия, или «пристрастные».

Авторство текста приписано известному хронисту и врачу Иосифу б. Иегошуа Га-Когену, жившему в XVI в., но имевшему в своем распоряжении более ранние рукописи.

И. Берлин полагает, что именно это событие заставило евреев покинуть Хазарию и перебраться на Запад [см.: 5, с. 79].

Основания для датировки, которые привел М. И. Артамонов, противоречивы. В описании набега хазар на Закавказье под предводительством Булана упомянуты путь в Дар алам, «под которым видят Дарьял», и город Ардвил, т. е. Ардебиль [3, с. 269]. М. И. Артамонов сопоставил этот набег с вторжением хазар в Азербайджан в 731 г., когда хазары после некоторых успехов были разбиты арабами. Это не соответствует рассказу об удаче Булана. Затем арабы захватили у хазар «знамя в виде медного изображения» [там же, с. 215], чего не могло быть у иудеев. Наконец, предводителем хазар был сын кагана – Барджиль, а отнюдь не иудей, как и мать его – ханша Парсбит («тигриная морда» – [см.: 30]). Видимо, следует предпочесть более раннюю дату – 718 г., что не противоречит известным и установленным фактам. Равно и путь Булана истолкован неточно. Дар алам – буквально «врата мира» (перс.-араб.) – это не Дарьял, а Дербент – буквально «запертая дверь» (перс.). В 718 г. эта крепость была освобождена хазарами от арабов.

Об этом указе упоминают хронографы Феофан (ed. Воннае, I, 617) и Кедрен (ed. Воннае, I, 793); [см.: 5, с. 76].

Бабек, вождь хуррамитов, завязал союз с императором Феофилом около 830 г. [см.: 45, с. 199]. Но попытка объединить маздакизм с иконоборческим православием, предпринятая тогда же, успеха не имела.

Предположение М. И. Артамонова о принадлежности Обадии к хазарской знати иудейского исповедания находится в противоречии со всеми фактами, приведенными самим же М. И. Артамоновым [см.: 3, с. 280 и след.].

Критический разбор версий «обращения» хазар см.: З, с. 268—273.

Философская интерпретация термина восходит к Филону Александрийскому. В Талмуде Шехина отождествляется с божеством. Одетая в темные одежды, она бродит по земле, оплакивая Иерусалимский храм и горе своих детей, рассеянных среди народов. Иосиф имел в виду скорее мифологическое, нежели философское значение слова «Шехина».

Цит. по: З, с. 324, так как здесь приведен сравнительный анализ смысловых оттенков трех параллельных переводов.

Харадж – государственный налог.

Место этого города не установлено [см.: 31, с. 161].

Ваза из Сентмиклошского клада. Музей истории искусств. Вена.

«Верховный глава их исповедует веру еврейскую; той же веры равным образом как Иша (царь), так и военачальники и вельможи, которые состоят при нем; прочие же хазары исповедуют религию, сходную с религией турок (мадьяр.— Л. Г.)» [59, с. 17.]

Якут свидетельствует, что хазары были христианами и мусульманами, а частично язычниками; только немногие исповедовали иудаизм [см.: 3, с. 280]. Димашки указывает, что хазарские воины были мусульманами, а горожане – иудеями [см. там же], но, по-видимому, он имеет в виду только население столицы.

Если говорить о религиозной доктрине павликиан, то бросается в глаза их различие с манихеями, сходство с древними гностиками и крайне отрицательное отношение к маздакизму и иудаизму. Но теологические тонкости, которые волновали умы богословов, были чужды и непонятны массам, задачей которых была война против Византии. Для противопоставления себя православию было достаточно общепонятного признания материи не творением Божьим, а извечным злым началом. Этот тезис роднит павликиан с манихеями и катарами, однако происхождение доктрины от утраченного трактата Маркиона наложило на их идеологию неизгладимый отпечаток. Павликиан, как и манихеев, нельзя считать христианами, несмотря на то что они не отвергали Евангелия. Павликиане называли крест символом проклятия, ибо на нем распят Христос, не принимали икон и обрядов, не признавали таинства крещения и причащения и все материальное почитали злом. Будучи последовательными, павликиане активно боролись против церкви и власти, прихожан и подданных, сделав промыслом продажу плененных юношей и девушек арабам. Вместе с тем в числе павликиан встречалось множество попов и монахов-расстриг, а также профессиональных военных, руководивших их сплоченными, дисциплинированными отрядами. Удержать этих сектантов от зверств не могли даже духовные руководители. Жизнь брала свое в том случае, если лозунгом борьбы было отрицание жизни. И не стоит в этих убийствах винить Маркиона, который в богословии был филологом, показавшим принципиальное различие между Ветхим и Новым Заветами. В идеологическую основу антисистем могла быть положена и другая концепция.

Каган (тюрк.) – суверенный государь. Буквально: «великий» на сиу-дакотском языке (wakan) [см.: 36, с. 16; 28, с. 123—125].

Людовик имел в виду остатки этноса подлинных аваров (обров), уцелевшие после поражения, нанесенного им франками в 795 г. Эти авары продолжали жить в Паннонии под властью собственного кагана еще в середине IX в. [9, т. V, с. 432].

«...поляне, яже ныне зовомя Русы» [42, т. I, с. 21]. Автор поясняет, что Русь – новое историческое явление, сменившее распавшийся племенной союз полян [8, с. 163—164].

Сын болгарского эльтебера был заложником у хазар, а «дочерей хазарский царь требовал себе в гарем» [37, с. 141].

Гурган – от персидского слова «гург» – волк; это древняя Гиркания, по-арабски – Джурджан.

Они названы «аджам», т. е. «не-мусульмане» [см.: 44, с. 199].

См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен.

Василий Македонянин был армянин, переселившийся в Македонию. Эпоха Македонской династии была временем преобладания армян при дворе и в управлении.

Русь в узком смысле включала три города: Киев, Чернигов и Переяславль.

Об этой войне подробно рассказывает Кембриджский аноним, еврейский автор XII в. Несмотря на аморфность повествования, достоверность событий подтверждается историческим анализом [см.: 27, с. 168].

Лихачев Д. С. оспаривает это мнение, опираясь на заключение в 945 г. договора, выгодного для Руси. Однако, по его же уточнению, Игорь был убит осенью 944 г. [см.: 42, т. II. с. 288, 295], следовательно, договор был заключен уже с правительством Ольги, после крутого поворота в политической ориентации.

Разбор гипотез о походах русов на Каспий см.: Артамонов М. И. История хазар, с. 374—380.
Критику предложенных гипотез см.: Гумилев Л. Н. Сказание о хазарской дани (наст. изд. с. 288—307. – Ред.).

В поздних летописях это слово персонифицируется в имя собственное – «старейшина Гостомысл» [см.: 42, т. II, с. 214], значение термина – симпатизирующий иноземцам.

«...Оскорбишася новгородци, глаголюще, яко быти нам рабом и многа зла всяческа пострадали от Рюрика и ради его... Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго и иных многих изби новгородцев съветников его». Однако оно заслуживает доверия. «Западнику» Нестору было бы незачем сочинять «норманнскую теорию» происхождения Руси и замалчивать древний, свободный, славный период истории Русского каганата, если бы не необходимость переубедить тех, кто скептически относился к рассказам о подвигах варяжских конунгов. А таких людей в Древней Руси было, видимо, немало.

По сухому сообщению Нестора, «древляне убита Игоря и дружину его». Лев Диакон сообщает, что Игорь, захваченный в плен, «был привязан к двум деревьям и разорван на две части» [41 а), с. 66]. Год гибели Игоря спутан летописцем: вместо 945 г. надо 944 г. [см.: 42, т. II, с. 295].

Нестор погрешил против истины. В 946 г. князь Мал сватается к Ольге, которой 54 года. Нелепость, но это не описание династического брака, а вставная дидактическая новелла. В 955 г. на приеме у Константина Багрянородного она была, согласно Нестору, столь «красива лицом», что базилевс влюбился... в старуху 62 лет? Одно из двух: неверен или возраст Ольги, или все остальное [см.: 27].

См. тексты Киевского свода 1039 г. и Новгородского свода 1050 г., восстановленные А. А. Шахматовым [62, с. 543, 613].

Вымышленные генеалогии – слишком частое явление, чтобы придавать им большое значение. Например, подлинная фамилия русского царя Павла I – Готорп.

Это видно из того, что радимичей заново покорил воевода Владимира Волчий Хвост в 984 г.

Хорасмии – близкие родственники парфян; следовательно, начальная дата их этногенеза – IV – III вв. до н. э., но ему еще предшествовал инкубационный период, длительность коего определить пока трудно. Значит, к X в. н. э. хорасмии прошли все фазы этногенеза и находились в гомеостазе, что позволило им без сопротивления принять в свою среду пассионарных тюрок, стремившихся с ними ужиться. А это сделало возможной полную ассимиляцию на мирной основе.

Н. И. Вавилов доказал, что рецессивные мутации постепенно оттесняются на окраины видовых и расовых ареалов (письмо к академику Вернадскому В. И.; цит. по: 61, с. 47—148).

С. П. Толстов вопреки Макдиси полагает, что завоевание Хазарии русами предшествовало вступлению в Хазарию хорезмийцев; он пытается сопоставить вторжение русов с походом Владимира на Булгар в 985 г. [см.: 55, с. 255]. Для такого мнения оснований нет.

Это ответ на сомнения А. А. Шахматова [см.: 62, с. 118—119].

С. П. Толстов [55, с. 256] полагает, что русы встретились с гузами около Верхнедонского волока (т. е. выше Итиля) и двинулись вверх по Волге. Однако течение на Волге настолько сильное, что подняться против течения можно было только при помощи бурлаков. В военных условиях это слишком опасно. Поэтому надо считать, что русы спускались по Оке и Волге самосплавом, при котором воины не устают и могут быть готовы к бою с противником.

Там сказано: «И градъ их и Бълу Вежю взя». Значит, «градъ» – не Белая Вежа [см.: 3, с. 427. Примеч. 9].

Западное манихейство соперничало с христианством с конца III в. и подвергалось аналогичным гонениям при Диоклетиане. Христианские императоры продолжали эти преследования. Феодосий определил за принадлежность к манихейству смертную казнь. Гонорий квалифицировал исповедание манихейства как государственное преступление. Вандальский король Гуннерих истребил манихеев в Северной Африке; спаслись лишь те, кто успел убежать в Италию. В VI в. центром манихейства стала Равенна, ибо жители Ломбардии, ариане, вынужденные бороться против Рима, дали им приют. В X в. манихейство распространилось в Лангедоке и сомкнулось с аналогичными учениями Болгарии. В 1022 г. в Орлеане были сожжены десять катаров, среди которых были духовник короля Роберта I Этьен, схоластик Лизой и капеллан Гериберт. В отличие от многих патриархальных и плебейских антицерковных движений катары были социально разнообразны, что способствовало успехам их учения.

Взгляд Маркиона на Космос разъяснил его ученик Апеллес (ум. ок. 180 г.). Единое начало – нерожденный Бог – сотворило двух главных ангелов. Один, «знаменитый и славный», сотворил мир; другой, «огненный», враждебен Богу и миру. Следовательно, мир, как творение доброго ангела, благостен, но подвержен ударам злого «огненного», отождествленного с Яхве Ветхого Завета [2, с. 117]. Различие древнего маркионизма с учениями, от него отпочковавшимися, очевидно.

Зиндик от персидского слова «зенд» – смысл, что было эквивалентом греческого «гнозис» – знание. Следовательно, зиндики – это гностики, но в арабскую эпоху это название приобрело новый оттенок – «колдуны» [45, с. 136].

«Основа их веры внешне состоит в исповеди шиитской догмы и любви к повелителю правоверных Али, внутренне же они – неверные» [Китаб ал-байан. Цит. по: 46. Примеч. 339, с. 336]. К аналогичному заключению пришел И. П. Петрушевский, рассматривающий учения «галийя» и «исмаилиа» как самостоятельные религии, лишь внешне прикрытые шиитскими формами [48, с. 242].

Цвет Фатимидов.

Цвет Аббасидов.

Мустансир, халиф Египта, Фатимид (1036—1094).

Плащи бедуинов – белые с красными полосами.

Подразумевается происхождение Мустансира от Али и Фатьмы, дочери Мухаммеда. На самом деле родоначальником Фатимидов был Убейдулла – пасынок Абдуллы ибн-Маймуна, еврей, обращенный в исмаилизм.

Имеются в виду успехи войск Мустансира. См.: 6, с. 263.

Стихотворный перевод Л. Н. Гумилева.

Термин «тюрк» имеет три значения. Для VI – VIII вв.– это маленький этнос (тюркют), возглавивший огромное объединение в Великой степи (эль) и погибший в середине VIII в. Эти тюрки были монголоиды. От них произошла хазарская ханская династия, но сами хазары были европеоиды дагестанского типа. Для IX – XII вв. тюрк – общее название воинственных северных народов, в том числе мадьяр, русов и славян. Это культурно-историческое значение термина не имеет касательства к происхождению. Для современных востоковедов «тюрк» – лингвистическая группа. На тюркских языках говорят этносы разного происхождения. Следовательно, дефиниция автора может относиться только к древним тюркам, что, как мы показали, неверно.

Хазария с VII в. граничила на Кавказе с Арабским халифатом, а не с Византией.

Авары, болгары и мадьяры воевали с Византией на Дунае, куда хазары никогда не достигали.

Викинги двигались на Русь по Днепру, который был вне контроля Хазарии.

Дата взята из апокрифа и ошибочна. Компетентный автор X в. – Масуди указывает, что это произошло в царствование Гаруна ар-Рашида, а точнее, в IX в. [см.: 3, с. 262—282].

Иудаизм не прозелитическая религия. Если бы действительно военный класс Хазарии просто сменил религию, не понадобилось бы заменять своих воинов наемными мусульманами, дорогостоящими и не очень надежными.

А. Кёстлер в числе использованной литературы помечает книгу М. И. Артамонова, но из текста видно, что он ее не читал. Однако он сам приводит свидетельство караимского автора XI в. Яфета ибн-Али, который называет хазар иудейской веры бастардами (мамцер), показывая тем самым, каким путем эта вера распространялась в Хазарии [см.: с. 80]. При наличии естественного хода метисации нет нужды искать мотивы политического характера. Бастарды возникают не по инструкциям правительства.

Какие преимущества может дать исповедание религии одиозной для обоих соперников? И странно, что автор традицию и природное мировоззрение ставит в связь с требованиями политической конъюнктуры. Почему надо предполагать в хазарах такую беспринципность?

Норманнская теория происхождения Руси устарела полвека тому назад.

Центральная, а точнее – Волжская Хазария была оккупирована сначала Хорезмом, а потом – гузами.

Да, если бы оно продолжало существовать, то сохранились бы договоры и сведения о его политике. А ведь ничего нет!

Русская литература, 1974, № 3, с. 160—174.

В связи с этим важно отметить, что о походе Олега в 907 году византийские авторы не упоминают. А. А. Шахматов считал, что договора 907 года не существовало. Опять фантастическая хронология! Разбор аргументов «за» и «против» сделал Д. С. Лихачев [см.: 29, т. II, 262—263].

Эта дата подтверждается свидетельствами мусульманских авторов [см.: 2, с. 431].

Они названы «аджам», т. е. немусульмане [см.: 26, с. 199].

П. К. Коковцов считает этот текст сочинением «византийского еврея XI или XIII в.» и отказывает ему в достоверности [25, с. XXXII – XXXV]. Того же мнения держатся Грегуар и С. Б. Шишман [37, pp. 477—485; 42, pp. 198—199], а также Минорский [26, с. 151]. Однако, соглашаясь с тем, что автор документа не был современником царя Иосифа, приходится признать, что многие детали его письма подтвердились [см.: 2, с. 374].

К близким выводам пришел Н. Я. Половой в статье «К вопросу о первом походе Игоря против Византии» [30, с. 96—99].

Неаутентичность источника не свидетельствует о ложности его содержания. Наоборот, чаще лгут очевидцы; у них для этого бывает больше поводов. См. мою книгу «Поиски вымышленного царства».

Неоднократно делались попытки сопоставить россомонов с исторически засвидетельствованными роксаланами. Е. Ч. Скржинская [21, с. 279—280] считает, что для этого оснований нет. Присоединяясь к ее мнению, хочу отметить, что: 1) латинская передача *gaw?* – блеск, а не *росс* (жена Александра Македонского Роксана именовалась у себя в Бактрии – Раушанак); 2) послы «кагана Рус».

Ингельгейме были опознаны как шведы, что указывает на их этническую близость к скандинавам, а не иранцам. Гипотеза, что каган Руси использовал бродячих викингов как дипломатов, беспочвенна. Надо думать, что элементы этнического сходства скандинавов и русов Поднепровья в IX веке еще не стерлись, и это дало повод франкским баронам причислить русов к известным им скандинавам (о релятивности этнической диагностики см.: 16, с. 4).

В Никоновской летописи указаны столкновения: с болгарями в 864 году, с полочанами в 865 году, с печенегами в 867 году; у Татищева отмечен поход на кривичей в 869 году. При столь активной внешней политике столкновений с хазарами нет.

Эта трактовка событий отвечает на гиперкритику П. К. Коковцова: почему царь Иосиф не упомянул о своей победе над Хельгу, а ограничился замечанием, что он ведет с русами войну [там же, с. XXXV]? Около 960 года на Руси были уже другие порядки и другие вожди, а результаты побед Песаха отошли в забываемое прошлое, оказавшись эфемерными.

Тогда у русских появились сабли [см.: 24, с. 62 и 65], заимствованные от степных союзников.

М. И. Артамонов ошибочно полагал, что так стал называться Итиль, восстановленный после 965 года [см.: 2, с. 445; ср. 8, с. 56—58].

Д. С. Лихачев [29, т. II, с. 110] пишет, что сведение о покорении полян хазарами заимствовано Нестором у предшественников. Значит, в нем есть элементы истины, но переосмысление налицо.

Литература и искусство в системе культуры. М., Наука, 1988, с. 116—122.

Наиболее полную сводку сведений по затронутой проблеме сделал М. И. Артамонов [\[1\]](#), но за истекшие треть века появилось много исследований, филологических, археологических, географических, что заставляет вернуться к хазарской теме. Отметим особо исследования А. П. Новосельцева [\[16\]](#); И. Я. Фроянова [\[22\]](#); А. Н. Сахарова [\[20\]](#).

О постепенном слиянии русов (ругов) и славян (полян) см.: 16, с. 355—419.

Славянское имя ее неизвестно. Ольга – скандинавский титул Х-л-гу; славянское произношение, как в мужском роде, – Олег. Немецкие хронисты называют ее крещеным именем «Елена, царица рогов» [18, с. 12—15].

Локализация топонима «Андалус» некоторое время вызывала сомнения, но историю вопроса здесь можно опустить [см.: 17, с. 95 и 140].